

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ЛАНГОЛЬЕРЫ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

ЛАНГОЛЬЕРЫ

Жуковский
КЭДМЭН
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 6

Художник В.А.Кормин

Лангольеры: повести.

ISBN 5-85743-006-2

© Издательство АОЗТ «Кэдмэн». 1993, составление,
оформление, перевод

ЛАНГОЛЬЕРЫ

ГЛАВА 1

Плохие новости для командира Энгла. — Слепая девочка. — Дамские духи. — Банда Дальтона прибывает в Томбстон. — Странная ситуация с рейсом №29

1

Брайан Энгл подрулил лайнер ведущей авиакомпании «Гордость Америки» к остановке у ворот №22 и выключил сигнал ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ точно в 22.14. С облегчением выдохнул и освободился от ремней.

Он не помнил, когда прежде испытывал такое облегчение и жуткую усталость по окончании полета. Адски болела голова. Решено, на вечер никаких выпивок в пилотском баре, ужина и даже ванны, когда доберется, наконец, до Вествуда. Брайан мечтал упасть на кровать и проспать четырнадцать часов подряд.

Рейс №7 «Гордость Америки», обслуживающий маршрут Токио — Лос-Анджелес, сначала задержал сильный встречный ветер, а потом обычная пробка в ЛАКСе, который, по мнению Энгла, был, пожалуй, худшим аэропортом Америки, если не считать Логан и Бостон. Не везло и дальше — к концу перелета возникла проблема с давлением. Сначала вроде бы пустяк, а потом пошло хуже, пока проблема не стала просто угрожающей. Дошло до того, что могло в любой момент прорвать, а дальше — мгновенная декомпрессия, но, к счастью, на том и остановилось. Иногда подобные ситуации таинственным образом сами собой устранялись. Так получилось и на сей раз. Пассажиры, благополучно покидавшие теперь самолет, даже не подозревали, насколько они были близки к превращению в громадный человеческий паштет.

Но Брайан знал... От этого дико трещала башка.

— Эту суку прямо отсюда немедленно на техосмотр, — сказал он своему помощнику. — Они-то знают, что может произойти, и в курсе проблемы. Ты как считаешь?

Помощник кивнул:

— Ясно, им не нравится тут копаться, но они знают, как пить дать.

— А мне плевать, что им там нравится или не нравится, Дэнни. Нынче мы все были на волосок...

Дэнни Кин согласно кивнул. Он понимал это тоже.

Брайан вздохнул и принялся растирать затылок. Голова разламывалась.

— Может, стар я становлюсь для такой работы, а?

То же самое говорил время от времени каждый из них, особенно после неудачной смены, и Брайан понимал, что он вовсе не стар для подобной работы в свои сорок три. В этом возрасте как раз и начиналась самая классная работа опытного пилота. Однако, события сегодняшнего рейса чуть не заставили его поверить, что пора отчаливать. Господи, как он устал!..

В кабину постучали. Штурман Стив Сирлс развернулся в своем кресле и, не вставая, открыл дверь. На пороге стоял мужчина в фирменном зеленом блейзере «Гордости Америки». Это был помощник главного диспетчера «Гордости Америки» в ЛАКСе — Джон (или Джеймс) Диган.

— Капитан Энгл?

— Да? — Внутренняя защита рухнула, головная боль усилилась. Первая мысль — попытаются пришить ему дело за утечку давления в самолете.

— Прошу прощения, но, боюсь, у меня для вас неприятная новость, капитан.

— Насчет утечки, что ли? — голос Брайана прозвучал излишне резко, и несколько выходявших пассажиров обернулись в его сторону. Но паниковать им было слишком поздно.

Диган покачал головой.

— Ваша супруга, капитан Энгл.

Какое-то время Брайан не соображал, о ком говорит этот человек. Он поднялся и глядел на него с глупейшим видом. Потом сработало. Конечно же, Анна.

— Да. Бывшая жена. Восемнадцать месяцев, как развелись. А что там с ней?

— Несчастный случай, — ответил Диган. — Вам бы лучше пройти в контору.

Брайан смотрел на него с недоумением. После прошедших трех напряженных часов все это казалось до странности нереальным. Подавил в себе желание послать Дигана в задницу, если имел место очередной трюк телепередачи «Честная камера». Конечно же, киносъемки были тут ни при чем. Авиалиния в подобные игры не играла, тем более с пилотами, которые только что выкарабкались из состояния, близкого к гибели.

— Что с Анной? — Брайан услышал свой собственный голос. Заметил, что помощник глядит на него с умеренным сочувствием. — С ней все в порядке?

Диган принялся рассматривать свои начищенные до блеска туфли, и Брайан понял, что новости были в самом деле дрянь, и с Анной очень даже не все в порядке. Знал, но не мог в это поверить. Ей было всего тридцать четыре. Здоровая и рассудительная. Он не раз называл ее про себя самым разумным водителем в городе Бостоне, если не во всем штате Массачусетс.

Брайан снова услышал свой голос, задающий вопрос, и, право же, словно кто-то чужой говорил за него.

— Она... умерла?

Джон (или Джеймс) Диган оглянулся по сторонам, как бы ища помощи. Увидел только служащего возле выхода, желавшего всем пассажирам приятно провести вечер в Лос-Анджелесе. Время от времени тот бросал тревожные взгляды в сторону кабины, видимо обеспокоенный, как и Брайан, тем, что экипаж может быть в какой-то степени виновным за медленную утечку давления, превратившую последние часы полета в сущий кошмар. Диган посмотрел на Брайана еще раз и кивнул.

— Да. Боюсь, что умерла. Может, пройдем со мной, капитан Энгл?

В 0.15 Брайан Энгл уже усаживался в кресло «Гордости Америки» рейса №29. Предстоял перелет из Лос-Анджелеса в Бостон. Примерно минут через пятнадцать этот прославленный на трансконтинентальных перелетах лайнер взлетит. Он вдруг вспомнил свои недавние мысли: если ЛАКС был не самым опасным торговым аэропортом Америки, то уж Логан был именно таким. Пренеприятнейшее совпадение — побывать в обоих местах в пределах восьми часов. А голова опять разболелась не на шутку — куда хуже, чем при приземлении рейса №7.

Прямо горит, — подумал он. — Адский пламень. Почему не срабатывают детекторы дыма?

Он вдруг вспомнил, что совсем не думал об Анне в последние четыре или пять месяцев. Первые месяцы после развода она занимала все его мысли: что она делает в данный момент? Как одета? И, конечно же, с кем встречается? Исцеление произошло очень быстро. Будто ему впрыснули некий оживляющий душу эликсир. Брайан достаточно много читал беллетристики о разводах, чтобы не знать в чем суть этого исцеления: помогает не эликсир, а просто другая женщина.

Но другой женщины у Брайана не было. Пока. Пара свиданий, одно сексуальное сближение (он верил в то, что любые интимные сближения в эпоху СПИДа очень опасны), но не более. Просто он... вылечился.

Брайан наблюдал, как входят и рассаживаются пассажиры. Вот блондинка идет по проходу с девочкой в темных очках. Девочка цепляется за ее локоть. Женщина что-то сказала ей, и девочка немедленно обернулась на звук ее голоса. Брайан понял, что она слепа — что-то в движении ее головы говорило об этом. Мысленно подивился: как много могут раскрыть едва заметные жесты.

Анна, — подумал он. — Не об Анне ли тебе следует думать?

Усталый разум, однако, пытался уйти подальше от темы Анны. Анны — единственной женщины, которую он в гневе ударил, и которая сейчас была мертва.

Брайан неожиданно представил себе, что мог бы ездить по стране с лекциями, рассуждая о проблемах разведенных мужчин. Да и о проблемах разведенных женщин — почему бы нет? Тогда он скорее всего избрал бы себе тему: развод и искусство забвения.

Четвертая годовщина — самое оптимальное время для развода, — скажет он им. — Возьмем, к примеру, мой случай. Я провел целый год в чистилище, раздумывая, насколько был виноват сам и насколько она. Правильно ли было вечно заводить ее на тему детишек. Это, пожалуй, было главным разногласием между нами — не какие-то там наркотики или семейные измены. Только дети. И вот словно лифт рухнул. Либо карьера, либо дети. Ну и помчались вниз вместе с ней.

Да. Все ринулось вниз... И в последние несколько месяцев он по-настоящему совсем не думал об Анне, даже когда выписывал ей очередной чек на алименты. Чек был неплохой, вполне цивилизованный с точки зрения суммы. Да и сама Анна зарабатывала восемьдесят тысяч в год, правда, без учета налогов, возмещение которых через своего юриста он взял на себя. Это тоже была финансовая бумажка, ежемесячно приходявшая к нему в конверте вместе со счетами за электричество и за заклад дома.

Брайан посмотрел на лихого парнишку в ермолке, пробиравшегося вдоль прохода со скрипичным чехлом под мышкой. Выглядел он несколько нервным и возбужденным, в глазах читались мысли о захватывающем будущем. Брайан позавидовал ему.

Сколько было горечи и ссор в отношениях между ними в последний год супружеской жизни. И вот примерно за четыре месяца до конца это произошло: его рука сработала прежде, чем разум сказал «нет». Неприятное воспоминание. На вечеринке Анна крепко перебрала. Когда вернулись домой, она буквально набросилась на него:

— Ты мне все мозги проел с этим, Брайан. Оставь меня в покое с вопросом о детях. Хочешь проверить сперму, иди к доктору. Я работаю в рекламном бизнесе, а не роженицей. Надоели твои разговоры, супермен говенный...

В этот момент он и дал ей пощечину. Ударил сильно, попал по губам, грубо оборвав ее слова. Они стояли лицом к лицу в комнате, где ей суждено было умереть позже. Оба были шокированы и испуганы случившимся гораздо больше, чем сами готовы были это признать (разве что теперь, в кресле 5А рейса №29, наблюдая за пассажирами, он наконец себе в этом признался). Она потрогала рот, на котором появилась кровь и протянула к нему запачканные пальцы.

— Ты ударил меня.

В голосе не гнев, а удивление. Подумалось, что, возможно, впервые кто-то в порыве гнева поднял руку на Анну, ударил Анну Куинлэн.

— Да, — произнес он. — Точно. И снова так сделаю, если не заткнешься. Больше, голубушка, ты меня своим языком хлестать не будешь. Лучше навесь на него замок. Для твоей же пользы говорю. Все, кончились твои деньки. А если хочешь кого-то пинать, купи себе собаку.

Их супружество, кое-как волочившееся последние несколько месяцев, по-настоящему кончилось именно в тот момент. Но его спровоцировали — видит Бог — спровоцировали.

Когда уже последние пассажиры занимали места, он обнаружил, что самым сосредоточенным образом думает о духах Анны. Он вспомнил их аромат, а вот название забыл. Как же они назывались? «Лиссом»? «Литсом»? «Литиум»? О Господи! Прямо вертится в голове. Потрясающий запах.

Мне ее не хватает, — тупо признал он. — Вот теперь, когда она ушла навсегда, я по ней соскучился. Не удивительно ли?

«Лаунбой»? Косильщик газонов? Что-то глупое вроде этого?

Хватит, — подсказал ему уставший разум. — Оставь эти мысли.

О'кей, — согласился разум. — Не проблема. Могу заткнуться, когда пожелаю. Может, «Лайфбой», что-то вроде спасательного круга? Нет, это мыло. Извиняюсь. «Лавбайт». Укус любви? «Лавлорн»? Неразделенная любовь?

Брайан застегнул ремень безопасности, откинулся в кресле, закрыл глаза и ощутил аромат духов, название которых забыл.

В этот момент стюардесса обратилась к нему. У Брайана Энгла была теория, что их обучали на каких-то специальных секретных курсах (возможно, под кодовым названием «Как дразнить гусей») поджидать, когда пассажир закроет глаза, чтобы предложить что-нибудь пустяковое. И разумеется, уметь подождать, когда пассажир как следует уснет, чтобы разбудить его и спросить — не нужны ли ему одеяло или подушка.

— Прошу прощения, — начала она и запнулась. Брайан проследил за ее взглядом от его погон на плечах к фирменной шляпе. Подумала и начала снова: — Прошу прощения, капитан, не желаете ли кофе или апельсинового сока? — Брайан с некоторым удивлением заметил, что смутил ее. Она сделала жест в сторону столика, стоявшего под киноэкраном. На нем стояли два ведерка для льда, из которых торчали зеленые горлышки бутылок. — Конечно, и шампанское есть.

Энгл подумал: *«Лайф бой» — похоже, во всяком случае, это не название сигар.*

— Ничего не надо, спасибо, — ответил он. — И никакого сервиса во время полета, пожалуйста. Я, пожалуй, буду спать весь путь до Бостона. Как дела с погодой?

— Облака на высоте 20 000 футов от Великих Равнин до самого Бостона. Но никаких проблем. Будем там в шесть тридцать. О! Нам еще сообщили, что над пустыней Моджейв — северное сияние. Может быть, пожелаете бодрствовать, чтобы увидеть такое зрелище?

Брайан поднял брови.

— Вы шутите. «Аврора бореалис» над Калифорнией? Да еще в это время года?

— Так нам сообщили.

— Видно, кто-то крепко набрался, — заметил Брайан, и она рассмеялась. — Спасибо. Я все же посплю.

— Очень хорошо, капитан. — Она немного поколебалась. — Извините, вы тот самый капитан, у которого скончалась супруга?

Головная боль снова запульсировала, но он заставил себя улыбнуться. Эта женщина — скорее девочка — ничего дурного не имела в виду.

— Моя бывшая жена. Да, умерла. Я — тот самый капитан.

— Приношу вам свои соболезнования.

— Благодарю вас.

— А мне с вами не доводилось летать?

Он снова мимолетно улыбнулся.

— Не думаю. Последние года четыре в основном летал за границу. — И потому, что теперь это показалось необходимым, он протянул ей руку. — Брайан Энгл.

Она пожала его руку.

— Мелани Тревор.

Энгл еще раз улыбнулся ей, затем вновь откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Позволил себе уплыть в сумеречное состояние, не в сон. Объявления перед полетом, за которыми должны следовать звуки взлета, могли бы его пробудить. Времени в полете было достаточно, чтобы отоспаться.

Рейс №29, как и все «красноглазые» рейсы, отбыл минута в минуту. Брайан отметил про себя, что в этом и состоял скудный список их преимуществ. Самолет был заполнен чуть больше, чем наполовину. Никто из пассажиров не выглядел в дрезину пьяным или скандалистом. Хорошо. Может быть, и в самом деле удастся поспать весь перелет в Бостон.

Сквозь прищуренные веки понаблюдав, как Мелани Тревор демонстрирует обращение с аварийным выходом и как использовать золотую чашечку в случае падения давления (процедура, которую Брайан реально пережил совсем недавно), как надуть воздухом спасательный жилет под сиденьем. Когда аэроплан поднялся, она подошла к нему и снова спросила, не желает ли он чего-нибудь попить. Брайан покачал головой и поблагодарил ее. Потом нажал на кнопку, которая откинула спинку кресла. Закрыл глаза и уснул.

Больше Мелани Тревор он никогда не видел.

Спустя примерно три часа после взлета рейса №29 девочка по имени Дайна Беллман проснулась и спросила свою тетюшку Викки, нельзя ли ей попить.

Тетюшка Викки ничего не ответила, и Дайна повторила свой вопрос. Поскольку ответа опять не последовало, она протянула руку, чтобы коснуться тетюшкиного плеча. Но почему-то уже была уверена, что рука ее обнаружит пустоту, разве что — спинку кресла. Так оно и получилось. Доктор Фелдман говорил ей, что дети, слепые от рождения, часто развивают в себе высокую чувствительность, словно радар, к присутствию или отсутствию людей вблизи них. Но Дайне не нужна была подобная информация. Она знала, что так и обстоит дело. Правда, не всегда у нее получалось, но обычно получалось... особенно если ее партнер был зрячим человеком.

Ну и ладно. В туалет пошла. Скоро вернется, — подумала Дайна. Однако ее не покинуло странное чувство беспокойства, тревоги. Проснулась не сразу — это был медленный процесс, словно у ныряльщика, который толчками ног стремится к поверхности. Если бы тетя Викки, сидевшая возле самого иллюминатора, прошла бы мимо нее и задела хотя бы своей юбкой, она бы это почувствовала.

Значит, она раньше вышла, — сказала себе Дайна. — *Может быть, пошла в дальний туалет? Или остановилась с кем-нибудь поболтать на обратном пути.*

Дайна не слышала нигде никакой болтовни. Только ровный гул реактивных двигателей. Ее беспокойство возросло.

Голос мисс Ли, ее врача (о которой Дайна думала, как о слепой тоже), появился в ее голове: *Не надо бояться испугаться, Дайна. Все дети время от времени пугаются, особенно новых ситуаций. Это вдвойне верно для слепых детей. Уж я-то знаю.* И Дайна очень поверила ей, потому что, как и она сама, мисс Ли была слепой от рождения. *Не пугайся, не поддавайся страхам. Сиди спокойно и обдумай все спокойно. Пусть эти страхи*

существуют — только не поддавайся им. Сама удивишься, как здорово это обычно срабатывает. Особенно в совершенно новых ситуациях.

Точно подходит. Впервые Дайна летела по воздуху, не говоря уж о такой существенной детали, как гигантский трансконтинентальный авиалайнер.

Попытайся все спокойно обдумать.

Ну что ж, проснулась в странном месте и обнаружила, что ее зрячая тетя ушла. Страшновато, конечно. Даже когда понимаешь, что тебя покинули лишь на время. В конце концов зрячая тетя не могла заскочить на минутку в придорожную лавку Тако Белл за конфетками, когда летела на высоте 37 000 футов. Что касается странной тишины в салоне... ну, видимо, на то и первоклассный «красный глаз» — «Гордость Америки». Другие пассажиры наверняка просто-напросто спали.

Все спали? — спрашивала ее встревоженная часть сознания с большим сомнением. — *ВСЕ до единого спят? Возможно ли такое?*

Тут же ответ: кино смотрят. Те, кто не спал, смотрели фильм на видеоустановке для пассажиров. Ну конечно же.

Приятное чувство облегчения. Тетя Викки как раз сказала ей, что в программе фильм с Билли Кристал и Мег Риан — «Когда Хэрри встретил Сэлли». Сказала, что сама хотела бы его посмотреть, если не заснет...

Дайна пробежала пальцами по сиденью своей тетушки в поисках ее наушников и не нашла. Коснулась вместо них бумажной обложки карманного издания романа из тех, что нравились тете Викки. Наверняка из тех времен, когда мужчины были мужчинами, а женщины женщинами — так она называла подобные романы.

Пальцы Дайны проследовали дальше и наткнулись на что-то еще. Гладкое, кожаное. Вот и молния, а вот и ремешок.

Сумочка тети Викки.

Тревожное чувство вернулось. Наушников не было на сиденье, а сумочка была. Там же все чеки на предъявителя, за исключением двадцати, находящихся на самом дне сумочки Дайны. Она знала об этом, потому что краем уха

слышала разговор между мамой и тетей перед их выездом из Пасадены.

Так. Может ли тетя Викки пойти в туалет, оставив свою сумочку на кресле? Сделает ли она это, когда ее спутница не просто десятилетняя девочка, не только спит, но еще и слепая?

Дайна подумала, что вряд ли.

Не поддавайся страху... Но и не отбрасывай страх прочь. Сиди спокойно и пытайся найти всему разумное объяснение.

Но пустое кресло ей очень не понравилось. Не нравилась ей и тишина в салоне. Наиболее логичным объяснением было, что большинство пассажиров спали, а те, что бодрствовали, вежливо помалкивали. Все равно не нравилось ей это. В голове пробудилось дикое животное с острыми зубами и когтями. Зарычало, оскалилось. Она знала, как называется этот зверь, — Паника. Если немедленно не взять его под свой контроль, можно сотворить нечто такое, за что будет очень стыдно перед собой и тетей Викки.

О! Когда я смогу видеть, когда доктор в Бостоне наладит мне зрение, никогда больше в жизни не пройду через такие глупости.

Внезапно Дайна вспомнила, что после того, как они заняли свои места, тетя Викки взяла в руку все ее пальцы, подвела их к кнопкам сиденья. Пояснила, и все оказалось очень просто. Два маленьких колесика — для наушников: один для выбора каналов музыки, другой регулирует громкость. Только и всего. Еще квадратная кнопка для пользования освещением над сиденьем.

Это тебе не понадобится, — сказала тетя Викки с очевидной улыбкой в голосе. — *Пока что,* — добавила она.

И еще одна квадратная кнопка. Если нажать ее, придет стюардесса.

Теперь Дайна нажала именно эту, последнюю кнопку.

А может, зря? — спросила она себя. Ответ пришел немедленно: *Не зря.*

Услышала тихий мелодичный перезвон. Подождала.

Никто не появился.

Шепот реактивных двигателей казался извечным звуком. Никто не разговаривал. Никто не смеялся. (Наверное, фильм вовсе не такой смешной, как надеялась тетя Викки, — подумала Дайна). Никто ни разу не кашлянул. Кресло тетушки рядом с ней по-прежнему пустовало. Не подходила больше стюардесса, которая в начале полета склонилась над ней, обдав ароматом духов и дорогого шампуня, чтобы спросить, не нужно ли ей чего-нибудь.

Все тот же ровный звук реактивных двигателей.

Зверь паники пробудился и с новой силой заявил о себе. Чтобы одолеть его, Дайна сконцентрировалась на своем странном внутреннем радаре, превратила его в невидимый посох, на который могла опереться в самой середине главного салона самолета. Это она умела. Иногда удавалось так здорово сосредоточиться, что могла вроде бы видеть все чужими глазами. Но это — когда очень-очень хочется. Как-то рассказала о своей необычной способности мисс Ли. Ее реакция почему-то была слишком резкой.

Среди слепых эта фантазия по поводу возможности видеть что-то глазами других — вещь довольно распространенная, — сказала она. — Особенно, у слепых детей. Никогда, Дайна, не вздумай полагаться на подобные вещи, иначе однажды можешь кувырком полететь с лестницы или попасть под машину.

Пришлось отказаться от попыток «разделить зрение» с кем-нибудь, как мисс Ли называла это. Но время от времени ощущение приходило: она видела окружающий мир — водянистый, расплывчатый, смутный. Видела его через глаза мамы или тети Викки. Старалась отбросить видение прочь, как человек, опасющийся, что сходит с ума, пытается отключить слуховые галлюцинации. Но теперь она была напугана и старалась отыскать людей, почувствовать их, а найти не могла.

Страх перешел в ужас, зверь паники уже громко рычал в сознании, в горле рождался вопль, но Дайна крепко стиснула зубы. Потому что не крик это будет, а страшный, душераздирающий, безумный вопль!

Не заору, не заору, — яростно повторяла себе. — Ни за что не сделаю плохо тете Викки. Никого не разбужу, не перепугаю тех, кто не спит. Все сбегутся, начнут говорить: посмотрите на эту перепуганную девочку! Посмотрите на эту слепую девочку!

Удивительный радар внутри нее, который оценивал все туманные входные данные и как будто бы даже помогал ей видеть что-то чужими глазами (Бог с ним, что там говорила мисс Ли), теперь накачивал страх.

Потому что чувства подсказывали: никого вокруг нее не было.

Абсолютно никого.

4

Брайану Энглу снился кошмарный сон. Он снова пилотировал воздушный корабль из Токио в Лос-Анджелес, рейс №7. Только утечка в системе давления была куда хуже. Угнетало чувство обреченности. Стив Сирлс плакал, жуя рядом датское печенье.

— Если тебе так худо, как ты можешь что-то жевать? — спросил Брайан. Кабину заполнил пронзительный свист, похожий на свист кипящего чайника. Звук утечки давления, предположил он. Глупо, разумеется, поскольку утечка всегда была бесшумной, но во сне ведь все возможно, подумал он.

Потому что я обожаю эти штуки, и мне больше никогда не съесть ни одной, — ответил Стив, разрыдавшись

Внезапно пронзительный свист умолк. Появилась улыбающаяся стюардесса Мелани Тревор. Она сообщила, что разрыв нашли и закрыли. Брайан поднялся и проследовал за ней через весь салон туда, где его бывшая супруга Анна Куинлэн Энгл стояла в небольшой нише, из которой кресла были убраны. Рядом с ней над иллюминатором была надпись, показавшаяся ужасной: ТОЛЬКО ДЛЯ МЕТЕОРОВ. Написано зловещим красным цветом.

На Анне было темно-зеленое платье — униформа стюардессы компании «Гордость Америки». Это было весьма

странно, поскольку на самом деле Анна занимала важный пост в рекламной отделе одной бостонской компании, а на стюардесс, с которыми летал супруг, смотрела очень даже свысока. Стоя в нише, она зажимала ладонью трещину в корпусе самолета. *Ну что, дорогой, видишь?* — с гордостью произнесла она. — *Я обо всем позаботилась. Даже не имеет значения то, что ты меня ударил. Я тебя простила.*

— Анна! Не делай этого! — закричал он, но слишком поздно. На ее руке появилась трещина, скопировавшая трещину в фюзеляже. Только она росла, углублялась. Пустота снаружи сосала ее руку, разрывала трещину, вытягивала руку наружу. Ее безымянный палец попал первым, потом средний, указательный, мизинец. Послышался хлопок, как будто откупорили шампанское, и вся ее рука целиком ушла в трещину.

Анна по-прежнему улыбалась.

Это «Лянвуа», мои любимые духи, дорогой мой, — сказала она. А рука ее исчезала. Исчезала! Волосы Анны освободились от заколок и окутали лицо туманным облаком. — Я же всегда ими пользовалась, ты разве не помнишь?

Вспомнил! Вспомнил! Но теперь это не имело никакого значения.

— Анна! Вернись! — закричал он.

А она с улыбкой уходила от него: сначала рука...

Это совсем не больно, Брайан, поверь...

Рукав униформы «Гордости Америки» трепетал. Брайан видел, как ее плоть белыми струями вылетала прочь и словно огонек святого Эльма светилась в ночи снаружи.

Запомнил? «Лянвуа», — сказала Анна, втягиваясь в брешь. Брайан вдруг услышал снова звуки, которые поэт Джеймс Дикки назвал «свистом космической зверюги». Свист усиливался. Сон темнел, но, как ни странно, расширялся. Чтобы стать не свистом, а человеческим визгом.

Глаза Брайана раскрылись. Мгновение он не смог сориентироваться — где сон, где явь. Но только мгновение: он был профессионалом высокого уровня, готовым к рискованным ситуациям. Основным показателем его про-

фессионализма была быстрая реакция — иначе в его работе не выживешь. Рейс №29! Не из Токио в Лос-Анджелес, а из Лос-Анджелеса в Бостон! Анна умерла там не от утечки давления, а от пожара в квартале Атлантик-авеню возле набережной. Но звук оставался.

Это был визг девочки.

5

— Ну, пожалуйста, кто-нибудь, поговорите со мной, — тихо сказала Дайна Беллман, однако весьма отчетливо. — Извините, моя тетя ушла, а я слепая.

Ответа не последовало. Впереди, в сорока рядах от нее капитан Брайан Энгл видел во сне, как его штурман рыдал и ел датское печенье.

По-прежнему ровно гудели реактивные двигатели.

Паника новой волной захлестнула сознание. Для Дайны ничего другого не оставалось, как избавляться от нее любым путем. Поэтому она отстегнула пояс безопасности и вышла в проход.

— Эй! Кто-нибудь! — сказала она погромче. — Кто-нибудь!

И вновь никакого ответа. Дайна начала плакать, но старалась держать себя в руках, не рыдать громко. Затем вышла в проход и медленно пошла, держась правой стороны.

Считай, — лихорадочно подсказывал разум. — Считай, сколько кресел миновала, а то потеряешься и никогда не найдешь своего места.

Она остановилась возле следующего кресла, протянула вперед руки, растопырив пальцы. Она знала, что там сидит мужчина, потому что тетя Викки разговаривала с ним примерно за минуту до взлета. Когда он отвечал ей, его голос доносился прямо из кресла впереди Дайны. Это она знала точно, поскольку определять местонахождение по звукам было частью ее жизни, столь же естественной, как дыхание. Спящий мужчина может вздрогнуть, если ее пальцы заденут его, но Дайне это было уже безразлично.

Кресло было пустым.

Совершенно пустым.

Дайна выпрямилась, по щекам ее текли слезы, в голове стучало от страха.

Не могут же они вдвоем находиться в туалете? Конечно, нет. Или там два туалета?

Да, в таком большом самолете могло быть два туалета. За исключением того, что и это не имело уже значения.

Тетя Викки ни за что не оставила бы сумочку. В этом Дайна была уверена.

Она медленно продолжала идти по проходу, останавливаясь возле каждого ряда, ощупывая крайние кресла сначала справа, потом слева.

Нашупала на одном сиденье еще одну сумочку, на другом оказалось что-то вроде чемоданчика, на третьем — ручка и блокнот. Еще на двух сиденьях нашупала наушники. Один наушник был в чем-то липком. Потерла пальцы, сделала гримасу и вытерла их об спинку кресла. Ушная сера. Она ее узнала.

Дайна Беллман продолжала свое медленное продвижение вдоль прохода, более не церемонясь в своих исследованиях. Это уже не имело значения. Пальцем никому в глаз не попала, в щеку не ткнулась, за волосы никого не задела.

Все сиденья, которые она обследовала, оказались пустыми.

Не может быть такого, — лихорадочно думала она. — Невозможно! Они же все были здесь, когда мы пришли! Я их слышала! Чувствовала их! Запах ощущала! Куда они все исчезли?

Этого она не знала. Главное, все ушли — в этом она становилась все более уверенной.

В какой-то момент, пока она спала, ее тетушка и все остальные пассажиры рейса №29 исчезли.

Нет! — протестовала рациональная часть ее сознания голосом мисс Ли. — Нет, такое невозможно, Дайна! Если все ушли, то кто же ведет самолет?

Теперь она пошла немного быстрее, хватаясь за края кресел, слепые глаза были широко раскрыты за темными очками, подол розового платья развевался на ходу. Она

потеряла счет, но в страхе перед полной тишиной в салоне это уже не имело значения.

Снова остановилась и протянула руки к сиденью справа. Пальцы на сей раз коснулись волос... но волосы находились совсем не там. Они лежали на сиденье. Боже, что это могло быть?

Пальцы сомкнулись на них, приподняли. Осознание чего-то ужасного пришло в то же мгновение.

Это волосы, но человек, которому они принадлежали, исчез. Это скальп. Я держу скальп мертвого человека.

Именно тогда Дайна и начала визжать, пробудив тем самым Брайана Энгла от кошмарного сновидения.

6

Альберт Косснер, навалившись животом на стойку бара, потягивал «Железное виски» Брэндинга. Братья Ирп — Вьятт и Вирджил находились справа от него, Док Холлидей — слева. Он поднял бокал, чтобы сказать тост, когда в салон Серджо Леоне припрыгивая, вошел человек на деревянной ноге.

— Банда Дальтона! — заорал он. — Банда Дальтона только что ворвалась в Додж!

Вьятт обернулся и спокойно посмотрел на него. Лицо его было худощавым, загорелым и красивым. Он очень напоминал Хью О'Брайена.

— Здесь Томбстон, Маффин, — сказал он. — Давай, вали отсюда, старая срань.

— Не важно, что здесь! Они ворвались на конях! — крикнул Маффин. — И, судя по их ромам, они озверели! Они сумасшедшие, Вьятт! Сумасшедшие!!!

Словно в подтверждение его слов с улицы донеслись выстрелы. Тяжело бухал армейский 44-й (видно, украденный), резко трещали винтовки.

— Ты только в портки не наваляй, Маффин, -- сказал Док Холлидей, слегка сдвинув шляпу к затылку.

Альберта не очень удивило то, что Док сильно смахивает на Роберта де Ниро. Он всегда считал, что если кому-то и играть роль дантиста, то только де Ниро.

— Что скажете, братва? — спросил Вирджил Ирп, оглядевшись по сторонам. Вирджил ни на кого похож не был.

— Пошли, — сказал Вьятт. — Я уже сыт по горло этими Клантонами.

— Дальтонами, Вьятт, — тихо поправил его Альберт.

— Какая разница? Пусть будут хоть Джоном Диллингером или Красавчиком Бой Флордом! — воскликнул Вьятт. — Ты с нами, Туз?

— Я с вами, — ответил Альберт тихим зловещим голосом прирожденного убийцы. Он положил ладонь на рукоять своего длинноствольного «банлина специального». Другой рукой проверил, на месте ли его ермолка. Прочно на месте.

— О'кей, братва, — сказал Док. — Пошли, укоротим малость придурков Дальтона.

Они вышли одновременно через дверцы салуна, все четверо, когда куранты баптистской церкви Томбстона начали отбивать полдень.

По главной улице галопом приближались Дальтоны, проделывая на ходу дырки в витринах и окнах, превратив водяную цистерну возле мастерской по ремонту оружия Дюка в многоструйный фонтан.

Айк Дальтон первым увидел четырех мужчин, стоявших на пыльной дороге; пальто их были нараспашку, чтобы быстро извлечь револьверы. Айк осадил коня, тот поднялся на дыбы, с ржанием разбрызгивая пену изо рта. Айк Дальтон весьма напоминал по внешности Ратджера Хауэра.

— Поглядите-ка, кто у нас тут! — прорычал он. — Вьятт Ирп и его обабившийся братик Вирджил!

Эмметт Дальтон, напоминавший Дональда Сазерленда после месяца бурных ночей, подтянулся к Айку.

— И с ними их вшивый дантист, — добавил он. — Ну, кому еще врезать? — Его взгляд упал на Альберта, и тот заметно побледнел. Кривая усмешка исчезла с лица.

Пау Дальтон подтянулся к двум своим сыновьям. Он очень смахивал на Слива Пиккенса.

— Господи Иисусе, — прошептал Пау. — Это же Туз Косснер!

В ряд с ними остановился и Фрэнк Джеймс. Лицо его напоминало грязный пергамент.

— Какого черта, братцы! — воскликнул Фрэнк. — Я не прочь обнести городок-другой от скуки, но мне никто не сказал, что Еврей Аризоны окажется здесь!

Альберт Косснер — Туз, известный от Седалии до Стимбот-Спрингс как Еврей Аризоны, шагнул им навстречу. Его ладонь поглаживала рукоятку своего «банлина». Он выплюнул табачную жвачку в сторону, не сводя серых ледяных глаз с конных бандитов, стоявших в двадцати футах от него.

— Валяйте, ребята, начинайте, — сказал Еврей Аризоны. — Ад еще и наполовину не заполнен.

Банда Дальтона схватилась за рукоятки револьверов в тот момент, когда часы баптистской церкви Томбстона отбили последний удар. Молниеносным движением Туз взялся за свой револьвер. Посылая смертельный дождь 45-го калибра в банду Дальтона, он услышал визг маленькой девочки, стоявшей возле отеля «Лонгхорн».

Уймите кто-нибудь этого щенка, — подумал Туз. — Что там с ней? Эти у меня попались. Не зря меня называют самым проворным евреем к западу от Миссисипи.

Визг не смолкал, разрывая воздух, делая его темнее, пока все не начало распадаться.

В какой-то момент Альберт оказался потерянным в пустоте и мраке, сквозь которые еще прыгали и завихрялись фрагменты его сна. Постоянным оставался лишь этот ужасающий визг. Звук напоминал свисток перегретого чайника.

Он, наконец, открыл глаза и осмотрелся вокруг. Альберт занимал переднее место в главном отсеке салона рейса №29. Сзади по проходу приближалась девочка лет десяти-двенадцати. На ней было розовое платье и большие черные очки.

Кто это? Кинозвезда или что-то в этом роде? — подумал он. Ему стало очень страшно. Весьма скверное пробуждение от любимого сна.

— Эй! — Негромко окликнул он ее, чтобы не будить остальных пассажиров. — Эй, девочка! Что случилось?

Девочка обратила лицо на звук его голоса. Она неловко повернулась и, ударившись о средние сиденья по четыре в ряд, упала на подлокотник кресла и завалилась, задрав обе ноги.

— Где все?! — закричала она. — Помогите! Помогите мне!

— Стюардесса! — закричал Альберт и отстегнул пояс безопасности. Он вылез в проход и повернулся лицом к девочке. Остановился. Перед ним открывался весь салон авиалайнера, и это зрелище заставило его замереть на месте.

Первая мысль, которая промелькнула в голове: *Можно не беспокоиться разбудить других пассажиров.*

Похоже было, что весь главный салон «Боинга-767» был пустым.

7

Брайан Энгл почти достиг переборки, отделявшей первый класс рейса №29 от делового класса, когда обнаружил, что первый класс был совершенно пуст. Он приостановился на миг, потом двинулся дальше. Возможно, все покинули свои места, чтобы пойти посмотреть, из-за чего там такой визг.

Хотя интуиция говорила ему, что дело обстоит вовсе не так. Брайан достаточно долго летал, чтобы иметь представление о групповой психологии пассажиров. Если бы один из пассажиров и побежал, то остальные с места бы не сдвинулись. Большинство авиапассажиров безропотно принимали выбор индивидуальных действий, когда входили в лайнер, садились и пристегивали ремень. Когда эти элементарные действия были выполнены, любые проблемы переходили под ответственность экипажа. Авиаторы называли их гусями, хотя правильнее было бы назвать овцами. Экипаж самолета такое поведение пассажиров вполне устраивало.

Однако, хотя такие размышления и имели какой-то смысл, он проигнорировал их и просто пошел дальше. Остатки сна, фрагменты еще мелькали в сознании, и часть

его разума продолжала верить, что визжала Анна, и что он найдет ее где-то на середине главного салона с рукой, прижатой к трещине в корпусе самолета. Трещине под объявлением **ТОЛЬКО ДЛЯ МЕТЕОРОВ**.

В деловой части лайнера он увидел всего лишь пожилого мужчину в коричневой тройке. Лысая голова тускло поблескивала под лампочкой для чтения, жилистые руки в венах артрита были аккуратно сложены на ремне безопасности. Он глубоко спал, посапывая во сне и полностью игнорируя странный шум.

Брайан стремительно прошел в следующую секцию и замер, пораженный. Он увидел подростка, стоящего возле маленькой девочки, упавшей в кресло. Однако подросток смотрел не на девочку, а назад, в хвост самолета. Его челюсть отвисла до круглого воротничка рубашки «Хард Рок».

Первая реакция Брайана была такая же, как у Альберта Косснера:

Боже милостивый, да самолет, кажется, пуст!

Потом на правой стороне он увидел женщину. Она вышла в проход посмотреть, что происходит. Вид был заспанный и удивленный, как у человека, которого внезапно разбудили. Чуть подалее, в проходе, стоял молодой мужчина в костюме из джерси. Он равнодушно разглядывал девочку, слегка наклонившись в ее сторону. Еще один мужчина лет шестидесяти поднялся из кресла возле Брайана и замер в нерешительности. На нем была красная фланелевая куртка, волосы всклокочены, выглядел он совершенно растерянным.

— Кто кричал? — спросил он Брайана. — С самолетом что-то случилось, мистер? Вы не думаете, что мы упадем, нет?

Девочка перестала кричать. Она выбралась из кресла и чуть не упала ничком. Мальчик вовремя поймал ее, хотя двигался очень медленно.

Куда они девались? — подумал Брайан. — *Господи, куда они все исчезли?*

Он машинально подошел к подростку и маленькой девочке. Миновал еще одного пассажира — спящую де-

вушку лет семнадцать. Рот ее был приоткрыт, она тяжело дышала.

— Где все? — спросил Альберт Косснер. Одной рукой он обнимал за плечи всхлипывающую девочку, но на нее не смотрел. Глаза его бегали вдоль почти пустого салона. — Может, мы приземлились где-то, пока я спал, и выпустили всех пассажиров?

— Моя тетя пропала, — всхлипнула девочка. — Моя тетя Викки! Я думала, что самолет совсем пустой! Я думала, что осталась одна! Пожалуйста, где моя тетя? Мне нужна тетя Викки!

Брайан присел на корточки возле нее и оказался лицом к лицу с ней. Посмотрел на ее темные очки и вспомнил, что видел ее входящей в самолет под руку с блондинкой.

— Все в порядке, — сказал он. — С тобой все будет в порядке, юная леди. Как тебя зовут?

— Дайна. — Она опять всхлипнула. — Я не могу найти мою тетю. Я слепая и не могу увидеть ее. Проснулась, а сиденье пустое...

— Что вообще происходит? — спросил молодой мужчина в джерси. Он обращался через голову Брайана и Дайны к пареньку в рубашке «Хард Рок» и к пожилому мужчине во фланелевой красной куртке. — Куда все подевались?

— Все у тебя будет в порядке, Дайна, — повторил Брайан. — Здесь есть и другие люди. Ты их слышишь?

— Д-да. Я слышу их. Но где тетя Викки? И кого убили?

— Убили? — резко переспросила женщина, та, что сидела в правом ряду. Брайан мельком взглянул на нее, отметив, что она молода, темноволоса, хороша собой. — Кого-то убили? Самолет захвачен?

— Никого не убили, — ответил Брайан, лишь бы что-то сказать. В голове было смутно и тревожно, как будто попал в лодку, которую унесло в открытое море без руля и без ветрил. — Успокойся, миленькая.

— Я потрогала его волосы! — сказала Дайна. — Кто-то снял с него скальп!

Помимо всего прочего это было уже слишком, и Брайан проигнорировал ее слова. И вдруг прежняя мысль пришла ему в голову:

Кто, черт возьми, ведет самолет?

Он поднялся и обернулся к человеку в красной куртке.

— Мне нужно пойти в носовую часть, — сказал он. — Оставайтесь с девочкой.

— Хорошо, — согласился мужчина. — Но все-таки — что происходит?

К ним присоединился еще один мужчина лет тридцати пяти в отутуженных голубых джинсах и оксфордской рубашке. В отличие от остальных, он выглядел абсолютно спокойным. Он извлек из кармана очки в роговой оправе и надел их.

— Похоже, что у нас некоторых пассажиров не хватает, не так ли? — сказал он. Его английское произношение было безукоризненным. — А что с экипажем? Кто-нибудь знает?

— Я это как раз и хотел выяснить, — ответил Брайан и пошел по проходу. Покидая салон, он оглянулся и бегло пересчитал людей. Еще два пассажира присоединились к группе, стоявшей вокруг девочки в темных очках. Одна — молодая девушка, которая спала, приоткрыв рот. Она еще слегка покачивалась, словно с похмелья или от наркотика. Другим был пожилой джентльмен в спортивном плаще. Всего восемь человек. К ним он добавил себя и мужчину, летевшего в деловом классе, который беспробудно спал.

Десять человек.

Господи, да где же все остальные?

Впрочем, не было времени для бесплодных вопросов — возникли куда более серьезные проблемы. Брайан торопливо пошел дальше, едва взглянув на лысого мужчину, продолжавшего храпеть под лампочкой.

8

Пустой оказалась и служебная часть между киноэкраном и двумя салонами первого класса. Пустым оказался камбуз. Но здесь Брайан увидел нечто, что его еще больше встревожило. Передвижной столик с напитками стоял

возле туалета. В его нижней части виднелись использованные стаканчики.

Они как раз собирались развозить напитки, — подумал он. — Когда это произошло, что бы оно ни было, они как раз вытащили столик. Эти использованные стаканчики собираются перед тем, как предлагаются напитки. Значит, что бы это ни было, это произошло в пределах получаса после взлета, может быть, чуть больше. Не было ли сообщения о турбулентности над пустыней? Думаю, что нет. А эта зловеющая глупость по поводу северного сияния?

Какой-то миг Брайан пребывал в уверенности, что последнее было частью его сна. Уж очень странно. Но тут же вспомнил, что стюардесса Мелани Тревор на самом деле сказала ему об этом.

Ладно, Бог с ним. Главное — что же произошло? Что, о Господи?

Ответ был неведом. Зато зрелище брошенной тележки для напитков заполнило его ощущением ужаса, сверхъестественного кошмара. Подумал, что так почувствовали себя те, кто первыми поднялись на «Мэри Селест» — полностью покинутый корабль, где все паруса были в полном порядке, канаты аккуратно свернуты в кольца, где стол капитана был накрыт для обеда, а трубка неизвестного моряка еще дымилась на фордеке...

Огромным усилием воли Брайан отбросил эти парализующие волю мысли и решительно подошел к кабине пилота. Постучался. Как он и опасался, ответа не последовало. Понимая всю бесполезность этого, он все-таки застучал по двери кулаком.

Ответа не было.

Попробовал ручку. Она не поддавалась. Здесь была еще система, которая устанавливалась на рейсах в Гавану, Ливан и Тегеран. Только пилоты могли открыть дверь. Брайан мог бы вести этот самолет... но только не отсюда же!

— Эй! — закричал он. — Эй, ребята! Откройте дверь!

Но все уже было ясно. Команда исчезла тоже. Можно было биться об заклад, что «Боинг-767» летел без пилотов.

Видимо, рейс №29 продолжался на автопилоте.

ГЛАВА 2

*Темнота и горы. — Клад. — Нос Джерси. —
Лай несуществующих собак. — Паниковать
воспрещается. — Изменение курса*

1

Брайан попросил пожилого мужчину в красной рубашке присмотреть за девочкой, однако едва та услышала голос женщины со стороны правых рядов, как сразу же обернулась в ее сторону, а затем сосредоточено и целеустремленно направилась к ней, ощупывая предметы, пока не дотянулась до ее руки. После обучения у мисс Ли Дайна безошибочно распознавала голоса учительниц, когда слышала их. Темноволосая женщина достаточно охотно взяла за руку слепую девочку.

— Ты говоришь, тебя Дайна зовут, миленькая?

— Да, — ответила Дайна. — После операции в Бостоне я снова стану видеть. Ну, может быть. Доктора говорят, что вероятность семьдесят процентов, что я буду немного видеть. Или сорок процентов, что совсем буду видеть. А вас как зовут?

— Лорел Стивенсон. — Глаза женщины все еще продолжали осматривать салон, лицо не оставляло выражение растерянного недоумения.

— Лорел, а это цветочек, да? — спросила Дайна с несколько нарочитым лихорадочным оживлением.

— Ага, — машинально ответила Лорел.

— Извините, пожалуйста, — сказал человек в роговых очках с британским акцентом. — Я тогда пойду вперед, присоединюсь к нашему другу.

— Я с вами, — отозвался пожилой мужчина в красной рубашке.

— Я желаю знать, что здесь, собственно, происходит?! — воскликнул человек в джерси без воротничка. Лицо его было мертвенно бледным, а на щеках выступили пятна румянца. — Я должен немедленно знать, в чем дело!

— Я тоже ничуть не удивлен происходящим, — бросил англичанин и зашагал по проходу к носу авиалайнера. За ним последовал мужчина в красном. Девушка с обалделым видом тоже было неверной походкой поплелась за ними, но остановилась перед входом в другую секцию, словно не соображая, куда ее занесло.

Пожилой джентльмен в поношенном спортивном плаще подошел к иллюминатору левого борта и посмотрел наружу.

— Что там видно? — спросила Лорел Стивенсон.

— Темнота и горы, — ответил он.

— Роки? — спросил Альберт. — Скалистые Горы?

Мужчина кивнул:

— Похоже, что они, молодой человек.

Альберт решил и сам пойти вперед. Ему было семнадцать, яркий блондин. Вопрос — кто ведет самолет? — тоже пришел ему на ум.

Тут же решил, что это, в общем-то, неважно... по крайней мере, в данный момент. Они летели нормально, так что, видимо, там был кто-то. И даже если кто-то превратился во что-то — в автопилот, например, он с этим так или иначе ничего поделать не может. Как Альберт Косснер, он был талантливый скрипач (пусть не вундеркинд), направлявшийся в музыкальный колледж в Беркли. Как Туз Косснер он был (по крайней мере, в своих любимых снах) самый скорый Еврей к западу от Миссисипи, потрясающий стрелок, который по субботам ловил кайф; когда спал, сапоги держал на постели, всегда был начеку, чтобы не упустить свой главный шанс, а другим глазом высматривал приличную забегаловку на пыльном пути, где дают кошерную жратву. Туз, по его мнению, был убежищем от любящих родителей, не позволявших ему играть в бейсбольной команде юниоров, а то, не дай Бог, повредит свои талантливые пальцы, и убежденных, что любой его кашель означает начало пневмонии.

Он был скрипач, который проворнее всех выхватывал револьвер и палил в очко, — любопытная комбинация, но, к сожалению, он ничего не понимал в летающих машинах. Девочка сказала нечто такое, от чего у него моментально все напряглось, кровь застыла в жилах.

Я потрогала его волосы! Кто-то снял с него скальп!

Он отошел от Дайны и Лорел (мужчина в потертом спортивном плащике смотрел в иллюминатор по правому борту, другой, в джерси без воротничка, пошел за остальными вперед, в глазах его была ярость) и направился туда, откуда пришла Дайна.

Кто-то снял с него скальп! — сказала она, и где-то тут близко. Альберт вскоре увидел то, о чем она кричала.

2

— Полагаю, сэр, что шляпа пилота, которую я увидел на одном из кресел в первом классе, принадлежит вам, — сказал англичанин.

Брайан стоял перед запертой дверью, опустив голову, быстро соображая. Когда британец заговорил с ним, он вздрогнул и резко обернулся.

— Прошу прощения за неожиданное вторжение, — спокойно сказал англичанин. — Меня зовут Ник Хопвелл. — Он протянул руку.

Брайан пожал. В этот момент ему опять показалось, что все это сон, порожденный кошмарный рейсом из Токио и смертью Анны.

Разум говорил, что он ошибается, какая-то его часть знала, что визг слепой девочки никакого отношения к опустевшему салону первого класса не имеет. Все остальное было сплошным идиотизмом. От самой мысли об этом идиотизме становилось тошно, прямо в жар бросало. К тому же не было времени для раздумий, совершенно не было, и от этого тоже было какое-то облегчение.

— Брайан Энгл, — сказал он. — Рад познакомиться, хотя ситуация...

Он пожал плечами в растерянности. А какая была ситуация? Не смог найти подходящего прилагательного, эпитета.

— Несколько зловещая, верно? — подсказал Хопвелл. — Лучше пока о кошмарах не думать, я полагаю. Экипаж не отвечает?

— Нет! — Брайан в сердцах ударил кулаком в дверь.

— Спокойнее, — невозмутимо сказал Хопвелл. — Так это ваша там шляпа, мистер Энгл? Вы не представляете себе, с каким облегчением и удовлетворением я хотел бы назвать вас капитаном Энглом.

Брайан невольно широко улыбнулся.

— Да, я капитан Энгл, — ответил он. — Но в нынешних обстоятельствах можете называть меня просто Брайан.

Ник Хопвелл взял левую руку Брайана и от души поцеловал ее.

— Мне кажется, я вас буду лучше называть Спасителем, — сказал он. — Вы не станете уж очень возражать?

Откинув голову назад, Брайан расхохотался. Ник тоже. Оба стояли перед запертой дверью в опустевшем самолете и хохотали. Пока мужчина в красной рубашке и другой — в джерси подходили к ним. Оба посмотрели на них с опаской, как на сумасшедших.

3

Альберт Косснер некоторое время в раздумье держал в руке волосы. Черные волосы блестели под верхним освещением. Мощная грива. Его не удивило то, что девчонка так перепугалась. Альберт и сам бы перепугался на ее месте.

Он кинул парик обратно на сиденье, бросил взгляд на сумочку, лежавшую на соседнем кресле и внимательнее присмотрелся к тому, что находилось рядом с сумочкой. Там лежало простенькое золотое обручальное кольцо. Он взял его, осмотрел и положил на место. Затем медленно направился в хвостовую часть самолета. Буквально через минуту его удивление вытеснило всякие мысли о том, кто ведет самолет и как они могли бы приземлиться с автопилотом.

Верно, что пассажиры рейса №29 исчезли, но они оставили целые сокровища, клад! Альберт обнаруживал драгоценности почти на каждом сиденье: перстни с бриллиантами, изумрудами и рубинами, кое-где просто золотые кольца. Там были серьги, чаще всего по пятерке долларов с четвертью, но некоторые, на взгляд Альберта,

казались очень даже дорогими. У мамы были некоторые драгоценности, но тут попадались такие, что по сравнению с ними ее казались сущим барахлом. Браслеты, перстни с печатками, колъе, запонки. И часы, часы, часы. От «тай-мекса» до «роллекса». Наверно, сотни две часов лежали на креслах, в проходах и между кресел. Они сверкали под лампами.

Обнаружилось по меньшей мере штук шестьдесят очков. С тонкой оправой, с роговой, с золотой, разукрашенные драгоценностями, с оправой из рога носорога, полиароиды.

Всевозможные пряжки от ремней и застежки, булавки, заколки и кучки монет. Банкнот не было, но одной мелочи долларов на четыреста. На сиденьях лежали сумочки, бумажники, кошельки — из чистой кожи и из пластика. Карманные ножички. Валялось с дюжину портативных калькуляторов.

Находились и странные вещи. Он подобрал цилиндр телесного цвета и рассматривал его почти полминуты, пока не понял, что это приспособление — заменитель для женщин. Торопливо бросил на место. А вот золотая ложечка на тонкой цепочке. Металл сверкал повсюду — на сиденьях и на полу, в основном серебро, но кое-где попадалось и золото. Некоторые маленькие предметы он брал в руки и обнаруживал, что это — золотые коронки для зубов, а чаще всего металлические пломбы. На одном из дальних сидений он увидел два тонких металлических стержня. Долго осматривал их, пока не сообразил, что они являлись хирургическими вставками.

Обнаружил он и еще одного пассажира — молодой бородатый мужчина разлежся сразу на двух сиденьях самого последнего ряда и шумно храпел, распространяя запах винной лавки.

В двух рядах от него Альберт обнаружил предмет, который напоминал шагомер или вживляемый стимулятор сердца.

Он взглянул из дальнего конца самолета на огромный опустевший фюзеляж и тихо пробормотал дрожащим голосом:

— Да какого черта... Что тут стряслось?

4

— Я требую объяснить мне, что здесь происходит! — громко заявил человек в джерси. Он вошел в переднюю часть самолета с видом полицейского, готового всех арестовать.

— В настоящий момент, вы имеете в виду? — сказал Ник Хопвелл, посмотрев на Джерси широко открытыми сияющими глазами. — Похоже на то, что команда улетучилась с остальными пассажирами, но кое в чем нам повезло. Вот здесь мой новый знакомый оказался пилотом, правда, немножечко сам обалдевший, но...

— Здесь кто-то точно обалдел! — сказал Джерси. — И я намерен выяснить, кто именно! Поверьте! — Он прошел мимо Ника, не удостоив его взглядом, и подошел вплотную к Брайану с самым агрессивным видом. — Ты, я вижу, работаешь на «Гордости Америки», друг?

— Да, — ответил Брайан. — Только почему бы нам, сэр, не отложить пока что эти вопросы на потом? Сейчас главное...

— Я скажу тебе, дорогой, что сейчас главное! — заорал Джерси.

Мелкие брызги слюны осели на щеках Брайана. Он подавил в себе страстное желание схватить этого типа за глотку и повернуть его шею, пока не послышится хруст. — У меня назначена встреча в знаменитом Центре благоразумия с представителями международных банкиров на девять часов утра! Точно на девять! Я заказал билет на эту штуку и не намерен опаздывать! Понятно? Мне нужно знать три вещи: кто несет ответственность за остановку, пока я спал, где была совершена непредусмотренная посадка и почему это было сделано?!

— А вы не смотрели сериал «Стар Трек», — неожиданно спросил у него Ник Хопвелл.

Покрасневшее от возмущения лицо Джерси повернулось туда-сюда. Судя по его выражению, он решил, что англичанин спятил.

— Что за чушь вы тут несете?

— Отличная американская программа, — сказал Ник. — Научная фантастика. Исследование иных миров, вроде того, что сидит у вас в голове. Так вот, что я тебе скажу, дурак: если ты сейчас же не заткнешь свою пасть, я с радостью покажу тебе одну шутку мистера Спока. Называется «вулканическая пробка». Слыхал?

— Ты кто такой, чтобы со мной в подобном тоне разговаривать?! Ты хоть знаешь, кто я?

— Конечно, знаю, — ответил Ник. — Ты просто кусок собачьего говна, который проник на приличный самолет по фальшивым документам какого-то великого создания. К тому же ты до смерти перепуган. Нам-то что? А ты сейчас наложишь в свои штаны.

Физиономия человека в джерси апоплексически побавровела, Брайану показалось, что у него вот-вот лопнет голова. Как-то он видел в кино такое. В жизни увидеть подобное желания не было.

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне! Ты даже не американец!

Ник сделал молниеносный жест. Брайан не успел заметить — так быстро все произошло. Только что человек в джерси орал в лицо Нику, а тот, подбоченившись, стоял спокойно возле Брайана. В следующий миг нос Джерси был крепко зажат между согнутыми указательным и средним пальцами правой руки Ника.

Джерси попытался вырваться. Пальцы Ника сжались сильнее... и вдруг его рука начала медленно поворачиваться, словно он заводил будильник... Джерси завопил.

— Могу и сломать, — тихо заметил Ник. — Поверь — нет ничего легче.

Джерси дернулся назад, его руки заколотили по рукам Ника.

Тот повернул круче, и Джерси взвыл от боли.

— По-моему, ты меня не расслышал. Я говорю, что запросто сломаю тебе его. Понял или нет? А ну, дай знак, что понял.

И в третий раз завернул ему нос.

На сей раз Джерси не закричал, а буквально завизжал.

— Ого! — сказала обалдевшая девушка позади них. — Нос прищемил.

— Ну так вот, у меня нет времени обсуждать тут с тобой деловые встречи, — тихо проговорил Ник. — У меня также нет времени разбираться с припадком истерики. У нас тут прескверная ситуация. А вы, сэр, ни в коей мере не способны ее разрешить. И я не позволю тебе добавлять нам еще проблем. Поэтому отправляю тебя обратно в салон. Этот джентльмен в красной рубашке...

— Дон Гаффни, — откликнулся тот. Он выглядел до крайности удивленным — не менее чем Брайан.

— Благодарю вас, — сказал Ник. Он все еще держал нос Джерси своей удивительной хваткой, и Брайан увидел, как из-под его пальцев потекла кровь.

Теперь Ник подтянул его к себе и заговорил мягким конфиденциальным тоном:

— Мистер Гаффни проводит тебя. Как только доберешься до салона, мой вшивый друг, сядешь и как следует пристегнешь ремень. Потом, когда этот вот капитан удостоверится в том, что мы не врежемся в гору, в дом или в другой самолет, мы сможем обсудить нашу ситуацию поподробнее. А пока твое вмешательство не является необходимым. Ты все понял, что я тебе сказал?

Джерси издал стон ярости.

— Если понял, подними большой палец.

Джерси поднял большой палец. Ноготь на нем, как заметил Брайан, был аккуратно наманикюрен.

— Вот и хорошо, — сказал Ник. — И еще одно. Когда я отпущу твой нос, ты можешь замыслить какую-нибудь месть. Мыслить разрешается, все в порядке. Но если вздумаешь что-то предпринять, совершишь ужасную ошибку. Хочу, чтобы ты все запомнил: то, что я сделал с твоим носом, я так же легко смогу сделать с твоими яйцами... Более того, я могу их закрутить так, что, когда отпущу, ты полетишь вертолетиком по салону. Так что удались с мистером...

— Гаффни, — повторил мужчина в красной рубашке.

— Верно, Гаффни, извините. Так вот, отправишься с мистером Гаффни. И чтоб без фокусов. Не вздумай. Да

просто, если пикнешь, я помогу тебе как следует уяснить, что такое боль. А ну подними большой палец, что понял.

Джерси затряс большим пальцем с таким энтузиазмом, словно голосовал на шоссе с коликами в животе.

— Ну, тогда все. — Ник отпустил его нос.

Тот попятился, глядя на Ника с яростью и недоумением. Он был похож на кота, которого внезапно окатили холодной водой.

Ярость не тронула Брайана, а вот из-за этого недоумения в нем шевельнулась жалость к Джерси. Потому что он и сам пребывал в недоумении и растерянности.

Джерси поднял руку и потрогал нос, чтобы удостовериться в его наличии. Из каждой ноздри текла узенькая струйка крови. Кровь попала на кончики его пальцев, и он посмотрел на них, не веря своим глазам. Разинул было рот, но Дон Гаффни предостерег:

— Не стоит, мистер. Этот парень сделает. Лучше пойдете со мной.

Он взял Джерси под руку. Тот попытался слабо сопротивляться, снова раскрыв рот.

— Напрасно, — сказала ему девушка, выглядевшая обалдевшей.

Он закрыл рот и позволил Гаффни отвести себя на задний ряд первого класса. Один раз оглянулся с потрясенным выражением на лице и снова заткнул пальцами ноздри.

Между тем Ник, полностью потерявший всякий интерес к своей жертве, всматривался в иллюминатор.

— Похоже, мы пролетаем над Скалистыми, — сказал он, — и вроде бы достаточно высоко.

Брайан тоже посмотрел в иллюминатор. Конечно, Скалистые Горы, где-то над их серединой, судя по всему. Высота на глазок 35 000 футов. Мелани Тревор как раз что-то в этом роде и сказала ему. Так что пока вроде бы все нормально...

— Давайте-ка помогите мне высадить эту дверь, — сказал он.

Ник изготовился перед дверью.

— Ну что, Брайан, позвольте мне быть капитаном в этой операции? Опыт у меня кое-какой есть.

— Милости прошу. — Брайану стало немного любопытно, что это у него за опыт — сворачивать носы и взламывать двери. Видимо, какая-то долгая история.

— Для начала полезно знать, насколько крепок замок, — сказал Ник. — Если переборщить, можно бомбой влететь в пилотскую кабину. А у меня, честно говоря, что-то нет желания треснуть об какую-нибудь штуку, которая моего веса не выдержит.

— Я, по правде сказать, не знаю, — честно признался Брайан. — Но не думаю, что замок не так уже прочен.

— Ладно, — сказал Ник. — Тогда встаньте лицом ко мне, правым плечом к двери, а я — левым.

Брайан тоже изготавился.

— На мой счет. Одновременно плечом на счет три. Слегка присядем. Дверь легче поддастся, когда бьешь поближе к замку. Только не изо всей силы, а так — вполсилы. Не выйдет — повторим. Все ясно?

— Ясно.

Девушка, пришедшая немного в себя, сказала:

— Они, наверно, ключ снаружи под ковриком не оставляют? М-м?

Ник удивленно посмотрел на нее, потом на Брайана.

— А что, может, и правда — где-то ключ еще припрятан?

Брайан покачал головой:

— Боюсь, что нет. Предосторожности против террористов.

— А! Ну да! — согласился Ник. — Конечно же. — Он посмотрел на девушку и подмигнул ей. — Все равно приходится головой работать, верно?

Девушка неуверенно улыбнулась.

Ник повернулся к Брайану:

— Готовы?

— Готов.

— Поехали. Раз... два... три!

Они одновременно, слегка присев, ударили, и дверь весьма легко распахнулась.

Там был маленький порожек-выступ, слишком малый для ступеньки. Брайан об него споткнулся носком туфли и, возможно, полетел бы кубарем в кабину, если бы Ник не поймал его за плечо. Этот человек умел действовать молниеносно, как кошка.

— Порядок, — сказал он скорее себе, нежели Брайану. — Посмотрим, с чем имеем дело.

5

Кабина была пуста. Когда Брайан увидел ее, у него мороз пробежал по коже. Конечно, хорошо было знать, что 767-й мог лететь тысячи миль на автопилоте, используя информацию, запрограммированную в его навигационной системе, — Богу известно, сколько миль он сам налетал таким образом — но иное дело увидеть пустые кресла пилотов. Вот отчего стало не по себе. За всю свою долгую службу такого ему видеть не доводилось.

И вот теперь увидел. Контрольные приспособления двигались сами собой, внося бесконечно малые коррективы, необходимые, чтобы самолет точно соблюдал назначенный курс. Пульт светился зеленым светом. Два маленьких крылышка на индикаторе твердо держались над искусственным горизонтом. За двумя косыми оконцами миллиарды звезд перемигивались в предрассветном небе.

— О-о... ничего себе, — тихо произнесла девушка.

— У-у-и-и, — почти одновременно с ней отозвался Ник. — Ты только посмотри, дружок.

Ник указал пальцем на наполовину выпитый стаканчик кофе на консоли сервиса слева от сиденья пилота. Рядом лежало надкусанное датское печенье. Брайан тотчас вспомнил свой сон, и вдруг его бросило в дрожь, он буквально не мог совладать с собой.

— Это произошло быстро, что бы оно ни было, — проговорил он. — И вон там посмотри. И вон.

Сначала он показал дрожащим пальцем на сиденье пилота, потом на пол у кресла помощника пилота. Две штуки наручных часов поблескивали при свете контрольного пульта: «Роллекс» и электронный «Пульсар».

— Если вам нужны часы, можете выбирать, — послышался голос позади них. — В салонах их тонны.

Брайан обернулся через плечо и увидел Альберта Косснера, такого аккуратного и юного в своей черной ермолке и рубашке с надписью «Хард Рок». Рядом с ним стоял пожилой джентльмен в потрепанном спортивном плаще.

— Что, действительно? — спросил Ник. Впервые, кажется, он несколько был выбит из колеи.

— Часы, драгоценности, очки, — ответил Альберт. — Еще сумочки. Но самое жуткое там... ну, то, что вышло изнутри людей. Я уверен, изнутри. Искусственные суставы, сердечные стимуляторы и подобное.

Ник посмотрел на Брайана Энгла. Англичанин заметно побледнел.

— Я пришел примерно к тому же выводу, что и наш бесцеремонный и шумливый друг, — сказал он, — что наш самолет по какой-то причине, пока я спал, где-то приземлился, и большинство пассажиров и экипаж почему-то вышли.

— Я бы проснулся, едва началось снижение на посадку, — сказал Брайан. — Профессиональная привычка. — Он обнаружил, что не может оторвать взгляда от полувыпитого стаканчика и дважды надкусанного датского печенья.

— В обычных условиях я бы сказал то же самое, — согласился Ник. — Поэтому решил, что мне в напиток подсыпали снотворного.

М-да, — подумал Брайан, — не знаю, чем этот парень зарабатывает на жизнь, но уж точно не торговлей поддержанными автомобилями.

— Мне снотворного не подсыпали, — сказал Брайан, — потому что я ничего не пил.

— И я ничего не пил, — сказал Альберт.

— В любом случае не могло быть ни посадки, ни взлета, пока мы спали, — заключил Брайан. — Вы можете лететь на автопилоте, а «конкорд» может даже приземлиться на автопилоте. Но без человека никак не обойтись при взлете.

— Значит, мы не приземлялись? — спросил Ник.
— Ни в коем случае.
— Так куда же они девались, Брайан?
— Не знаю. — Он прошел к креслу пилота и уселся в него.

6

Рейс №29 летел на высоте 36 000 футов, как и говорила ему Мелани Тревор, по курсу 090. Через час или два он изменится, когда самолет примет направление точно на север. Брайан взял навигационный журнал, посмотрел на спидометр и быстро проделал ряд вычислений. Потом надел наушники.

— Денвер-центр, это «Гордость Америки», рейс №29, прием.

Щелкнул тумблером... и ничего не услышал. Вообще ничего. Ни статического потрескивания, ни болтовни наземной службы, ни звуков других самолетов. Проверил импульсный повторитель: 7700, как и должно быть. Снова переключил тумблер.

— Денвер-центр, выйдите на связь, пожалуйста. Это «Гордость Америки», рейс №29, повторяю, «Гордость Америки». У меня проблема, Денвер, проблема.

Переключился на прием. Вслушался.

И тогда Брайан сделал нечто такое, отчего у Туза Косснера сердце подпрыгнуло от страха: он наотмашь ударил панель под радиооборудованием основанием ладони. «Боинг-767» был чудом технологии, на грани искусства. Таким способом обращаться с подобным оборудованием было недопустимо. А пилот сделал то, что сделали бы вы, когда купленный вами на аукционе и принесенный домой приемник «Филко» не заработал.

Брайан снова попытался связаться с Денвером. Ответа не получил.

До этого момента Брайан был удивлен и до крайности озадачен. Теперь он начал испытывать страх. Да, он был по-настоящему испуган. До сих пор не было времени испугаться. Хотелось, чтобы так и продолжалось. Теперь это стало невозможным. Он переключил радио на аварийную волну, попытался снова. Никакого результата. Все равно что в Манхэттене набрать по телефону 911 и услышать автоответчик, сообщающий, что все разъехались на уик-энд. Когда просишь помощи на аварийной волне, всегда получишь нужный ответ.

По крайней мере, до сих пор, — подумал Брайан.

Включил УНИКОМ, по которому пилоты частных самолетов получали совет для посадки на ближайших маленьких полосах. Полная тишина. Он вслушивался... и вообще ни звука не слышал. Поверить в это было невозможно. Пилоты-частники всегда болтали между собой, как грачи на телефонный проводках. Девушка с Пайпера интересовалась погодой. Парень с Чессны немедленно отбросит копыта, если кто-нибудь не позвонит его жене и не скажет, что он еще троих везет к ужину. Ребята из Лира требуют от подружки в аэропорту Арвада, чтобы передала всей компашке: «Без паники, ребята! На пятнадцать минут опаздываем, но в Чикаго на бейсбол поспеете».

Ничего этого не было. Грачи, похоже, улетели, и опустели телефонные провода.

Снова переключил на аварийную волну ФАА.

— Денвер, отвечайте! Немедленно отвечайте!! Это рейс №29. Отвечайте, черт бы вас всех подрал!

Ник тронул его за плечо.

— Не надо. Спокойнее, дружок.

— Псы не брешут! — в отчаянии сказал Брайан. — Это же просто невозможно, что такое происходит! Господи, да что же стряслось?! Атомная война, что ли, ети их мать?!

— Успокойся, — повторил Ник. — Не выходи из себя, Брайан. Какие там псы не брешут?

— Да эти! Диспетчеры Денвера! Вот этот пес! ФАА — экстренная аварийная служба! Вот кто пес! И УНИКОМ, собака, тоже! Да я никогда...

Он щелкнул тумблером.

— На вот, смотри! Это средние волны, понимаешь? Тут станций до хрена, лезут одна на другую, как кролики... и ничего. — Щелкнул другим тумблером, повернулся и посмотрел на Ника, на Альберта Косснера, стоявшего вплотную к нему. — Нет даже радиомаяка... ни единого сигнала.

— И что это означает?

— Означает, что у меня нет радиосвязи, нет навигационного маяка Денвера. А приборный щит показывает, что все в полной исправности и работает как часики. Полная чушь. Должно быть чушью.

Страшная мысль начала формироваться в его голове, всплывая, как распухший утопленник на поверхность реки.

— Эй, парнишка, посмотри-ка в иллюминатор. Слева от самолета. Что ты там видишь?

Альберт Косснер заглянул в окно. Долго смотрел.

— Ничего, — сказал он. — Совсем ничего. Вот остатки Скалистых Гор и начало равнин.

— Никаких огней?

— Нет.

Брайан поднялся на ноги, которые ощущались, как ватные. Долго смотрел в иллюминатор.

Наконец Ник Хопвелл тихо произнес:

— Денвер исчез, верно?

Брайан знал из навигаторских карт и по оборудованию в кабине, что они сейчас летели менее чем в пятидесяти милях к югу от Денвера... но под ними простирался лишь бесформенный ландшафт, который означал начало Великих Равнин.

— Да, — ответил он. — Денвера нет.

Воцарилась полная тишина в кабине. Потом Ник Хопвелл обернулся к маленькой компании на пороге, состоящей из Альберта, человека в спортивном плаще и девушки. Он хлопнул в ладоши, как воспитатель в детском саду, и стал еще более похожим на него, когда объявил:

— Ладно, люди! Давайте-ка по местам. Я думаю, нам тут понадобится спокойная обстановка, тишина.

— А мы и так себя ведем тихо, — возразила девушка вполне резонно.

— Я так понимаю, джентльмен имеет в виду не столько тишину, сколько уединение, — сказал мужчина в плаще. Он говорил с интонациями весьма воспитанного человека, но его глаза встревоженно остановились на Брайане.

— Именно это я и имел в виду, — согласился Ник. — Прошу...

— С ним все будет в порядке? — тихо спросил человек в плаще. — Уж очень он расстроен.

Ник ответил тем же конфиденциальным тоном:

— Да. С ним все будет в порядке. Я уж об этом позабочусь.

— Ладно, дети, пойдемте, — сказал человек в плаще. Одну руку он положил на плечи девушке, другую на плечи Альберта. — Вернемся и сядем. Нашему пилоту предстоит поработать.

Им незачем было говорить конфиденциально о Брайане. Его можно было сравнить с рыбой, плавающей в речке в то время, как стайка птиц пролетала по небу. Их звук вполне мог достигнуть рыбы, но никакого значения для нее не имел. Брайан продолжал крутить верньер радиоприемника, переключая волны. Все было бесполезно. Нет Денвера, нет Колорадо-Спрингс, нет Омахи. Все исчезло.

Он чувствовал струйки пота, стекавшие по его щекам, как слезы, ощущал рубашку, прилипшую от пота к спине.

От меня смердит, наверно, как от свиньи, — подумал он. — Или как от...

И вдруг пришла новая идея. Он переключился на диапазон военной авиации, хотя правилами это строго

воспрещалось. Командование стратегической авиации практически царствовало в Омахе. Уж они-то покинуть эфир не могут. Могут, конечно, наорать на него, чтобы немедленно освободил их частоты, пригрозят доложить о нем в ФАА. Брайан с радостью все это примет. Может быть, окажется первым, кто сообщит им, что город Денвер, судя по всему, отбыл на каникулы.

— Диспетчер ВВС! Диспетчер ВВС. Это «Гордость Америки», рейс №29. У нас проблема. Большая проблема. Вы меня слышите? Прием.

И здесь пес не залаял.

Именно в этот момент Брайан ощутил нечто — словно некая задвижка сдвинулась в самой глубине его сознания и вся структура его логического мышления начала сползать в некую темную пропасть.

9

Ник Хопвелл хлопнул его ладонью по спине. Брайан слегка подпрыгнул на своем кресле и чуть не вскрикнул от неожиданности. Повернул голову и обнаружил вплотную приближенное лицо Ника.

Сейчас схватит меня за нос и начнет крутить, — подумал Брайан.

Ник не стал хватать его за нос. Он заговорил с тихой сосредоточенностью, не мигая глядя в глаза Брайана.

— Я вижу в твоих глазах некое выражение, мой друг... Впрочем, мне не было нужды заглядывать тебе в глаза, чтобы знать это. По твоему голосу слышу, по твоей позе в этом кресле вижу. А теперь слушай меня, слушай внимательно: паниковать воспрещается.

Брайан смотрел на него, замороженный взглядом этих голубых глаз.

— Ты меня понял?

С трудом заставил себя ответить:

— Ребят на мое ремесло не берут, если они паникуют, Ник.

— Я знаю. Но теперь уникальная ситуация. Ты должен помнить, однако, что здесь в самолете находится дюжина

людей, и твоя работа остается той же самой, как и всегда: доставить их вниз в целостности и сохранности.

— Только ты меня не учи, в чем состоит моя работа! — отрезал Брайан.

— Боюсь, в этом была необходимость, — сказал Ник. — Но сейчас ты выглядишь на сто процентов лучше, должен отметить с превеликим облегчением.

Брайан не только начал выглядеть лучше, он стал себя и чувствовать лучше. Ник кольнул в самое чувствительное место — в его чувство ответственности.

И ведь знал, куда надо ткнуть, — подумал он.

— Слушай, Ник, а ты чем вообще занимаешься? Я имею в виду, чем на хлеб зарабатываешь, — сказал Брайан дрогнувшим голосом.

Ник отодвинулся от него и рассмеялся.

— Атташе британского посольства, старина.

— Ну да, конечно. Заливай, заливай — так я тебе и поверил.

Ник пожал плечами:

— Хм... По крайней мере так написано в моих документах. И меня это вполне устраивает. Если что-то по-другому напишут, то скорей всего Механик Ее Королевского Величества. Я исправляю то, что нужно подправить. В данный момент это ты.

— Спасибо, — ответил Брайан растроганно. — Но я уже в исправности.

— Тогда порядок. Тогда — что ты намерен предпринять? Сможешь пилотировать без всех этих наземных штук? Сможешь избежать столкновения с другими самолетами?

— Я вполне могу и с этим оборудованием пилотировать. А что касается других самолетов, — Брайан показал на экран радара, — то эта хреновина показывает, что никаких самолетов нигде вообще нет.

— Но могут и быть, — тихо заметил Ник. — Может быть, временно радио и радарные волны по какой-то причине заблокированы. Ты, Брайан, упомянул ядерную войну. Я думаю, если ядерный обмен совершился, мы бы об этом узнали. Все равно это не означает, что какого-то

серьезного происшествия не произошло. А тебе известен феномен под названием электромагнитный пульс?

Брайан вдруг вспомнил Мелани Тревор: *О! Нам еще сообщили, что над пустыней Моджейв — северное сияние. Может быть, пожелаете бодрствовать, чтобы увидеть такое зрелище?*

Возможно ли такое? Какое-нибудь дурацкое погодное явление?

Подумал, что такое возможно. Но если и так, почему не слышно было по радио хотя бы обычных статических разрядов? Почему на экране радара не было интерференции волн? Только мертвая чернота. И он не подумал, что «Аврора бореалис» стала причиной исчезновения полутраста-двухсот пассажиров.

— Так что скажешь? — спросил Ник.

— Да, ты действительно механик, Ник, — сказал наконец Брайан. — Но я не думаю, что здесь электромагнитный пульс. Все оборудование на борту, включая навигационное, работает отлично. — Он кивнул на показания электронного компаса. — Если бы мы пережили электромагнитный пульс, эта штука перевернулась бы вверх тормашками. Но она держит курс намертво.

— Ну и как? Намерен держать курс на Бостон?

И с этим вопросом последние остатки паники покинули Брайана.

Верно, — подумал он. — Я теперь капитан этого корабля... и это самое главное. А тебе стоило бы мне напомнить об этом с самого начала, мой друг. Избавись бы от лишних переживаний.

— Логан — на рассвете, при полном незнании, что там внизу произошло. Не пойдет.

— Итак, куда мы летим? Или тебе нужно подумать?

Брайану этого уже не требовалось. Разрозненные мысли начали укладываться в должном порядке.

— Я не знаю, куда, — сказал он. — И думаю, пора поговорить с пассажирами. С теми немногими, кто остался.

Он взял микрофон. Именно в этот момент лысый мужчина, который все время спал в салоне делового класса, просунул голову в кабину.

— Джентльмены, не будете ли вы так добры сказать мне, что случилось со всем обслуживающим персоналом на этом самолете? — спросил он с недоумением. — Я так чудесно поспал... но хотелось бы поужинать.

10

Дайна Беллман чувствовала себя значительно лучше. Как хорошо, когда вокруг тебя люди и можно ощущать их успокаивающее присутствие. Она сидела с небольшой группой — Альберт Косснер, Лорел Стивенсон, мужчина в поношенном спортивном плаще, который представился как Роберт Дженкинс. Он сообщил им, что является автором более сорока романов с таинственными сюжетами, а теперь летел в Бостон, чтобы произнести речь на собрании любителей мистики.

— Сейчас, — сказал он, — я оказался в ситуации куда более таинственной и экстравагантной, чем когда-либо мог сочинить.

Все четверо сидели в центральной секции. Мужчина в джерси находился в правом ряду в нескольких рядах кресел от них. Он продолжал прижимать платок к носу (который уже больше не кровоточил), величественно страдая в одиночестве. Дон Гаффни присел неподалеку, то и дело с беспокойством поглядывая на него. Разок обратился к нему, чтобы узнать его имя. Джерси промолчал, только пристально посмотрел в глаза Дону Гаффни поверх скомканного платочка.

Больше Гаффни к нему не обращался.

— Послушайте, — взмолилась Лорел, — ну хоть у кого-нибудь есть малейшая идея по поводу того, что происходит? Завтра у меня впервые лет за десять начинается настоящий отпуск, и вдруг — на тебе такое.

Случайно Альберт как раз смотрел в этот момент на мисс Стивенсон. Когда она бросила фразу насчет своего первого настоящего отпуска за последние десять лет, то он заметил как ее взгляд вильнул вправо, и веки часто замигали, словно в глаз попала соринка. В сознании у него вдруг возникла мысль, что эта дама по какой-то причине лгала.

Посмотрев на нее пристальнее, он не обнаружил ничего примечательного: женщина с увядающей былой красотой, быстро покидающая свои двадцатые годы в сторону средних лет (а по мнению Альберта, тридцать лет, уж конечно, были тем возрастом, с которого начинаются «средние лета»), женщина, которая скоро станет блеклой и незаметной. Сейчас, правда, бесцветной ее не назовешь. Щеки пылали. Он не знал, в чем состояла ее ложь, но заметил, насколько она вдруг похорошела и стала почти прекрасной.

Вот дама, которой следует почаще врать, — подумал Альберт.

Прежде чем кто-либо успел ей ответить, из громкоговорителей раздался голос Брайана.

— Леди и джентльмены, с вами говорит капитан.

— Капитан жопы, — явственно произнес Джерси.

— Прекратите сейчас же! — воскликнул Гаффни через проход.

Джерси без воротничка встревоженно посмотрел на него и съежился.

— Как вам всем, несомненно, понятно, мы попали в чрезвычайно странную ситуацию, — продолжал Брайан. — Мои пояснения, думаю, вам ни к чему. Достаточно посмотреть вокруг вас, чтобы все понять.

— А я ничего не понимаю, — пробормотал Альберт.

— Я узнал кое-что еще. Но, к сожалению, обрадовать вас нечем. Попытаюсь быть с вами вполне откровенным. У меня нет никакой связи с землей. Примерно пять минут назад мы должны были увидеть в иллюминаторы отчетливо огни Денвера. Но ничего не было. Единственное заключение, следующее из этого, — кто-то там забыл заплатить за электричество. Пока мы не узнаем чего-нибудь нового, придется довольствоваться вот таким выводом.

Он сделал паузу. Лорел взяла Дайну за руку. Альберт тихо присвистнул. Писатель-фантаст Роберт Дженкинс, положив руки на колени, пристально смотрел в пустоту.

— Таковы плохие новости, — продолжал Брайан. — Хорошие тоже имеются: самолет в отличном состоянии, горючего полно, и я специалист по пилотированию подобных авиалайнеров. Разумеется, и по приземлению. Пола-

гаю, в данной ситуации главное — это благополучно приземлиться. Мы сделаем все ради этого, и прошу вас быть уверенными в том, что мы это сделаем. И последнее, что я хотел вам сообщить, — пунктом прибытия нашего авиалайнера будет Бангор, штат Мэн.

Джерси без воротничка подпрыгнул.

— Что-о-о-о?! — заорал он.

— Наше навигационное оборудование в нормальном рабочем состоянии, но не могу того же сказать о наземных службах, которыми мы пользуемся. В этих условиях я принял решение не входить в обычно перегруженное воздушное пространство Логана. По радио мне ни с кем там связаться не удалось. Похоже, что все радиооборудование самолета в полном порядке, но в нынешней ситуации я не могу полагаться на то, что мне кажется. Международный аэропорт Бангора имеет следующие преимущества: ближайший подлет через сушу, а не над морем, ко времени нашего приземления в 8.30 воздушное движение там либо весьма легкое, либо вообще отсутствует. Кроме того, посадочная полоса там, которую используют и ВВС, самая длинная на западном побережье Соединенных Штатов. Наши британские и французские друзья обычно сажают там свои «конкорды», когда Нью-Йорк перегружен.

Мужчина в джерси заорал на весь салон:

— У меня важная встреча в Бостоне в девять часов, и я запрещаю вам лететь в какой-то странный аэропорт Мэна!

Дайна слегка подпрыгнула от неожиданности, потом подалась дальше от этого голоса, прижавшись щекой к груди Лорел Стивенсон. Она не плакала — нет еще, но Лорел почувствовала, как содрогается ее тело.

— Ты слышишь меня? — снова заорал Джерси. — Мне нужно в Бостон! Я должен обсуждать необычно большую транзакцию финансов, и я намерен прибыть туда вовремя! — Он отстегнул свой ремень и начал подниматься из кресла. Щеки его покраснели, а в глазах появилось отсутствующее выражение, что Лорел нашла весьма пугающим. — Ты меня понял?..

— Прошу вас, — сказала Лорел. — Пожалуйста, мистер, вы пугаете девочку.

Джерси обернулся к ней, и этот жуткий пустой блуждающий взгляд упал на нее. Лорел выжидала.

— Напугал девочку?! Да мы же меняем курс на какой-то сраный аэропорт у черта на куличках! А тебя беспокоит какая-то...

— А ну сядьте, или я вам врежу! — сказал Гаффни, поднимаясь с кресла. Он был старше Джерси лет на двадцать, но куда более массивный, с широкой грудью. Закатав рукава своей красной фланелевой рубашки до локтя, он сжал кулаки. Мускулы на руках приметно вздулись. Выглядел Гаффни как лесопильщик, готовый уйти на пенсию.

Джерси оскалил зубы. Волчья гримаса испугала Лорел, потому что этот человек в костюме Джерси без воротничка сам не понимал, что у него отразилось на лице. Она первой из всех подумала — не безумец ли он.

— В одиночку не получится, папаша, — сказал Джерси.

— Нет, не в одиночку! — Это был лысый человек из отсека делового класса. — Я тебе врежу сам, если не заткнешься.

Альберт Косснер набрался храбрости и добавил:

— Я тоже, ты — поц. — О, как хорошо было вот так высказаться. Вот теперь он почувствовал себя, как один из ребят Аламо, переступивший черту, которую провел полковник Трэвис на земле.

Джерси огляделся по сторонам. И снова лицо исказилось в странной волчьей гримасе.

— Ясно, ясно... Все против меня. Хорошо. — Он уселся и посмотрел на всех ненавидящим взглядом. — Но если бы вы знали хоть что-нибудь о рынке закладных бумаг в Южной Америке... — Он не закончил фразу. На соседнем кресле увидел салфетку. Подобрал ее и начал раздирать на длинные тонкие полоски.

— Кто-нибудь знает, как управляться на кухне с их плитой? — спросил Лысый так, словно ничего не произошло. — Я хочу поужинать.

Никто не ответил.

— Не ожидал такого, — с грустью сказал лысый мужчина. — Эра специализации. Просто жить стыдно в такую эпоху. — С этим философским замечанием Лысый вернулся в деловой класс.

Лорел опустила глаза и увидела, что под оправой темных очков щеки Дайны Беллман были мокрыми от слез. Лорел моментально забыла о собственном страхе, о замешательстве и обняла девочку.

— Не плачь, миленькая. Тот дяденька был просто ужасно расстроен. Сейчас ему лучше.

Если можно назвать лучшим этот неменяемый взгляд и разрывание салфетки на тонкие полоски, — подумала она.

— Я боюсь, — прошептала Дайна. — Мы все кажемся этому дяденьке страшилами.

— Ну нет, я так не думаю, — сказала Лорел, несколько ошарашенная таким заявлением. — Почему ты так подумала?

— Я не знаю. — Дайне понравилась эта женщина, причем с первого момента, когда услышала ее голос. Только она не стала ей рассказывать, что в какой-то миг увидела всех, включая себя. Увидела этого человека с громким голосом. Она побывала внутри него, а звали его мистер Тумс, или Туми, или что-то в этом роде. Для него все они выглядели, как скопище злобных себялюбивых троллей.

Если бы она сказала об этом мисс Ли, та сразу бы решила, что она сошла с ума. Почему бы и этой тетеньке, с которой Дайна познакомилась недавно, не думать так же?

Поэтому Дайна промолчала.

Лорел поцеловала девочку в щеку. Кожа под ее губами была горячей.

— Ты не бойся, маленькая. Мы летим нормально — сама ведь чувствуешь, верно? Через несколько часов будем снова на земле.

— Это хорошо. Но только я хочу мою тетю Викки. А где она, как ты думаешь?

— Не знаю, детка, — ответила Лорел. — Сама хотела бы знать.

Дайна снова подумала о лицах, которые видел крикливый человек: такие злые, жестокие морды. Вспомнила и свое лицо его глазами: поросычья морда, спрятанная за большими черными очками. Вот тогда и дрогнула вся ее смелость, она заплакала, истерично всхлипывая, задев Лорел за живое. Лорел обняла ее, поскольку ничего иного не могла придумать, чтобы успокоить, но при этом и сама заплакала. Минут пять плакали вместе, потом Дайна начала успокаиваться. Лорел посмотрела на худого подростка, которого звали не то Альберт, не то Элвин, и заметила, что и у того глаза были мокрыми. Заметив ее взгляд, он торопливо отвернулся и начал рассматривать свои руки.

Дайна в последний раз судорожно всхлипнула и положила голову на грудь Лорел.

— Слезами горю не поможешь, верно? — сказала она.

— Я тоже так думаю, — отозвалась Лорел. — А почему бы тебе не поспать, Дайна?

Девочка вздохнула — такой одинокий, несчастный звук.

— Наверно, не смогу. Я ведь уже спала.

А рейс №29 продолжал свой полет к востоку на высоте 36 000 футов со скоростью свыше 500 миль в час над черными равнинами Америки.

ГЛАВА 3

*Метод дедукции. — Аварии и статистика. —
Вероятные объяснения. — Давление в подводных
трещинах. — Проблема Бетани. —
Начинается приземление*

1

— А вы знаете, эта девочка сказала нечто весьма любопытное примерно час тому назад, — неожиданно произнес Дженкинс.

Девочка, о которой шла речь, снова спала, несмотря на свои сомнения. Альберт Косснер тоже клевал носом, надеясь еще разок вернуться на мифические улицы полуденного Томбстона. Скрипку в чехле он вытащил из верхней багажной секции и положил себе на колени.

— М-мм? — встрепенулся он.

— Извини, — сказал Дженкинс. — Я тебя кажется разбудил?

— Нет, нет, — заверил его Альберт. — Во всю бодрствую.

Он обратил на Дженкинса свои воспаленные глаза в знак доказательства. Под глазами пролегли тени. Дженкинсу он напомнил енота, которого напугали, когда тот копался в мусорном баке. — Чего она сказала?

— Она сказала мисс Стивенсон, что вряд ли уснет, поскольку уже поспала. До того.

Альберт некоторое время непонимающе смотрел на Дайну.

— Ну, вот она опять спит, — сказал он.

— Я вижу. Но дело не в этом, мой мальчик. Совсем не в этом.

Альберт подумал было сообщить мистеру Дженкинсу, что Туз Косснер — самый ловкий еврей к западу от Миссисипи и единственный техасец, выживший после сражения при Аламо, вовсе не «мой мальчик», но решил пропустить это мимо ушей... пока хотя бы. — Ну, и в чем тут дело?

— Я тоже спал. Заснул буквально до того, как капитан — наш первоначальный капитан — включил сигнал НЕ КУРИТЬ. У меня всегда так. Поезда, автобусы, самолеты — только заведут мотор, я тут же отключаюсь. А как у тебя, мой дорогой?

— Что у меня?

— Ну, тоже засыпаешь? Ты ведь спал, верно?

— Ну спал.

— Мы все спали, понимаешь? Исчезнувшие люди не спали.

Альберт немного подумал над странной идеей.

— Пожалуй... может быть.

— А я тебе говорю, что мы вот тут — все спали. Люди, которые исчезли, все бодрствовали.

Альберт снова обдумал его слова.

— Вообще-то, может быть.

— Для меня это пустяк, — почти благодушно сказал Дженкинс. — Я фантазирую в своих книгах ради куска хлеба. Дедукция — мой хлеб с маслом, если можно так выразиться. Ну сам подумай. Если кто-то бодрствует в тот момент, когда люди исчезают, уж наверняка закричал бы что-нибудь об убийстве, разбудив всех нас. Верно?

— Пожалуй, что и так, — согласился Альберт в задумчивости. — За исключением того человека на заднем сиденье. Его и воздушный налет не разбудит.

— Прекрасно. Твое исключение учтено. Но ведь никто не закричал, верно я говорю? И ни один из нас не знает, что произошло. Отсюда методом дедукции делаю вывод, что исчезли только бодрствовавшие пассажиры. Разумеется, с экипажем.

— Да. Может быть.

— Мой мальчик, я вижу — ты встревожен. По лицу вижу, что такая идея, несмотря на всю ее логичность, у тебя в голове не укладывается. Могу я спросить — почему? Что-нибудь я упустил? — Выражение лица Дженкинса говорило о том, что он в подобную возможность не верит, но что матушка воспитала его вежливым человеком.

— Я просто не знаю, — признался Альберт. — Сколько нас тут? Одиннадцать?

— Да. Считая того человека в заднем ряду, который пребывает в коматозном состоянии, нас одиннадцать.

— Если вы правы, не должно ли нас быть несколько больше?

— А почему, собственно?

Но Альберт умолк, внезапно живо вспомнив картину своего детства. Он был возвращен в некоей теоретизированной сумеречной зоне родителями, которые не были ортодоксами, но и не были агностиками. Он и его братья росли, соблюдая большинство традиций (или законов, предписаний или как они там еще называются). Они отмечали Бар Мицвах, воспитывались на познании того, кто они, откуда пришли и что это могло для них означать. История, которую Альберт лучше всего запомнил в детстве после посещений храма, касалась последней чумы, постигшей фараона, — мрачного дара Ангела Смерти Господня, явившегося утром.

Мысленно он представил себе этого ангела летящим не над землей Египетской, а через рейс №29 и прибирающим в страшное лоно свое большинство пассажиров... не потому, что они позабыли окропить трапезу свою кровью агнца (или спинки своих кресел), а потому... потому...

Почему? Потому — что?

Ответа не было, и Альберт ощутил дрожь. И еще пожалел, что эта старая зловещая история пришла ему в голову.

Мы летим, ковыляя, во мгле, — вспомнил он.

Но ничего смешного в этом не было.

— Альберт? — Голос мистера Дженкинса доносился словно издалека. — Альберт, с тобой все в порядке?

— А, да... Я задумался вдруг. — Он прочистил горло. — Если все спавшие остались здесь, то нас было бы по меньшей мере человек шестьдесят. Может, больше... Вы знаете, что такие рейсы называют «красный глаз»?..

— Дорогой мальчик, тебе не доводилось?..

— Вы не могли бы называть меня Альбертом, мистер Дженкинс? Так меня зовут.

Дженкинс слегка похлопал Альберта по плечу.

— Прости. Честное слово. Я не имел в виду разговаривать свысока. Я, видишь ли, расстроен, а когда расстраиваюсь, я обычно отступаю, ну, вроде черепахи, которая прячет голову в панцирь. Только я отступаю в фантазии. Я словно играю в Фило Вэнса. Он был сыщиком — великим сыщиком, созданным покойным Ван Дайном. Ты, наверно, и не читал такого. Да и вряд ли кто-нибудь его читал в наши дни. А жаль. Короче, в любом случае я приношу извинения.

— Ничего, — ответил Альберт, чувствуя неловкость.

— Итак, ты — Альберт и отныне будешь Альбертом всегда, — пообещал Роберт Дженкинс. — Так вот, я начал было тебя спрашивать, летал ли ты раньше на «красноглазом»?

— Нет. Я вообще через всю страну еще никогда не летал.

— А я летал. Много раз. Несколько раз даже вопреки своей натуре не спал некоторое время. Правда, это случилось, когда я был помоложе, а полеты более шумными. Так вот, должен признать, что мой первый перелет от побережья до побережья проходил на самолете, который делал две посадки... для подзаправки. По моим наблюдениям, очень немногие пассажиры на подобных перелетах засыпают в течение первого часа или примерно такого срока, а потом почти все засыпают. В течение первого часа люди смотрят в иллюминаторы, разговаривают со своими спутниками, что-то пьют...

— То есть как бы обустроиваются, — продолжил Альберт. То, что говорил мистер Дженкинс, было для него вполне логично. Хотя сам он почти не «обустраивался». Он был так возбужден предстоящим путешествием и новой жизнью, которая ожидала его, что в последние пару ночей почти не спал. В результате отключился, едва «Боинг-767» поднялся в воздух.

— Да, устраивают свои маленькие гнездышки, — согласился Дженкинс. — А ты, случайно, не заметил тележку для напитков снаружи кабины пилотов, Альберт?

— Да, там была тележка, — подтвердил Альберт. — Видел.

Глаза Дженкинса засияли.

— Вот-вот! Либо видел, либо споткнулся о нее. Но заметил ли ты ее?

— М-м... наверно, нет, если вы что-то заметили в ней, чего я не увидел.

— Не глаза замечают, а разум, Альберт. Натренированный на дедукциях разум. Я, конечно, не Шерлок Холмс, но тем не менее заметил, что она как раз была извлечена из небольшой кладовой, в которой обычно находится, и что использованные стаканчики все еще стояли на нижней полке тележки. Отсюда я делаю следующий вывод: самолет взлетел без происшествий, набирал рейсовую высоту, и, к счастью, был включен автопилот. Затем капитан выключил сигнал ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ. Все это заняло около тридцати минут с момента взлета. По моим подсчетам, где-то примерно в час ночи. Когда сигнал был отключен, стюардессы поднялись и занялись своей первой задачей — приготовлением напитков для примерно полутора ста пассажиров на высоте 24 000 футов при продолжении подъема. Пилот между тем запрограммировал автопилот выровнять самолет на высоте 36 000 футов, направить его к востоку с такими-то и такими-то изменениями курса. Несколько пассажиров — то есть мы, все одиннадцать — заснули. Остальные — кто-то слегка подремывал (но не настолько глубоко, чтобы спастись от того, что произошло), а большинство полностью бодрствовали.

— Обустроивались в своих гнездышках, — подсказал Альберт.

— Вот именно! Обустроивались в своих гнездышках! — Дженкинс сделал паузу, а потом не без оттенка мелодрамы добавил: — И тогда-то это и произошло!

— Но что произошло, мистер Дженкинс? — спросил Альберт. — У вас есть на этот счет какая-нибудь идея?

Дженкинс долго не отвечал, а когда наконец заговорил, оживление покинуло его голос. Слушая его, Альберт впервые понял, что за несколько театральной манерой говорить мистер Роберт Дженкинс скрывал свой страх. Он был напуган не меньше его. Против этого Альберт ничего не имел — пожилой писатель в потрепанном плаще стал выглядеть более приземленной фигурой.

— Мистерии запертой комнаты — это история с дедукциями в чистом виде, — сказал Дженкинс. — Я сам написал несколько таких, даже больше чем несколько, честно говоря. Но никогда не ожидал оказаться сам участником подобного таинственного случая.

Альберт смотрел на него и не знал, что на это сказать. Вспомнил вдруг историю «Пестрая лента» с Шерлоком Холмсом. Там рассказывалось о ядовитой змее, которая проникала в знаменитую запертую комнату через вентиляционное отверстие. Бессмертному Шерлоку Холмсу не понадобилось даже подключать все свои способности, чтобы разрешить эту загадку.

Но даже если багаж на верхних полках рейса №29 был битком забит ядовитыми змеями, куда исчезли тела? Куда девались тела? Страх вновь пробудился в нем, поднимаясь от ног к самым жизненным органам. Подумал, что за всю свою жизнь никогда еще не был столь непохожим на знаменитого стрелка Туза Косснера.

— Если бы это был просто самолет, — тихо продолжил Дженкинс, — я думаю, что смог бы предложить какой-то вариант. На этом я, собственно, свой хлеб зарабатывал в последние лет двадцать пять. Хочешь услышать один из таких сценариев?

— Конечно, — ответил Альберт.

— Ну, хорошо. Допустим некая теневая правительственная организация, вроде «Магазина» из романа «Поджигательница», решила провести некий эксперимент, а мы оказались подопытными. Целью подобного эксперимента в данных обстоятельствах может быть регистрация эффекта сильного ментального и эмоционального стресса на некоторое число средних американцев. Они, ученые, проводящие эксперимент, накачивают кислородную систему самолета неким лишенным запаха гипнотическим веществом...

— А что, такие бывают? — спросил Альберт заворуженно.

— Есть такие, — ответил Дженкинс. — Например, диалин или метапромиол. Я помню, как в свое время читатели, претендовавшие на «серьезность», высмеивали

истории про Фу Манчу Сакса Ромера. Называли их самой постыдной дешевой мелодрамой. — Дженкинс медленно покачал головой. — А теперь благодаря биологическим исследованиям и всяким там ЦРУ, мы живем в мире, который для самого Сакса Ромера стал бы кошмаром. Дизалин — то же самое, что нервный газ, — лучше всего подходит. Действует очень быстро. Когда его выпускают в воздух, все отключаются, засыпают, кроме пилота, который дышит незараженным воздухом через маску.

— Но ведь... — начал было Альберт.

Дженкинс поднял ладонь и улыбнулся.

— Я знаю твои возражения, Альберт, и могу дать пояснения. Позволишь?

Альберт кивнул.

— Пилот приземляет самолет на какой-то секретной полосе в Неваде, скажем. Пассажиры, которые бодрствовали, когда газ был пущен, и, разумеется, стюардессы вынесены из самолета зловещими людьми в белых униформах. Пассажиры, которые к тому моменту и так спали, вроде меня и тебя, мой юный друг, просто продолжали спать, только сон их был более глубоким, чем прежде. Затем пилот возвращает рейс №29 на прежний курс и включает автопилот. К тому времени, как самолет достигает Роки, эффект газа начинает улетучиваться. Дизалин называют чистым газом, который не оставляет последствий. Никакого ощущения похмелья, другими словами говоря. По интеркому пилот слышит, как кричит слепая девочка, потерявшая свою тетушку. Он понимает, что она разбудит и остальных. Эксперимент начался. Он выходит из кабины и захлопывает за собой дверь.

— Как он может это сделать? Ручки же нет снаружи.

Дженкинс отмахнулся жестом руки.

— Самая элементарная вещь на свете, Альберт. Он использует полоску клейкой ленты, клеящейся стороной наружу. Достаточно легкого толчка и дверь заперта.

Улыбка восхищения появилась на лице Альберта, но тут же замерла.

— Пилот, находившийся на борту, выходит, должен быть одним из нас.

— И да, и нет. По моему сценарию, Альберт, пилот есть пилот. Да, среди пассажиров оказался пилот, который, как предполагается, летит в Бостон. Он сидел в первом классе недалеко от кабины когда, пардон, дерьмо упало на вентилятор.

— Капитан Энгл, — со страхом прошептал Альберт.

Дженкинс ответил удовлетворенным тоном, как учитель геометрии произносит «что и требовалось доказать» в конце длинной и сложной теоремы.

— Капитан Энгл, — согласился он.

Оба не заметили того, что джерси смотрел на них блестящими лихорадочными глазами. Теперь он отвернулся от них, вытащил из кармашка в переднем сиденье журнал, сорвал с него обложку и принялся отрывать от нее длинные тонкие полоски. Бросал их на пол, где уже валялись такие же полоски от изорванной ранее салфетки.

Губы его беззвучно шевелились.

2

Если бы Альберт изучал Ветхий Завет, он бы познал, как себя чувствовал Савл, самый ярый преследователь ранних христиан, когда пелена упала с его глаз по дороге в Дамаск. Он уставился на Роберта Дженкинса с сияющим энтузиазмом, всякую сонливость, как рукой сняло.

Ну конечно же, если как следует все обдумать или кто-нибудь вроде мистера Дженкинса продумал это за тебя, все становилось настолько очевидным, что не допускать этого было бы невозможно. И неважно, поношенный у него плащ или нет, — главное, он был голова! Почти все пассажиры и весь экипаж «Гордости Америки», рейс №29, исчезли в районе пустыни Моджейв. И одним из спасенных оказался — сюрприз! сюрприз! — другой пилот «Гордости Америки», который, по его собственному утверждению — «квалифицированный пилот для управления именно этой моделью самолета».

Дженкинс наблюдал за Альбертом и теперь улыбнулся. В его улыбке не было особого юмора.

— Ну что, соблазнительный сценарий? Верно? — сказал он.

— Нам нужно будет его схватить, как только приземлимся, — сказал Альберт, потирая щеку ладонью. — Давайте так: вы, я, мистер Гаффни и тот англичанин. Он вроде бы сильный человек. Вот только... а что, если британец тоже в этом замешан? Вдруг он телохранитель капитана Энгла? Это я так... вдруг кто-то, как и вы, догадался обо всем.

Дженкинс раскрыл было рот, чтобы ответить, но Альберт его торопливо опередил.

— Лучше захватить их обоих. Как-нибудь. — Он слегка улыбнулся мистеру Дженкинсу — улыбкой Туза Косснера, холодной, скупой, опасной. Улыбкой человека, который проворнее молнии и знает это. — Я, может быть, и не самый умный парень на свете, мистер Дженкинс, но я и не лабораторная крыса ни для кого.

— Но это же все не выдерживает критики, — спокойно заметил Дженкинс.

— Что?! — Альберт часто замигал.

— Я говорю — сценарий, который я тебе обрисовал. Он не выдерживает критики.

— Но вы же сказали...

— Я сказал: если бы дело касалось только самолета, я бы мог предложить какой-то сценарий. Я это и сделал. И неплохой. Если бы это была идея книги, уверен, что мой агент ее бы продал. К сожалению, речь идет не только о самолете. Денвер возможно и находился внизу, но все его огни были отключены. Я рассчитал наш полет по своим часам и могу сказать тебе, что дело тут не только в Денвере. Ни единого признака Омахи и Де-Мойна там, в темноте, не было, мой мальчик. Я вообще ни единого огонька не увидел. Никаких признаков ферм, зернохранилищ, аэропортов, шоссежных дорог. А эти вещи по ночам хорошо видны, ты знаешь. Тем более с нынешним интенсивным освещением они очень заметны даже с высоты шести миль. Вся страна погружена в полный мрак. Конечно, можно предположить, что некое весьма неэтичное государственное агентство втянуло нас в какой-то

эксперимент, чтобы понаблюдать за нашей реакцией. Чисто гипотетически, по крайней мере. Но во что я никак не могу поверить, так это в то, что «Магазин» уговорила всех на нашем пути погасить все огни, чтобы подкрепить иллюзию, будто мы остались совершенно одни.

— А что если все это — фикция, розыгрыш? — предположил Альберт. — Может быть, мы все еще на земле, а за окном нам показывают фильм. Я как-то видел кино на эту тему.

Дженкинс с сожалением покачал головой.

— Возможно, этот кинофильм был интересным, но я не верю, что он сработал бы в реальной жизни. Если только наше гипотетическое секретное агентство не усовершенствовало какой-нибудь широкоэкранный трехмерный проектор. Думаю, что нет. То, чему мы свидетели, происходит не только внутри самолета, Альберт, вот почему все мои дедукции рассыпаются в прах.

— Но пилот! — возбужденно возразил Альберт. — Как это получилось, что он оказался здесь в самое нужное время?

— Ты любишь бейсбол, Альберт?

— Я-то? Да не особенно. Ну, иногда смотрю по телеку, как играют Доджеры. Но это так...

— Тогда я тебе, если позволишь, приведу возможно самый удивительный случай в истории этой игры, который как раз объясняется законами статистики. В 1957 году Тед Вильямс поразил первую базу шестнадцать раз подряд. И такая удача повторялась шесть матчей подряд. В 1941 году Ди Маджио отбил мяч в пятидесяти шести ударах подряд. Однако результаты Ди Маджио бледнеют по сравнению с результатами Вильямса. У последнего вероятность составила один к двум миллиардам. Любители бейсбола любят повторять, что удачу Ди Маджио никому не превзойти. Я не согласен. Более того, готов спорить, если бы они продолжали играть еще тысячу лет, начиная с сегодняшнего дня, счет Вильямса по шестнадцать попаданий подряд останется рекордным.

— И что из этого следует?

— Я полагаю, что присутствие капитана Энгла на борту нынешней ночью не более и не менее как случайность,

подобная шестнадцати попаданиям подряд Теда Вильямса. И учитывая наши обстоятельства, я бы сказал, что это счастливая случайность. Если бы жизнь была подобна детективной истории, Альберт, где счастливые случайности недопустимы, как и счастливые совпадения, все было бы куда сложнее. Но я обнаружил, что в реальной жизни совпадения не являются исключением, они скорее правило.

— Тогда что же все-таки происходит? — прошептал Альберт.

Дженкинс протяжно вздохнул.

— Боюсь, я не тот человек, которого следует спрашивать об этом. Плохо, что с нами на борту нет Ларри Нивена или Джона Варли.

— А кто они?

— Писатели в жанре научной фантастики, — ответил Дженкинс.

3

— А ты фантастикой не увлекаешься? — неожиданно спросил Ник. Брайан обернулся и посмотрел на него. Ник тихо сидел в кресле штурмана с тех пор, как Брайан два часа тому назад занял место главного пилота. Он молча наблюдал все попытки Брайана хоть с кем-нибудь связаться, будь то на земле или в воздухе.

— Да нет, когда мальчишкой был, с ума сходил по фантастике, — ответил Брайан. — А ты?

Ник улыбнулся.

— Лет до восемнадцати я считал, что Святая Троица состоит из Роберта Хейнлейна, Джона Кристофера и Джона Уиндема. Сейчас вот сидел и вспоминал все эти старые истории. Думал о таких экзотических вещах, как искривление времени и искривление пространства, о нашествиях чуждых цивилизаций.

Брайан кивнул. Почувствовал облегчение: хорошо было сознавать, что не одному ему лезли в голову безумные мысли.

— Я вот к чему: у нас нет никакого способа выяснить, осталось ли там внизу что-нибудь?

— Нет, — ответил Брайан. — Такой возможности у нас нет.

Над Иллинойсом низкие облака полностью закрыли черный массив земли далеко внизу. Он был уверен, что земля там была. Роки выглядели успокаивающе знакомыми даже с высоты в 36 000 футов. Но за их пределами он уже ни в чем не был уверен. А облачный покров мог простираться до самого Бангора. Без контроля над воздушными сообщениями он не имел возможности что-либо узнать. Брайан перебрал в голове несколько вариантов. Самым неприятным был такой: они прорвутся вниз сквозь облака и обнаружат, что никаких признаков жизни там нет, и что аэропорт тоже исчез. Где тогда ему совершать посадку этой птички?

— А я, понимаешь, всегда привык ожидать худшего, — сказал Ник.

Худшего по сравнению с чем? — подумал Брайан, но спрашивать не стал.

— А что, если ты опустишься вниз, и мы полетим на высоте пять тысяч, — предложил Ник. — Просто бросить взгляд. Может, зрелище небольших городков и автомагистралей нас как-то успокоит?

Брайан обдумывал уже эту идею. Она была очень заманчива.

— Соблазнительно, — сказал он, — но сделать этого я не могу.

— Почему?

— Потому что я в первую очередь отвечаю за пассажиров, Ник. Они ведь скорее всего ударятся в панику, даже если я им заранее все объясню. Подумай сразу об этом нашем скандальном приятеле, который опаздывает на важную встречу. Ну, тот, которому ты нос завернул.

— Беру его на себя, — ответил Ник. — Да и других, которые начнут бузить, тоже.

— Я уверен, что ты справишься, — согласился Брайан, — но все равно не вижу нужды пугать их. Мы в итоге и так все узнаем. Не вечно же нам быть наверху.

— Ты прав, дружок, — сухо отозвался Ник.

— Я мог бы это сделать, если бы был уверен, что под облаками окажусь на высоте хотя бы 4-5 тысяч футов, но

без диспетчера и без связи с другими самолетами такой уверенности у меня нет. Я даже не могу предположить, какие там внизу погодные условия. Ты можешь, конечно, посмеяться, но...

— Я далек от смеха, дружок, поверь.

— А что, если предположить, что мы проскочили в некую временную петлю, как в фантастическом рассказе? Я опущу самолет под облака, и мы успеем увидеть бронтозавров, пощипывающих травку на поле фермера Джона, прежде чем нас разнесет на части какой-нибудь циклон.

— Ты и вправду думаешь, что такое возможно? — спросил Ник.

Брайан внимательно посмотрел на него, пытаясь понять, нет ли сарказма в его вопросе. Похоже, что нет, но — кто его знает? Британцы известны своим ехидным чувством юмора.

Брайан хотел рассказать ему, что однажды видел нечто похожее, но передумал, решив, что это прозвучит тоже несерьезно.

— Нет, конечно, такое вряд ли возможно, — сказал он. — Но ты, я думаю, представляешь себе, что у нас нет ни малейшей идеи относительно того, что происходит и с чем мы имеем дело. Можем, например, врезаться в совершенно новую гору, которая прежде была Нью-Йорком, или столкнуться с другим самолетом. Вообще, если это искривленное время, мы точно так же могли бы оказаться в будущем, как и в прошлом.

Ник посмотрел сквозь окно.

— Похоже, что все небо наше.

— Здесь, наверху — да. А внизу — кто знает? Вот это «кто знает» для пилота авиалиний — рискованная ситуация, вроде того, что выпадет в кости. Я намерен пролететь над Бангором, если такие облака и над ним. Пролетим тогда над Атлантикой и нырнем под потолок на обратном пути дугой. Не так будет рискованно, если снизимся над водой.

— Ясно. Значит, пока что продолжаем полет.

— Правильно.

— И выжидаем.

— Тоже верно.

Ник вздохнул.

— Ну что ж, ты — капитан.

Брайан улыбнулся.

— Считай, что вам всем повезло.

4

Глубоко в трещинах на дне Тихого и Индийского океанов живут рыбы, которые никогда не видели и не ощущали солнечного света. Эти странные создания плавают в безднах, как призрачные баллоны, освещаемые изнутри собственным свечением. Хотя они и выглядят хрупкими созданиями, на самом деле это чудо биологии, созданное, чтобы выдерживать давление, способное в один миг расплющить человека. Их великая сила одновременно и их слабость: пожизненно заключенные в своем странном теле, они обречены вечно существовать в черных безднах. Если их ловят и вытаскивают на поверхность, к солнцу, они просто взрываются. Не внешнее давление разрушает их, а как раз его отсутствие.

Крэг Туми вырос в своей собственной темной трещине и жил в собственной атмосфере высокого давления. Его отец был служащим в банке. Он подолгу отсутствовал дома — карикатурный тип круглого отличника. Своего единственного сына он подгонял так яростно, как и самого себя. Истории, которые рассказывал отец на сон грядущий, когда Крэг был еще совсем ребенком, пугали мальчика. И не удивительно, потому что страх был именно той эмоцией, которую Роджер Туми старался пробудить в мальчике. Эти истории главным образом были о расе чудовищных созданий, называемых лангольерами. Их миссия в жизни, их, так сказать, работа (а в мире Роджера Туми все имело свою работу, все занималось выполнением серьезных задач) состояла в том, чтобы набрасываться на ленивых, расхлябанных детей. К тому времени, как ему исполнилось семь лет, Крэг стал целеустремленным круглым отличником во всем, как и его отец. Он решил навсегда: лангольерам до него не добраться. Никогда.

Четвертной табель, в котором не стояли сплошные пятерки, был неприемлемым. Иная оценка становилась темой лекции, насыщенной пугающими предостережениями о том, какой станет жизнь, когда придется рыть канавы или опорожнять мусорные ящики. Четверка была наказуема обычно недельной изоляцией в своей комнате. В течение такой недели Крэгу разрешалось только ходить в школу и появляться за столом во время семейной трапезы. Для хорошего поведения выходных не было. С другой стороны, выдающееся достижение, например, когда Крэг в соревнованиях трех школ победил в десятиборье, никакой похвалы не удостоивалось. Когда Крэг показал отцу медаль за такое достижение, врученную ему в присутствии всех учащихся, отец посмотрел на нее, невразумительно хмыкнул и снова уткнулся в свою газету. Крэгу было девять лет, когда отец умер от сердечного приступа.

Его мать была алкоголичкой, чье увлечение сдерживалось страхом перед человеком, за которого она вышла замуж. Как только Роджера Туми не стало, и прекратились его регулярные поиски припрятанных бутылок, которые он разбивал и за которые отвешивал ей пощечины, требуя взять себя в руки, Катрин Туми с энтузиазмом отдалась делу жизни. Она попеременно то окружала своего сына необычайной любовью, то замораживала полным отворачиванием к нему, в зависимости от содержания джина в ее крови в данный момент. Порой ее поведение выглядело странным, а порой — зловещим. В день, когда Крэгу исполнилось десять лет, она засунула ему большую кухонную спичку между пальцами ног, подожгла ее и запела «хэппи берсдэй ту ю», пока спичка медленно догорала до самой плоти. Она предупредила его, что если он попытается стряхнуть спичку, то она немедленно отправит его в сиротский приют. Угроза сиротского приюта звучала довольно часто, когда Катрин Туми надиралась. «Я вынуждена буду это сделать в любом случае, — сказала она ему, — поджигая спичку между пальцами ног рыдающего сына, подобно хилой свечке по случаю дня рождения. — Ведь ты вылитый отец. Он совершенно не умел развлечься.

И ты такой же. Ты такой зануда, Крэгги-вегги». Она допела куплет и задула спичку не раньше, чем кожа поджарилась между вторым и третьим пальцами правой ступни Крэга. Он никогда не смог забыть желтого пламени, чернеющей спички и растущего жжения, пока мать заплетающимся языком и фальшивым голосом тянула «Хэппи берсдэй ту ю-уууу».

Давление.

Давление в бездне.

Крэг Туми продолжал быть во всем отличником и проводил много времени в своей комнате. Место заключения превратилось для него в убежище. Обычно он там занимался уроками, но порой, когда становилось тошно, когда чувствовал себя припертым к стене, он брал листы бумаги и разрывал их на тонкие полоски. Рассеянно бросал их к ногам, а глаза невидяще смотрели в пустоту. Такие периоды умственной опустошенности были нечасты. В то время, по крайней мере.

На выпускной церемонии в школе ему, как лучшему ученику, было поручено произнести речь. Мать не присутствовала. Она была пьяна. Потом Крэг закончил школу менеджеров. На церемонии вручения диплома матери не было. Она умерла. В глубокой черной трещине, которая существовала в его сердце, жила уверенность, что лангольеры в конце концов пришли за ней.

В качестве начальной практики Крэг пошел работать в калифорнийскую банковскую корпорацию «Солнце пустыни». Проявил себя очень хорошо — чему уж тут удивляться? Крэг Туми был создан отличником во всем, он был воспитан добиваться всего. Иногда, во время передышки в работе (в те дни, всего пять лет тому назад, такие передышки бывали краткими), он отправлялся в свою квартиру в Вествуде, в полумиле от дома, который занимал Брайан Энгл после развода, и часами рвал бумагу на узенькие полоски. Такие случаи стали учащаться.

В течение тех пяти лет, когда Крэг как одержимый работал в корпорации, не жалея себя, вроде гонимого пса, мчащегося за механическим зайцем, ходили слухи, что он может стать самым молодым вице-президентом за всю

славную сорокалетнюю историю «Солнца пустыни». Но есть рыбы, которые всплывают до определенного предела и взрываются, когда выходят за него.

Восемь месяцев назад Крэгу поручили возглавить его первый крупный проект. Проект был разработан отделом закладных документов и долговых обязательств. Такие документы в зарубежных филиалах были как раз специализацией Крэга. Проект предусматривал выкуп ограниченного числа малоперспективных закладных бумаг в Южной Америке по точно рассчитанной схеме. Такие бумаги называли обычно закладными скверного долга. Идея операции была достаточно продуманной, учитывающей ограниченное страхование закладных бумаг и приличную разницу в налогах, что обеспечивало прибыль (Дядя Сэм лез из кожи, чтобы сохранить сложную структуру южноамериканских задолженностей от краха, как картонный домик). Только делать все следовало исключительно осторожно.

Крэг Туми представил смелый план, который вызвал немало вопросов. Суть его состояла в закупке большого количества аргентинских долговых обязательств, которые считались самыми скверными. Крэг убедительно агитировал за свой план, иллюстрируя его фактами из сферы производства, цифрами и показателями, ради того, чтобы доказать, что аргентинские бумаги были куда лучше, чем они представлялись. Одним смелым шагом, убеждал он, «Солнце пустыни» способно стать самой важной и самой богатой корпорацией по скупке иностранных залогов на всем американском западе. Деньги в этом случае будут менее важным фактором, чем их репутация и надежность в перспективе.

После долгих дискуссий, порой весьма жарких, плану Крэга был дан зеленый свет. Том Холби, старший вице-президент, после обсуждения отвел Крэга в сторонку и поздравил его... но и предостерег. «Если к концу нынешнего финансового года все получится так, как ты говоришь, ты станешь всеобщим любимчиком. Но если не получится, окажешься на пяточке, продуваемом всеми ветрами, Крэг. Я бы тебе на всякий случай порекомендо-

вал в ближайшие несколько месяцев приготовить для себя хорошее убежище от штормов».

— Мне такое убежище не понадобится, мистер Холби, — уверенно ответил Крэг. — После этой операции у меня крылья вырастут. Это будет операция века по скупке закладных, все равно что найти алмазы в конюшне. Посмотрите — сами убедитесь.

В тот вечер он рано уехал домой. Вошел в свою квартиру, заперся на три запора и тотчас уверенная улыбка сползла с его лица. Вместо нее появилось растерянное и отрешенное выражение. По пути домой он купил журналы. Теперь, отнеся их на кухню, аккуратно разложил перед собой на столе и начал отрывать от них длинные узенькие полоски. Он делал это в течение шести часов подряд. Рвал, пока журналы не превратились в грудку бумажной лапши. Его туфли были погребены под ней. А сам он выглядел, словно единственный спасшийся после взрыва на фабрике.

Залоговые бумаги, которые он предлагал скупить, в частности аргентинские, были куда более рискованные, нежели он их обрисовал. Он проталкивал свой план, кое-какие факты преувеличивая, кое-какие замалчивая, а кое-какие домысливая. Последних, правда, была самая малость. И дома он рвал бумагу на полоски несколько часов кряду и недоумевал, зачем он это сделал. Ему неизвестны были рыбы, живущие в трещинах океанического дна и умирающие, так никогда не увидев солнечного света. Крэг не знал, что существуют и люди, для которых губительным является не оказываемое на них давление, а как раз его отсутствие. Он только знал, что испытывает неодолимый порыв купить эти закладные, чтобы наклеить себе на лоб мишень.

Теперь ему предстояла встреча с представителями пяти крупных банковских корпораций в бостонском Центре Благоразумия. Будут сопоставляться факты, будет много разговоров о перспективах развития мирового рынка закладных бумаг, будет большая дискуссия по поводу закупок последних шестнадцати месяцев и результатов этих закупок. Прежде, чем закончится первый день их трех-

дневной встречи, все они узнают то, что Крэгу Туми было известно в течение последних девяноста дней: закладные, которые он скупил, имели ценность не выше шести центов на доллар. А вскоре после этого руководство «Солнца пустыни» обнаружит и остальную правду — что он купил в три раза больше этих закладных, чем ему было поручено. К тому же Крэг вложил все свои личные сбережения, до последнего цента, в эту операцию. Впрочем, на последнее им будет в высшей степени наплевать.

Кому ведомо, как чувствует себя та рыба из глубинных трещин, когда ее быстро вытаскивают на поверхность океана, к солнечному свету? Не исключено, что ее последние мгновения более наполнены экстазом, нежели ужасом. Возможно, что она ощущает всю сокрушительную реальность того давления только после того, как оно исчезает. Если рыба способна думать, не исключено, что она думает с восторгом: наконец-то я свободна от этого груза! И думает так за секунды до того, как взорвется. Может быть, все и не так. Рыба из глубин может вообще ничего не чувствовать, по крайней мере, в нашем понимании этого слова, и уж конечно, не способна думать... но люди такой способностью наделены.

Вместо ощущения позора Крэгом владело чувство великого облегчения, некой кошмарной радости, когда он направлялся к рейсу №29 в Бостон. Ему предстояло взорваться, а чувство было — «ну и наплевать». Более того, он с нетерпением ожидал этого момента. Ощущал, как давление слой за слоем сбрасывается с его кожи по мере того, как он приближается к поверхности океана. Впервые за последние недели он не рвал бумагу на полоски. Заснул в своем кресле, едва самолет отчалил от посадочных ворот. И спал, как младенец, до того момента, как этот слепой щенок начал визжать.

Теперь ему говорили, что все переменялось, а такого допустить было нельзя. Невозможно допустить подобное. Он попался в сеть, ощущал головокружительный подъем. Чувствовал, как растягивается его кожа, словно пытаюсь компенсировать потерю давления. Нет, не могут они передумать и бросить его обратно в бездну.

Бангор?

Бангор, Мэн?

Ну уж нет. Ни за что.

Крэг Туми смутно сознавал, что большинство пассажиров рейса №29 куда-то исчезли, но это ему было безразлично. Они не являлись важным фактором.

Безумная идея повернуть в Бангор, Мэн... чей именно план это был?

Разумеется, пилота. Идея Энгла. Так называемого капитана.

Итак, Энгл... Энгл вполне может быть... может быть агентом противника. Крэг в душе заподозрил это с того момента, как Энгл начал говорить по интеркому. Но при чем тут душа, в самом-то деле? Нет. Он слышал разговор между этим тощим пацаном и мужиком в поношенном плаще. Вкус в одежде у того был, конечно, кошмарный, но то, что он говорил, для Крэга Туми имело глубокий смысл.

В этом случае пилот должен быть одним из нас, — говорил мальчишка.

И да, и нет, — ответил мужик в плаще. — По моему сценарию пилот есть пилот. Он случайно оказался среди пассажиров, летящих в Бостон, случайно оказался сидящим в каких-нибудь тридцати шагах от двери кабины.

Энгл, иными словами говоря.

А другой тип, который выкручивал Крэгу нос, явно был связан с ним в качестве прикрытия и охранял Энгла от любого, кто бы мог их разоблачить.

Он перестал подслушивать разговор между мальчишкой и типом в плаще, когда тот понес какую-то околесицу насчет того, что Денвер, Де-Мойн и Омаха исчезли. Идея, что три крупных города Америки просто-напросто исчезли, была чистейшим абсурдом... но это отнюдь не означало, что все сказанное этим типом было бредятиной.

Само собой разумеется, это был эксперимент. Идея вовсе не глупая. А вот то, что все они оказались объектом эксперимента, чушь.

Это я, — подумал Крэг. — Именно я являюсь объектом эксперимента.

Всю свою жизнь Крэг ощущал себя объектом некоего эксперимента, вроде этого в том числе.

Перед вами, джентльмены, вопрос дозировки: какое давление необходимо для успеха. Правильная дозировка произведет некий икс-фактор. Что за икс-фактор? Вот это нам и покажет наш подопытный субъект мистер Крэг Туми.

Но тут-то Крэг Туми и сделал нечто такое, чего они не ожидали вместе со всеми своими подопытными кроликами, крысами и морскими свинками: он заявил им, что выходит из игры.

Но ты же не можешь! Взорвешься!

Взорвусь? Ну и отлично.

Теперь ему все стало ясно. Очень ясно. Все остальные люди тут были либо невинными зеваками, либо антуражем, нанятым, чтобы придать достоверность маленькому дурацкому спектаклю. Все было разыграно ради того, чтобы удержать Крэга Туми подальше от Бостона и не допустить его выхода из эксперимента.

Но я им покажу, — думал Крэг.

Он вытащил еще один журнал из кармашка переднего сиденья и посмотрел на него. На обложке был изображен счастливый мужчина, человек, наверняка отродясь не слышавший о лангольерах и не подозревавший о том, что они таились повсюду, за каждым деревом и кустом, в каждой тени там, за горизонтом. Счастливый человек катил по живописной сельской местности в автомобиле, арендованном у фирмы «Авис». Реклама гласила: «Когда вы предъявите карточку постоянного клиента «Гордости Америки» в бюро «Авис», вам непременно предоставят автомобиль, а если пожелаете, то и с интересной водительницей». Он начал отрывать узкую полоску от лоснящейся рекламы. Долгий, медленный звук рвущейся бумаги был одновременно и сокрушительным, и успокаивающим.

Они увидят сами, когда я скажу им, что выхожу из игры. Убедятся, что у меня слово с делом не расходится.

Он уронил полоску на пол и принялся за следующую. Важно было отрывать их медленно. Так же важно было, чтобы они были как можно уже. Но сделать их слишком

узкими было нельзя, поскольку они обрывались на середине. Для того, чтобы сделать каждую полосу ровной, нужно было иметь хороший глазомер и твердые руки.

А я обладаю и тем и другим. Советую проверить. Очень советую.

Prrrip.

Может быть, придется убить пилота.

Его пальцы замерли на половине листа. Посмотрел в иллюминатор и увидел собственное отражение на фоне черноты — бледное длинное лицо.

Возможно, мне придется убить и англичанина.

Крэг Туми никого в своей жизни не убивал. Способен ли он совершить такое? С чувством растущего облегчения решил, что способен. Конечно, не во время полета. Англичанин был слишком ловок и силен. К тому же здесь уж точно не было подходящего оружия. Но когда они приземлятся?..

Да. Тогда, если придется, — да.

В конце концов конференция была рассчитана на три дня. Сейчас становилось ясно, что его опоздание было неизбежным, но он хотя бы сможет объяснить: его усыпили и взяли в заложники — какое-то правительственное агентство. Это их шокирует. Даже представил себе их потрясенные лица, когда он выступит перед ними. Триста банкиров со всей страны, собравшиеся, чтобы обсудить заклады и долги, — а вместо этого услышат грязную правду о том, на что пошло правительство.

Друзья мои, я был похищен, — prrrриип, — и мне удалось спастись, только когда я... — prrриип.

Если мне придется это сделать, я могу убить их обоих. Фактически я могу убить их всех.

Пальцы Крэга Туми снова задвигались. Он закончил отрывать полосу, бросил ее на пол и приступил к следующей. В журнале было полно страниц, и много полосок получалось из каждой страницы, а это означало, что работы хватит до того, как самолет приземлится. Он ни о чем не беспокоился.

Крэг Туми был из тех, для кого не было ничего невозможного.

Лорел Стивенсон не стала засыпать, а погрузилась в состояние легкой полудремоты. Ее мысли, которые в этой полудреме напоминали сны, вернулись к вопросу: зачем она на самом деле летела в Бостон?

Мне предстоит мой первый настоящий отпуск за десять лет, — сказала она, но это было ложью. Маленькое зернышко присутствовало, но она и сама сомневалась, что ее заявление прозвучало правдоподобно. Она была воспитана говорить правду, а потому соврала явно неумело. Хотя в то же время понимала, что вряд ли кому-либо из пассажиров рейса №29 было до этого дело. Во всяком случае, не в нынешней ситуации. Тот факт, что она летела в Бостон, чтобы встретиться и наверняка переспать с человеком, которого прежде не знала, бледнел по сравнению с тем, что она летела на восток в самолете, большинство пассажиров которого и экипаж исчезли.

Дорогая Лорелл,

Я с таким нетерпением жду нашей встречи. Тебе даже не придется сверять мою внешность с фотографией, когда выйдешь из самолета. Во мне все трепещет от радости, и все, что тебе понадобится, это поискать взглядом парня, который парит где-нибудь под потолком...

Его звали Даррен Кросби.

Ей не было нужды рассматривать его фотографию — это было верно. Запомнила его лицо, как и большинство писем. Оставался вопрос: зачем? На этот вопрос у нее ответа не было. Даже намек на ответ. Только подтверждалось высказывание Толкиена: тебе следует быть осторожным каждый раз, как выходишь за порог своего дома, ибо за ним лежит дорога, и дорога эта ведет только вперед. Если не будешь осторожен, окажешься... ну, в общем... просто пропадешь — незнакомец в чужой стране, не знающий, как он туда попал.

Лорел всем сказала, куда она отправляется, но никому не объяснила, зачем туда отправлялась и чем сама занималась. Она была выпускницей Калифорнийского университета, библиотечным специалистом. Хотя в манекенщицы

она не годилась, но фигура и внешность ее были вполне симпатичными. У нее был свой узкий круг друзей, которых наверняка поразил бы ее поступок: отправиться в Бостон, решиться остаться с человеком, которого знала только по переписке, с человеком, которого встретила в журнале, в популярной рубрике «Друзья и возлюбленные».

Да она и сама была поражена этим.

Даррен Кросби имел рост шесть футов один дюйм, весил сто восемьдесят фунтов, глаза — темно-голубые. Предпочитал виски «Скотч» (но немного), имел кота по кличке Стэнли, никаких сексуальных вывихов, истинный джентльмен (каковым себя считал). Для него Лорел — самое прекрасное в мире имя. Фотоснимок, который он прислал, изображал мужчину с приятным открытым и умным лицом. Она предположила, что он принадлежит к тому сорту мужчин, которые обретают зловещий облик, если не бреются дважды в день. Вот и все, что ей было известно.

За пять лет Лорел поддерживала переписку с шестью мужчинами. Полагала, что это всего лишь хобби, но никак не ожидала, что предпримет в итоге такой шаг.

Она полагала, что частью привлекательности этого человека было его чувство юмора, безжалостного и к самому себе. В то же время понимала, что подлинная причина лежит в ней, а не в нем. Разве не привлекательной была эта ее неспособность понять собственные порывы, не свойственные ее же характеру? Взять и полететь в неведомое, надеясь, что ударит именно та молния, какая ей нужна.

Что ты делаешь? — снова спрашивала она себя.

Самолет короткое время затрясло в турбулентном потоке, но тут же все прекратилось. Лорел заворочалась в своей полудреме, подняла голову и осмотрелась. Увидела девушку, которая заняла место поблизости от нее. Она смотрела в иллюминатор.

— Что там видно? — спросила Лорел. — Что-нибудь видно?

— Солнце восходит, — ответила девушка. — Больше ничего.

— А что там на земле? — Лорел не хотелось подниматься и самой смотреть в иллюминатор. Голова Дайны все еще покоилась у нее на груди, и будить девочку не хотелось.

— А ничего не видно. Сплошные облака внизу. — Девушка огляделась по сторонам. Глаза ее прояснились и восстановился нормальный цвет лица, даже с намеком на румянец. — Меня зовут Бетани Симмс. А тебя как?

— Лорел Стивенсон.

— Как думаешь, все будет в порядке?

— Думаю — да, — ответила Лорел и на всякий случай добавила: — Надеюсь, по-крайней мере.

— А мне что-то страшновато. Боюсь того, что может оказаться под этими облаками, — призналась Бетани. — Впрочем, мне и без того было страшно. Насчет Бостона. Моя мать вдруг решила, что это прекрасная идея, если я погощу у тетки Шауны, хотя через десять дней в школу идти. Главное было спихнуть меня, как агнца божьего, чтобы тетка мне тут же ошейник набросила.

— Какой ошейник?

— Как в игре в «Монополию». Не проходи через «Иди», не получай двести долларов, отправляйся в ближайшую клинику и начинай просыхать, — сказала Бетани. Она пальцами причесала свои коротко подстриженные темные волосы. — Для меня уж такая жуть начиналась, что эта ситуация стала примерно из той же оперы. — Она внимательным взглядом изучила Лорел и серьезно добавила: — Слушай, а ведь это все на самом деле происходит? Я уж тут щипала себя несколько раз: думаю, снится мне это, что ли? Ничего не меняется.

— Да, представь себе, на самом деле.

— Не похоже на реальность, — сказала Бетани. — Скорее, выглядит все, как в этих кинокатастрофах. «Аэропорт 1990» или что-то в этом роде! Даже ищу глазами парочку старых актеров, вроде Вилфорда Бримли или Оливии де Хевиллэнд. Они должны познакомиться во время всей этой хреновины и влюбиться, помнишь?

— Я не думаю, что они летят этим рейсом, — вполне серьезно ответила Лорел. Они посмотрели друг другу в

глаза и обе чуть не рассмеялись. Смех, возможно, сразу сблизил бы их, сделал друзьями. Но этого не произошло. Вернее, не совсем...

— А как у тебя, Лорел? Тоже какая-нибудь кинокатастрофа?

— Боюсь, что нет, — ответила Лорел... и вдруг все-таки рассмеялась. Потому что неоновой вывеской в сознании вспыхнула фраза: *Что же ты врешь?!*

Бетани тоже хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

— Господи, — сказала она, — ну и бредятина. У нас тут летающий дурдом, верно?

Лорел кивнула.

— Верно. — Она сделала паузу и спросила: — А тебе правда необходима клиника, Бетани?

— Не знаю. — Она снова отвернулась и заглянула в иллюминатор. Улыбка исчезла с ее лица, голос зазвучал холодно. — Может, и нужна. Я все как-то считала это забавой, а теперь и сама не знаю. Наверно, все вышло из-под контроля. Но быть вот так высланной... Чувствую себя, как свинья на бойне.

— Извини, — сказала Лорел, хотя ощущала, что и сама может вызывать сожаление. Слепая девочка уже приняла ее, но двух приемышей ей многовато. Теперь, полностью бодрствуя, она испытала страх. Да, ей стало очень страшно. Не хотелось бы ей стать объектом, на который эта девица обрушит всю свою панику в стиле кинокатастроф. Тут же невольно улыбнулась от этой мысли. В самом деле, все это выглядело чистейшей бредятиной.

— Ты меня тоже извини, — сказала Бетани. — Сейчас самое неподходящее время беспокоиться о таких вещах, верно?

— Пожалуй, верно, — согласилась Лорел.

— А ведь пилот во всех этих фильмах про Аэропорт никогда не исчезал. Ведь так?

— Да, я что-то такого не припомню.

— О! Времени уже почти шесть часов утра. Еще два с половиной часа лететь.

— Да.

— Хоть бы весь мир оставался на месте там внизу. Для начала и это было бы неплохо. — Она посмотрела на Лорел пристально. — Не думаю, что при тебе есть травка, верно?

— Боюсь, что нет.

Бетани пожала плечами и устало улыбнулась Лорел.

— Ну, что ж. Тут ты явно впереди меня. А мне что-то страшновато.

6

Позднее Брайан Энгл проверил курс, скорость, показания навигационных приборов и карту. В последнюю очередь проверил время по своим наручным часам. Было восемь часов две минуты.

— Ну что же, — сказал он Нику, не глядя на него. — Кажется, наше время пришло. Либо вляпаемся, либо выкарабкаемся.

Он протянул руку и включил табло ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ. Отбили мелодичные куранты. Брайан включил интерком и взял в руку микрофон.

— Леди и джентльмены, доброе утро. Это капитан Энгл. В настоящий момент мы летим над Атлантическим океаном примерно милях в тридцати к востоку от побережья штата Мэн. Скоро я начну снижаться над Бангором. При обычных условиях я бы не стал так рано просить вас пристегнуть ремни, но мы с вами находимся в ситуации необычной. Моя матушка постоянно твердила: благоразумие — это лучшая часть мужества. В духе этого высказывания я желал бы быть уверенным, что вы надежно пристегнуты к вашим креслам. Условия внизу особо угрожающими не выглядят, но поскольку у меня отсутствует радиосвязь, погода может преподнести нам любой сюрприз. Я все время надеялся, что облака рассеются. Над Вермонтом мне были видны разрывы в облачности, но, боюсь, здесь они плотно сомкнулись. По своему опыту, как пилот, могу сообщить вам, что сплошные облака под нами для меня вовсе не являются признаком плохой погоды. В Бангоре может быть пасмурно с морозящим

дождем. Все. Я начинаю снижаться. Прошу всех соблюдать спокойствие. Моя приборная доска светится зеленым светом, все на ней в порядке, никаких неполадок.

Брайан больше не стал полагаться на автопилот и начал процесс снижения вручную. Он сделал большой плавный поворот и перешел на спуск. Кресло под ним словно наклонилось вперед, когда 767-й постепенно устремился вниз.

— Очень успокаивает, — сказал Ник. — Тебе бы, дружок, политиком быть.

— Как тебе сказать, — ответил Брайан. — Не думаю, что они там чувствуют себя спокойно. По-крайней мере, я себя так не чувствую.

На самом деле он еще никогда в жизни за пультом управления самолетом не испытывал такого страха, как теперь. Утечка давления на рейсе №7 из Токио казалась пустяком по сравнению с нынешней ситуацией. Сердце в груди билось медленно и тяжело, словно погребальный колокол. Он судорожно глотнул, в горле что-то щелкнуло. Рейс №29 пересек отметку 30 000 и продолжал спуск. Белые бесформенные облака заметно приближались. Они простирались во всех направлениях от горизонта до горизонта, как странный пол гигантского танцевального зала.

— Я утираюсь со страху, дружок, — сказал Ник незнакомым хриплым голосом. — Видел, брат, как люди гибли на Фолклендах, получил там пулю в ногу и тефлоновую коленную чашечку на память. В 82-м в Бейруте чудом уцелел при взрыве грузовика со взрывчаткой. Но ей-богу, никогда мне не было так страшно, как сейчас. Какая-то часть меня буквально требует схватить тебя за шкуру и заставить лететь обратно, насколько хватит горючего у этой птицы.

— А что толку? — ответил Брайан. И его голос изменился, дрогнул, в нем он сам услышал отголоски собственного сердцебиения. — Ты помни, что я сказал: мы сверху не можем оставаться вечно.

— Знаю. Страшно от того, что там, под облаками. Или чего там нет.

— Что ж, все вместе скоро это узнаем.

— И ничем не помочь этому, дружок?

— Совсем ничем.

767-й пересек отметку 25 000 и продолжал снижение.

7

Все пассажиры собрались в главном салоне, даже лысый мужчина, который упрямо не покидал своего места в деловом классе. Никто не спал, за исключением бородатого в самом дальнем конце самолета. Его храп слабо доносился из хвостовой части авиалайнера. Альберт Коснер на миг ему позавидовал. Хотелось тоже проспать все это, а после приземления сказать, как наверняка скажет этот бородатый соня: *Где мы, черт побери?*

Единственным звуком, нарушавшим тишину, был тихий треск разрываемой бумаги: риииип.... риииип... риииип. Крэг Туми продолжал уничтожать журналы. Его туфли зарылись в ворохе бумажной лапши.

— Не могли бы вы прекратить это? — обратился к нему Дон Гаффни. В голосе его слышались напряженность и усталость. — Просто с ума можно сойти, дорогой мой.

Крэг повернул к нему голову, осмотрел его широко раскрытыми пустыми глазами и отвернулся. Пальцы нащупали очередную страницу. Она оказалась рекламой восточных рейсов «Гордости Америки» с картой маршрутов.

Рииииип.

Гаффни раскрыл было рот, чтобы сказать что-то, но передумал и плотно сжал губы.

Лорел обнимала плечи Дайны. Девочка обеими руками держалась за ее другую руку.

Альберт находился рядом с Робертом Дженкинсом, как раз впереди Гаффни. А перед ним сидела девушка с темными волосами и короткой стрижкой. Смотрела в иллюминатор, поза — напряженная. А дальше сидел лысый из делового класса.

— Ну, хоть наконец чего-то пожуюем! — громко сказал он.

Все промолчали. Весь главный салон словно замкнулся в раковине напряженности. Альберт Коснер чувствовал,

как каждый волосок на его теле стоял дыбом. Попытался найти мысленное прибежище у Туза Косснера, герцога пустыни, барона Бантлина, но не смог его обнаружить. Туз отправился в отпуск.

Облака приблизились вплотную. Они уже не казались равниной. Лорел выделяла среди них мохнатые выступы, башни с амбразурами, заполненные лучами утреннего солнца. Подумала: а стоит ли где-нибудь внизу Даррен Кросби, терпеливо ожидая ее в аэропорту Логан у ворот прибывающих с рейса «Гордости Америки»? Ее не очень удивило собственное полное равнодушие к этой проблеме. Взгляд был прикован к облакам, а мысли о Даррене Кросби, который любил «Скотч» (хотя и в меру), улетучились — будь он даже примерным джентльменом.

В ее воображении появилась гигантская рука, зеленая рука, которая внезапно прорывается сквозь завесу облаков, хватая 767-й подобно тому, как рассерженный ребенок хватается игрушку. Колоссальные пальцы сжимаются, и между ними вспыхивают оранжевые сполохи пламени. На миг даже закрыла глаза.

Нет! Нет! Ни в коем случае не спускайтесь туда! — хотелось завопить ей. — Умоляю вас, не приземляйтесь там!!!

А какой выбор? Что можно предложить иного?

— Боже, как страшно, — невнятно произнесла Бетани. Она пересела в кресло, ближайшее к проходу, пристегнула ремни и сцепила пальцы рук. — Я, кажется, в обморок упаду...

Крэг Туми посмотрел на нее и принялся отрывать тонкую полоску от карты маршрутов «Гордости Америки». Спустя несколько мгновений Альберт Косснер отстегнулся, встал, сел рядом с Бетани и пристегнул свой ремень. Едва он это проделал, она вцепилась в его руки. Они были холодны, как мрамор.

— Ты не волнуйся, все будет в порядке, — сказал он, пытаясь сказать это тоном жесткого мужчины, когорму море по колено, тоном самого ловкого еврея к западу от Миссисипи. Вместо этого прозвучал голос семнадцатилетнего ученика, который сам со страху готов был обмочиться.

— Я надеюсь... — начал он, но тут самолет начал прыгать и болтаться из стороны в сторону. Бетани вскрикнула.

— Что случилось? — спросила Дайна у Лорел тонким встревоженным голосом. — Что-нибудь с самолетом? Авария?

— Я не...

Голое Брайана раздался по всему самолету.

— Ребята, это обычная турбулентность! Дальше, когда войдем в облака будут встряски и похлеще. Вы же и раньше такие штуки испытывали, — сказал он. — Так что не волнуйтесь.

Пииииип.

Дон Гаффни обернулся в сторону человека в джерси без воротничка и ощутил неодолимое желание вырвать журнал из рук этого зловещего сукиного сына и тем же журналом надавать ему по морде.

Облака были совсем рядом. Роберт Дженкинс увидел тень 767-го, бегущую по белой поверхности под самолетом. Скоро он поцелует собственную тень и скроется в облаках. Никогда в жизни его не тревожили предчувствия. Но в этот момент на него снизошло одно, совершенно достоверное, категоричное.

Когда мы прорвемся сквозь эти облака, мы увидим нечто такое, чего ни одно человеческое существо никогда не видело. Это будет нечто, превосходящее всякую фантазию, нечто невероятное... но нам придется в это поверить. Другого выбора нет.

Костяшки его пальцев побелели, когда он судорожно вцепился в подлокотники кресла. Капелька пота стекла на его глаз. Вместо того, чтобы смахнуть ее ладонью, Дженкинс попытался прогнать ее морганием. А рук от кресла оторвать не мог.

— Мы не разобьемся? — взволнованно спросила Дайна. Ее пальцы намертво держали руку Лорел. Пальцы были маленькими, но вцепилась она до боли. — С нами ничего не случится?

Лорел посмотрела в иллюминатор. 767-й теперь рассекал верхушки облаков. Мимо окна проплывали первые

клубы сахарной ваты. Самолет снова несколько раз встряхнуло, и ей пришлось подавить невольный стон. Впервые в жизни она ощутила себя физически больной от ужаса.

— Надеюсь, все будет в порядке, — сказала она. — Надеюсь, но сама не знаю.

8

— Ну, что там на твоём радаре, Брайан? — спросил Ник. — Что-нибудь неожиданное? Вообще, есть хоть что-то?

— Ничего, — ответил Брайан. — В принципе, он указывает на то, что внизу наш мир существует, только и всего. Мы сейчас...

— А ну-ка постой! — сказал Ник натужно, словно ему глотку проткнуло шилом. — Давай лучше обратно. Обдумаем что к чему. Посмотрим, может, найдем где-нибудь разрыв в облаках.

— Извини, дружище, у нас на это нет ни времени, ни горючего. — Глаза Брайана были прикованы к пульту управления. Самолет снова затрясло. Он автоматически сделал поправки. — Ну, держись. Входим.

Брайан повернул руль вперед. Стрелка альтиметра задвигалась быстрее. Рейс №29 ворвался в толщу облаков. Какое-то мгновение его хвост еще был виден над ними, словно плавник гигантской акулы. Затем погрузился... небо опустело, как будто бы в нем самолета никогда и не было.

ГЛАВА 4

*Среди облаков. — Добро пожаловать в Бангор. —
Бурные овации. — Надувной скат и конвейер. —
Звук незвучащих звонков. — Крэг Туми смывается. —
Предостережение слепой девочки*

1

Центральный салон аэроплана после яркого солнечного света погрузился в сумрак, затрясло сильнее. После очередной, особенно большой воздушной ямы, Альберт ощутил нажим на правое плечо. Обернулся и обнаружил, что это голова Бетани, тяжелая, как октябрьская тыква. С девушкой случился обморок.

Самолет вновь подпрыгнул, послышался удар в носовой части. На сей раз вскрикнула Дайна:

— Что случилось?! Ради Господа, что там произошло?

— Тачка для напитков, — скучно пояснил Боб Дженкинс. Хотел сказать это громче, чтобы всем стало ясно, но не получилось. — Вы что, не помните, что эта тачка была вывезена в проход? Покатилась и стукнулась...

Самолет провалился в воздушную яму, и столик на колесах перевернулся, ударившись о стенку. Зазвенели бутылки. Дайна вскрикнула.

— Не бойся, не бойся, все в порядке, — лихорадочно утешала ее Лорел. — Не надо так за меня цепляться, Дайна. Не волнуйся, миленькая.

— Пожалуйста! Я не хочу умирать! Не хочу-у!

— Обычная турбулентность воздушных потоков, — утешил их голос Брайана из репродуктора. Только Боб Дженкинс уловил в нем оттенок страха.

— Убедительно прошу Вас...

Еще раз воздушная яма и сильный крен. Бутылки со звоном высыпались из перевернутой тележки.

— ...сохранять спокойствие, — закончил Брайан.

Слева от Дона Гаффни послышался звук:

Rrrrrr-и-ипп.

Гаффни резко обернулся.

— А ну прекрати сейчас же, сукин ты сын! — воскликнул он. — А не то я тебе в глотку затолкаю остатки этого журнала!

Крэг посмотрел на него пустыми глазами.

— Попытайся, сволочь старая.

Самолет снова тряхнуло на воздушной яме. Альберт навалился на Бетани по инерции в сторону окна. Рука невольно коснулась ее груди и это ощущение впервые за пять лет не произвело на него впечатления. Он смотрел в окно, отчаянно пытаясь увидеть хоть один просвет в облаках. Ничего. Сплошная серость.

2

— На какой мы сейчас высоте, друг? — спросил Ник. Он явно стал спокойнее, когда они очутились в облаках.

— Не знаю, — ответил Брайан. — Кажется, ниже, чем я надеялся.

— А что, если дорожки не хватит?

— Ты понимаешь, если мои приборы хоть чуть ошибаются, нам остается только выпить за упокой души. Но вроде бы все нормально. — Брайан говорил монотонно. — Если и в пятистах футах будет та же картина, что делать? Тогда опять вверх и на Портленд.

— А может, сразу туда?

Брайан покачал головой.

— Там, как правило, погода еще хуже.

— Может, попробовать Преск-Айл? Там же длинная полоса военной базы.

Брайан в одно мгновение прикинул, что этот парень знает слишком много.

— Ну, знаешь... это далековато. В деревья врежемся.

— Бостон тоже далековато.

— Да уж точно.

— Получается, дружок, что нам с тобой приходится принимать плохое решение.

Последовала новая волна турбулентности. Самолет затрясло, как пса после купанья. Из центрального салона

Брайан услышал какие-то вскрики. Быстро выправил положение и захотел крикнуть им там, что все идет нормально, что 767-й способен выдержать и в двадцать раз большее напряжение. Потолок — вот в чем была проблема.

— Пока что мы еще не прорвались, — сказал он. Альтиметр оставался на отметке 2200 футов.

— Но мы на полосу можем опоздать.

— Мы? — Сказал Брайан, и волна облегчения охватила его дружеской рукой. — Да вот же мы прорываемся! Смотри, мой дорогой!

Перед черным носом 767-го облака начали быстро рассеиваться. Брайан увидел разрыв в бледном окружении облаков. В разрыве показался свинцово-серый океан.

В интерком Брайан сказал:

— Мы нырнули под потолок облаков, леди и джентльмены. Надеюсь, эти мелкие турбуленции больше не повторяются. Через несколько секунд вы услышите сильный стук внизу. Это всего лишь выдвигаемые шасси. Мы продолжаем снижаться в Бангор.

Он выключил тумблер и повернулся к человеку, сидевшему в штурманском кресле.

— Ну что, Ник, пожелай мне удачи.

— От всей души, дружок.

3

Лорел, затаив дыхание, смотрела в иллюминатор. Облака быстро рассеивались. Увидела океан обрывочными фрагментами свинцовой поверхности с белыми барашками волн, скалу, торчавшую из воды вроде клыка некоего монстра. Кажется, мельком увидела оранжевый знак, видимо причала.

Миновали небольшой остров, поросший деревьями. Максимально изогнув шею, рассмотрела впереди и сам берег. Дымка облаков на сорок пять секунд снова накрыла все. Когда она рассеялась, 767-й летел уже над сушей: внизу проплыло поле, участок леса и что-то похожее на пруд.

Но где дома? Где дороги, автомобили, здания, линии высокого напряжения?

Внезапно она вскрикнула.

— Что, что там?! — Испуганно закричала Дайна. — Лорел, ну что случилось?

— Ничего! — торжествующе ответила она. Внизу Лорел увидела узкую дорогу, ведущую к прибрежной деревушке. Сверху она выглядела как игрушечная, с маленькими игрушечными автомобильчиками, припаркованными вдоль главной улицы. Увидела церковный шпиль, карьер, маленькое бейсбольное поле. — *Все нормально! Все там на месте! Все, как и должно быть!*

Позади нее заговорил Роберт Дженкинс. Голос его звучал ровно, с нотками глубокого разочарования.

— Мадам, — сказал он. — Боюсь, что вы глубоко ошибаетесь.

4

Длинный белый реактивный авиалайнер медленно снижался в тридцати пяти милях к востоку от международного аэропорта Бангора. На хвосте красовались три крупные цифры «767». Ближе к хвосту, словно подчеркивая скорость, на корпусе видны были слова «Гордость Америки». По обе стороны носовой части были изображены знаки фирмы: большой красный орел, на распростертых крыльях которого синие звезды. Когти раскрыты, голова слегка наклонена. Он, как и авиалайнер, готовился к приземлению.

Самолет не отбрасывал тени внизу, приближаясь к городу впереди. Дождя не было, но утро было пасмурным. Раскрылось брюхо самолета, из него показались шасси и зафиксировались.

«Гордость Америки» рейс №29 чуть забрал влево и направился к взлетно-посадочной полосе. Капитан Энгл мог теперь визуально корректировать курс, что он и сделал.

— Я вижу его! — воскликнул Ник. — Вижу аэропорт! Боже мой, какая красота!

— Если ты его видишь, значит, ты поднялся из кресла, — сказал Брайан, не оборачиваясь (на это уже не было времени). — Ну-ка пристегнись и помалкивай.

Но эта посадочная полоса и в самом деле показалась ему прекрасной.

Брайан направил нос самолета по центральной оси полосы, продолжая снижаться с 1000 до 800. По бокам проносился бесконечный хвойный лес. Он внезапно кончился, уступив место группе зданий. Брайан беспокойным взглядом отметил вывеску отеля, заправочную станцию, рестораны. Пересекли реку Пенобскот и вошли в воздушное пространство Бангора. Брайан еще раз проверил показания на приборной доске и попытался снова связаться с аэропортом... хотя знал, что это бесполезно.

— Диспетчер Бангора, это рейс №29, — сказал он. — Я заявляю о чрезвычайной ситуации. Если на взлетном поле есть движение, немедленно освободите мне путь. Я приземляюсь.

Посмотрел на индикатор скорости, он показывал 140. Как раз скорость для посадки. Внизу исчезли редкие деревья, промчалось мимо поле для гольфа, мелькнула зеленая вывеска отеля «Холидей Инн», фонари на взлетном поле. Гигантские цифры «33» на полосе помчались ему навстречу. А огни на фонарях не были ни красными, ни зелеными.

Они были просто погашены.

Нет времени думать об этом. Не было времени думать о том, что с ними произойдет, если вдруг какой-нибудь лайнер неожиданно выползет на полосу перед ними. Нет времени ни на что, кроме приземления.

Промчались над участком, поросшим бурьяном, засыпанным щебнем. В тридцати футах внизу пошла бетонная полоса с белыми отметинами на ее дальнем конце.

Брайан осторожно опустил самолет, промелькнул второй комплект белых отметин, и спустя момент легкий удар возвестил о том, что шасси опустились на полосу. Теперь рейс №29 катился по 33-й взлетно-посадочной полосе со скоростью сто двадцать миль в час, нос слегка поднят. Брайан включил тормоза, опустил подкрылки. Последо-

вал еще один легкий удар, когда нос самолета опустился. Движение его стало замедляться со ста двадцати миль до ста, потом до восьмидесяти, сорока и наконец до скорости бегущего человека.

Дело сделано. Они приземлились.

— Обычная посадка, — сказал Брайан. — Ничего особенного. — Он судорожно вздохнул и остановил самолет. Тело пробрала дрожь. Когда он провел ладонью по лицу, ладонь оказалась мокрой от пота. Он посмотрел на нее и тихо засмеялся.

На его плечо легла рука.

— С тобой все в порядке, Брайан?

— Да, — ответил он и взял в руки микрофон. — Леди и джентльмены! Добро пожаловать в Бангор.

До них донесся хор приветственных криков, и Брайан снова рассмеялся.

Ник Хопвелл не смеялся. Он, наклонившись, всматривался в окно. Нигде ни намек на движение. Не разъезжали автомашины, не двигались самолеты. На взлетных полосах застыли военный транспортный самолет «С-12» и «Дельта-727».

— Спасибо за доброе приветствие, мой друг, — тихо сказал Ник. — Тем более оно приятно, что кроме тебя нас некому приветствовать. Здесь никого нет.

5

Несмотря на полное молчание радио, Брайан не воспринял замечания Ника... но к тому моменту, как он подрулил к месту между двумя пассажирскими терминалами, ни во что другое поверить уже не мог. Дело было не только в полном отсутствии людей, не только в том, что не появился автомобиль службы безопасности, чтобы проверить, что за чрезвычайная ситуация с «Боингом-767». Дело было в атмосфере полной безжизненности, словно международный аэропорт Бангора был покинут тысячу лет тому назад. Поезд, ведомый джипом и содержащий на своих платформочках несколько предметов багажа, припарковался под крылом Дельты. Именно к

нему был прикован взгляд Брайана после того, как он остановил самолет. Примерно дюжина чемоданов выглядели, как артефакты из раскопок некоего древнего города.

Наверное, так себя чувствовал тот парень, который открыл гробницу Тутанхамона, — подумал он.

Мотор умолк, а он неподвижно сидел в своем кресле. Слышно было, как тихо жужжит батарея внутреннего питания где-то в хвосте самолета. Рука Брайана потянулась к выключателю ВНУТРЕННЕЕ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЕ, но тут же отдернулась. Внезапно расхотелось полностью все отключать. В чем причина — он не понимал, но инстинкт оказался сильнее.

Кроме того, — подумал он, — не думаю, что кто-нибудь здесь станет делать мне замечания за напрасный расход того малого количества горючего, что у нас осталось.

Наконец он отстегнул ремень и поднялся.

— Ну, что дальше будем делать, Брайан? — спросил Ник. Он тоже встал из кресла, и Брайан впервые обратил внимание на то, что Ник дюйма на четыре выше его ростом. Подумал: *Я был командиром с того момента, как произошла эта зловещая история, точнее с того момента, как мы обнаружили происшедшее. Я был за командира. Но думаю, скоро это изменится, очень скоро.*

Он обнаружил, что это ему, в сущности, безразлично. Пролет 767-го сквозь облака потребовал всей его отваги до последней капли, но никакой благодарности он за это не ждал. Такова была его работа. А за смелость ему платили жалованье. Вспомнил, как однажды один пилот сказал ему: «Нам, Брайан, платят сто тысяч долларов в год и больше по одной единственной причине. Они знают, что в карьере почти каждого пилота бывают тридцать или сорок секунд, когда от него будет зависеть все. Нам платят за то, чтобы мы не растерялись, когда эти секунды однажды наступят».

Все это понятно, когда тебе говорят, что должен приземлиться с облаками или без облаков, что иного выхода просто нет. А твои нервные окончания вопят свои извечные предостережения, нагнетают древний страх высокого

напряжения перед неведомым. Даже Ник, кем бы он там ни был на земле, захотел вернуться обратно, подальше от облаков, когда начали в них влетать. Ему нужен был Брайан, чтобы сделать то, что следовало сделать. Ему и всем остальным Брайан был необходим, чтобы сохранить жизнь и рассудок. Теперь они были внизу и никаких монстров под облаками не увидели. Только эта зловещая тишина и брошенные багажные тележки под крылом «Дельты-727».

Итак, ты хочешь принять команду и стать капитаном, мой крутящий носы друг. Даю тебе свое благословение. Даже готов дать тебе поносить мою фуражку, если пожелаешь. Но только после того, как покинем самолет. Пока ты и все остальные гуси не ступят на землю, я за вас несу ответственность.

Однако Ник задал ему вопрос, и Брайан решил, что ответа он вполне заслуживает.

— Теперь мы покинем самолет и посмотрим, в чем тут дело, — сказал он, проходя мимо англичанина.

Ник положил ему на плечо руку.

— Так ты думаешь...

Брайан испытал вспышку необычного раздражения. Страхнул с себя руку Ника.

— Я думаю, что мы сейчас будем высаживаться с самолета, — перебил он его. — Здесь никого нет, кто подкатил бы к нам трап. Так что я думаю, нам придется воспользоваться аварийным спуском. А после этого думай ты, дружок.

Он вышел в первый класс и чуть не упал, споткнувшись о перевернутую тележку. Кругом валялось битое стекло и сильно пахло алкоголем. Перешагнул через все это безобразие. Ник догнал его при входе в первый класс.

— Брайан, если я сказал тебе что-нибудь обидное, прости меня. Ты выполнил потрясающую работу.

— Да нет, ты меня не обидел, — сказал Брайан. — Просто за последние десять часов мне пришлось вести борьбу с утечкой давления над Тихим океаном, чтобы после этого обнаружить, что моя бывшая жена умерла в дурацком пожаре в Бостоне, и еще — что Соединенные Штаты отменили. Чувствую себя не в своей тарелке.

Он пересек деловой класс и вошел в центральный салон. На миг воцарилась полная тишина. Их бледные лица были повернуты к нему с потрясенными выражениями.

И тогда Альберт Косснер начал аплодировать.

Тут же к нему присоединился Боб Дженкинс... и Дон Гаффни... и Лорел Стивенсон. Лысый мужчина оглянулся и тоже начал аплодировать.

— Что это? — спросила Дайна. — Что происходит?

— Это капитан, — пояснила Лорел и вдруг заплакала. — Это капитан, который посадил нас на землю целыми и невредимыми.

Тогда Дайна тоже принялась горячо аплодировать.

Брайан ошарашенно смотрел на них. А позади него аплодировал Ник.

Они поднялись со своих мест, продолжая аплодировать. Только трое не присоединились: Бетани, которая все еще пребывала в обмороке, бородатый мужчина, храпевший где-то позади, и Крэг Туми, который оглядел всех взглядом лунатика и принялся отрывать узкую полоску следующего журнала.

6

Брайан почувствовал, что краснеет, — это было так неожиданно. Поднял ладони, но они продолжали аплодировать еще некоторое время.

— Леди и джентльмены, прошу вас... пожалуйста... уверяю вас, посадка была самой обыкновенной...

— Чистая шелуха, мэ-эм. Раз плюнуть, мэ-эм, — сказал Боб Дженкинс, довольно удачно имитируя Гарри Купера. Альберт расхохотался.

Веки Бетани задрожали, раскрылись, и она тупо осмотрелась.

— Мы приземлились живыми, да? — спросила она. — О, Боже! Вот это блеск! А я думала, что мы уже концы отдали.

— Прошу вас! — Брайан снова поднял ладони повыше, почувствовав себя Ричардом Никсоном, принимающим назначение еще на четыре года. С трудом сдерживался,

чтобы не расхохотаться. Этого он не мог себе позволить — они его просто не поймут. Им нужен был герой и его таковым выбрали. Такое можно было и принять... и использовать, когда понадобится. Но в конце концов их нужно было высадить из самолета. — Прошу вашего внимания! Пожалуйста!

Аплодисменты стихли, и все выжидающе уставились на него, кроме Крэга, который решительным жестом вдруг отбросил журнал. Он отстегнул ремень и вышел в проход, отбросив ворох бумажных полосок ногой.

Начал что-то искать в багажном отсеке над головой. При этом хмурился.

— Вы посмотрели в окно и увидели то же, что и япочувствовав, — сказал Брайан. — Большинство пассажиров и экипаж исчезли, пока мы спали. Все это достаточно безумно. Но теперь нам, кажется, придется столкнуться с еще более безумной ситуацией. Похоже на то, что и прочие люди тоже исчезли... правда, логика подсказывает, что где-то все же должны быть какие-то люди. Мы с вами спаслись от чего бы там ни было, значит, и другие люди могли тоже как-то спастись.

Боб Дженкинс, писатель детективных романов, что-то тихо пробормотал. Альберт не расслышал — что именно. Слегка обернувшись к Дженкинсу, он на сей раз уловил. Он сказал: «фальшивая логика».

— Лучший способ действия в сложившейся ситуации, я полагаю, делать все по порядку. Первый наш шаг — покинуть самолет.

— Я купил билет до Бостона, — сказал Крэг Туми спокойным рациональным тоном. — Мне нужно в Бостон.

Ник шагнул из-за спины Брайана. Крэг посмотрел на него, и глаза его прищурились. На какой-то миг он напомнил разъяренного кота. Ник поднял руку, согнул два пальца и слегка покрутил ими в воздухе. Крэг Туми, которому однажды пришлось терпеть горящую спичку между пальцами ног, пока мамаша тянула «Хэппи Бердсдэй», мгновенно все понял. Но он умел ждать.

— Нам придется воспользоваться аварийным ска- том, — пояснил Брайан. — Поэтому я хочу объяснить

вам, как это делается. Слушайте меня внимательно. Потом вам нужно будет выстроиться гуськом в очередь и проследовать за мной к носовой части самолета.

7

Спустя четыре минуты передняя дверь «Гордости Америки» рейса №29 открылась внутрь. Шум разговоров, донесшийся оттуда, тотчас стих в прохладном неподвижном воздухе. Послышалось шипение, и в дверном проеме показалась растущая оранжевая подушка.

Она вывалилась наружу и превратилась в широкую ленту, быстро наполнившуюся воздухом. Теперь из двери на взлетную полосу вел длинный огромный оранжевый матрас с ребристой поверхностью.

Брайан и Ник возглавляли очередь у выхода.

— Что-то не то тут с воздухом, — тихо заметил Ник.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Брайан еще тише. — Отравлен?

— Нет. Не думаю. Но в нем нет запаха, вкуса, что ли.

— Ты с ума сошел, — ответил Брайан не без тревоги.

— Нет не сошел, — сказал Ник. — Это аэропорт, друг, не сенокос разумеется. Но ты ощущаешь запах газа или машинного масла. Я лично — нет.

Брайан принялся. И тоже ничего не уловил. Он не мог поверить в то, что воздух был отравлен. Но вдруг в нем содержался какой-нибудь медленно действующий токсин? Дышалось, однако, нормально. Но Ник был прав: никаких запахов. И еще этого, что британец назвал... вкусом, — его тоже не было. Воздух снаружи был каким-то нейтральным на вкус. Словно законсервирован.

— Что-нибудь не так? — поинтересовалась с беспокойством Бетани Симс. — Я не думаю, что мне это так уж нужно знать, но...

— Да нет, все в порядке, вроде бы, — отозвался Брайан. Он обернулся и пересчитал людей. Десять человек. Обернулся к Нику. — А тот парень, что спит сзади, как думаешь, надо его будить?

Ник мгновение думал, потом покачал головой.

— Не стоит, у нас и так проблем хватает, чтобы еще быть сиделками при мужике с дикого похмелья.

Брайан улыбнулся. Именно это он и сам подумал.

— Да, ты прав, конечно. Ну, ладно, давай ты первым, Ник. А там поддержишь конец для других. Я буду помогать остальным отсюда.

— Может ты спустишься первым? Это я на тот случай если наш скандальный друг что-нибудь затеет по поводу непредусмотренной посадки.

Брайан оглянулся на человека в джерси. Тот стоял в самом конце очереди, в руке атташе-кейс с монограммой, отсутствующий взгляд устремлен в потолок. В общем, на лице не больше выражения, чем у манекена в витрине универмага.

— Никаких неприятностей у меня не будет, — сказал он, — потому что мне абсолютно начхать, что он там затевает. Может выйти, может остаться — мне это безразлично.

Ник улыбнулся.

— Да и мне тоже. Тогда начинаем наш великий исход.

— Обувь снимаем?

Ник уже держал в руке пару мягких черных мокасин.

— О'кей, отправляйся. — Брайан обернулся к Бетани: — Смотрите, как он это делает, мисс. Вы — следующая.

— О, Боже! Терпеть не могу таких штук!

Однако Бетани встала рядом с Брайаном и внимательно проследила, как Ник изготовился к спуску. А тот лихо подпрыгнул, как лыжник на трамплине, мягко упал задом на скат и аккуратно съехал вниз. Так же ловко встал в носках на асфальт, повернулся, заложил руки за спину и шутиливо поклонился.

— Проще пареной репы! — крикнул он. — Следующий клиент!

— Теперь вы, мисс... — сказал Брайан, — Бетани?

— Да, — нервно ответила она. — Только я не думаю, что смогу. Я вообще физкультурой не могла заниматься. Меня даже освободили от занятий.

— Все получится, — успокоил ее Брайан. Он давно заметил, что люди съезжали со ската с большим энтузи-

азмом, когда обнаруживали зримую опасность, скажем, пробойну в фюзеляже или пожар в двигателе. — Обувь снимем?

Бетани сняла пару потрепанных теннисных тапочек, однако, попыталась попятиться от ярко-оранжевого ската.

— Может, мне лучше выпить для храбрости?

— Мистер Хопвелл внизу подстрахует, не бойтесь, — уговаривал Брайан, а сам начал опасаться, как бы не пришлось сталкивать ее. Очень не хотелось бы, но если она скоро не спрыгнет, придется. Нельзя было никому позволять отступать в хвост очереди, пока, мол, соберется с духом. При спуске по скату это было недопустимо. Позволишь одному — все захотят быть последними.

— Спускайся, Бетани, — неожиданно сказал Альберт. Он держал под мышкой футляр со скрипкой. — Я сам до смерти боюсь этой штуки, но, если ты съедешь, мне тоже придется решиться.

— Почему? — Она удивленно посмотрела на него.

Альберт густо покраснел.

— Ну, потому, что ты... девочка. Я понимаю, что это несправедливо, но — вот так...

Бетани задержала на нем взгляд. Затем рассмеялась и повернулась лицом к скату. Брайан решил все-таки подтолкнуть ее, если оглянется еще раз или попятится. Однако, делать этого не пришлось.

— Мальчик, мне бы сейчас травки, — сказала она и прыгнула.

Бетани видела, как удачно прыгнул Ник, и знала, что делать, но в последний момент испугалась и решила поджать ноги. Из-за этого ее занесло вбок. Брайан решил, что она свалится, но в последний момент девушка поняла опасность и успела выровняться. Пронеслась на правом боку, схватившись рукой за голову. Ее блузка задралась до самой шеи, но тут Ник поймал ее и поставил на ноги.

— Ух ты! — сказала она, переводя дыхание. — Прямо как в детстве.

— Все в порядке? — спросил Ник.

— Да. Думала обмочусь со страху, но — ничего.

Ник улыбнулся ей и обернулся к скату.

Альберт посмотрел на Брайана с извиняющимся выражением и протянул ему футляр со скрипкой.

— Вы не поддержите скрипку? Я боюсь, если свалюсь с горки, она разобьется. Мои родители убьют меня. Это ведь Гретч.

Брайан принял у него футляр. Лицо его было спокойным и вполне серьезным, но внутри он улыбался.

— А можно мне на нее посмотреть? Я сам когда-то играл на такой — тысячу лет назад.

— Конечно, — ответил Альберт.

Интерес Брайана к инструменту возымел успокаивающее действие на мальчика... на что он и рассчитывал. Открыл три защелки на футляре и раскрыл его. Скрипка внутри действительно была фирмы «Гретч» и отнюдь не из дешевых вариантов. Брайан прикинул, что по цене этой скрипки можно вполне приобрести небольшой автомобиль.

— Великолепна, — сказал Брайан и тихонько отщипнул все четыре струны. Звук был удивительно мелодичным. Брайан закрыл и застегнул футляр. — Сберегу. Обещаю.

— Спасибо. — Альберт остановился на пороге, набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул. — Джерони-мо, — тихо сказал он и спрыгнул. Сразу же спрятал обе руки под мышками. Охранять пальцы от любых возможных повреждений для него давно уже стало рефлексом. Скатился вниз вполне аккуратно и без проблем.

— Отлично сделано! — приветствовал его Ник.

— А чего тут такого? — ответил Туз Косснер и чуть не упал, споткнувшись о собственную ногу.

— Альберт! — окликнул его Брайан. — Держи! — Он наклонился, положил футляр точно по центру и отпустил. Альберт легко перехватил его в пяти футах от низа, сунул под мышку и отступил.

Дженкинс зажмурил глаза, спрыгнул и скатился вниз на бок. Ник успел подхватить его прежде, чем тот мог ушибиться об асфальт.

— Благодарю вас, молодой человек.

За ним благополучно последовали Гаффни и лысый мужчина. В дверях показались Лорел и Дайна Беллман.

— Я боюсь, — дрожащим голосом сказала Дайна.

— Все будет отлично, малышка, — успокоил ее Брайан. — Тебе и прыгать-то не придется. — Он положил ладони на плечи Дайны и повернул ее к себе лицом, спиной к скату. — Давай мне твои ручки, и я спущу тебя на скат.

Дайна отвела руки за спину.

— Нет, не вы. Я хочу, чтобы Лорел это сделала.

Брайан посмотрел на молодую женщину с темными волосами.

— Сделаете?

— Да, — ответила она. — Только скажите, что нужно.

— А Дайна уже знает. Вы ее за руки опустите на скат. Когда она ляжет и выпрямит ноги, отпустите.

Руки Дайны были холодными в ладонях Лорел.

— Я боюсь, — повторила она.

— Миленькая, да это все равно, что с детской горки кататься, — сказал Брайан. — А дяденька с английским акцентом ждет внизу, чтобы тебя поймать. Он уж и руки приготовил, как при игре в бейсбол.

Хотя вряд ли она представляет, как это выглядит, — подумал он.

Дайна обратила к нему лицо с таким выражением, словно он элементарных вещей не понимает.

— Я не боюсь скатиться. Я боюсь этого места. Какой странный запах.

Лорел, которая никакого запаха не ощущала, с недоумением посмотрела на Брайана.

— Послушай, дорогая, — Брайан опустил на одно колено перед девочкой, — нам надо спуститься с самолета. Ты ведь понимаешь, верно?

Стекла черных очков обратились к нему.

— А почему надо? Почему мы должны покинуть самолет? Здесь же никого нет.

Брайан и Лорел обменялись взглядами.

— Да, но мы этого не знаем, пока сами не проверим, — возразил Брайан.

— А я уже знаю, — ответила Дайна. — Здесь ничем не пахнет и ничего не слышно. Или нет... нет...

— Что «нет», Дайна?

Девочка заколебалась. Ей хотелось, чтобы все поняли. Вовсе не спуск страшил ей. Она и прежде с горок каталась, и к тому же доверяла Лорел. Лорел ее не отпустила бы, если это было хоть чуточку опасно. Здесь, в этом месте, что-то не то. Вот чего она боялась. Что-то очень не то. Дело было не в странной тишине и пустынности. Дело было в чем-то другом.

Но взрослые не верили детям, тем более слепым детям. А уж слепой девочке — особенно. Хотела сказать им, что здесь нельзя оставаться, что здесь очень опасно. Хотела сказать, что нужно снова завести самолет и улетать отсюда. А что они ей на это ответят? О' кей, конечно! Дайна права! Скорей обратно на самолет? Да никогда.

Они сами увидят. Сами убедятся, что здесь пусто, и тогда мы снова поднимемся на самолет и отправимся куда-нибудь еще, в такое место, где не будет этого предчувствия беды. Время еще есть. Я так думаю.

— Ладно, ничего. — сказала она Лорел. Голос ее был тихим, полным отречения. — Опустите меня.

Лорел осторожно опустила ее на скат. Спустя мгновение Дайна посмотрела на нее. *За исключением того, что она не может смотреть или видеть,* — подумала Лорел.

— О' кей, Дайна? — спросила она.

— Нет, — ответила девочка. — Здесь ничего не о'кей. — Прежде, чем Лорел отпустила ее, Дайна сама освободила пальцы, скатилась вниз, где ее легко подхватил Ник.

Лорел последовала за ней, придерживая юбку. Остались Брайан, храпящий алкаш в конце самолета и этот крупный «весельчак» в джерси, любитель рвать бумажки.

Никаких неприятностей у меня с ним не будет, — подумал Брайан, — *потому что мне абсолютно начхать, что он там затевает.* Теперь он обнаружил, что все не так-то просто. Этот человек раскрыл далеко не все карты. Брайану показалось, что маленькая девочка об этом знала, хотя и была слепой. Что, если бы они оставили этого типа в самолете, а он бы начал беситься? Вдруг бы разгромил бы кабину пилота?

Ну и что? Все равно лететь некуда. Баки почти пусты.

Нет, идея ему очень оказалась не по душе. И дело не в том, что 767-й был снабжен многомиллионным оборудованием. Быть может, такие мысли явились отголоском тревоги, которую он уловил на лице Дайны, перед спуском. Здесь в самом деле что-то было не то, и даже хуже, чем казалось на первый взгляд. От этого делалось страшно, поскольку неизвестно, что же могло быть хуже. Только самолет оставался надежным. Пусть даже баки пусты, но это был мир, который он знал и понимал.

— Ваша очередь, дружище, — сказал он как можно вежливее.

— Вы понимаете, что я за это доложу на вас? — спросил Крэг Туми странным тонким голосом. — Вы ведь знаете, что я подам иск на вашу компанию на тридцать миллионов долларов, и что представлю вас в качестве главного виновника?

— Это ваше право, мистер...

— Туми. Крэг Туми.

— Мистер Туми, — согласился Брайан. После некоторого колебания спросил: — Мистер Туми, а вы в курсе того, что с нами произошло?

Крэг с порога посмотрел на пустынное летное поле, на широкие, слегка поляризованные окна аэропорта вдоль веранды, где не толпились радостные друзья и родственники в ожидании прибывающих, и не было пассажиров, собиравшихся улететь.

Конечно, он был в курсе. Это — лангольеры. Лангольеры пришли, чтобы забрать всех глупых, ленивых людей, как ему всегда говорил отец.

Все тем же тонким голосом Крэг произнес:

— В отделе закладных бумаг банковской корпорации «Солнце пустыни» я известен как Тягловый Конь. Вам это известно? — Он сделал паузу, ожидая какой-нибудь реакции от Брайана. Поскольку ее не последовало, Крэг продолжил: — Конечно, нет. Как и неизвестно вам, насколько важна была встреча в бостонском Центре Благоразумия. Вам это безразлично. Но позвольте вам заме-

тить, капитан: экономическая судьба наций может зависеть от результатов этой встречи, встречи, на которой я буду отсутствовать, когда станут голосовать.

— Мистер Туми, все это, конечно, очень интересно, но у меня, право же, нет времени, — сказал Брайан.

— Времени?! — неожиданно взвизгнул Крэг. — Какого черта вам известно о времени? Меня спросите! Меня! Я знаю, что такое время, все знаю! Время очень кратко! Его мало, сэр! Черт бы вас побрал!

Пошел он к дьяволу. Спихну этого сумасшедшего придурка, — подумал Брайан. Однако, прежде, чем он успел это сделать, Крэг Туми прыгнул и вполне гладко спустился, прижимая портфель к груди. Брайан почему-то вспомнил старую рекламу Хертца по ТВ, на которой О. Дж. Симпсон летал над аэропортом в костюме и галстук.

Соскользнув вниз, Крэг крикнул:

— Времени чертовски в обрез! — и поправил штанины, которые задрались, обнажив нейлоновые носки и голые колени.

— Господи, ну и кошмарный тип, — пробормотал Брайан. Он оглянулся внутрь самолета, в этот спокойный и знакомый ему мир... и спрыгнул.

8

Десять человек стояли под огромным крылом 767-го разбившись на две части. В группе были Брайан, Ник, лысый мужчина, Бетани Симс, Альберт Косснер, Роберт Дженкинс, Дайна, Лорел и Дон Гаффни. Отдельно от всех стоял Крэг Туми, он же Тягловый Конь. Наклонившись, он тщательно стряхивал пылинки со своих брюк левой ладонью, правая рука держала портфель. Потом он выпрямился и равнодушно осмотрелся вокруг.

— Что дальше, капитан? — коротко спросил Ник.

— Это уж ты мне скажи. Нам, вернее.

Ник вопросительно посмотрел на Брайана, словно сомневаясь — всерьез ли он так считает. Брайан чуть заметно кивнул ему. Этого было достаточно.

— Ну, что ж, я думаю, сначала посмотрим, что делается в аэропорту, — сказал Ник. — Как туда пробраться кратчайшим путем? У кого какие идеи?

Брайан кивнул в сторону скопления багажных платформочек под верандой аэропорта.

— Я думаю, по багажному конвейеру будет проще всего войти.

— Тогда вползем по нему внутрь, леди и джентльмены! Пошли?

Это было совсем близко, а Лорел, которая шла, взяв за руку Дайну, этот отрезок пути показался самым странным в ее жизни. Она видела всю группу как бы сверху: десяток темных точек, передвигавшихся через обширную бетонную равнину. Не было ни малейшего ветра. Ни одна птица не пела. Ни шум мотора, ни звук человеческого голоса не нарушали неестественное безмолвие. Даже звуки их шагов показались ей нереальными — приглушенными и странно тихими.

Показалось, — подумала она. — Вот точное слово. Поскольку ситуация настолько странная, что здесь все начинается как бы казаться. Вот бетон. Каблучки по бетону звучат иначе.

Она и прежде ходила по бетону, но что-то никогда не слышала, чтобы от него исходил такой звук. Какой-то бледный, лишенный силы.

Они подошли к поезду багажных платформочек. Ник прошел между ними, направляя всю группу, и остановился у конвейерной ленты, уходившей в проем, на котором висели резиновые полосы. Конвейер описывал дугу, возле которой обычно стояли грузчики, размещая на нем багаж с платформочек. Лента конвейера выходила из другого проема, тоже завешенного резиновыми полосками.

— А для чего здесь эти резиновые полосы? — нервозно спросила Бетани.

— Может быть, от сквозняка в холодную погоду, — предположил Ник. — Дайте-ка я сначала просуну туда голову да посмотрю, что там. Не волнуйтесь, я быстро. — Прежде, чем кто-либо отреагировал, он вскочил на конвейерную ленту и направился к бреши в стене здания.

Подойдя к ней, опустился на колени и просунул голову между резиновых полос.

Сейчас что-то просвистит, услышится стук, — дико подумал Альберт, — а когда мы его потащим назад, у него не будет головы.

Ничто не просвистело и не стукнуло. Когда Ник убрал голову, она оказалась вполне на месте, а на лице недоумение.

— Берег свободен, — сказал он, и Альберту его бодряческий тон показался явно наигранным. — Давайте, друзья, полезем. Вперед! Тело к телу!

Бетани отшатнулась.

— Там что — тела? Мистер, там есть мертвые?

— Да нет, не видел, мисс, — ответил Ник, не пытаясь придавать более своему тону шутливость. — Я просто выдал искаженную версию стихотворения старого Бернса, чтобы выглядеть веселым. Боюсь, вместо юмора вышла безвкусица. Дело в том, что я там вообще никого не увидел. Но мы вроде бы этого и ожидали, верно?

Ожидали... но все равно у всех сжалось сердце. У Ника тоже, судя по его голосу.

Один за другим они взобрались на конвейер и поползли внутрь сквозь резиновые ленты вслед за ним.

Дайна задержалась перед тем, как вползти, и повернула лицо к Лорел. Тусклый отсвет отразился в ее очках, как в зеркальных.

— Здесь все не так, — повторила она и поползла внутрь.

9

Один за другим они проникли внутрь международного аэропорта Бангора — странный багаж, ползущий по конвейерной ленте. Альберт помог Дайне слезть. Теперь они стояли молча, с удивлением озираясь по сторонам.

Шок от пробуждения в самолете, пассажиры которого чудесным образом исчезли, прошел. Теперь удивление сменилось ощущением, что не туда попали. Никто из них еще не бывал в аэропорту, который был абсолютно пуст.

Никого не было у стоек аренды автомобилей. Не светились табло прибытия и вылета. Ни души у касс, обслуживающих авиакомпании «Дельта», «Юнайтед», «Нордвест Эйрлинк» и «Мид-Кост». Большой аквариум стоял посередине зала с рекламой ПОКУПАЙТЕ ЛОБСТЕРОВ МЭНА. Воды в нем было полно, но ни одного лобстера. Флюоресцентное освещение отсутствовало повсюду. Свет просачивался только сквозь стеклянные двери в дальнем конце, едва достигая середины зала, оставляя небольшую группу рейса №29 в неприятном царстве теней.

— Порядок, — коротко бросил Ник, но даже краткость не замаскировала тревоги в его голосе. — Попробуем телефоны?

Пока он подходил к шеренге телефонных будок, Альберт направился к бюро аренды автомобилей. Из щелей на задней стенке конторы выглядывали рекламы автомобилей. В каждой из них наверняка содержался договор об аренде, а также карта центральных районов штата Мэн. На каждой карте непременно стрелочка с надписью ВЫ НАХОДИТЕСЬ ЗДЕСЬ. Она указывает на город Бангор.

Сзади послышался сухой скребущий звук. Альберт чуть не подпрыгнул от неожиданности и мгновенно обернулся, держа чехол скрипки, как дубину. Бетани пыталась прикурить от спички сигарету. Подняла брови.

— Испугался?

— Немножко. — Альберт опустил чехол и слегка улыбнулся.

— Извини. — Она потрясла спичкой и бросила ее на пол, потом затянулась сигаретой. — Уфф. Хоть это хорошо. В самолете закурить не осмелилась. Боялась, вдруг что-нибудь взорвется.

Подошел Боб Дженкинс.

— А я, знаете ли, лет десять назад бросил курить.

— Только, пожалуйста, без лекций, — сказала Бетани. — У меня такое чувство, что если мы выкарабкаемся из ситуации живыми и не чокнутыми, мне предстоит целый месяц выслушивать лекции тетушки. И не отвертеться.

Дженкинс поднял бровь, но объяснений спрашивать не стал.

— Видите ли, — сказал он, — я как раз хотел спросить у вас — не найдется ли лишней сигаретки. Похоже, сейчас самое время возобновить старые привычки.

Бетани с улыбкой протянула ему «Мальборо». Дженкинс взял сигарету, и она дала ему прикурить. Он затянулся и тут же закашлялся.

— Долго отсутствовали, — заметила она.

Дженкинс согласился:

— Но я быстро привыкну. Боюсь, в этом весь ужас привычек. А вы оба не обратили внимания на часы?

— Нет, — ответил Альберт.

Дженкинс указал на стену над дверями туалетов. Часы показывали 4.07 и стояли.

— Все совпадает, — сказал он. — Нам известно, что мы находились в полете, когда произошло... назовем это Событием, за отсутствием другого термина. Здесь это 4.07. Там — 1.07. Так что время нам теперь известно.

— Потрясающе! — сказала Бетани.

— Да, — согласился Дженкинс, предпочтя не заметить нотки сарказма. — Но что-то тут все равно не то. Жаль, что солнце не выглядывает. Тогда можно было бы сказать с уверенностью.

— Что вы имеете в виду? — спросил Альберт.

— Часы. Электрические часы. Они бесполезны. Нет тока. Но если бы было солнце, мы могли бы по крайней мере грубо прикинуть, который сейчас час по длине теней. Мои часы утверждают, что сейчас 9.15. Но я им не доверяю. Мне кажется, что время сейчас более позднее. Доказать, правда, не могу, как, впрочем, и объяснить. Но вот так считаю.

Альберт подумал, оглянулся по сторонам, посмотрел на Дженкинса.

— А вы знаете, пожалуй, верно, — сказал он. — Похоже, что время ближе к обеденному, как это ни странно.

— Чего тут странного? — возразила Бетани. — Разные часовые пояса.

— Вот тут я не могу согласиться, — сказал Дженкинс. — Мы совершали перелет от запада к востоку, барышня. Смещение времени для таких путешественников происходит в обратном порядке. Они ощущают, что время более ранее.

— Я хотел бы вас спросить о том, что вы сказали на самолете, — обратился к нему Альберт. — Когда капитан объявил нам, что здесь еще должны быть какие-то люди, вы произнесли фразу «фальшивая логика». Да, вы даже дважды ее повторили. Но для меня это было вполне логичным. Если мы все спали, а теперь мы здесь, и если событие произошло в 4.07 по бангорскому времени, то ведь в Бангоре все должны были спать.

— Верно, — согласился Дженкинс. — Но тогда где они все?

Альберт начал искать объяснения.

— Ну, может быть...

Послышался лязг, когда Ник решительно повесил трубку в одной из телефонных будок — самой последней в ряду автоматов. Он испробовал все.

— Полная отключка, — сказал он. — Все молчат — что на монетках, что с прямой связью. Можете добавить звук незвучащих звонков к тем псам, которые не брешут. Вот так, Брайан.

— Что же нам дальше предпринять? — спросила Лорел. Собственный голос показался ей таким эфемерным, что она почувствовала себя маленькой и потерянной. Возле нее Дайна медленно поворачивала голову из стороны в сторону, словно маленький живой радар.

— Давайте поднимемся наверх, — предложил Лысый. — Там должен быть ресторан.

Все посмотрели в его сторону. Гаффни буркнул:

— У вас, мистер, одно на уме.

Лысый мужчина посмотрел на него исподлобья.

— Во-первых, меня зовут не мистер, а Руди Варвик, — ответил он. — Во-вторых, лучше соображаешь, когда желудок полон. — Он пожал плечами. — Закон природы.

— Я думаю, мистер Варвик прав, — сказал Дженкинс. — Нам всем, по-моему, не мешало бы подкрепиться.

Если пойдем наверх, возможно, найдем еще какие-нибудь подсказки к тому, что произошло. Даже уверен в этом.

Ник пожал плечами. Он теперь выглядел усталым и смущенным.

— Почему бы и нет? — согласился Ник. — Я уже чувствую себя, как Робинзон Крузо.

Они направились к эскалатору, который тоже был неподвижен. Альберт, Бетани и Боб Дженкинс замыкали шествие небольшой группой.

— А ведь вы о чем-то догадываетесь? — неожиданно спросил Альберт. — В чем тут дело?

— Может быть, и есть кое-какие идеи, — поправил его Дженкинс. — А может, и нет. Пока что я намерен сохранять спокойствие рассудка. Разве что — одно предложение.

— Какое?

— Это не тебе, а барышне. — Он повернулся к Бетани. — Поберегите ваши спички. Вот такое мое предложение.

— Что? — Бетани нахмурилась.

— То, что слышали.

— Да, слышала, но не поняла, к чему это вы. Там, наверху, мистер Дженкинс, наверно, есть газетный киоск. И наверняка полно спичек. Кстати, и сигарет, и разовых зажигалок.

— Согласен, — ответил Дженкинс. — И тем не менее советую вам сбереечь именно ваши спички.

Играет в этого... Фило Кристи, что ли, — подумал Альберт.

Хотел даже сказать об этом Дженкинсу и заметить ему, что здесь не сюжет его романа, но неожиданно Брайан остановился как вкопанный. Лорел, которая вела за руку Дайну, еле удержалась, чтобы не наткнуться на него.

— Послушайте, за вами все-таки ребенок, который не видит, — сказала она.

Брайан проигнорировал ее замечание. Он окинул взглядом маленькую группу беженцев.

— А где мистер Туми?

— Кто? — переспросил лысый мистер Варвик.

— Ну, этот парень, который опаздывал в Бостон.

— Кому до него дело? — сказал Гаффни. — Пусть убирается к чертям собачьим.

Брайану стало тревожно. Очень не по душе стало от мысли, что Туми куда-то скрылся и предоставлен самому себе. Почему стало так тревожно, сам не понимал. Посмотрел на Ника. Тот пожал плечами.

— Я не заметил, когда он смылся, друг. С этими телефонами возился, извини.

— Туууми! — закричал Брайан. — Крэг Туууумииии!! Где вы?!

Ответа не последовало. Только странная гнетущая тишина. И тут Лорел впервые обратила внимание на нечто, от чего стало еще больше не по себе. Брайан сложил ладони рупором и кричал вверх по эскалатору. В помещении с такими высокими потолками непременно должно быть эхо. Хоть какое-нибудь.

Здесь его не было.

Совсем никакого эха.

10

Пока все стояли внизу — два сопляка и старый дурак возле стойки аренды автомашин, а остальные глазели, как эта английская шпана пробует телефоны, Крэг Туми, как мышка, поднялся по неподвижному эскалатору. Знал, куда идти, знал, чего искать, когда доберется туда.

Он быстро пересек большой зал ожидания со своим чемоданчиком в руке, не обращая внимания на пустые кресла, на пустой бар под названием «Красный Барон». В дальнем конце помещения над входом в черный коридор висела вывеска:

**ВОРОТА №5. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИБЫТИЕ
БЕСПОШЛИННЫЕ МАГАЗИНЫ
ТАМОЖНИ США
СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ АЭРОПОРТА**

Он почти достиг коридора, сквозь большое окно бросил взгляд на летное поле и замедлил шаги. Медленно подошел к окну и посмотрел внимательнее.

Смотреть было не на что: пустое бетонное пространство, неподвижные белые облака, однако глаза его широко раскрылись, а в сердце начал закрадываться страх.

Они идут, — прозвучал в голове Крэга мертвый голос. Это был голос его отца. Он доносился из маленького, наполненного привидениями мавзолея, спрятанного в темном закоулке сердца Крэга Туми.

— Нет, — прошептал он. Стекло затуманилось пятнышком от его дыхания. — Никто не идет.

Ты плохо вел себя. Хуже того, ленился.

— Нет!

Да. Тебе была назначена встреча, а ты наплевал на нее. Удрал. Сбежал в Бангор, Мэн. Лучшего места не мог придумать?

— Я не виноват, — пробормотал он. Рука его судорожно стискивала ручку атташе-кейса. — Меня увезли против моей воли... Я.. Меня похитили.

Внутренний голос не ответил. Только поступали флюиды неодобрения. И снова Крэг почувствовал на себе давление, ужасное, никогда не прекращающееся давление, гигантский груз. Внутреннему голосу не было нужды сообщать ему, что никакие извинения и оправдания не принимаются. Это Крэг понимал. Понимал всю жизнь.

Они уже были здесь... и они вернутся. Ты ведь и сам знаешь, верно?

Да, знает. Лангольеры вернутся. Вернутся за ним. И он ощущал их. Никогда не видел, но знал, насколько кошмарны эти монстры. Только ли один он знал об этом? Пожалуй, не только.

Он подумал, что та слепая девчонка тоже что-то знала о лангольерах.

Впрочем, какая разница? Единственное, что имело значение — добраться до Бостона, добраться туда, пока лангольеры не нахлынули в Бангор из их черных берлог, чтобы сожрать их живыми и орущими. Нет, во что бы то ни стало добраться до Благоцентра, рассказать им, что он сделал и быть после этого...

Свободным.

Он станет свободным.

Крэг оторвался от окна, от этой пустоты и безмолвия и вошел в коридор под вывеской. Не глядя по сторонам, миновал безлюдные магазины. За ними находилась та дверь, которую он искал. В центре маленькое обзорное стеклышко, над ним — вывеска: СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ АЭРОПОРТА.

Надо было проникнуть туда. Как угодно, но проникнуть.

Все это... это безумие... оно не должно принадлежать мне. Я не обязан нести его в себе. Хватит с меня.

Крэг взялся за дверную ручку отдела безопасности аэропорта. Пустое выражение глаз сменилось отчетливой целеустремленностью.

Я находился под стрессом долго, очень долго. С семилетнего возраста? Нет, еще до того. Вообще, сколько я себя помню. Этот последний приступ безумия — просто новая вариация. Может быть, это именно то, что человек в занюханном плаще назвал: эксперимент. Агенты какой-то секретной правительственной организации или какой-то зловещей иностранной державы производят эксперимент. Но я решил больше не участвовать ни в каких экспериментах над собой. Мне наплевать, кто ими руководит, — отец, или мать, или декан школы менеджеров, или совет директоров банковской корпорации «Солнце пустыни». Я решил не участвовать. Решил сбежать. Решил добратсья до Бостона и завершить то, что задумал, когда предложил закупку залоговых бумаг в Аргентине. Если я этого не сделаю...

Впрочем, он уже знал, что будет, если он этого не сделает.

Он потеряет рассудок.

Крэг подергал дверную ручку. Бесполезно. Однако, когда, отчаявшись, ударил по двери кулаком, она раскрылась. Либо ее оставили незапертой, либо она автоматически отомкнулась, когда отключилась электроэнергия. Для Крэга это было безразлично. Главное, ему не придется пачкать костюм, ползая через какие-нибудь вентиляционные шахты. Он был намерен явиться на конференцию до

конца этого дня и потому не желал, чтобы его одежда выглядела грязной. Простое правило жизни, которому не было исключений, заключалось в том, что люди в грязной одежде не могут пользоваться доверием.

Он распахнул дверь и вошел внутрь.

11

Брайан и Ник первыми поднялись по эскалатору наверх, остальные сгрудились вокруг них. Они оказались в главном зале ожидания — большом помещении с пластмассовыми креслами, в подлокотниках которых кое-где видны были щели для монет платного телевидения. Во всю стену простиралось огромное поляризованное окно. Слева от них находился стенд для прессы и проверочный пункт службы безопасности.

Справа через весь зал тянулись бар «Красный Барон» и ресторан «Девятое Облако». За рестораном был виден коридор, ведущий к помещению Службы Безопасности Аэропорта и к воротам прибытия международных рейсов.

— Пойдемте, — начал было Ник, но вдруг Дайна перебила его:

— Ой, подождите!

Она сказала это таким встревоженным тоном, что все с любопытством обернулись к ней.

Дайна отпустила руку Лорел и приложила ладони за уши, чтобы лучше слышать. После этого стояла неподвижно, как столб, к чему-то внимательно прислушиваясь.

— Что... — начал Брайан. Она перебила и его:

— Ш-ш-ш-ш!

Повернулась слегка влево, замерла, потом повернулась в обратном направлении. Бледный свет из окна упал на ее лицо, придав ему черты зловещего призрака. Сняла черные очки на цепочке. Глаза у нее оказались большими, карими, и вполне осмысленными.

— Там, — тихо сказала она сонным голосом. Лорел вдруг ощутила, как страх коснулся ее сердца ледяными пальцами. И не только она. Бетани придвинулась к ней поближе, а дон Гаффни — с другой стороны. — Там... я

чувствую свет. Мне говорили — это значит, что я смогу снова видеть. Я всегда ощущаю, где свет. Словно тепло в голове делается.

— Дайна, так что... — опять начал Брайан.

На сей раз его прервал Ник. Он взял его за локоть. На лбу Ника появились морщины, лицо словно осунулось.

— Помолчим, друг...

— Свет вот тут...

Она медленно отошла от них все так же держа ладошки раковинами, а локти выставив вперед, чтобы не натолкнуться на какой-нибудь предмет на пути. Подойдя к окну на расстояние пары футов, она протянула пальцы и коснулась стекла. На фоне бледного неба ее ладони напоминали морских звезд. Послышалось ее грустное бормотание.

— И стекло не то, совсем не то...

— Дайна... — обратилась к ней Лорел,

— Ш-ш-ш-ш, — ответила она, не поворачивая головы. Маленькая девочка, ожидающая когда папа придет с работы. — Я что-то слышу.

Эти слова, произнесенные шепотом, вселили в Альбета Косснера безумный страх. Кто-то сдавил его предплечья. Не сразу сообразил, что сам ухватился за них руками.

Брайан тоже прислушался, слыша собственное дыхание и дыхание других... но более ничего.

Это игра ее воображения, — подумал он. — Только и всего.

Тем не менее было любопытно.

— Что? — спросила Лорел встревоженно. — Что ты слышишь, Дайна!

— Я не знаю, — ответила та, не поворачивая головы. — Очень слабо. Мне показалось, что я это услышала, еще когда мы спускались с самолета. Тогда я подумала, что мне кажется. Сейчас лучше слышно. Даже сквозь стекло. Это похоже...ну, когда жуешь воздушный рис или когда его ешь с молоком.

Брайан обернулся к Нику и тихо спросил :

— Ты что-нибудь слышишь?

— Абсолютно ничего, — так же тихо ответил Ник. — Но она слепая. У нее слух вдвое лучше нашего.

— А мне кажется, просто истерия, — сказал Брайан. Теперь он шептал в самое ухо Ника.

Дайна отвернулась от окна.

— Ты что-нибудь слышишь? Абсолютно ничего, — неожиданно скопировала она. — Но она слепая. У нее слух вдвое лучше нашего. — Дайна сделала паузу и вдруг добавила: — А мне кажется, просто истерия.

— Дайна, что ты такое говоришь? — испуганно спросила Лорел. Она не слышала обмена репликами между Брайаном и Ником, хотя стояла куда ближе к ним, чем Дайна.

— А ты их спроси! — ответила Дайна дрожащим голосом. — Я не истеричка! Я слепая, но не сумасшедшая!

— Прости, — потрясенно сказал Брайан. — Прости, Дайна. — Обернувшись к Лорел, пояснил: — Мы переговаривались с Ником, а она услышала, представляете? Оттуда, от окна услышала.

— Ну и слух у тебя, миленькая, — сказала Бетани.

— Я слышу то, что слышу, — ответила Дайна. — И я слышу что-то там снаружи. Вон оттуда. — Она указала рукой к востоку за окном. Ее невидящие глаза окинули всех. — И это плохо. Страшный звук, очень страшный.

— Если вы, маленькая мисс, могли бы распознать, что это такое, нам бы это, видимо, помогло, — неуверенно сказал Дон Гаффни.

— Не могу, — ответила Дайна. — Только знаю, что он приблизился. — Она снова надела черные очки. — Нам нужно отсюда улететь. И чем скорее, тем лучше. Потому что к нам сюда что-то приближается. Что-то очень плохое, издающее такие звуки.

— Дайна, — обратился к ней Брайан. — Самолет, на котором мы прилетели, почти не имеет горючего.

— Тогда надо скорее его туда налить! — неожиданно пронзительно закричала девочка. — Оно приближается, неужели вы не понимаете?! Если мы не улетим к тому времени, как оно появится здесь, мы все погибнем! Мы умрем!

Ее голос сорвался, и она начала всхлипывать. Она не была Сивиллой или медиумом — всего лишь маленькая девочка, вынужденная переживать свой страх в почти полном мраке. Шатаясь, направилась к ним, всякая уверенность покинула ее. Лорел подхватила ее прежде, чем Дайна успела наткнуться на веревочное ограждение возле проверочного пункта, и крепко обняла. Попыталась успокоить девочку, но ее последние слова, как эхо, отдавались в перепуганном сознании Лорел: *Если мы не улетим к тому времени, как оно появится здесь, мы погибнем.*

Мы все умрем.

12

Крэг Туми слышал, как эта сопля что-то там вопила, но ему было наплевать. Он нашел то, что искал, в третьем шкафу по порядку. Наклейка с выпуклыми буквами на шкафу гласила: «МАРКИ». Обед мистера Марки — большой сэндвич — выглядывал из коричневого пакета на верхней полке. Уличные туфли мистера Марки стояли внизу. А посередине на крючке висела белая куртка на ремне и кобура, из которой выглядывала рукоятка служебного револьвера мистера Марки.

Крэг расстегнул кобуру и извлек оружие. Он не был глуп и, слегка повозившись, открыл барабан. Все шесть отделений были заряжены. Вернув барабан на место, он удовлетворенно кивнул, когда тот щелкнул, осмотрел ударник и рукоятку в поисках предохранителя. Однако, не обнаружил его. Затем осторожно нажал на спусковой крючок. Когда ударник и барабан едва заметно сдвинулись с места, Крэг снова удовлетворенно кивнул.

Он отвернулся от шкафа, и вдруг его охватило чувство полного одиночества. Как одинока была вся его взрослая жизнь! Револьвер показался тяжелым, и он опустил руку. Стоял, ссутулившись, — в одной руке атташе-кейс, в другой — револьвер, на лице — выражение глубоко несчастного человека. Вспомнилось то, о чем он много лет не вспоминал. Двенадцатилетний Крэг Туми лежал в постели, содрогаясь от беззвучных рыданий. В другой

комнате громко играла стереосистема. Пела Меррили Раш, а мать подпевала пьяным голосом, фальшивя: «Назови меня ангелочком... с утра, бэ-э-эй-бии... коснись моей щечки, прежде чем уйдешь, бэй-бии...»

Он лежал и плакал беззвучно. И думал: *Почему ты не можешь меня полюбить и оставить в покое, мама? Ну, просто полюби и оставь в покое.*

— Я никому не хочу наносить вреда, — забормотал Крэг Туми сквозь слезы. — Не хочу. Но это... это просто нестерпимо....

Напротив него у стены находились телевизионные мониторы, все отключенные. В какой-то момент, когда он осматривал их, истина того, что произошло и что продолжало происходить, вспыхнула в его сознании. В какой-то момент она прорвала сложную систему невротических заслонов и пробралась в бомбоубежище, где проходила его жизнь.

Все исчезли, Крэгги-бегги. Весь мир улетучился, кроме тебя и тех людей с самолета.

— Не-е-ет, — простонал он и упал в ближайшее кресло возле стола посреди комнаты. — Нет же, все не так. Просто невозможно. Не приемлю подобную идею. Полностью.

Лангольеры здесь уже побывали и скоро вернутся, — произнес голос отца. Он, как всегда, заглушил голос матери. — Тебе лучше убраться, когда они придут... иначе — сам знаешь, что случится.

Это он знал. Они его сожрут. Лангольеры сожрут его живьем.

— Но я никого не хочу убивать, — повторил он бесстрастным голосом. На столе лежал лист записи дежурства. Крэг опустил атташе-кейс, положил на стол револьвер, взял лист, посмотрел на него невидящим взглядом и начал отрывать от него узкие тонкие полоски с левого края.

РРРиииПП

Вскоре он был зачарован полосками бумаги, падавшими на стол, — возможно, самыми тонкими, какие когда-либо он сумел оторвать! Но и в это время голос отца еще не покинул его:

Иначе — сам знаешь, что случится.

ГЛАВА 5

*Картонные спички. — Случай с бутербродом
с саями. — Еще один пример метода дедукции. —
Аризонский еврей играет на скрипке. —
Единственный звук в городе.*

1

Гробовая тишина, последовавшая за предостережением Дайны, была, наконец, нарушена Робертом Дженкинсом.

— Насколько я понимаю, у нас возникли проблемы, — сказал он голосом лектора в большой аудитории. — Если Дайна обладает столь тонким слухом, тем более после весьма впечатляющей демонстрации ее способностей, свидетелями которой мы только что были, я склонен полагать, что она действительно что-то услышала. Было бы желательно узнать: что же это такое? К сожалению, мы не знаем. Это — одна проблема. Отсутствие горючего в аэроплане — другая проблема.

— Там 727-й стоит поблизости, — заметил Ник. — Совершенно готов к взлету. Ты такие можешь водить, Брайан?

— Могу.

Ник протянул обе руки к Бобу и пожал плечами, словно говоря: ну вот, один узелок развязали.

— Теперь, предположим, что мы поднимемся, давайте зададим себе вопрос: а куда мы полетим? — продолжал Дженкинс. — Вот вам третья проблема.

— Отсюда, — немедленно подсказала Дайна. — Подальше от этого звука. Нам нужно улететь подальше от этого звука и от того, что его производит.

— А сколько нам времени на это отпущено? — мягко спросил ее Боб. — Когда оно прибудет сюда, Дайна? Есть какая-нибудь идея?

— Нет, — откликнулась она из надежных объятий Лорел. — Мне кажется, что оно еще далеко. Какое-то время у нас есть. Но...

— Тогда я предлагаю поддержать идею мистера Варвика, — сказал Боб Дженкинс. — Пойдемте-ка в ресторан, перекусим и заодно обсудим, как нам дальше быть. Пища, знаете ли, благоприятно воздействует на то, что месье Пуаро любил называть маленькими серыми клеточками.

— Но нам нельзя терять времени, — капризно сказала Дайна.

— Всего лишь пятнадцать минут, — ответил Боб. — Не больше. И кстати, даже в твоём возрасте, Дайна, пора знать, что полезные размышления всегда предшествуют полезным действиям.

Альберт вдруг почувствовал, что у писателя детективов есть какие-то свои резоны непременно пойти в ресторан. Уж у него-то серые клетки работали на всю катушку, по крайней мере, он в это верил, особенно после его экстравагантных теорий, которые он излагал в самолете. Альберту очень захотелось предоставить ему любую возможность.

— *Он ведь наверняка хочет нам что-то показать, что-то подтвердить,* — подумал Альберт.

— Да уж на пятнадцать минут-то можно? — поддержал он.

— Ну ладно, — нехотя согласилась Дайна. — Может, и так...

— Отлично, — коротко бросил Боб. — Решено. — Он быстро зашагал к ресторану, словно уверенный в том, что остальные немедленно последуют за ним.

Брайан и Ник обменялись взглядами.

— Нам лучше пойти с ним, — тихо предложил Альберт. — Мне кажется, он догадывается, в чем дело.

— В чем? — спросил Брайан.

— Я не знаю. Но у него какие-то идеи есть, это точно.

Альберт направился вслед за Бобом. За ним последовала Бетани, а потом и остальные. Лорел вела Дайну за руку. Девочка была бледна как смерть.

Ресторан «Девятое облако» оказался на деле просто кафетерием, полным напитков и бутербродов, расставленных и разложенных позади дугообразной стойки из нержавеющей стали. Все места были, разумеется, свободными, все блистало чистотой. Бокалы уложены в аккуратные пирамиды в шкафах вместе с чашками и блюдами.

Роберт Дженкинс остановился возле кассового аппарата. Когда подошли Альберт и Бетани, он сказал:

— Не могли бы вы, Бетани, угостить меня еще одной сигареткой?

— Надо же! — сказала вполне добродушно Бетани. — Таким курякой стали заядлым. — Она вытащила пачку «Марльборо» и вытряхнула из нее одну сигарету. Он ее извлек, но тут же коснулся ее руки, когда она протянула ему картонные спички.

— Минуточку. Дайте-ка я попробую одну из этих. — Возле кассы стояла округлая чаша, полная картонных спичек с этикеткой «Школа бизнесменов Ля Салль». Возле чаши табличка «ДЛЯ НАШИХ ПЛАМЕННЫХ ДРУЗЕЙ». Боб взял картонку, раскрыл ее и оторвал одну спичку.

— Да ради бога, — сказала Бетани. — А зачем?

— А сейчас выясним, — ответил он. Дженкинс обвел их взглядом. Все стояли теперь полукругом возле него, кроме Руди Варвика, внимательно обследовавшего содержимое холодильных полок с закусками.

Боб чиркнул спичкой. Она оставила беловатый след на серке, но не зажглась. Снова чиркнул. Результат тот же самый. С третьей попытки картонная спичка разорвалась, головка отлетела.

— Вот так штука, — прокомментировал он без малейшего удивления. — Никак отсырели. А ну-ка, возьмем с самого низа. Уж они-то сухие.

Порылся в чаше, сбросив несколько картонок на прилавок возле кассового аппарата. Альберту спички показались вполне сухими. Возле него Ник и Брайан обменялись многозначительными взглядами.

Боб выудил другую картонку спичек, оторвал одну и вновь попытался зажечь. Ничего не получилось.

— Елки-моталки, — сказал он. — Никак мы еще одну проблему обнаружили? Бетани, не одолжите ли вы мне ваши спички на минутку?

Она молча вручила их ему.

— Минуточку, дружок, — медленно проговорил Ник. — Вы что-то знаете?

— Да нет. Всего лишь то, что наша ситуация гораздо сложнее, чем мы думали, — ответил Боб. Взгляд его был спокойным, но лицо малость осунулось и побледнело. — И полагаю, что все мы совершили одну весьма крупную ошибку. Оно и простительно в данной ситуации... но покуда мы полностью не пересмотрим наши мнения по поводу случившегося, я не думаю, что мы до чего-нибудь дельного додумаемся. Я бы назвал это ошибкой в перспективе.

Барвик вернулся и подошел к ним. Он выбрал какой-то завернутый в бумагу сандвич и бутылку пива. Выглядел вполне довольным своим выбором.

— Ну, что происходит, братцы?

— А хрен его знает, — пробормотал Брайан. — Мура какая-то.

Боб оторвал спичку от картонки Бетани и чиркнул. Она сразу вспыхнула.

— О! — сказал он и поднес ее к своей сигарете. Брайану запах показался неприятным. Тут же, впрочем, понял причину: иных запахов не ощущал, кроме лосьона для бритья от Ника и духов Лорел. Заодно вспомнил запах пота своего напарника по полету.

Боб поднес пылающую спичку к картонке, извлеченной из чаши, и принялся водить ею по головкам спичек. Ничего не произошло. Писатель подержал над пламенем другие головки спичек, но они не загорелись. Все зачарованно наблюдали.

Наконец послышался звук: фсссс. Несколько спичечных головок вроде бы ожили. Но они не вспыхнули, а лишь замерцали и тут же истлели. Поднялись крошечные струйки дыма... дыма, который не имел запаха.

Боб оглядел присутствующих и мрачно усмехнулся.

— Даже это, — сказал он, — превзошло мои ожидания.

— Ну хорошо, — обратился к нему Брайан. — Расскажите нам, что у вас за идея. Я знаю...

В этот момент Руди Варвик издал возглас явного отвращения. Дайна тоже испуганно вскрикнула и прижалась к Лорел. У Альберта екнуло сердце.

Руди развернул свой сэндвич, который показался Брайану начиненным салями и сыром, и откусил порядочный кусок. Теперь он выплюнул его прямо на пол с гримасой отвращения.

— Испорчен! — воскликнул Руди. — Тьфу ты, черт! Ну и гадость!

— Испорчен? — быстро переспросил Боб Дженкинс. Глаза его заблестели. — Сомневаюсь. Обработанное мясо настолько напичкано консервантами, что только часов через восемь на солнцепеке оно «заскучает». А судя по часам, ток в холодильнике отключился менее пяти часов тому назад.

— А может, и нет, — возразил Альберт. — Это вы просто предположили, будто время кажется более поздним, чем показывают наши наручные часы.

— Верно, но я не думаю... А скажите, мистер Варвик, камера была еще холодной? Когда вы ее открыли, там было холодно?

— Не сказал бы, что холодно, но, в общем, прохладно, — ответил Руди. — Но этот бутерброд совершенно сговнялся. Прошу прощения у дам. Вот! — Он протянул сэндвич. — Если вы не считаете, что он испорчен, попробуйте сами.

Боб посмотрел на бутерброд с сомнением. Однако после некоторого колебания взял его и откусил с нетронутой стороны. Альберт заметил выражение мимолетной гадливости на его лице. Но он не стал сразу избавляться от своего куска. Осторожно пожевал разок-другой, потом отвернулся и сплюнул на ладонь. Сбросил с ладони в плевательницу, туда же последовал и бутерброд.

— Не испорчен, — сказал он. — Просто лишен вкуса. И не только это. У него нет, как бы это сказать, субстан-

ции. — Рот его гадливо искривился. — Вот мы говорим о пресных продуктах. Отварной рис без подливки, вареная картошка без соли. Но даже самая пресная еда, я полагаю, имеет свой вкус. А здесь его просто нет. Все равно, что жевать бумагу. Неудивительно, что вы сочли его испорченным.

— Он и есть испорченный, — упрямо возразил лысый мужчина.

— А попробуйте-ка ваше пиво, — предложил Боб. — Оно-то не должно быть испорченным, все-таки закупорено герметически. Такое даже вне холодильника не портится.

Руди с сомнением посмотрел на бутылку «Будвейзера» в своей руке, покачал головой и протянул его Бобу.

— Больше не хочу, — сказал он. Оглянулся на холодильник и посмотрел подозрительно на Дженкинса, словно тот сыграл над ним шутку.

— Что ж, я это сделаю, раз так нужно, — сказал Боб. — Однажды я уже предложил свое тело науке. Может быть, кто-то из вас желает попробовать пиво? Мне кажется, это очень важно.

— Давайте мне, — сказал Ник.

— Нет, — вмешался дон Гаффни. — Лучше мне. Ей-богу, так хочется пивка. Я и прежде пил его теплым, и ничего, не околел.

Он взял бутылку, свернул пробку и запрокинув голову, хлебнул. В следующий момент струей выплюнул все прямо на пол.

— Господи! — воскликнул он. — Совершенно выдохлось!

— Неужто? — Боб оживился. — Так-так! Отлично! Сейчас посмотрим! — Он быстро зашел за стойку бара, взял с полки бокал. Гаффни поставил бутылку возле кассы. Брайан внимательно осмотрел ее, а Боб Дженкинс взял и тоже обследовал. Никакой пены не поднялось к горлышку. *Там может быть и вода,* — подумал он.

То, что Боб налил в бокал, однако, водой не выглядело. Похоже было на пиво. Выдохшееся пиво. Никакой пены. К внутренней стенке бокала прилипли несколько крошечных пузырьков, но ни один не всплыл к поверхности.

— Ну что ж, — сказал Ник, — выдохлось. Такое случается. Не завернут пробку как следует на фабрике — весь газ и выходит. Наверно, каждому такое попадалось.

— Но если вы к этому добавите и лишенный вкуса сэндвич с салями, какие-то выводы напрашиваются, верно?

— Да о чем выводы?! — воскликнул Брайан.

— Минуточку, — ответил Боб. — Сначала давайте прореагируем на замечание мистера Хопвелла. — Он обернулся, сгреб обеими руками несколько бокалов (некоторые попадали с полки на пол и разбились), затем с ловкостью профессионального бармена расставил их в ряд. — Дайте-ка сюда еще пива! И прохладительных напитков, раз уж мы тут.

Альберт и Бетани подошли к холодильнику и каждый из них взял наугад бутылок по пять.

— Он что, чокнутый? — тихо спросила Бетани.

— Не думаю, — ответил Альберт. Он примерно понимал, что хочет им продемонстрировать писатель. — Помнишь, как он посоветовал тебе поберечь спички? Он знал — что-то в этом роде должно было случиться. Потому так и хотел, чтобы мы пошли в ресторан. Хотел продемонстрировать.

3

Листок дежурства был разорван десятка на три узких полосок, а лангольеры подобрались еще ближе.

Крэг ощущал их приближение где-то в глубине сознания, как растущее давление.

Давило заметно сильнее.

Пора было идти.

Он взял пистолет, поднял атташе-кейс, встал и покинул комнату службы безопасности. Шел медленно и мысленно повторял: *Я не хочу вас убивать, но сделаю это, если придется. Отвезите меня в Бостон. Не хочу в вас стрелять, но сделаю, если придется. Отвезите меня в Бостон.*

— Сделаю, если придется, — пробормотал Крэг, возвращаясь в зал ожидания. — Сделаю, если придется. — Его палец нащупал курок револьвера и взвел его.

На полпути через зал его внимание вновь приковал сумеречный свет, исходивший из окна. Он повернул в его сторону. Чувствовал их присутствие где-то там. Лангольеры. Они сожрали всех бесполезных, ленивых людей, а теперь возвращались за ним. Ему непременно нужно вылететь в Бостон. Знал, что это единственный путь спасения того, что от него осталось... а их смерть будет ужасной. Ужасающей будет их смерть.

Он медленно подошел к окну и уставился наружу, не замечая разговоров остальных пассажиров позади него.

4

Боб Дженкинс налил понемногу из каждой бутылки в свой бокал. Содержимое каждой было лишено газа.

— Убедились? — спросил он Ника.

— Разумеется, — ответил Ник. — Если вы догадались, что здесь происходит, друг, поделитесь. Расскажите, пожалуйста.

— Есть у меня идея, — сказал Боб. — Боюсь, она не очень утешительна. Но я принадлежу к категории тех людей, для которых знание в итоге лучше, чем неведение, безопаснее даже, я бы сказал. Причем невзирая на то, что истина может оказаться весьма неприятной. Вы поняли?

— Не совсем, — ответил Гаффни.

Боб пожал плечами и чуть улыбнулся.

— Будь что будет, но я утаивать свои соображения не стану. Прежде чем я скажу что-то, попрошу всех осмотреть это место и сказать мне, что вы видите.

Они осмотрели весь зал, сосредоточив внимание на креслах и столиках. Однако не заметили Крэга, который стоял в дальнем конце зала и глядел на летное поле.

— Ничего, — сказала наконец Лорел. — Извините, но я ничего не увидела. Может быть, ваше зрение повнимательнее, мистер Дженкинс?

— Ничуть. Я вижу то же, что и вы, а именно — ничего. Но аэропорты открыты двадцать четыре часа в сутки. Когда произошло Событие, видимо, здесь было самое затишье в круглосуточной активности. Однако мне трудно

поверить, что не было тут хотя бы нескольких человек, пьющих кофе или даже принимающих завтрак. Это могли быть работники технических служб, персонал аэропорта, транзитные пассажиры, которые предпочли сэкономить деньги и не останавливаться на ночь в ближайшем мотеле. Когда я сошел с конвейерной ленты, сразу почувствовал, что не туда попал. Почему? Да потому что аэропорты никогда не бывают полностью пустынными, так же как и полицейские участки, пожарные депо. А теперь осмотритесь еще раз и спросите себя: где недоеденные блюда, недопитые стаканы? Помните тележку в самолете, где на нижней полке находились грязные стаканы? Помните надкусанное печенье и недопитую чашку кофе возле сиденья пилота на нашем самолете? Здесь ничего подобного нет. Где хоть один признак того, что какие-то люди тут находились в момент События?

Альберт посмотрел вокруг и медленно произнес:

— Нету здесь трубки на фордеке, верно?

Боб внимательно посмотрел на него:

— Что? Что ты сказал, Альберт?

— Когда мы были в самолете, — так же медленно сказал Альберт, — я думал о том паруснике, о котором когда-то читал. Он назывался «Мэри Селест». Кто-то обнаружил его бесцельно болтающимся в море. Вернее, не то чтобы болтающимся, поскольку в книге было написано, что все паруса были на месте, но когда люди взобрались на корабль, оказалось, что на нем никого не было. Все исчезли. А их вещи оставались на своих местах, на очаге готовилась еда. Кто-то даже обнаружил на фордеке еще дымящуюся трубку.

— Bravo! — возбужденно воскликнул Боб. Теперь все смотрели на него, и никто не заметил, как Крэг Туми направился к ним. Револьвер в его руке больше не смотрел в пол.

— Bravo, Альберт! Ты нашел точную аналогию! И еще одно знаменитое исчезновение имело место — целая колония поселенцев на острове Роанок близ побережья Северной Каролины. Все исчезли, но оставили после себя очаги, хижины, утварь, мусор. Теперь, Альберт, сделай

еще один шаг дальше. Чем еще отличается этот аэропорт от нашего самолета?

Некоторое время лицо Альберта ничего не выражало, потом в глазах появилась догадка.

— Кольца! — воскликнул он. — Кошельки, бумажники, монеты, искусственные суставы! Здесь ничего такого нет!

— Правильно, — тихо сказал Боб. — На сто процентов правильно. Как ты говоришь, здесь ничего такого нет. Но ведь мы, спасшиеся, проснулись в самолете, верно? В кабине пилота была недопитая чашка кофе и надкусанное датское печенье. То есть эквивалент той самой дымящейся трубки на фордеке.

— Вы полагаете, что мы влетели в иное измерение, так? — спросил Альберт, в голосе — восхищение. — Прямо как в научно-фантастической истории!

Дайна склонила голову набок.

— Нет, — сказал Боб. — Я думаю...

— Осторожно! — вскрикнула Дайна. — Я слышу...

Она опоздала. Едва паралич покинул Крэга Туми, он начал действовать стремительно. Прежде чем Ник и Брайан успели обернуться, он локтем обхватил шею Бетани и потащил ее назад. Револьвер приставил к ее виску. Девушка в ужасе сдавленно крикнула.

— Я не хочу в нее стрелять, но сделаю, если придется, — сказал Крэг. — Отвезите меня в Бостон. — Его глаза утратили отсутствующее выражение, они бросали быстрые взгляды по сторонам, в них светился испуганный параноидальный разум. — Вы слышите?! Отвезите меня в Бостон!

Брайан шагнул в его сторону, но Ник положил ему ладонь на грудь, не сводя глаз с Крэга,

— Спокойнее, друг, — сказал он тихо. — Это небезопасно. У нашего приятеля крыша поехала.

Бетани стонала под давлением его руки.

— Ты меня задушишь! Не души меня! Пожалуйста!

— Что происходит?! — крикнула Дайна. — Что там?

— Заткнись! — крикнул Крэг Бетани. — Не рыпайся! Ты вынудишь меня сделать то, чего я не хочу! — Он прижал дуло к ее голове, а она продолжала сопротивлять-

ся. Альберту вдруг стало ясно, что она не соображает, какой опасности подвергается, понятия не имеет, что у него пистолет, хотя дуло его прижато к ее виску.

— Прекрати, девочка! — резко сказал Ник. — Не сопротивляйся!

Впервые в своем бодрствующем состоянии Альберт обнаружил, что не только думает, как Аризонский Еврей, но и готов действовать, как его легендарный типаж. Не спуская глаз с безумца в джерси без воротничка, он начал медленно поднимать чехол своей скрипки. Туми на него не смотрел, его взгляд метался между Брайаном и Ником, а обе его руки были заняты в полной мере Бетани.

— Я не хочу в нее стрелять, — начал было снова Крэг, но в этот момент его рука дернулась вверх, когда девушка толкнула его задом. Тотчас она вцепилась в его руку зубами, в самое запястье.

— О! — вскрикнул Крэг и завыл. — О-о-о-о!!!

Его хватка ослабла, и Бетани вывернулась из-под нее. Альберт прыгнул к нему, подняв футляр, в тот момент, когда Туми нацелил револьвер на Бетани. Лицо его было искажено гримасой боли и гнева.

— Нет, Альберт! — крикнул Ник.

Крэг Туми увидел Альберта в последний момент и направил дуло револьвера на него. В какой-то момент Альберт смотрел прямо в дуло револьвера — такого не бывало ни в его снах, ни в фантазиях. Это было все равно что смотреть в разверзтую могилу.

Наверно, я тут ошибся, — подумал он, и в этот момент Крэг нажал на курок.

5

Вместо выстрела прозвучал легкий хлопок, как из духового ружья, не более. Альберт почувствовал, как о его грудь с надписью на рубашке с короткими рукавами «Хард Рок» что-то стукнуло. Понял, что в него выстрелили, и одновременно обрушил чехол скрипки на голову Крэга. Послышался звук мощного удара, отдавшийся в его руках, и одновременно в мыслях прозвучал голос отца:

Что с тобой, Альберт? Разве можно так обращаться с дорогим музыкальным инструментом?

Внутри чехла скрипка издала звук: бойнк!

Один медный замок угодил в лоб Туми, и оттуда тотчас показалась кровь, полилась струей. Колени подогнулись, и он повалился прямо перед Альбертом. Глаза Крэга Туми закатились, обнажив белки, и он потерял сознание у ног Альберта.

Сумасшедшая и одновременно чудесная мысль на миг заполнила разум Альберта: *Клянусь Богом, я никогда в жизни лучше не сыграл!* И тут же обнаружил, что задыхается. Повернулся к остальным со слабой улыбкой на губах.

— Кажется, я психанул, — сказал Туз Косснер. Его колени вдруг тоже ослабели, и он повалился на пол, прямо на футляр своей скрипки.

6

Он пришел в себя менее, чем через полминуты. Брайан похлопывал его по щекам и смотрел на него с тревогой. Бетани стояла на коленях возле него, глядя восхищенными сияющими глазами. Позади нее плакала Дайна в объятиях Лорел. Альберт взглянул на Бетани и ощутил, как его сердце разрастается в груди.

— Аризонский Еврей снова в седле, — пробормотал он.

— Что ты сказал, Альберт? — спросила она и погладила его по щеке. Ладонь ее была чудесно мягкой, чудесно прохладной. Альберт решил, что влюбился.

— Ничего, — ответил он.

В это время пилот снова похлопал его по щеке.

— С тобой все в порядке, парнишка? — спрашивал Брайан. — Как себя чувствуешь? Хорошо?

— Думаю, что да, — ответил Альберт. — И хватит по щеке меня бить. И потом — меня зовут Альберт. Для друзей — Туз. Я сильно ранен? Пока ничего не чувствую. Кровотечение удалось остановить?

Ник Хопвелл присел на корточки рядом с Бетани. На его лице застыла растерянная улыбка.

— Я думаю, ты выживешь, дружок. В жизни не видел ничего подобного... а повидал я много чего. Дай-ка руку, я тебе дам один сувенир на память.

Альберт протянул ему ладонь, которая заметно дрожала, и Ник что-то вложил в нее. Альберт поднес предмет к глазам и обнаружил, что это пуля.

— С пола подобрал, — пояснил Ник. — Даже не деформирована. Прямо тебе в грудь угодила — даже вон, на рубашке, след пороха. Стукнула и отскочила, представляешь? Осечка, что ли, произошла? Видно, Бог тебя любит, друг.

— Я еще про спички подумал в тот момент, — слабо сказал Альберт. — Решил, что вообще не выстрелит.

— Это было очень отважно и очень безрассудно с твоей стороны, мой мальчик, — сказал Боб Дженкинс. Лицо его было бледным, словно он сам готов был упасть в обморок. — Ох, никогда не верь писателям. Слушай их сколько влезет, но никогда не верь. Боже мой, а что, если бы я оказался неправ?

— Вы почти были неправы, — заметил Брайан, помогая Альберту подняться на ноги. — Это, знаете ли, вроде того, как вы подожгли другие спички из той чаши. Там заряда как раз хватило, чтобы вытолкнуть пулю из патрона. Чуть больше заряда, и Альберт получил бы пулю в легкие.

У Альберта снова закружилась голова. Он покачнулся, и Бетани немедленно обхватила его за поясницу.

— Я подумала, до чего же он смело поступил, — сказала она, глядя на него так, будто Альберт Косснер по большой нужде ходит не иначе, как бриллиантами. — Просто невероятно.

— Благодарю, — сказал Туз с холодноватой улыбкой. — Ничего особенного. — Самый проворный еврей к западу от Миссисипи вдруг осознал, что значительная часть девушки была прижата к нему и что от нее исходил невыразимо приятный аромат. Неожиданно он почувствовал себя просто отлично. Более того, показалось, что никогда еще не чувствовал себя так классно. Тут он вспомнил про свою скрипку и подобрал чехол. На чехле образовалась небольшая вмятина, и один замочек сломал-

ся. К нему прилипли кровь и волоски. В желудке Альберта что-то лениво перевернулось. Он раскрыл чехол и заглянул внутрь. Инструмент был в полном порядке, и Альберт облегченно вздохнул.

Потом вспомнил про Крэга Туми и облегчение сменилось тревогой.

— Послушайте, а я не убил его случайно? Так сильно врезал. — Он посмотрел на Крэга, который лежал на полу возле входа в ресторан. Дон Гаффни сидел возле него на корточках. Альберту чуть снова не стало дурно. Лицо, голова Крэга были залиты кровью.

— Он жив, — сказал Дон. — Просто отключился, как электричество.

Альберт ощутил спазму в горле.

— Боже, как много крови!

— Это еще ничего не значит, — заметил Ник. — Ранения скальпа очень кровоточат. — Он подошел к Дону, взял руку Крэга и нащупал пульс. — Не забывай, дружок, что он приставил револьвер к голове девушки. Если бы нажал на курок в упор, с ней было бы все кончено. Помнишь, как один актер убил себя холостым патроном несколько лет назад? Мистер Туми получил то, на что напросился сам. Целиком его вина. Так что выброси из головы.

Ник бросил руку Крэга и выпрямился.

— Кроме того, — сказал он, вытаскивая из коробки на ближайшем столе салфетки, — пульс у него отличный. Я думаю, он через несколько минут очухается всего лишь с головной болью. Полагаю также, было бы благоразумным принять кое-какие меры по случаю такого радостного события. Мистер Гаффни, там я вижу столики возле раковины умывальника со скатертями — как ни странно. Не могли бы вы мне принести парочку скатертей? Мне кажется, было бы разумно связать за спиной руки мистера «Я-Должен-Лететь-В-Бостон».

— А есть ли в этом нужда? — тихо спросила Лорел. — Человек все-таки без сознания, у него кровотечение.

Ник прижал салфетку к ране на лбу Крэга Туми, потом взглянул на нее.

— Вы Лорел, верно?

— Верно.

— Ну что ж, Лорел, давайте не будем приукрашивать. Этот человек сумасшедший. Не знаю — то ли наше приключение явилось причиной его безумия, то ли это у него давно, но что я знаю точно, так это то, что он опасен. Вместо Бетани он вполне мог схватить Дайну, будь она поближе от него. Если мы оставим его несвязанным, он может попытаться сделать то же самое еще раз.

Крэг застонал и слабо замахал руками. Боб Дженкинс шагнул прочь от него, едва он задвигался, хотя револьвер был благополучно заткнут за пояс Брайана Энгла. Лорел тоже отшатнулась, потащив с собой Дайну.

— Кто-нибудь умер? — нервозно спросила Дайна. — Никто? Ведь так?

— Нет, дорогая.

— Мне надо было раньше его услышать, но я слушала дяденьку, который говорил, как учитель.

— Не волнуйся, Дайна, — успокоила ее Лорел. — Все обошлось нормально. Все в порядке. — Она окинула взглядом пустой сумрачный зал и внутренне горько усмехнулась. — Ничего здесь не было в порядке. Абсолютно ничего.

Дон вернулся с красно-белыми в клеточку скатертями в каждой руке.

— Красотища, — сказал Ник. Он взял одну скатерть, закрутил ее в длинный жгут, засунул ее середину себе в рот и зажал зубами, чтобы не раскрутилась. Затем перевернул Крэга, как оmlет на сковородке.

Крэг вскрикнул, веки его задрожали.

— Разве так уж необходимо быть жестоким? — резко спросила Лорел.

Ник молча уставился прямо ей в глаза. Она тотчас отвернулась. Мысленно сравнила эти глаза с глазами на фотографиях Даррена Кросби. Широко поставленные ясные глаза на симпатичном, а может, и непримечательном лице. Но и глаза, пожалуй, были непримечательными. Не из-за этих ли глаз, однако, она предприняла такое путешествие? Разве она не решила после тщательного изуче-

ния, что то были глаза человека, умеющего вести себя? Человека, который отстанет, когда скажешь ему: отстань.

Поднимаясь по трапу на рейс №29, она говорила себе, что начинается классное приключение, экстравагантное танго с романом, импульсивный бросок через весь континент в объятия высокого темного незнакомца.

Но порой оказываешься в одной из тех скучнейших ситуаций, когда правды не избежать. Лорел подумала, что правда состоит в следующем: она выбрала Даррена Кросби потому, что его письма и фотографии подсказали ей — он не слишком отличался от мирных мальчиков и мужчин, с которыми она встречалась примерно с пятнадцатилетнего возраста. Мальчики и мужчины, которые быстро приучались вытирать ноги в дождливые вечера, прежде чем войти в дом. Мальчики и мужчины, которые без просьбы с готовностью хватают полотенца, чтобы вытереть вымытую посуду. Мальчики и мужчины, которые немедленно отцепятся от тебя, когда на них цыкнешь.

Села ли бы она на рейс №29, если бы на фотографиях был изображен Ник Хопвелл с его умеренно карими глазами вместо темно-голубых глаз Даррена? Она так не думала. Решила, что написала бы ему доброе, но безличное письмо: *Благодарю вас за ваш ответ и фотографию, мистер Хопвелл, но мне почему-то кажется, что мы с вами друг другу не подойдем.* И продолжила бы поиски человека вроде Даррена. Ну и конечно же она весьма сомневалась, что мужчины типа Хопвелла когда-либо читали журналы для одиноких сердец, не говоря уж о даче объявлений о себе в подобных изданиях. Но так или иначе она оказалась теперь с ним в этой зловещей ситуации.

Что ж... она хотела испытать какое-нибудь приключение, прежде чем достигнет среднего возраста. Разве не так? Да. И вот она здесь, подтверждая правоту Толкиена: переступила порог своего дома прошлым вечером, как обычно, и завершила свой путь в странном и страшном варианте Страны Фантазии. Но это было и приключение. Экстренная посадка... заброшенный аэропорт, безумец с пистолетом. Чем не приключение? Еще какое! В памяти

Лорел всплыла фраза, прочитанная несколько лет тому назад: *Будь осторожен, когда молишься ради чего-то, потому что можешь это получить.*

А ведь верно.

И как неожиданно, и как смущает.

В глазах Ника Хопвелла смущения не было... но не было в них и жалости. От его взгляда она испытала внутреннюю дрожь, и в этом чувстве не было ничего романтического.

Ты уверена? — прошептал внутренний голос, и Лорел заставила его немедленно заткнуться.

Ник заложил руки Крэга за спину и сложил запястьями вместе. Крэг снова издал стон, на этот раз погромче. Начал было сопротивляться.

— Спокойно, мой старый добрый друг, — сказал Ник. Он дважды обмотал импровизированную веревку вокруг запястий Крэга и туго завязал концы. Крэг задвигал плечами и издал сдавленный крик. — Вот так! — сказал Ник и поднялся. — Запакован не хуже рождественской индейки. И у нас еще одна веревка в запасе, если эта окажется недостаточно надежной. — Он присел на ближайший столик и посмотрел на Боба Дженкинса. — Да! Так что вы там говорили, когда нас так грубо прервали?

Боб посмотрел на него с удивлением:

— Что?

— Я говорю, продолжайте. Это же интересно, — ответил Ник. Он мог быть прилежным слушателем лекций, а не человеком, который сидел на столе пустынного ресторана в аэропорту возле связанного мужчины, лежавшего в луже собственной крови. — Вы как раз остановились на том, что ситуация рейса №29 схожа со случаем на «Мэри Селест». Любопытная аналогия.

— И вы хотите, чтобы я продолжал? — удивленно спросил Боб. — Словно ничего не произошло?

— Освободите меня! — крикнул Крэг. Голос его был слегка приглушен паласом, покрывавшим пол ресторана, однако звучал вполне живо для человека, всего пять минут назад потерявшего сознание от удара чехлом скрипки. — Я хочу встать! Я требую, чтобы вы...

И тут Ник сделал нечто такое, что повергло всех в шок, даже тех, кто наблюдал, как он выкручивал Крэгу нос, подобно крану над умывальником. Он коротко ударил его ногой в бок. Крэг вскрикнул и замолчал.

— Еще раз пикнешь, дорогой, и я тебе ребра сломаю, — мрачно сказал Ник. — Мое терпение с тобой иссякло.

— Эй! — воскликнул Гаффни ошарашенно. — Зачем это вы так...

— Слушайте! — перебил его Ник и обвел взглядом присутствующих. Его цивилизованные манеры впервые улетучились. Голос задрожал от гнева. — Вас всех пора встряхнуть, ребята и девочки, а у меня нет времени все это с вами рассусоливать. Эта слепая девочка Дайна говорит, что мы здесь влипли в какую-то беду, и я ей верю. Она говорит, что слышит что-то, нечто, приближающееся к нам. Я и этому склонен верить. Сам ни хрена не слышу, но нервы у меня почему-то очень шалят. Когда они так себя ведут, я обычно обращаю на это обстоятельство серьезное внимание. Я думаю, нечто к нам приближается, и не верю, что это нечто попытается продавать нам пылесосы или страховать жизнь. Мы, конечно, можем тут корректно и цивилизованно шуметь по поводу этого придурка. Но не лучше ли разобраться, что с нами произошло? Понимание случившегося, может быть, и не спасет наши жизни, но я все больше убеждаюсь, что отсутствие такого понимания может эти жизни прикончить, и притом очень скоро. — Он посмотрел на Дайну. — Скажи мне, Дайна, если я не прав. Тебя я выслушаю с удовольствием.

— Я не хочу, чтобы вы мучили Туми. Но я не считаю, что вы не правы, — ответила Дайна слабым, дрожащим голоском.

— Ну что ж, — сказал Ник. — Годится. Сделаю все, что в моих силах, чтобы больше его не трогать... хотя обещаний и не даю. Прежде всего хочу отметить элементарный факт. Этот парень, которого я связал...

— Туми, — подсказал Брайан. — Его зовут Крэг Туми.

— Ладно. Мистер Туми — сумасшедший. Если мы найдем дорогу обратно в наш мир или найдем то место,

куда перебрались все люди, мы сможем организовать для него какую-то помощь. Но сейчас единственное, чем мы ему можем помочь, это вывести его из строя, что я и сделал со щедрой и душевной помощью Альберта. Теперь мы можем заняться своими делами. Кто-нибудь имеет возражения?

Ответа не последовало. Остальные пассажиры рейса №29 с тревогой смотрели на Ника.

— Ладно, все, — сказал Ник. — Пожалуйста, продолжайте, мистер Дженкинс.

— Я... я не привык... — Боб с усилием попытался взять себя в руки. — В своих книгах, возможно, я убил достаточно людей, чтобы заполнить ими до отказа самолет, на котором мы летели. Но то, что произошло здесь, поверьте, первый акт насилия, который я видел воочию. Простите, если я... м-м... вел себя нехорошо.

— Вы очень хорошо себя вели, мистер Дженкинс, — сказала Дайна. — А мне так интересно вас слушать. Как-то лучше себя начинаешь чувствовать.

Боб благодарно посмотрел на нее и улыбнулся.

— Спасибо тебе, Дайна. — Он сунул руки в карманы, бросил беспокойный взгляд на Крэга Туми, потом дальше на пустой зал ожидания.

— Я кажется, отметил главную ошибку в ходе наших размышлений, — сказал он. — Она вот в чем: мы все предположили, когда до нас дошел масштаб этого События, что нечто стряслось со всем остальным миром. Такое предположение легко понять, поскольку мы живы-здоровы, а все остальные, включая пассажиров, с которыми мы садились в самолет в Лос-Анджелесе, похоже исчезли. Однако есть свидетельства, заставляющие нас прийти к выводу о том, что то, что случилось, произошло только с нами одними. Я убежден, что тот мир, который мы знали, продолжает жить, как ни в чем ни бывало. Это мы — пропавшие пассажиры и одиннадцать уцелевших на рейсе №29 — исчезли, пропали.

— Может, я тупой, но что-то не понимаю, что вы имеете в виду, — сказал Руди Варвик.

— Я тоже, — поддержала Лорел.

— Мы упомянули два знаменитых исчезновения, — тихо сказал Боб. Теперь к нему как будто прислушивался и Крэг Туми. По крайней мере, перестал ворочаться, пытаясь освободиться. — Один случай — с «Мэри Селест» — произошел в море. Второй — с островом Роанок — произошел возле моря. И эти два случая не единственные. Я припоминаю по крайней мере еще два с самолетами: исчезновение самолета «Амелия Эрхарт» над Тихим океаном и исчезновение нескольких самолетов с авианосца над той частью Атлантического океана, которая известна как Бермудский треугольник. Это случилось не то в 45-м, не то в 46-м году. Пошла неразборчивая информация от ведущего пилота, с базы во Флориде немедленно были отправлены спасательные самолеты, но никаких следов исчезнувших самолетов или их экипажей так и не обнаружили.

— Я тоже слышал об этом, — сказал Ник. — Что, собственно, и послужило дурной репутацией злосчастному треугольнику, насколько мне известно.

— Да что вы! — вмешался Альберт. — Там же погибло много кораблей и самолетов. Я читал об этом в книге Чарлза Берлица. Так интересно. — Он посмотрел по сторонам. — Вот уже никогда не думал, что сам окажусь в их ситуации.

Дженкинс сказал:

— Я не знаю, пропадал ли когда-нибудь самолет над континентом Соединенных Штатов, но...

— Такое случалось не раз с маленькими самолетами, — перебил его Брайан. — Лет тридцать пять назад произошло и с пассажирским самолетом. Там было что-то около сотни пассажиров. Не то в 55-м, не то в 56-м году. Марки самолета не помню. Он летел в Денвер из Сан-Франциско. Пилот связался с диспетчерской Рено — обычная рутинная связь — и после этого о нем ничего

больше не было слышно. Были, конечно, поиски, но... бесполезно.

Брайан заметил, что все смотрели на него словно зачарованные страхом. Неловко засмеялся.

— Пилотские легенды, — сказал он извиняющимся тоном. — Годится для мультика Гэри Ларсона.

— Наверняка они все проскочили, — пробормотал писатель. Он принялся поглаживать щеку пальцами. На лице выражение угрюмой печали и страха. — А тела их не нашли?

— Ну, скажите нам, что вам известно или что вы предполагаете, — попросила Лорел. — А то все это нагромождается и нагромождается. Если я не получу никаких ответов на все эти загадки, можете меня тоже связать и положить возле мистера Туми.

— Не надо льстить себе, — довольно отчетливо, хотя и приглушенно произнес Крэг.

Боб удостоил его еще одним обеспокоенным взглядом и после этого собрался с мыслями.

— Здесь нет беспорядка, а на самолете — есть. Здесь нет электричества, а на самолете оно есть. Это, конечно, еще не основание для каких-то достоверных выводов — все-таки на самолете имеется собственная система энергоснабжения. А здесь ток поступает откуда-то с электростанции. Но подумайте тогда о спичках. Бетани была на самолете, и ее спички действуют отлично. А спички из чаши здесь не загораются. Пистолет, который мистер Туми взял в службе безопасности, едва выстрелил. Я думаю, если вы здесь попробуете фонарь на батарейках, он тоже не будет работать. Если и загорится, то ненадолго.

— Вы правы, — сказал Ник. — И нам нет нужды искать здесь фонарик, чтобы проверить вашу теорию. — Он показал пальцем вверх. Там на стене находилась сигнальная лампа над грилем на кухне. Она не горела, как и прочие лампы. — Она — на батарейках, — продолжал Ник. Едва отключается электричество, светочувствительный соленоид тут же ее включает. Здесь достаточно сумрачно, она должна была сработать, однако этого не произошло. Это означает — либо в цепи соленоида что-то не так, либо батареи сели.

— Подозреваю и то, и другое, — заметил Боб Дженкинс. Он неторопливо подошел к двери ресторана и выглянул из нее. — Мы оказались в мире, который выглядит целостным и достаточно прибранным. Но в то же время этот мир выглядит почти полностью истощенным. Газированные напитки выдохлись, еда безвкусная, воздух без запахов. Мы еще пахнем — я ощущаю запах духов Лорел и лосьон после бритья капитана, например. Но здесь все потеряло запахи.

Альберт взял бокал с пивом и как следует понюхал. Решил, что очень слабый запах все же был. Засушенный между страницами книги цветов мог дать подобное воспоминание о запахе.

— То же самое и со звуками, — продолжал Боб. — Они плоские, одномерные, лишенные резонанса.

Лорел вспомнила клап-клап — звук ее туфель по бетону и отсутствие эха, когда капитан сложил ладони рупором и закричал возле эскалатора, вызывая мистера Туми.

— Альберт, могу я попросить тебя что-нибудь сыграть на скрипке? — обратился к Косснеру Боб.

Альберт посмотрел на Бетани. Та кивнула и улыбнулась.

— Хорошо. Конечно. Мне, честно, и самому любопытно, как она звучит после... — Он бросил взгляд на Крэга Туми. — Ну, понимаете.

Открывая футляр, он слегка поморщился, когда его пальцы коснулись защелки, рассекшей лоб Крэга Туми, и извлек скрипку. Бегло провел по ней рукой ласковым жестом. Затем взял смычок в правую руку и зажал скрипку подбородком. Некоторое время стоял неподвижно, раздумывая. Какая музыка могла подойти к этому странному новому миру, где телефоны не звонили и псы не брехали? Стравинский? Моцарт? А может, Дворжак? Нет. Все не то. Вдохновение пришло внезапно, и он заиграл «Кто-то там на кухне с Дайной».

На середине куплета смычок остановился.

— Сдается мне, что ты скрипку попортил, когда огрел этого типа, — сказал Дон Гаффни. — Звучит, будто ватой набитая.

— О нет, — медленно произнес Альберт. — Моя скрипка в полном порядке. Я сужу по тому, как ее чувствую, как действуют струны под пальцами. Но тут есть и еще что-то. Подойдите, мистер Гаффни. — Гаффни приблизился и остановился рядом с Альбертом. — А теперь приблизьтесь как можно ближе к скрипке. Нет... не настолько близко, а то я вам в глаз могу смычком угодить. Вот. Вот так. Теперь опять послушайте.

Альберт начал играть снова, мысленно подпевая. Так он делал всегда, когда исполнял эту залихватскую, зажигательную мелодию:

*Сингин фи-фи-фидли ай-о,
Фи-фи-фидли-ай-о-хо-хо-хо,
Фи-фи-фидли-ай-о,
Страммин он дэ олд банжо.*

— Почувствовали разницу? — спросил он, закончив куплет.

— О! Куда лучше звучит вплотную. Ты это имел в виду? — сказал Гаффни. Он смотрел на Альберта с большим уважением. — Здорово ты играешь, парень.

Альберт улыбнулся Гаффни, но на самом деле он говорил все это для Бетани Симмс.

— Иногда, когда я уверен, что моего учителя нет поблизости, играю старые песни «Лед Зеппелин», — сказал он. — На скрипке эти старые клевые хиты — полный отпад. Вы бы удивились. — Он посмотрел на Боба. — Так или иначе, это как раз иллюстрирует то, что вы говорите. Чем ближе, тем лучше скрипка звучит. Здесь дело в воздухе, а не в скрипке. Он не проводит звуки, как положено, вот скрипка и звучит подобно тому, какое пиво на вкус.

— Выдохшееся, — подсказал Брайан.

Альберт кивнул.

— Спасибо тебе, Альберт, — поблагодарил Боб.

— Не за что. Можно положить в чехол?

— Конечно. — Боб продолжил, пока Альберт укладывал инструмент в футляр, потом салфеткой протер запачканную защелку и собственные пальцы. — Вкус и звук не единственные расстроенные элементы в данной обстановке. Обратите внимание на облака, например.

— А что с ними? — спросил Руди Варвик.

— Они не сдвинулись с места с тех пор, как мы прибыли. И не думаю, что они вообще двигаются. Полагаю, что структура погоды, к которой мы привыкли, либо застыла, либо тоже выдыхается, как старые карманные часы.

Боб сделал паузу. Для всех он вдруг начал выглядеть старым, беспомощным и испуганным.

— Как выразился мистер Хопвелл, не будем рассусоливать. Здесь вообще все выглядит ненормальным. Дайна, чьи органы чувств, включая странное шестое чувство, гораздо более развиты, чем наши, видимо, ощутила все это наиболее сильно. Но и все мы в какой-то мере почувствовали. Здесь все неправильно. А теперь — к самой сути дела. — Он отступил и встал лицом ко всем. — Каких-нибудь минут пятнадцать назад я сказал, что время внешне выглядит как близкое к обеду. Сейчас оно кажется мне еще более поздним. Я бы сказал — три часа дня. Возможно, и четыре. И знаете, мой желудок требует еще даже не завтрака, а пока что чаю попить. У меня такое жуткое предчувствие, что за окном стемнеет прежде, чем наши часы покажут без четверти десять утра.

— А еще ближе к делу, друг? — спросил Ник.

— Я думаю, что все дело во времени, — тихо сказал Боб. — Не о пространстве и измерениях, как предположил Альберт, идет речь, а о времени. Представьте себе, что иногда в потоке времени появляется дыра. Не искривление, а разрыв. Разрыв в ткани потока времени.

— Ну, уж это вы такое загнули, чего мне, по правде говоря, не доводилось слышать! Черт-те что! — воскликнул Дон Гаффни.

— Аминь, — отозвался с пола Крэг Туми.

— Нет! — резко возразил Боб. — Если вам это кажется безумием, вспомните, как звучала скрипка Альберта в нескольких шагах от него. Да просто посмотрите вокруг себя, мистер Гаффни. Просто осмотритесь. То, что происходит с нами... во что мы влипли... вот где черт-те что! Вот где безумие!

Дон нахмурился и сунул руки в карманы.

— Вы продолжайте, — попросил Брайан.

— Ладно. Я вовсе не утверждаю, что все так и есть, как я говорю. Просто предлагаю хоть какую-то гипотезу, чтобы объяснить ситуацию, в которую мы угодили. Предположим, что такие разрывы в потоке, как говорят фантасты, в темпоральном потоке, время от времени случаются. Обычно, скажем, над ненаселенными районами. Конечно, я имею в виду океаны. Не знаю сам почему, но это мне представляется пока что логичным предположением, поскольку именно над океанами происходили эти странные исчезновения.

— Погодная структура, между прочим, над водами почти всегда отлична от таких структур над сушей, — заметил Брайан. — Так что вполне может быть.

Боб кивнул.

— Так или не так, но подобное можно допустить, поскольку все укладывается в понятный нам контекст. Это можно сравнивать с редчайшими погодными феноменами, о которых порой сообщают. Скажем перевернутые смерчи, радуги замкнутой окружности, звездный свет днем. Такие разрывы потока времени могут происходить спонтанно или могут перемещаться подобно тому, как перемещается фронтальная волна под давлением. Но они, видимо, очень редко возникают над сушей. Однако статистика утверждает — то, что может случиться, рано или поздно случается непременно. Давайте предположим, что минувшей ночью такой разрыв появился-таки над сушей... и нам «повезло» влететь в него. Знаем и еще кое-что. Некое неведомое нам правило собственности этой штуки делает невозможным для любого живого существа проникнуть сквозь нее, если оно не спит.

— М-да... Прямо сказки, — сказал Гаффни.

— Вот тут я согласен, — сказал с пола Крэг.

— Заткнись, негодяй, — рыкнул на него Гаффни. Крэг поморгал, потом приподнял верхнюю губу в подобии улыбки.

— Вообще-то похоже на правду, — тихо сказала Бетани. — Ощущение такое, что мы сбились с пути, пошли не в ногу со всеми, со всем.

— Ну, а что тогда случилось с экипажем и пассажирами? — спросил Альберт. Судя по голосу, он чувствовал себя скверно. — Если мы прорвались вместе с самолетом, что стало с остальными пассажирами?

Воображение услужливо подсказало ему ответ в виде картины: сотни людей падали с неба. Разрывались штаны и галстуки, платья — вверх, обнажая подвязки и трусики, туфли срывались с ног, авторучки (кроме тех, что остались в самолете) вырывались из кармашков. Люди машут руками и ногами, пытаясь кричать в разреженном воздухе — люди, которые сразу же лишились бумажников, кошельков, мелочи в карманах, а в одном случае даже имплантированного стимулятора сердца. Увидел, как они врезаются в землю подобно бомбам-болванкам, раздавливая кусты в лепешку, вздымая облака пыли, впечатывая свои силуэты в поверхность пустыни.

— Я предполагаю, что они испарились, — ответил Боб. — Полностью испарились.

Дайна сначала не поняла, но вдруг вспомнила сумочку тети Викки, в которой все еще лежали чеки на предъявителя, тихо заплакала. Лорел обняла плечики слепой девочки. Альберт мысленно вознес торопливые благодарения Богу за то, что мать в последний момент передумала лететь с ним, чтобы довести до места.

— Во многих случаях их личные вещи исчезли вместе с ними. — продолжал писатель. — Те, кто оставили сумочки, кошельки, бумажники, возможно, вытащили их перед... Событием. Хотя, трудно сказать наверняка. Что ушло и что было оставлено... Я, знаете ли, больше всего думал и думаю о том парике. Вот уж что не укладывается ни в какие рамки.

— Вообще-то вы правы, — сказал Альберт. — Искусственные суставы, например. Сомневаюсь, что тот человек вытащил его из плеча или колена, чтобы, знаете, поиграть от скуки.

— Тут я тоже согласен, — сказал Руди Варвик. — Не слишком уже долго летели, чтобы так соскучиться.

Бетани бросила на него взгляд и захихикала.

— Я-то сам из Канзаса, — сказал Боб. — И этот элемент непредсказуемости напомнил мне смерчи, которые иногда летом появлялись в наших краях. Иногда они сметали целый дом, а сортир оставляли в целости и сохранности, представляете? Или, скажем, сметут сарай, вырвав всего лишь одну доску, но самую чувствительную.

— Слушай, дорогой, давай-ка еще ближе к делу, — сказал Ник. — Я уж не знаю, сколько сейчас времени, но чувствую, что стало что-то поздновато.

Брайан подумал о Крэге Туми, мистере «Я-Должен-Лететь-В-Бостон», который стоял у аварийного выхода и орал: *Времени нет! Времени совсем в обрез!*

— Хорошо, — сказал Боб. — Постараемся сделать выводы. Допустим, что такие разрывы во времени возможны, и мы попали в один из них. Я полагаю, что мы вернулись в прошлое и обнаружили эту неприятную истину о путешествии во времени: оказывается, невозможно очутиться в Техасе 22 ноября 1963 года и предотвратить убийство Кеннеди. Невозможно наблюдать, как строятся пирамиды или разрушается Рим. Нельзя исследовать мир динозавров. — Он широко развел руки, словно пытаясь охватить весь мир безмолвный мир, в котором они очутились. — Вот посмотрите, коллеги-путешественники во времени. Таково прошлое. Оно пусто и безмолвно. Это мир, а возможно и вселенная, в котором не больше значения и смысла, чем в выброшенной банке из-под краски. Я допускаю даже, что мы отпрыгнули в прошлое на абсурдно короткий промежуток времени. Может быть, какие-нибудь пятнадцать минут, но окружающий мир уже начинает распадаться, исчезают раздражители наших чувств. Электричество исчезло. Погода застыла в том виде, какой она была в момент нашего прыжка в прошлое. Но еще мне кажется, что по мере того, как мир развинчивается, время, напротив, взвинчивается, как спираль, нагромождаясь само на себя.

— А не может это быть будущим? — спросил Альберт осторожно.

Боб Дженкинс пожал плечами. Он выглядел очень усталым.

— Не могу сказать с уверенностью. Откуда мне знать? Но я так не думаю. Это место, куда мы попали, выглядит старым, глупым, немощным и бессмысленным... Такое ощущение, что... не знаю я...

Тогда заговорила Дайна, и все обернулись к ней.

— Оно ощущается, как завершенное, — тихо сказала она.

— Вот именно, — согласился Боб. — Спасибо тебе, дорогая. Именно это слово я и подыскивал.

— Мистер Дженкинс?

— Да?

— Тот звук, о котором я говорила, я его слышу лучше. — Она сделала паузу. — Он приближается.

8

Все умолкли и стали прислушиваться. Лица вытянулись. Брайану показалось, что он что-то слышит, но тут же решил, что это всего лишь звук собственного сердцебиения. Или просто почудилось.

— Пойду-ка я к окну, — сказал Ник. Он перешагнул через неподвижную фигуру Крэга, едва взглянув на него, и вышел из ресторана.

— Эй! — воскликнула Бетани. — Я тоже хочу пойти!

Альберт отправился за ней следом, присоединились и остальные. Перед тем как выйти, Брайан обернулся к Лорел и Дайне.

— А вы что?

— Я не хочу идти, — ответила Дайна. — Мне и отсюда все слышно. — После паузы добавила: — Я буду слышать это все лучше и лучше, если мы вскоре отсюда не улетим.

Брайан перевел взгляд на Лорел.

— Я останусь с Дайной, — тихо сказала она.

— Ладно, — согласился Брайан. — Только держитесь подальше от мистера Туми.

— Держитесь подальше от мистера Туми, — злобно скопировал Крэг, лежа на полу. Он с трудом повернул голову и скосил глаза на Брайана. — Вам это с рук не сойдет, капитан Энгл. Не знаю, какую вы затеяли игру с

вашим другом-солдафоном, но от расплаты вам не уйти. Ваша следующая работенка в качестве пилота скорей всего будет где-нибудь в Колумбии, на перевозке кокаина по ночам. Во всяком случае, не соврете, когда будете рассказывать своим друзьям, какой вы рискованный летун.

Брайан раскрыл было рот, чтобы что-то ответить, но передумал. Ник сказал, что этот человек был безумен, пусть даже временно, — и он был прав. Попробовать спорить с сумасшедшим было и бесполезно, и напрасной тратой времени.

— Мы близко не подойдем, не волнуйтесь, — сказала Лорел. Она подвела Дайну к одному из столиков, и обе сели. — Все будет в порядке.

— Ну, хорошо, — сказал Брайан. — Если что — кричите. Если он попытается развязаться.

Лорел слабо улыбнулась:

— Можете на нас положиться.

Брайан подошел и на всякий случай проверил узел, которым был связан Крэг Туми, потом вышел и направился в зал ожидания к остальным, которые стояли в ряд возле огромного окна.

9

Он начал слышать это, еще не дойдя до середины зала, а когда присоединился к остальным, принять звуки за слуховую галлюцинацию было невозможно.

Удивительный слух у этой девочки, — подумал Брайан.

Звук, правда, был очень слабым, по крайней мере, для него, но он присутствовал и, похоже, доносился с востока. Дайна сравнила его с воздушным рисом после того, как зальешь его молоком. Для Брайана это напоминало статические разряды в радиоприемнике, сильные разряды в моменты усиления солнечной активности. Но в чем он был полностью согласен с Дайной, так это в том, что звучало это плохо.

Ощутил, как на затылке волосы встали дыбом. Посмотрел на других и обнаружил на лицах выражение откровенного страха. Ник, пожалуй, лучше всех контролировал

себя. Девушка, которая чуть не свалилась со ската, Бетани, выглядела самой испуганной. Все слышали в этом звуке одно и то же.

Нечто очень плохое.

Что-то приближалось. Торопилось к ним.

Ник обернулся к нему:

— Что ты об этом думаешь, Брайан? Есть идеи какие-нибудь?

— Нет, — ответил Брайан. — Ни малейшего представления не имею. Мне ясно одно, что это единственный звук в городе.

— Пока еще не в городе, — сказал Дон. — Но скоро будет, я думаю. Хотелось бы только знать — как скоро.

Все снова умолкли, вслушиваясь в шипение и потрескивания, доносившиеся с востока. Брайан подумал: *Я почти знаю, что это за звук, мне кажется. Не крупя в молоке и не статические разряды по радио, а... что же?.. Будь он еще чуть громче...*

Но он не хотел знать — и внезапно понял это весьма отчетливо. Не дай Бог! Звук пробирал до мозга костей.

— Нам нужно немедленно отсюда убираться! — сказала громко Бетани. Голос ее дрожал. Альберт робко обнял ее за талию, а она обеими руками вцепилась в его ладонь. — Сейчас же нужно спастись!

— Совершенно верно, — сказал Боб Дженкинс. — Она абсолютно права. Этот звук — не знаю, что он означает, — просто ужасен. Нам нужно отсюда улетать

Все повернулись к Брайану. *Кажется, я опять капитан*, — подумал он. Увы, они ни черта не понимают. Даже Дженкинс, столь талантливый в дедукциях, и тот не понимает, что никуда они не улетят. Никуда деваться.

То, что издавало подобные звуки, неуклонно приближалось к ним. Но какое это имело значение? Потому что к тому времени, как оно прибудет, они по-прежнему останутся здесь. Выхода не существовало. Брайан это осознал, хотя больше никому невдомек была столь простая истина. Теперь пилот понял, что чувствует зверь, попавший в капкан, когда слышит вот такой же точно хруст валежника под сапогами приближающегося охотника.

ГЛАВА 6

Связанный. — Спички Бетани. — Двустороннее движение вперед. — Эксперимент Альберта. — Наступление ночи. — Мрак и нож

1

Брайан обратился к писателю.

— Так вы говорите, что мы должны немедленно отсюда убираться, так?

— Так. Я считаю, что мы должны это сделать буквально...

— Ну и куда мы полетим? Атлантик-Сити? Майами-Бич? А может, в клуб Мед?

— Вы полагаете, капитан Энгл, что нет такого места, куда бы мы могли полететь? А я думаю, *надеюсь*, что вы ошибаетесь. У меня появилась кое-какая идея.

— Ну и какая?

— Подождите. Сначала ответьте мне на один вопрос. Вы сможете заправить самолет топливом? Сможете, несмотря на отсутствие электричества?

— Пожалуй, да, смог бы. Ну, скажем, с помощью нескольких крепких ребят смог бы. А что потом?

— А потом мы снова взлетим, — сказал Боб. На его изборожденном морщинами лице выступил пот. — Этот хрустящий звук доносится с востока. Разрыв во времени произошел где-то в тысячах миль отсюда к западу. Если бы мы могли вернуться абсолютно тем же путем... такое возможно?

— Возможно, — ответил Брайан. Слава Богу, он не выключил вспомогательную энергетическую систему. А это означало, что компьютерная программа не была стерта. Она содержала точный курс их полета с того момента, когда рейс №29 оторвался от земли в Южной Калифорнии и направился в центральный Мэн. Простейшее нажатие кнопки перевернет всю программу в обратную сторону, а нажатие другой кнопки задействует автопилот по изме-

нившейся программе. Только и всего. Инерционная навигационная система «Теледайн» восстановит весь маршрут до мельчайших деталей. — Я без труда смогу это сделать. Но зачем?

— А затем, что разрыв еще может оставаться на том же месте. Разве не ясно? *У нас появится хоть какой-то шанс прорваться сквозь него назад.*

Ник вдруг сосредоточенно уставился на Боба, потом обернулся к Брайану.

— А ведь что-то в этом есть, друг. А вдруг он прав?

Между тем мысли Альберта Косснера постепенно повернулись в иную сторону: если разрыв в потоке времени все еще оставался на месте, и если рейс №29 находился на обычном для всех авиалайнеров курсе, тогда и другие самолеты пролетели через него после 1.07 нынче утром (или какое теперь время). Возможно, и другие аэропланы сейчас приземлились или приземляются в пустынных аэропортах Америки. И такие же чудом спасшиеся пассажиры блуждают по другим аэропортам в полном шоке.

Нет, — вспомнил он. — У нас же оказался пилот на борту. Что, и им так повезло?

Вспомнил заодно о том, что сказал мистер Дженкинс о шестнадцати попаданиях в базу подряд Теда Уильямса, и его пробрала дрожь.

— Может, так, а может, он и не прав, — сказал Брайан. — Впрочем, какое это имеет значение, если мы все равно не сможем взлететь на нашем самолете?

— Это почему же? — разволновался Руди. — Можно ведь его заправить. А я не вижу...

— Помните спички? Из чаши в ресторане? Те, что не загораются.

Руди смотрел тупо, а на лице Боба Дженкинса отразилось великое разочарование. Он приложил руку ко лбу и шагнул назад. На глазах у всех он будто съежился.

— Что? — спросил Дон. Он смотрел на Брайана изпод нахмуренных бровей, взгляд — растерянный и подозрительный одновременно. — Какое это имеет отношение к...

Но Ник уже знал.

— Разве не видишь, друг? — тихо сказал он. — Не понял? Если батарейки не работают, спички не горят...

— ...тогда и топливо не загорится, — закончил Брайан. — Оно будет таким же использованным, выдохшимся, как и все прочее в этом мире. — Он посмотрел на каждого из присутствующих по очереди. — С таким же успехом можно накачать баки для топлива патокой.

2

— Кто-нибудь из вас, изысканные дамы, слышал про лангольеров? — неожиданно спросил Крэг. Тон его был вполне светским.

Лорел вздрогнула и посмотрела нервно в сторону остальных, по-прежнему стоявших у окна и разговаривали. Дайна обернулась в сторону Крэга, ничуть не удивленная.

— Нет, — ответила она спокойно. — А что это такое?

— Не надо с ним разговаривать, — прошептала Лорел.

— А я все слышу, — сказал Крэг тем же любезным тоном. — Не только у Дайны хороший слух, как видите.

Лорел почувствовала, что краснеет.

— Ребенку от таких познаний вреда не будет, — продолжал Крэг. — Не больше, чем той девице, которую я прихватил. Просто мне очень страшно. А вам разве нет?

— Да, — отрезала Лорел. — Но я со страху не хватаю заложниц и не стреляю в подростков.

— Но вам и не пришлось оказаться лицом к лицу с оравой быков из Лос-Анджелеса, которые сразу набросились на вас, — отпарировал Крэг. — А этот английский деятель... — Он рассмеялся. Звук смеха в безмолвии был противоестественно веселым, тревожаще нормальным. — Одно могу сказать: если вы считаете меня безумцем, то, значит, вы просто не присмотрелись к нему. Вот у кого в голове вместо мозгов циркулярная пила.

Лорел не знала, что сказать. Она понимала, что все обстоит не так, как это представляет Крэг Туми, но когда он говорил, то казался вполне логичным... а то, что он

сказал об англичанине, было даже близко к истине. Его глаза... и пинок по ребрам после того, как мистер Туми был уже связан... Лорел пробрала дрожь.

— Что такое лангольеры, мистер Туми? — спросила Дайна.

— М-м... Я всегда считал их выдумкой, — ответил Крэг с ноткой того же доброго юмора в голосе. — А сейчас вот начинаю задумываться... дело в том, что я их тоже слышу, юная леди. О да, слышу.

— Звуки? — тихо спросила Дайна. — Те звуки — от лангольеров?

Лорел положила руку на плечо Дайны.

— Послушай, я бы не хотела, чтобы ты с ним больше разговаривала, Дайна. Он мне действует на нервы.

— Но почему? Он же связан.

— Да, но...

— И ты всегда можешь позвать других, верно?

— Ну, может быть...

— А я хочу узнать про лангольеров.

С некоторым усилием Крэг повернул голову и посмотрел на них. И Лорел неожиданно почувствовала привлекательность и силу личности, которые поддерживали Крэга в его карьере под мощным давлением, с самого начала созданным его родителями. Она это почувствовала даже несмотря на то, что он лежал на полу с руками, завязанными на спине, с кровью, запекшейся у него на лбу и левой щеке.

— Мой отец говорил мне, что лангольеры — это маленькие существа, живущие в кладовках, в канализации и прочих темных местах.

— Вроде эльфов?

Крэг засмеялся и покачал головой:

— Боюсь, не столь симпатичные. Он говорил, что это была сплошная шерсть, зубы и проворные маленькие ножки. Ножки такие проворные, что запросто могли догнать плохих мальчиков и девочек, где бы они ни болтались.

— Прекратите, — холодно сказала Лорел. — Вы пугаете ребенка.

— Нет, он не пугает, — возразила Дайна. — Я сразу узнаю выдумки, когда их слышу. Мне просто интересно. — Однако лицо ее говорило, что для нее это было не только интересно. Она слушала напряженно и зачарованно.

— Правильно, — подтвердил Крэг, явно довольный ее интересом. — Думаю, то, что имеет в виду Лорел, это ее собственный страх. Я пугаю ее. Я заслужил сигару, Лорел? Если да, то предпочел бы «Эль Продукто», пожалуйста. Никаких этих дешевых «Белых Сов». — Он снова засмеялся.

Лорел не ответила, и он спустя момент продолжил:

— Мой отец говорил, что лангольеров — тысячи. Не меньше, говорил он, потому что по земле болтаются миллионы плохих мальчиков и девочек. Вот так он утверждал. Мой отец никогда в жизни не видел бегающего ребенка. Они всегда именно болтались. Ему нравилось это слово, поскольку подразумевает бессмысленное, бесцельное движение. А вот лангольеры — те бегают. У них есть цель. Можно даже сказать, что лангольеры — само олицетворение целеустремленности.

— А что дети такого плохого сделали, что лангольеры должны их преследовать? — спросила Дайна.

— Знаешь, мне нравится твой вопрос, — сказал Крэг. — Когда мой отец говорил, что кто-то плохой, Дайна, он имел в виду ленивый. Он говорил: если ты ленивый и дурака валяешь на работе, лангольеры появятся и вообще вычеркнут тебя из жизни. Говорил: однажды ночью будешь лежать в своей кровати и вдруг услышишь, как они приближаются, чавкая, похрустывая по пути к тебе. И уж как бы ни пытался спастись, они тебя настигнут. И все благодаря их маленьким проворным...

— Все. Хватит, — сухо перебила его Лорел.

— Но звук тем не менее слышен, — сказал Крэг. Он смотрел на нее блестящими глазами. — Этого вы отрицать не можете. Да, да, этот звук слышен...

— Прекратите, или я сама вас чем-нибудь стукну.

— О'кей, — ответил Крэг. Он перевернулся на спину, поморщился и перевернулся еще дальше от них, на бок,

спиной к ним, — человек устает от битья, когда лежит связанный.

Лорел бросило в жар, она прикусила губу, чтобы сдержать слезы. Ну как себя вести в такой ситуации? Как? Сначала этот человек выглядел совершенно безумным, а потом — совершенно здоровым.

— Вы, наверно, боялись своего папы, мистер Туми, правда?

Крэг обернулся через плечо и посмотрел на Дайну удивленно. Потом улыбнулся, но только на сей раз улыбка была злой, оскорбленной, не рассчитанной на общественные контакты.

— На этот раз вы заслужили сигару, мисс, — сказал он. — Я был в постоянном страхе от него.

— Он умер?

— Да.

— Он ДУРАКА ВАЛЯЛ НА РАБОТЕ? Его забрали лангольеры?

Крэг на сей раз задумался. Вспомнил, как ему сообщили, что отец умер от сердечного приступа на работе. Когда секретарша позвонила ему, чтобы пригласить на летучку в десять утра, никто не отозвался. Она пошла и обнаружила его мертвым на ковре, глаза вылезли из орбит, на губах — пена.

Кто-нибудь мне это рассказал? — неожиданно удивился он. — Что глаза вылезли из орбит, что пена пошла изо рта? Говорил ли мне кто-нибудь о таких деталях? Может, мать по пьянке? Или это моя фантазия?

— Мистер Туми, так они его забрали?

— Да, — проговорил Крэг в раздумье. — Думаю, что так. Они его настигли.

— Мистер Туми?

— Что?

— А я вовсе не такая, какой вам представляюсь. Я вовсе не безобразная. И никто из нас не такой, каким вы их видите.

Он пораженно посмотрел на нее.

— Откуда ты знаешь, какой выглядишь для меня, маленькая слепая мисс?

— Вы бы удивились, если бы я вам сказала.

Лорел повернулась к ней, почувствовав растущее беспокойство... но, конечно, смотреть было не на что. Черные очки Дайны являлись преградой для любопытных.

3

Остальные пассажиры продолжали стоять у окна зала ожидания, слушая слабый потрескивающий звук. Все молчали, потому что, похоже, сказать уже было нечего.

— Так что будем делать? — спросил Гаффни. Он словно увял внутри своей рубахи лесопильщика. Альберту показалось, что и сама рубашка утратила яркость цвета.

— Не знаю, — ответил Брайан. Им овладело скверное чувство полного бессилия. Посмотрел на самолет, который какое-то время был его самолетом, и вдруг подивился его четким линиям, элегантной красоте. «Дельта-727», стоявшая слева выглядела потасканной, поблекшей матроной по сравнению с ним.

Он тебе кажется таким, потому что ему больше не летать, только и всего. Это все равно что увидеть мельком прекрасную женщину на заднем сиденье лимузина. Она кажется тем более красивой, поскольку знаешь, что не твоя и никогда твоей не будет.

— Сколько там топлива осталось, Брайан? — неожиданно спросил Ник. — Может быть, здесь расход экономнее — лучше, чем ты полагаешь?

— У нас там все было в полном порядке, — ответил Брайан. — Когда приземлились здесь, у меня оставалось менее 600 фунтов. Чтобы вернуться туда, где все произошло, понадобится по меньшей мере 50 000.

Бетани извлекла сигареты и предложила Бобу. Тот покачал головой. Девушка сунула сигарету в рот, вытащила свои спички и чиркнула одной.

Она не загорелась.

— Ого! — удивилась Бетани.

Альберт обернулся к ней. Она снова чиркнула спичкой... потом еще и еще раз. Никакого результата. Испуганно посмотрела на него.

— А ну, дай-ка я, — предложил Альберт.

Он взял у нее спички и оторвал еще одну. Чиркнул — и снова безрезультатно.

— Что бы это ни было, но оно заразительно, — заметил Руди Варвик. У Бетани из глаз потекли слезы, и Боб предложил ей своей платок.

— Минуточку, — сказал Альберт и чиркнул снова. На сей раз спичка загорелась... но ее пламя было слабым и неверным. Он поднес его к дрожащему концу сигареты Бетани. И вдруг в голове возникло четкое воспоминание: знак, который он видел по пути в школу в Пасадене последние три года. **ВНИМАНИЕ!** — гласил плакат. — **ВПЕРЕДИ ДВУСТОРОННЕЕ ДВИЖЕНИЕ!**

Господи, к чему бы это?

Он сам не знал... по крайней мере, пока что. Понял только одно: какая-то смутная идея просилась наружу, но застряла где-то внутри.

Альберт загасил спичку, и особенно трясти ее не пришлось.

Бетани затянулась и поморщилась.

— Дрянь! На вкус что-то вроде «Карлтона».

— А ну, пусти дым в мою сторону, — попросил Альберт.

— Что?

— То, что слышала. Пусти дым на меня, — повторил Альберт.

Она сделала, как он просил, и Альберт принялся. Прежний сладкий аромат почти исчез.

Что бы это ни было, оно заразительно.

ВНИМАНИЕ!
ВПЕРЕДИ ДВУСТОРОННЕЕ ДВИЖЕНИЕ!

— Я пойду, пожалуй, в ресторан, — сказал Ник. Вид у него был подавленный. — Наш герой очень скользкий на ощупь. Его нельзя оставлять с девочками надолго.

Брайан последовал за ним, остальные — тоже. Альберту показались странными эти общие перемещения: люди вели себя, как стадо, почувствовавшее в воздухе грозу.

— Пошли, — сказала Бетани. — Она выбросила начатую сигарету в урну и вытерла глаза платочком Боба. Потом взяла Альберта под руку.

Они пересекли половину зала ожидания, и Альберт смотрел на спину красной рубашки мистера Гаффни, когда в памяти еще более настойчиво возникли слова: **ВПЕРЕДИ ДВУСТОРОННЕЕ ДВИЖЕНИЕ!**

— Минуточку! — воскликнул он. Внезапно Альберт снова обнял Бетани за талию, прижал ее к себе, уткнулся носом в ее шею и глубоко вдохнул.

— О Боже! Что это? Мы едва познакомились! — сказала Бетани и помимо воли захихикала, обняв Альберта за шею. Альберт, чья застенчивость исчезала только в мечтах, не обратил на это внимания. Он снова вдохнул носом. Запахи ее волос, пота и духов еще присутствовали, но слабо. Очень слабо.

На них все оглянулись, но Альберт уже отпустил ее и торопливо шагал обратно к окну.

— Ой! — сказала Бетани. Она еще слегка хихикала и покраснела. — Ну и странный тип.

Альберт посмотрел на рейс №29 и увидел то, что несколько минут тому назад заметил и Брайан: самолет был чистым, белоснежным. Он просто блистал в окружающей серости.

И вдруг его осенило. словно фейерверк вспыхнул изнутри. Он даже забыл дышать.

— Альберт! — окликнул Боб. — Альберт, в чем де...

— Капитан Энгл! — заорал Альберт. В ресторане Лорел резко выпрямилась в кресле, Дайна вцепилась в ее руку. Крэг Туми вывернул шею, чтобы посмотреть. — Сюда, капитан Энгл!

Снаружи он казался статическими разрядами по радио. Ник представлял его, как шелест ветра в иссохшей тропической траве. Альберту он напоминал звук жарившихся в кипящем масле чипсов (летом он подрабатывал в Мак-

дональде), а Бобу Дженкинсу мерещилась бумага, сминаемая в далекой комнате.

Все четверо проползли по конвейерной ленте сквозь заслонку из резиновых полос и спрыгнули на бетон площадки для разгрузки багажа, прислушиваясь к звуку того, что Крэг Туми назвал лангольерами.

— Насколько оно приблизилось? — спросил Брайан у Ника.

— Трудно сказать. Звучит, конечно, ближе. Но мы были все это время внутри помещения.

— Ну, пойдемте же, — нетерпеливо позвал их Альберт. — Как нам подняться обратно в самолет? Карабкаться по скату?

— Нет нужды, — ответил Брайан и указал на трап, стоявший возле ворот №2. Они направились к нему. Звуки их шагов едва были слышны.

— Ты понимаешь, Альберт, что догадка твоя может оказаться притянутой за уши? — спросил Брайан на ходу.

— Понимаю, но...

— Лучше хоть притянутое за уши, чем вообще ничего, — закончил за него Ник.

— Я просто к тому, чтобы он не слишком разочаровывался, если ничего не выйдет.

— Не волнуйтесь, — тихо вставил Боб. — Я буду разочарован не меньше. Идея парнишки имеет хорошую логическую основу. Должно подтвердиться... хотя, Альберт, надеюсь, ты понимаешь: могут быть факты, о которых мы пока ничего не знаем.

— Согласен.

Они подошли к трапу на колесах, и Брайан ногой откинул тормозные колодки. Ник и Брайан ухватились за перила слева и справа.

— Надеюсь, что колеса в этом мире еще вертятся, — сказал Брайан.

— Должны вертеться, — ответил Боб Дженкинс. — Здесь, возможно, большинство компонентов обычной физической и химической активности сохраняются. Наши организмы способны обрабатывать воздух, двери открываются и закрываются.

— И силу тяжести не забудьте, — заметил Альберт. — Земля пока что притягивает.

— Ладно, отставим разговоры и попытаемся, — предложил Ник.

Трап легко поехал. Вдвоем они легко покатали его к 767-му. Альберт и Боб шли следом. Одно из колес ритмично поскрипывало. Единственным другим звуком был тихий хруст-треск-хруст, доносившийся откуда-то с востока, из-за горизонта.

— Вы посмотрите на него, — сказал Альберт, когда они подошли к 767-му. — Нет, вы только взгляните! Неужели не ясно? Как много в нем всего этого по сравнению с остальным.

Нужды отвечать не было, и все промолчали. Все было слишком очевидно. Помимо своей воли Брайан начинал верить, что идея парнишки верна.

Они приставили трап под углом возле ската.

— Я поднимусь, — сказал Брайан. — Когда втащу скат внутрь, Ник, вы и Альберт приставите трап как надо.

— Слушаюсь, капитан, — ответил Ник и отдал коротко честь двумя пальцами.

Брайан фыркнул.

— Младший атташе. Ничего себе. — Он легко взбежал по лестнице.

Спустя несколько мгновений скат был водворен внутрь самолета, после чего Брайан наблюдал, как Ник и Альберт точно подогнали трап ко входу.

5

Руди Варвик и Дон Гаффни теперь взяли на себя роль сиделки возле Крэга. Бетани, Дайна и Лорел стояли в зале ожидания у окна. Дайна спросила:

— Что они там делают?

— Убрали скат и подогнали к двери трап, — ответила Лорел. — Сейчас поднимаются внутрь. — Она посмотрела на Бетани. — Ты не знаешь, что они задумали?

Бетани пскачала головой.

— Все, что я знаю, это — Туз, Альберт, почти с ума спятил. Это все. Сначала я думала, что он от меня обалдел, но видно, не так. — Она сделала паузу. — Во всяком случае, пока что. Он сказал что-то насчет того, что самолет находится больше там. А мои духи оказались меньше там. Попробуй пойми. И еще что-то насчет двустороннего движения. В общем, я так и не врубилась.

— А я, кажется, догадываюсь, — сказала Дайна.

— Ну, и какие у тебя догадки, деточка?

Дайна покачала головой.

— Я только надеюсь, что они поторопятся как следует. Потому что мистер Туми правильно сказал. Лангольеры приближаются.

— Дайна, но это всего лишь выдумка его отца.

— Может быть, когда-то это и было выдумкой, — ответила Дайна, повернув лицо в сторону окна. — Но теперь это больше не выдумка.

6

— Порядок, Туз, — сказал Ник. — Начинай представление.

Сердце Альберта взволнованно стучало в груди, руки дрожали, пока он готовил четыре элемента своего эксперимента на столике первого класса, где тысячу лет назад, на другой стороне континента, женщина по имени Мелани Тревор распоряжалась коробкой апельсинового сока и двумя бутылками шампанского.

Брайан внимательно наблюдал, как Альберт расположил картонку спичек, банку Будвейзера, банку пепси и сладкий бутерброд из холодильника самолета. Бутерброд был запечатан в целлофановый пакетик.

— О'кей, — сказал Альберт. — Посмотрим, что у нас тут.

7

Дон вышел из ресторана и подошел к окну.

— Ну, что там происходит?

— Мы сами не знаем, — ответила Бетани. Ей удалось добыть огня от одной из собственных спичек, и теперь она снова курила. Когда вынула сигарету из рта, Лорел заметила, что фильтр оторван. — Они вошли в самолет и пока что находятся там. Вот и все.

Дон несколько секунд смотрел в окно.

— Снаружи все стало выглядеть по-другому. Не могу понять, в чем дело, — сказал он.

— Свет уходит, — сказала Дайна. — Вот в чем разница. — Говорила она спокойно, но на лице застыло выражение одиночества и страха. — Я чувствую, как темнеет.

— Она права, — согласилась Лорел. — Дневной свет продолжался всего часа два-три, и вот уже темнеет.

— Мне все еще кажется, что это сон, — признался Дон. — Что это самый кошмарный сон в моей жизни, и я скоро проснусь.

Лорел кивнула.

— А что там мистер Туми?

Дон невесело засмеялся.

— Не поверите.

— Не поверим во что? — спросила Бетани.

— Он заснул.

8

Крэг Туми, разумеется, не спал. Люди, которые засыпали в критические моменты, вроде того парня, что должен был быть начеку, пока Иисус молился в Гефсиманском саду, совершенно определенно плохо кончали.

Он осторожно наблюдал за обоими мужчинами, поскольку его глаза не были полностью закрыты. Мысленно внушал им уйти прочь. И вот один из них — в красной рубашке — ушел. Варвик, лысый мужик с крупными искусственными зубами, подошел к Крэгу и наклонился. Крэг совершенно прикрыл веки.

— Эй! — окликнул его Варвик. — Не спишь?

Крэг лежал с закрытыми глазами и ровно дышал. Хотел было добавить немного сопения, но передумал.

Варвик ткнул его в бок.

Крэг продолжал ровно дышать и не шелохнулся.

Лысый выпрямился, перешагнул через него и направился из ресторана к остальным в зале. Крэг чуть заметно приоткрыл глаза и удостоверился, что спина Варвика удалилась. После этого тихо и очень осторожно начал двигать запястья вверх и вниз внутри пут, завязанных восьмеркой. Узел ощущался уже не таким тугим.

Он двигал запястья короткими движениями, наблюдая за удаляющейся спиной Варвика, готовый в любое мгновение прекратить движения и закрыть глаза. Мысленно внушал Варвику не оборачиваться. Нужно было освободиться, пока те сволочи не вернулись из самолета. Особенно английская сволочь, которая разбила ему нос и ударила ногой в бок, когда он лежал на полу. Английский гад здорово связал его, но, слава Богу, это была скатерть, а не нейлоновый шнур. Иначе бы ему не вывернуться...

Один из узлов расслабился. Тогда Крэг принялся крутить запястья туда-сюда. Он слышал приближающихся лангольеров. Намеревался вовремя отсюда убраться и находится на пути в Бостон. В Бостоне он будет в безопасности. Когда находишься в зале с банкирами, никому не дозволяется болтаться.

И пусть поможет Бог любому, будь то мужчине, женщине или ребенку, кто теперь попытается встать на его пути.

9

Альберт взял спички, принесенные из аэропорта.

— Экспонат «А», — объявил он. — Начали.

Альберт оторвал спичку от картонки и как следует чиркнул по всей длине серки. Спичка согнулась.

— Черт! — воскликнул он.

— Может, я попробую? — предложил Боб.

— Оставьте его, — сказал Брайан. — Это шоу Альберта.

— Не волнуйся, Альберт, — ободрил его Ник.

Альберт оторвал еще одну спичку, кисло улыбнулся им и снова чиркнул.

Спичка не загорелась.

Снова чиркнул.

Безрезультатно.

— Да. Видимо, так дело и обстоит, — сказал Брайан. — Ничего...

— Я учуял ее! — воскликнул Ник. — Запах спички. А ну, еще разок, Туз! Попробуй другую.

Вместо этого Альберт использовал ту же самую спичку по той же шершавой поверхности... и вдруг она вспыхнула. Не истлела головка, а по-настоящему загорелась язычком пламени, голубоватым у основания, желтым вверху. Занялась пламенем и сама картонка.

Альберт с широкой улыбкой наблюдал.

— Видали? А? — ликовал он. — Видали?

Он загасил спичку, бросил ее, оторвал еще одну. Эта загорелась с одного удара. Альберт отогнул обертку картонки и поднес пламя к головкам, как это сделал ранее Боб Дженкинс в ресторане. На сей раз все они вспыхнули с сухим звуком фсссс! Альберт задул их, как свечи на юбилейном торте. Дунуть пришлось пару раз.

— Вы видели? — спросил он. — Вы поняли, что это означает? Двустороннее движение! Мы привезли с собой наше время! Здесь — прошлое, везде тут, я полагаю, восточнее дыры, через которую мы прорвались. Но и настоящее все еще здесь! Оно ограничено пределами этого самолета.

— Право же, не знаю, — сказал Брайан, но неожиданно все показалось вполне возможным. Он испытал вдруг сильное желание обнять этого парнишку и хлопнуть его по спине.

— Браво, Альберт! — крикнул Боб. — Пиво! Давай теперь пиво!

Альберт сорвал ушко с крышки банки пива, а Ник выудил стакан из обломков вокруг тележки для напитков.

— А где же этот... дымок? — спросил Брайан.

— Какой дымок? — удивленно спросил Боб.

— Ну, не дымок, а что-то такое похожее, когда открываешь пиво.

Альберт понюхал и протянул банку Брайану:

— Понюхайте.

Брайан приблизил нос к отверстию и начал расплываться в улыбке. Не мог удержаться.

— Ей-Богу, пиво. Дымок не дымок, а пивом шибает в нос.

Ник протянул стакан, и Альберт не без удовольствия заметил, что рука англичанина тоже подрагивала, как и у него.

— Наливай, — попросил Ник. — Давай быстрее, друг, терпение на пределе, того гляди, кондрашка хватит.

Альберт налил пива, и улыбки пропали.

Пиво было выдохшимся. Совершенно. В стакане для виски, который подобрал Ник, оно выглядело, как моча, сданная на анализ.

10

— О Господи! Становится просто темно!

Люди у окна оглянулись на идущего к ним Варвика.

— Вы должны были стеречь придурка, — сказал Дон.

Руди отмахнулся нетерпеливым жестом.

— Он дрыхнет там. По-моему, удар по башке сдвинул его больше, чем мы думали. Ладно. А что происходит? И почему так быстро стемнело?

— Откуда мы знаем? — сказала Бетани. — Стемнело, и все тут. А вы считаете, что у того психа кома или что-то в этом роде?

— Не знаю, — ответил Руди. — Если он отключился как следует, то нам можно о нем и не беспокоиться, верно? Господи Иисусе, но какой жуткий все-таки этот звук. Как термиты в коробке. — Впервые, кажется, Руди забыл про свой аппетит.

Дайна повернула лицо к Лорел.

— Я думаю, надо проверить мистера Туми, — сказала она. — Я волнуюсь из-за него. Он, кажется, сильно перепуган.

— Если он без сознания, Дайна, то нам не о чем...

— А по-моему, он вовсе не без сознания, — тихо возразила Дайна. — Я даже не думаю, что он спит.

Лорел посмотрела на девочку в раздумье, потом взяла ее за руку.

— Ладно, — согласилась она. — Пойдем посмотрим.

11

Узел, которым Ник Хопвелл связал правое запястье Крэга, наконец распустился достаточно, чтобы рука выскользнула из него. Сбросить узел с левой руки было пустячным делом. Крэг быстро вскочил на ноги. Внутри головы стрельнуло болью, и он пошатнулся. Стайка черных пятен запрыгала перед глазами, но постепенно рассеялась. До него дошло, что аэропорт почти погрузился во мрак. Наступала преждевременная ночь. Теперь он слышал чавканье-хруст-чавканье лангольеров куда лучше, видимо, потому, что уши его были настроены на этот звук, а возможно, и потому, что они приблизились.

В дальнем конце зала заметил два силуэта — высокий и маленький, которые отделились от остальных и направились в сторону ресторана. Это девка с блядским голосом и слепая девчонка с уродливой, одутловатой мордой. Нельзя было допустить, чтобы они подняли шум. Это обернется очень плохо.

Не спуская глаз с приближающейся пары, он попятился от кровавого пятна на ковре. Становилось все темнее и темнее.

Слева от кассы находились вделанные в прилавок емкости для приборов, но все — сплошное пластмассовое барахло. Ему не годилось. Крэг заглянул за кассовый аппарат и разглядел кое-что получше: отличный кухонный нож лежал на полочке возле гриля. Схватил его и пригнулся за кассовым аппаратом, ожидая их приближения. С особым интересом всматривался в девчонку. *Эта слепая многое знала... слишком даже много. Откуда ей все становилось известно? Очень интересный вопрос. Не так ли?*

Ник посмотрел на Альберта, потом на Боба.

— Так, — сказал он. — Значит, спички действуют, а пиво — нет. Повернулся, чтобы поставить на полочку стакан пива. — И что же это зна...

И вдруг целый фонтан пузырьков подобно взрыву поднялся со дна стакана. Они росли, громоздились, распространялись во все стороны, образуя шапку пены сверху. Ник широко раскрыл глаза.

— Очевидно, — сухо произнес Боб, — нужно немного времени, чтобы нас догнать. — Он взял стакан, отпил глоток и облизнул губы. — Отлично, — прокомментировал он. Все смотрели на сложное объемное кружево пены. — Без сомнения, я бы сказал, что это лучший бокал пива в моей жизни.

Альберт долил стакан. На сей раз пена полезла сразу, выйдя за кромку стакана. Брайан взял его в руку.

— А ты, дружок, уверен, что тебе так охота? — спросил Ник, широко улыбаясь. — Не накиряемся, братцы, а? Как один мужик говорил: «Двое суток из бутылок в желудок».

— Во время путешествий во времени, как известно, такие правило отменяются, — сказал Брайан. — Так что смотрите на доньшко. — Он опорожнил стакан залпом и расхохотался. — Вы правы! Боб! Точно! Лучшего пива в жизни не пробовал! А ты, Альберт, попробуй пепси.

Тот немедленно откупорил банку пепси, и все услышали знакомое по бесчисленным рекламам поп-хиссес. Отпил хороший глоток и, когда ставил банку на полочку, прямо весь сиял. Но в глазах его были слезы.

— Джентльмены, очень рекомендую пепси-колу, — сказал он тоном услужливого официанта. — Она у нас сегодня — отличная!

Все расхохотались.

Дон Гаффни догнал Лорел и Дайну как раз, когда они вошли в ресторан.

— Я подумал, что лучше... — начал он и потрясенно умолк. Быстро осмотрелся по сторонам в сгущавшемся мраке. — Ах ты, ч-черт! Где он?

— Я не... — запинаясь начала Лорел. Ее перебила Дайна:

— Тихо...

Ее голова медленно повернулась, словно потухший прожектор. Какое-то мгновение тишина царила в ресторане... во всяком случае — ни звука, который бы могла услышать Лорел.

— Вон там, — наконец произнесла Дайна, указав на кассовый аппарат. — Он там прячется позади чего-то.

— Откуда ты знаешь? — нервозно спросил Дон. — Я ничего не слышу.

— Я слышу, — спокойно ответила Дайна. — Слышу его пальцы на металле. Слышу его сердце. Очень быстро и сильно бьется. Он до смерти перепуган. Мне его так жалко. — Дайна вдруг высвободила руку из ладони Лорел и шагнула вперед.

— Дайна! Нельзя! — закричала Лорел.

Девочка не обратила внимания. Раскинув руки и растопырив пальцы, она шла, ожидая препятствий на своем пути. Тени поглотили ее.

— Мистер Туми, пожалуйста, выходите. Мы вам ничего плохого не хотим сделать. Пожалуйста, не бойтесь...

Из-за кассы послышался звук — пронзительный, закладывающий уши визг. Возможно, это было словом или пыталось стать словом, но в нем не было ни проблеска разума.

— Тыыыыыыыыыыыыыыыы...

Крэг поднялся из своего укрытия, глаза вытаращены, большой кухонный нож торчал в руке острием вверх. Внезапно до него дошло, что именно она, она была одной из них. Да, да! Под прикрытием этих черных очков таилось одно из них! Она была не просто лангольером, а их

передовым авангардом. Той самой, которая созывает остальных, созывает своими мертвыми незрячими глазами.

— Тыыыыыыыыыыыыыы...

С визгом он бросился на нее. Дон Гаффни оттолкнул Лорел в сторону, чуть не сбив ее с ног, и прыгнул вперед. Он был проворен, но недостаточно. Безумный Крэг Туми и сам двигался со скоростью лангольера. Дайну он настиг быстро и точно. Он не «болтался».

Слепая девочка сделала попытку отшатнуться, попятилась. Из своего мрака она заглянула в его мрак. Протянула обе руки, чтобы успокоить его, утешить.

— Тыыыыыыыыыыыыыы...

— Все хорошо, мистер Туми, — сказала она. — Не надо бо... — В этот момент Крэг погрузил острие ножа в ее грудь и пробежал мимо Лорел в зал, издавая все те же визгливые вопли.

Дайна некоторое время стояла на месте. Ее руки нащупали деревянную рукоятку, торчавшую из ее платья, дрожащие пальцы потрогали ее. Потом медленно, с какой-то потусторонней грацией она свалилась на пол, превратившись в еще одну тень в наступившем мраке.

ГЛАВА 7

Дайна в Долине Теней. — Самый быстрый тостер к востоку от Миссисипи. — Гонка со временем. — Ник принимает решение

1

Альберт, Брайан, Боб и Ник поочередно передали друг другу сладкий бутерброд на арахисовом масле. Каждый откусил по два раза, и бутерброд исчез. Но откуда он существовал, Альберт подумал, что в жизни не вонзал свои зубы в нечто более вкусное. Желудок пробудился и потребовал еще.

— А что, братва, — сказал Ник, глотая кусок, — наш лысый друг мистер Варвик будет в полном восторге от этой части нашего банкета. — Он посмотрел на Альберта. — Слушай, Туз, а ты ведь гений. Ей-богу! Небось сам знаешь, а? Ну, братцы, гений!

Альберт счастливо залился краской.

— Да ладно вам... подумаешь... — сказал он смущенно. — Просто немного того, что мистер Дженкинс называет методом дедукции. Я просто представил, что если два потока, текущих навстречу друг другу, сталкиваются, то они смешиваются и создают водоворот. Я увидел такое в случае со спичками Бетани и решил, а может быть, нечто подобное происходит и здесь. Тут как раз появилась рубашка мистера Гаффни, знаете, такая ярко-красная. Она вдруг начала блекнуть, находясь снаружи самолета, может быть, если ее вернуть в самолет, она начнет...

— Прошу прощения, ненавижу перебивать, — тихо сказал Боб, — но, по-моему, если мы намерены попытаться вернуться назад, нам следует начать работу как можно скорее. Эти звуки меня очень тревожат. Но кое-что меня тревожит еще больше. Этот аэроплан не является замкнутой системой. Боюсь, существует такая возможность, что вскоре он начнет терять свои... свои...

— Свое темпоральное единство? — подсказал Альберт.

— О! Отлично сказано. Любое топливо, которое мы накачаем сюда, загорится. Но спустя еще несколько часов... может и не загореться.

Неприятная мысль мелькнула в сознании Брайана: а вдруг оно перестанет гореть на полпути, когда 767-й будет находиться на высоте 36 000 футов. Раскрыл было рот, чтобы сказать им об этом... и закрыл. Какой смысл ронять подобную идею, когда никто ничего изменить не мог?

— Ладно, Брайан, с чего начнем? — спросил по-деловому Ник.

Брайан быстро проиграл варианты. Куда тут денешься? Приходится иметь дело с людьми, которые, в лучшем случае, играли с самолетиками из бумаги. Тем не менее подумал: а ведь можно!

— Начнем с того, что я заведу двигателя и подгоню нашу машину как можно ближе к «Дельте-727» — сказал он. — Когда будем рядом, я отключу правые двигатели и развернусь левой стороной. Нам крупно повезло, что этот 727-й оказался к нашим услугам. У нашего 767-го есть система, которая...

Пронзительный вопль вдруг донесся до них, перекрывая странный далекий шум. Последовал звук торопливых шагов. Ник мгновенно обернулся и выбросил руки вперед в жесте, который Альберт сразу распознал. Он в свое время много повидал ребят, заикленных на самозащите, и знал их жесты. Такая позиция называлась Тае Кван До — классическая оборонительная стойка. Секунду спустя в двери появилась бледная испуганная Бетани, и руки Ника опустились.

— Скорей! — закричала Бетани. — Скорей туда! — Она задыхалась и попятилась обратно по лестнице. В какой-то момент Альберт и Брайан думали, что она вот-вот перевернется и покатится кувырком. Ник прыгнул вперед, молниеносным движением поймал рукой ее затылок и втащил в самолет. Глаза Бетани были испуганно вытаращены, казалось, она сама не понимала, что только что едва не покалечилась. — Пожалуйста, выходите же! Он зарезал ее! Она при смерти!

Ник взял ее за плечи.

— Кто кого зарезал? — тихо спросил он. — Кто умирает?

— Я... она... мистер Т-т-туми...

— Бетани, а ну, скажи, «чайная чашка».

— Че-че... ч-чайная чашка.

— Чайная чашка и блюдце. Скажи, Бетани.

— Чайная чашка и блюдце.

— Порядок. Теперь лучше?

Она кивнула:

— Да.

— Хорошо. Если чувствуешь, что теряешь контроль, скажи сразу: чайная чашка. И придешь в себя. Ну а теперь кого зарезали?

— Слепую девочку Дайну.

— Ах ты, ч-черт!

— Ладно, Бетани. Сейчас.. — Ник увидел, как Брайан и Альберт кинулись к трапу. Голос его прозвучал резким криком: — Нет! — От его окрика оба они остановились. — Стойте, мать вашу!..

Брайан, которому довелось служить во Вьетнаме, знал, как звучат беспрекословные команды, и автоматически замер на месте. Альберт, мчавшийся за ним следом, врезался лицом в его спину.

Я знал, — подумал Брайан. — Знал, что командовать будет он. Это было делом времени и обстоятельств.

— Ты знаешь, как это произошло? — спросил Ник. — Может, знаешь, где сейчас находится наш поганый спутник?

— Тот... тот мужик в красной рубашке сказал...

— Ну ладно. Бог с ним. — Он бросил взгляд на Брайана. Глаза пылали гневом. — Эти чертовы засранцы оставили его одного. Как пить дать. Ну, хорошо. Больше такого не случится. Наш мистер Туми выкинул свое последнее коленце.

Он посмотрел на девушку. Она опустила голову, волосы упали на лицо, дышала судорожно.

— Она жива, Бетани? — мягко спросил он.

— Я... я... я...

— Чайная чашка, Бетани.

— Чайная чашка! — крикнула девушка и посмотрела на него красными, заплаканными глазами. — Я не знаю. Была жива, когда я... ну, когда побежала за вами. Может быть, и умерла уже. Он ей так врезал. О Боже, ну почему нам не хватало еще и психа? И без него деваться некуда.

— И никто из вас, кто должен был наблюдать за этим деятелем, не знает, куда он смылся после нападения? Верно?

Бетани закрыла лицо ладонями и начала всхлипывать. Ответ был ясен для всех.

— Ну, вы уж не надо с ней так, — тихо сказал Альберт и обнял Бетани за талию. Она тотчас положила голову ему на плечо и заплакала.

Ник осторожно отодвинул обоих.

— Если бы я намеревался быть суровым к кому-либо, то прежде всего к самому себе, Туз. Иначе — спрятался бы за чужие спины. — Он обернулся к Брайану. — Я возвращаюсь в аэропорт. Ты остаешься здесь. Мистер Дженкинс, думаю, абсолютно прав: времени у нас очень мало. Даже не хочу думать, насколько его мало. Ты пока заведи двигатели, но машину не двигай. Если девочка жива, нам понадобится трап, чтобы ее перенести. Боб, ты стой у трапа и следи, чтобы не появился этот придурок. Альберт пойдет со мной.

После этого он добавил нечто такое, что всех их привело в состояние легкого шока:

— Почти надеюсь, что она мертва, спаси меня Господи. Это нам сэкономило бы время.

2

Дайна не умерла и даже не потеряла сознания. Лорел сняла с нее темные очки и вытерла пот с лица девочки. Позади нее стояли Гаффни и Руди, с тревогой глядя вниз.

— Простите, — в пятый раз повторил Руди. — Я думал, он отключился. Может, даже умер.

Лорел проигнорировала его слова.

— Ну, как ты, Дайна? — тихо спросила она. Не хотелось смотреть на деревянную рукоятку, торчавшую из складок ее платица, но глаза были прикованы к ней. Совсем немного крови вытекло из под ножа — пятно с чашку величиной вокруг лезвия — пока что.

Пока что.

— Больно, — едва слышно произнесла Дайна. — Дышать больно. Жжет.

— Все будет хорошо, — успокоила ее Лорел, но глаза ее по-прежнему не могли оторваться от рукоятки. Девочка была так мала. Она не понимала, почему нож не прошел сквозь нее до конца, не понимала, почему она еще жива.

— ...отсюда, — сказала Дайна. Лицо ее исказила гримаса, и густая струйка крови выползла из уголка рта, струйкой поползла по щеке.

— Не пытайся говорить, миленькая моя, — сказала Лорел и отвела прядь волос девочки со лба.

— Вам надо выбраться отсюда, — повторила Дайна едва слышно. — И не вините мистера Туми. Он... очень испуган. Он боится их...

Дон свирепо оглянулся по сторонам.

— Если я найду эту тварь, уж я его напугаю по-настоящему. — Он стиснул кулаки. В сумраке едва заметно блеснул перстень на пальце. — Он у меня пожалеет, сволочь, что не родился дохлым.

В ресторан вошел Ник, за ним следовал Альберт.

Он грубо оттолкнул Руди, не извинился и присел на корточки возле Дайны. Взгляд остановился на ручке ножа, потом на лице девочки.

— Привет, душенька. — Он говорил ласково, но в глазах пылала ярость. — Я смотрю, тебя проветрили. Не волнуйся только. Вижу, что будешь в порядке. Причем скоро. Как огурчик.

Дайна попыталась улыбнуться.

— Почему огурчик? — прошептала она. Новая порция крови появилась изо рта. Лорел заметила, что ее зубы были залиты кровью. Внутри нее все содрогнулось.

— Не знаю, при чем тут огурцы, но, видимо, означают что-то хорошее, — ответил Ник. — Я сейчас поверну

твою головочку набок. А ты постарайся вести себя тихо-тихо.

— О'кей.

Ник очень осторожно повернул ее голову так, что щека почти легла на палас.

— Больно?

— Да, — прошептала Дайна. — Жжет. Больно... дышать. — Сквозь шепот в горле ее забулькало. Из рта вылилась струйка крови на ковер всего шагах в десяти от того места, где высыхала кровь Крэга Туми.

Снаружи вдруг донесся рев включенных двигателей самолета. Дон, Руди и Альберт обернулись в сторону шума. Ник не отрывал взгляда от девочки. Говорил он необычайно нежно:

— Тебе хочется откашляться, Дайночка?

— Да... нет... не знаю...

— Так вот, постарайся не делать этого, — сказал он. — Если защекочет внутри, постарайся не обращать внимания, сдержись, если можно. И больше не разговаривай, хорошо?

— Не... бейте... мистера Туми. — Даже в ее шепоте слышалась великая тревога

— Нет, бедненькая. Не думай об этом. Доверься мне.

— Не... верю... вам...

Он наклонился и поцеловал ее щеку, одновременно прошептав ей в ухо:

— Можешь доверять мне, можешь. Пока просто лежи неподвижно, а мы позаботимся об остальном.

Он посмотрел на Лорел:

— Вы не пытались вытащить нож?

— Я?.. Нет. — Лорел сглотнула, и горло обожгло горечью и жжением. Словно комок застрял. — А надо было?

— Если бы вы такое сделали, никаких шансов, возможно, не осталось бы уже. У вас что, никакого медицинского опыта?

— Нет.

— Ну ладно. Я объясню вам, что нужно делать. Только скажите мне для начала — вы от вида крови в обморок

не падаете? Ну, если она прилично хлынет. Только говорите правду.

— Я так уж много крови не видела, — ответила Лорел. — Только раз было — сестренка выбила два зуба об дверь, когда в прятки играли. Была, конечно, кровь, но я в обморок не упала.

— Годится. И сейчас вы не должны падать в обморок. Мистер Варвик, принесите мне полдюжины скатертей из той пивной за стойкой. — Он улыбнулся девочке. — Я думаю, Дайночка, пару минут — и ты почувствуешь себя лучше. Молодой врач Хопвелл всегда обходителен с дамами, особенно, когда они такие юные и прелестные.

Лорел вдруг почувствовала неодолимое и абсурдное желание протянуть руку и погладить волосы Ника.

Да что с тобой? Эта девочка, видимо, умирает, а ты думаешь о том, какие у него на ощупь волосы! Прекрати! Ну и глупость!

Впрочем, если посмотреть... Какая глупость лететь к черту на кулички, чтобы встретиться с человеком, знакомым всего лишь по переписке через журнальчик знакомств. А не глупо ли планировать переспать с ним, если он окажется вполне подходящим?.. И если у него изо рта плохо не пахнет, разумеется?

О Господи! Прекрати это, Лорел, сейчас же прекрати!

Да, да, — подтвердил другой голос внутри нее. — Ты совершенно права. Это же полное безумие — думать о подобных вещах в такой ситуации... А все же любопытно — каким может быть в постели молодой доктор Хопвелл. Может ли он быть таким же нежным или...

Лорел испытала дрожь и подумала: *Не с этого ли начинаются истерики?*

— Они еще ближе, — сказала Дайна. — Вам надо... — Она закашлялась и большой пузырь крови вырос у губ. Он лопнул, оросив ее щеки брызгами. Дон Гаффни что-то пробормотал и отвернулся. — ...надо торопиться, — закончила она.

Приветливая улыбка Ника ничуть не изменилась.

— Я знаю, — сказал он.

Крэг перебежал к эскалатору, торопливо спустился по цепким металлическим ребрам ступенек. В сознании бушевала паника, ревела, как буря в океане, заглушая звук чавканья и перемалывания, который издавали лангольеры. Никто его не засек. Он метнулся на нижнем этаже к выходу... и врезался в неподвижную стену из толстого стекла. Все позабыл! Забыл, что эти стеклянные стены без тока не открываются.

Его перевернуло, выбило дух, и он рухнул на пол, как рыба на лед, задыхаясь.

Некоторое время лежал, пытаясь собрать осколки разума воедино. В сгущающемся мраке разглядел свою правую руку — бледное пятно с черными пятнами. Понял, что это кровь той девочки.

За исключением того, что она на самом деле вовсе и не была девочкой. Только обличье ребенка! А на самом деле — авангард лангольеров! Теперь, когда с ней покончено, другие не смогут... не смогут...

Что не смогут?

Найти его?

Но этот голодный прожорливый звук их приближения не прекратился! О, это сводящее с ума чавканье, пожирание всего, что попало, словно на востоке полчища чудовищных голодных насекомых совершали свое неуклонное массовое нашествие.

Голова пошла кругом. Ничего невозможно понять.

Крэг разглядел небольшую дверь и направился к ней. Затем остановился. Там виднелась дорога, несомненно ведущая к городу Бангору. Ну и что? Начхать! Пусть Бангор! Ему нужно было в Бостон — вот и все! Если доберется туда — все будет в порядке. А что все это значило? Папа наверняка знал бы. Это значило: **ХВАТИТ БОЛТАТЬСЯ, ПОРА ДЕЙСТВОВАТЬ ПО ПРОГРАММЕ!**

Ухватился за мысль, как утопающий за соломинку... Только бы добраться до Бостона... Тогда весь этот кошмар станет... станет...

— Сущим пустяком, — пробормотал он.

При этих словах в его затемненном рассудке словно пробился луч яркого света, и голос (возможно, его отца) крикнул: *Да! Подтвердил, одобрил.*

Но как?! Пешком до Бостона не дойдешь, но прочие ему не позволят взойти на борт единственного самолета. Тем более после того, что он сделал с этой слепой дрянью.

— Но они даже не знают, — прошептал Крэг. — Не подозревают, какую услугу я им оказал. А все потому, что не знают, кто она есть на самом деле. — Он знающе покачал головой, глаза были широко раскрыты во мраке и влажны.

Укройся, — прошептал голос отца. — Спрячься где-нибудь в самолете.

— *Да-да! — подтвердил голос матери. — Спрячься! Единственный выход! Вот так, Крэгги-вегги! Только в этом случае тебе не понадобится билет!*

Крэг с сомнением посмотрел на багажный конвейер. Можно было бы по нему выбраться на летное поле. Но вдруг они выставили охрану возле самолета? Пилоту вряд ли придет в голову такая идея: вне своей рубки он полный болван, а вот англичанин — тот может.

Что же делать?

Выходить на летное поле было явно небезопасно. Куда же тогда отправиться?

Крэг с беспокойством взглянул на неподвижный эскалатор. Скоро они начнут охотиться за ним. Англичанин возглавит охоту — в этом нет сомнения. А он стоит тут на открытой площадке, словно девка на стриптизе.

Нужно спрятаться, хотя бы на время.

Услышал, как взревели двигатели снаружи, но это его не взволновало. Кое-что в самолетах он понимал и знал, что Энгл никуда не полетит, пока не заправится. А заправка самолета потребует времени. Во всяком случае, без него они не улетят.

Пока что.

Прячься Крэгги-вегги. Прямо сейчас же. Ты должен спрятаться до того, как они придут за тобой.

Он медленно осмотрелся, ища глазами подходящее место, вглядываясь в темноту. Разглядел надпись на двери между бюро аренды автомобилей и Бангорским агентством путешествий.

СЛУЖБЫ АЭРОПОРТА

Такая надпись могла означать все что угодно.

Крэг поспешил к двери, оглядываясь через плечо, попробовал открыть ее. Так же, как и в отделе службы безопасности, дверная ручка не двигалась, но дверь раскрылась, едва он толкнул ее плечом. Крэг еще раз оглянулся, никого не увидел и закрыл за собой дверь.

Его поглотил крошечный мрак. Теперь он был так же слеп, как та зарезанная девчонка. Крэг не возражал: темнота была ему даже на руку.

К тому же чавкающие, жующие звуки лангольеров сюда доносились слабее.

Крэг медленно, на ощупь, двинулся вперед, шаркая и растопырив перед собой руки. Через несколько шагов он коснулся бедром твердого предмета — видимо, края стола. Потрогал руками: верно — стол. Пошарил по его поверхности и нащупал обычный рабочий комплект американских «белых воротничков»: стопка бумаг, корзина «вх./вых.», коробочка со скрепками, стаканчик с ручками. Он продвинулся к рабочему месту, нащупал кресло за столом и сел в него. Стало совсем неплохо. Привычная, знакомая обстановка, в которой он почувствовал себя спокойно и уверенно. Выдвинул верхний ящик, поискал внутри какое-нибудь оружие или что-либо острое. Рука нащупала обыкновенный нож для вскрытия конвертов.

Крэг извлек его, задвинул ящик и положил нож справа от себя.

Некоторое время он сидел неподвижно, прислушиваясь к собственному сердцебиению и приглушенному звуку работы реактивных двигателей. Потом руки его снова осторожно ощупали поверхность стола, пока не добрались до стопки бумаги. Он взял верхний лист и поднес к глазам. Но абсолютно ничего не увидел.

Ничего, Крэгги-вегги. Сиди тут в темноте. Сиди и жди, когда наступит время действовать. А когда это время придет...

— ...я скажу тебе, — закончил мрачный голос его отца.

— Правильно, — согласился Крэг. Его пальцы нащупали верхний уголок листа бумаги. Он осторожно надорвал его и принялся отрывать узкую полоску.

Рииипп.

Спокойствие овладело им. Он бросил невидимую полоску на невидимый стол. Пальцы начали отрывать следующую полоску сверху. Все будет отлично. Все будет в порядке. Он тихо, почти шепотом, запел, фальшивя.

— Назови меня ангелочком... утренним ангелом, бэ-э-би-и...

В полном спокойствии Крэг сидел и ждал, когда отец подскажет ему, что делать дальше. Как он много раз поступал, когда Крэг был ребенком.

4

— Слушай внимательно, Альберт, — сказал Ник. — Мы должны отнести ее в самолет на носилках. На борту носилок нет, а здесь они где-то должны быть. Вот только где?

— Мистер Хопвелл, капитану Энглу это известно лучше, чем...

— Капитана Энгла здесь нет, — терпеливо пояснил Ник. — Надо нам самим с этим управиться.

Альберт нахмурился... вспомнил вывеску на двери: «Службы аэропорта».

— Может, службы аэропорта? — предложил он. — Тут есть такая дверь.

— Наверно, оно самое, — согласился Ник. — Где ты видел эту дверь?

— Внизу, рядом с бюро по аренде автомобилей.

— Ладно, — сказал Ник. — Сделаем так: ты и мистер Гаффни найдете носилки и будете носильщиками. Мистер Гаффни, посмотрите, пожалуйста, возле гриля. Найдите

там ножи поострее. Оттуда, видимо, добыл нож и наш неприятный друг. Вооружитесь с Альбертом.

Дон направился за прилавок, не говоря ни слова. Руди Варвик вернулся с целой охапкой скатертей из бара «Красный Барон».

— Боже мой, как я виноват!.. — начал он, но Ник остановил его. Он все еще смотрел на Альберта — бледное пятно над сгустившимися тенями там, где лежала Дайна. Наступила почти полная темнота.

— Возможно, вы и не встретите там мистера Туми. Я думаю, он сбежал в панике, бросив оружие. Забился в какую-нибудь нору или вообще смылся из аэропорта. Но вдруг, паче чаяния, вы увидите его, очень советую с ним не связываться, если он к этому не вынудит сам.

Ник обернулся в сторону Гаффни, который появился с двумя кухонными ножами. — Выполняйте вашу главную задачу оба. Она состоит не в том, чтобы поймать и судить мистера Туми, а добыть носилки и как можно скорее доставить их сюда. Мы должны убраться как можно скорее.

Дон протянул Альберту нож, но тот покачал головой и обратился к Руди Варвику:

— Можно мне у вас взять одну скатерть?

Дон посмотрел на него так, словно парень с ума спятил.

— Скатерть? Зачем она нам?

— Сейчас покажу.

Альберт стоял на коленях возле Дайны. Теперь он поднялся и зашел за прилавок. Что-то поискал взглядом, словно сам не знал, что именно ему нужно, но был уверен — найдется. И нашел-таки. На самой стойке, подальше, приютился старомодный тостер. Альберт выдернул шнур из сети, обернул его вокруг тостера и вернулся с ним к остальным. Затем он развернул скатерть, поместил на нее тостер на самом углу, после чего переверачивая его, обернул скатертью, словно рождественский подарок. Концы скатерти свернул жгутами, соединил их вместе и поднял свою импровизированную пращу.

— Когда я был пацаном, мы играли в Индиану Джонса, — сказал Альберт немного смущенно. — Подобная

штука заменяла мне его плетъ. Раз чуть руку не сломал моему брату Дэвиду. Завернул какую-то штуковину из гаража в старое одеяло. Глупо, конечно. Не сообразил, как больно можно стукнуть такой фигней. Родители меня отшлепали как следует. Короче, глупо — неглупо, а действует как надо. По крайней мере, до сих пор действовало.

Ник с сомнением посмотрел на оружие Альберта, но ничего не сказал. Если Альберт чувствовал себя спокойнее с тостером, завернутым в тряпку, перед тем как спуститься во мрак вниз, пусть так и будет.

— Ну ладно, пусть так, — сказал Ник. — Идите ищите носилки, и скорей наверх. Если носилок нет в службах аэропорта, еще где-нибудь посмотрите. Если в пределах пятнадцати или даже — десяти минут ничего не раздобудете, возвращайтесь сюда, так ее перенесем.

— Но так же нельзя, — возразила Лорел. — Если у нее внутреннее кровоизлияние...

Ник посмотрел на нее.

— У нее и так внутреннее кровоизлияние. Больше десяти минут мы ждать не можем.

Лорел раскрыла было рот, чтобы возразить, но шепот Дайны остановил ее:

— Он прав.

Дон сунул нож за пояс.

— Пошли, сынок, — сказал он. Они пересекли зал ожидания и начали спускаться по эскалатору. Альберт принялся наматывать жгуты на кулак.

5

Ник вновь обратил все свое внимание на девочку.

— Как ты себя чувствуешь, Дайна?

— Очень больно, — едва слышно ответила девочка.

— Да, конечно, боль ужасная, — сказал Ник. — И боюсь, то, что я собираюсь сделать, принесет еще большую боль, но совсем ненадолго. Нож пронзил твое легкое, и его надо извлечь. Ты понимаешь это, верно?

— Да. — Ее большие невидящие глаза обратились к нему. — Страшно.

— Мне тоже страшно, Дайночка. Ох, как я боюсь! Но это нужно сделать. Согласна? Стерпишь?

— Попытаюсь.

— Может быть пара таких моментов, когда тебе покажется, что ты не можешь дышать. Можешь даже почувствовать, что из тебя душа выходит, как воздух из проткнутой крыши, что ты истекаешь. Это очень страшное ощущение, миленькая. У тебя появится желание задвигаться, закричать. Ни в коем случае не делай этого. И ни в коем случае не кашляй.

Дайна что-то ответила, но никто не расслышал.

Ник проглотил слюну, мимолетным жестом утер пот со лба и повернулся к Лорел.

— Сложите две скатерти в квадратные тампоны потолка. Встаньте рядом со мной на колени, как можно ближе. Варвик, дайте мне ремень от ваших брюк.

Руди торопливо выполнил его указание.

Ник снова посмотрел на Лорел. Ее вновь поразила, на сей раз приятно, сила его взгляда.

— Я намерен взяться за рукоятку ножа и вытащить его. Если лезвие не зацепилось за ребро, а судя по его положению этого вроде бы не произошло, он должен выйти одним плавным движением. Как только он выйдет, я тотчас отступлю назад, а вы наложите тампоны из скатертей на рану и надавите. Давите сильно, не беспокойтесь о том, что делаете ей больно, не даете ей дышать. У нее по меньшей мере один разрыв легкого, но готов спорить, что даже два. Вот о чем нам следует беспокоиться. Вы все поняли?

— Да.

— Когда вы прижмете тампон, я ее приподниму навстречу вашему давлению, а мистер Варвик немедленно подложит ей под спину другой тампон, если появится кровь на спине. После этого мы привяжем компресс к ране с помощью ремня мистера Варвика. — Он поднял глаза на Руди. — Когда я попрошу, мой друг, немедленно давайте ремень. Не заставляйте повторять дважды.

— Да, да, конечно.

— А вам достаточно видно все, Ник? — спросила Лорел.

— Думаю, да, — ответил Ник. — Надеюсь. — Он посмотрел на Дайну. — Готова?

Дайна что-то пробормотала.

— Ладно, — сказал Ник. Он глубоко вздохнул и выдохнул. — Помоги мне, Господи Иисусе.

Его длинные тонкие пальцы сомкнулись на ручке ножа, словно на бейсбольной бите. Потянул. Дайна вскрикнула, изо рта ее хлынула кровь, и капли брызнули на лицо Лорел, напряженно склонившейся над девочкой. Она невольно отшатнулась.

— Нет! — рыкнул на нее Ник, не оборачиваясь. — Не смей проявлять слабость! Не смей!

Лорел снова наклонилась, дрожа всем телом. Лезвие ножа, тусклый серебристый треугольник, покинуло тело Дайны. Грудь слепой девочки приподнялась и послышался странный, неземной свист, когда края раны втянулись внутрь.

— Давай! — буркнул Ник. — Дави! Как можно сильнее!

Лорел наклонилась еще. В какой-то миг разглядела кровь, хлынувшую из груди Дайны. В следующее мгновение рана была закрыта. Под ее пальцами тампон промок и сразу стал теплым.

— Сильнее, — прорычал Ник. — Сильнее дави! Закупори ее! Закупори рану!

— Не могу! Я сломаю ей ребра! Если...

— Хрен с ними, с ребрами! Запечатай рану!

Лорел всем своим весом налегла на руки. Почувствовала, как жидкость просочилась сквозь ее пальцы, хотя тампон был плотным и толстым.

Англичанин отшвырнул нож и склонился над Дайной, почти касаясь ее лица. Глаза девочки были закрыты. Он приподнял ей веко.

— Кажется, она чаконец отключилась, — сказал он. — Трудно сказать: у нее глаза такие странные, но, надеюсь, она без сознания. — Прядь волос упала ему на бровь, он быстрым кивком отбросил ее назад и посмотрел на Ло-

рел. — Хорошо, хорошо. У тебя получается. Так и держи, хорошо? А я руки под нее подсуну. Дави, как давила.

— Но так много крови, — простила Лорел. — Она умрет?

— Не знаю. Продолжайте нажимать. Готовы, мистер Варвик?

— О Господи, готов, — сказал Варвик голосом, тоже похожим на стон.

— Так. Поехали. — Ник сунул руки под правое плечо Дайны и мучительно поморщился. — Все хуже, чем я думал, — пробормотал он. — Гораздо хуже. Она насквозь... промокла. — Ник начал поднимать Дайну навстречу давлению Лорел. Дайна издала короткий хрип. Из рта вывалился комок загустевшей крови и шлепнулся на пол. Теперь Лорел услышала, как капли крови дождем забарабанили по паласу.

Внезапно мир в ее глазах закачался и начал уплывать в сторону.

— Продолжай давить! — крикнул Ник. — Не сдавайся! Но сознание покидало ее.

Только понимание того, что о ней подумает Ник, если она свалится в обморок, заставило ее сделать то, что она сделала. Лорел высунула изо рта язык, как делают дети, когда дразнятся, и нажала на него зубами. Боль оказалась пронзительной, солоноватый вкус крови заполнил рот... но ощущение плывущего мира прошло, удалилось, как ленивая рыба в аквариуме. Она снова находилась здесь.

Снизу донесся крик удивления и боли. За ним последовал резкий грубый возглас и тотчас — пронзительный вопль, похожий на визг.

Руди и Лорел быстро повернули головы в сторону криков.

— Мальчик! — воскликнул Руди. — Он и Гаффни! Они...

— Они все-таки нашли мистера Туми, — сказал Ник. Лицо его было искажено от напряжения, жилы вздулись на шее, как стальные тросы. — Остается только надеяться...

Снизу послышался удар, за которым последовал агонирующий вопль. Потом целая серия приглушенных ударов и топот ног.

— ...что они контролируют ситуацию. Мы ничего не можем поделать. Если прервемся, девочка тут же умрет.

— Но там мальчик кричал!

— Ничего не поделаешь. Варвик, подложи тампон под нее. Да скорее же, а то врежу тебе...

6

Дон спускался по эскалатору первым. Внизу остановился, порывшись в кармане и извлек небольшой квадратный предмет, тускло поблескивавший в темноте.

— Моя солдатская зажигалка «зиппо», — сказал он. — Как думаешь, она еще работает?

— Не знаю, — ответил Альберт. — Может, и так... некоторое время. Лучше не пробуйте, поберегите на тот случай, когда понадобится. Надеюсь, что она работает. Без нее мы ничего не увидим.

— Так где эта комната служб аэропорта?

Альберт указал на дверь, за которой пять минут назад скрылся Крэг Туми.

— Вот она.

— Как думаешь, она не заперта?

— Ну, есть только один способ узнать, — ответил Альберт.

Они пересекли зал, Гаффни — впереди, в руке — зажигалка.

7

Крэг услышал их приближение — слуг лангольеров становилось больше. В этом нет сомнения. Но он не беспокоился. Об одном из них, маскировавшемся под маленькую девочку, он уже позаботился. Позаботится и о других. Он стиснул ручку ножа, поднялся и осторожно вышел из-за стола.

«Как думаешь, она не заперта?»

«Ну, есть только один способ узнать».

Кое-что узнаешь, — подумал Крэг. — *Это уж обязательно*. Он подошел к стене возле двери и нащупал полки, заваленные бумагами, потом дверные петли. Хорошо. Когда дверь отворится, она скроет его. Хотя и так они бы его не увидели в такой темноте.

Он поднял нож до уровня плеча.

«Ручка не поворачивается».

Крэг расслабился, но только на одно мгновение.

«А вы просто толкните ее». — Это тот сопливый умник. Дверь начала приоткрываться.

8

Дон вошел, моргая и всматриваясь в темноту. Открыл крышку зажигалки, поднял руку и крутнул колесико. Мелькнули искры, и фитиль загорелся слабым огнем. Они увидели нечто среднее между конторой и кладовкой. В одном углу какой-то багаж, в другом — ксерокс. Задняя стена заставлена полками с каким-то предметами.

Дон вошел в контору, держа зажигалку над головой, словно свечу в пещере. Указал на правую стену.

— Эй, парниша! Туз! Посмотри!

На стене висел большой постер, изображавший мужчину в солидном, но неряшливо надетом костюме, выходявшего из бара, спотыкаясь. При этом он смотрел на наручные часы. Постер замечал: РАБОТА — ПРОКЛЯТЬЕ ДЛЯ ПЬЮЩЕГО КЛАССА. Возле постера на полочке находилась коробка с большим красным крестом, а под ней — прислонены носилки, причем на колесах.

Альберт не смотрел на постер, на аптечку, на носилки: его взгляд был прикован к столу в центре комнаты.

На нем он увидел ворох узких бумажных полосок.

— *Осторожно!* — закричал он. — *Осторожно, он...*

Крэг Туми выступил из-за двери и нанес удар.

— Ремень, — сказал Ник.

Руди не шелохнулся и никак не прореагировал. Его глаза смотрели на дверь ресторана. Звуки внизу смолкли. Только в темноте, снаружи, слышно было ровное гудение моторов самолета.

Ник лягнул его ногой.

— Ой!

— Ремень! Скорей!

Руди неуклюже упал на колени и придвинулся к Нику, который держал Дайну на весу, прижимая к ней снизу второй тампон.

— Под тампон его засовывай! — скомандовал Ник. Он задышался, пот градом катился по его лицу. — Да быстрее же! Я не могу ее так держать вечно!

Руди подsunул пояс под тампон. Ник слегка опустил Дайну, приподнял левое плечо девочки и протаскил ремень на другую сторону, пропустил через пряжку и туго затянул. Свободный конец вручил Лорел.

— Держите его туго. На пряжку не застегнешь — девочка слишком мала.

— Вы что, вниз пойдете? — спросила Лорел.

— Да. Само собой.

— Будьте осторожны. Ради Бога, поосторожнее!

Он улыбнулся ей, в темноте его белые зубы показались ослепительными... но совсем не страшными, обнаружила она. Скорее напротив.

— А как же без осторожности? Потому и жив до сих пор. — Он слегка сжал пальцами ее плечо. Рука его была теплой, ее прикосновение вдруг вызвало в Лорел легкую дрожь. — Вы молодец, Лорел. Спасибо вам.

Он уже собрался встать, когда маленькая рука ухватила его за штанину джинсов. Он посмотрел вниз и обнаружил, что слепые глаза Дайны были широко раскрыты.

— Не надо... — начала она, и вдруг чихнула. Кровь брызнула из носа маленьким фонтаном.

— Дайна, тебе нельзя...

— Не... убивайте... его, — закончила она. Даже в темноте Лорел увидела, каких огромных усилий ей стоило говорить.

Ник поднялся и посмотрел на нее в раздумье.

— Этот подонок тебя ударил ножом. С чего вдруг такая забота о сохранении его здоровья?

Ее маленькая грудь была стеснена ремнем, на нее давили тампоны. Она предприняла усилия и сумела сказать еще одну фразу. Они ее отчетливо услышали.

— Я... только... знаю... что он нам нужен, — прошептала она. После этого глаза девочки закрылись.

10

Крэг вонзил нож для бумаг глубоко в горло дона Гаффни. Дон охнул и уронил зажигалку. Она звякнула об пол, но не погасла. Альберт вскрикнул от неожиданности, когда увидел Крэга, шагнувшего к Гаффни. Теперь Гаффни, шатаясь и спотыкаясь, двигался к столу, рука слабо пыталась нащупать рукоятку ножа, торчавшую из горла.

Крэг вырвал его одной рукой, а второй ударил Гаффни в спину. Дон вскрикнул еще громче и упал животом на стол, руки ударили по корзинке «вх./вых.» и пачке бумаг, которые перед тем Крэг разрывал на полоски.

Крэг обернулся к Альберту. С острия ножа слетели брызги крови.

— Ты — один из них, — выдохнул он. — А мне плевать, сука. Я отправляюсь в Бостон, и ты меня не остановишь. Никто из вас не сможет остановить. — Зажигалка на полу погасла и они очутились во мраке.

Альберт шагнул назад и почувствовал стремительный поток воздуха перед самым своим лицом — это Крэг нанес удар по тому месту, где он находился всего секунду тому назад. Он замахал в воздухе позади себя, чтобы не наткнуться на что-нибудь и не оказаться загнанным в угол, где Крэг его прикончит. При бледном свете «зиппо» он решил, что у того настоящий нож. В таком случае его собственное оружие становилось глупым и бесполезным. Сзади было пусто, и он попятился через открытую дверь

в зал. Нет, он вовсе не чувствовал себя хладнокровным, самым быстрым евреем по любую сторону Миссисипи. Он ощущал себя насмерть перепуганным ребенком, избравшим игрушку вместо настоящего орудия, потому что никак не мог поверить, что дело могло дойти до такого, даже несмотря на то, что сотворил этот безумец с девочкой наверху. Он ощутил собственный страх. Запах страха, запах мочи.

Крэг бесшумно пошел к двери, подняв нож для разрезания бумаги. Во мраке он все же был виден как танцующая тень.

— Я вижу тебя, сынок, — прошептал он. — Вижу, как кошка в темноте.

Крэг придвинулся ближе, а Альберт попятился. В то же время он начал раскачивать тостер взад и вперед, напоминая себе, что ему дано нанести всего лишь один-единственный удар, прежде чем Туми вонзит в него нож — в горло или в сердце.

А если тостер вывалится из скатерти прежде, чем я это сделаю, мне крышка.

Крэг приближался, раскачиваясь верхней частью туловища, наподобие змеи, выглянувшей из корзины факира. Он слегка улыбался.

Все идет как нужно, — мрачно подсказал голос его отца из своей бессмертной крепости внутри разума Крэга. — Если придется убирать их поодиночке, ты это сумеешь сделать. СБ, Крэг, помни — Старания Вознагаждаются!

Совершенно верно, — подтвердил голос матери. — Точно, Крэгги-вегги. Так и надо сделать.

— Сожалею, — пробормотал Крэг сквозь улыбку. — Правда, сожалею, но я вынужден это сделать. Если бы ты видел все с моей точки зрения, ты бы понял.

Он шагнул к Альберту, подняв нож для разрезания бумаги на уровень глаз.

Альберт метнул быстрый взгляд назад и обнаружил, что пятится прямо к кассе «Юнайтед Эйрлайнз». Еще немного и он не сможет размахнуться своей пращей. Надо торопиться. Он принялся размахивать грузом быстрее, потная ладонь изо всей силы сжимала скрученную скатерть.

Крэг заприметил какое-то движение в темноте, но не понял, чем там этот пацан размахивает. Да и какое это имеет значение? Он поджался и рванулся вперед с воплем:

— Я улечу в Бостон! Я улечу...

Глаза Альберта немного привыкли к темноте, и он увидел рывок Крэга. Тостер как раз совершал путь назад. Вместо того, чтобы отправить его вперед с конца дуги, Альберт потянул его резко назад и вверх, вверх, над головой. Одновременно он шагнул влево. Груз, описывая полную дугу, крепко держался внутри скатерти центробежной силой. Крэг как раз оказался на его траектории. Тостер с треском обрушился на его лоб и нос.

Крэг заорал, уронил нож. Его ладони взметнулись к лицу, ударом он был отброшен назад, а сквозь пальцы хлынула кровь. Альберт был в ужасе от того, что сотворил, но еще страшнее было то, что раненый Туми разъярен и мог напасть с удвоенной силой. Этого нельзя было допустить, и Альберт сделал еще один шаг влево. Снова взмах пращей, широкая дуга — и тостер с глухим стуком угодил в грудь Крэга. Тот, продолжая орать, упал на спину.

В голове Альберта «Туза» Косснера осталась только одна четкая мысль, все остальное — сумбурный вихрь цветов, образов и эмоций: — *Я должен его обезвредить, иначе он поднимется и убьет меня. Я должен его обезвредить, иначе он поднимется и убьет меня.*

По крайней мере, Туми уронил свое оружие, — оно лежало на паласе. Альберт наступил на него и вновь взмахнул тостером. На этот раз он наклонился, нанося удар, словно покорный слуга перед властелином. Груз обрушился на вопящий разинутый рот Крэга Туми. Понесся звук стекла, ломающегося в платке.

О Боже, — подумал Альберт. — Это были его зубы.

Крэг забился на полу. Страшно наблюдать такое зрелище, тем более жутко, что все еле видно в темноте. Нечто чудовищное, неумертвимое, насекомоподобное чудилось в такой необычной жизнеспособности.

Рука вцепилась в тужель Альберта. Он отдернул ногу и отскочил, вскрикнув от отвращения. Крэг еще пытался нашить нож. Лицо его было сплошным кровавым месивом изорванной плоти. Альберта он почти не видел, все поле зрения занимали вспышки яркого света, в голове слышался пронзительный вой.

Он был обезврежен, но Альберт этого не знал. В панике он еще раз обрушил тостер на голову Крэга. Внутри коробки загремел оторвавшийся нагреватель.

Крэг перестал двигаться.

Альберт стоял над ним, всхлипывая и переводя дыхание. Скатерть с грузом висела в руке. Спотыкаясь, он направился к эскалатору, сделал пару шагов, согнулся, и его вырвало на пол.

13

Брайан перекрестился, включив экран дисплея и ожидая увидеть его пустым. Всмотрелся и увидел со вздохом облегчения слова:

Последняя программа завершена.

Под ними — другая надпись зеленовато-голубыми буквами:

Новая программа? Д Н

Брайан нажал кнопку «Д», потом набрал:
реверс еап 29 лакс/логан.

Экран на миг потух. Потом появились слова:

Включить отклонения в реверс программе АП 29? Д Н

Брайан нажал «Д».

Программируется реверс,
сообщил ему экран, и буквально пять секунд спустя:

Программирование завершено.

— Капитан Энгл?

Он оглянулся. Бетани стояла в дверях кабины. В интимном свете рубки выглядела бледной и утомленной.

— Извини, Бетани, я малость занят.
— Почему они не возвращаются?
— Не знаю.
— Я спросила Боба, мистера Дженкинса, не видит ли он какого-нибудь движения в аэропорту, а он сказал, что не видит. А вдруг они все умерли?
— Я уверен, что нет. Если хочешь, присоединись к нему возле трапа. А мне тут надо поработать. Есть какая-то надежда, понимаешь.
— Вам страшно?
— Да. Страшно.
Она слегка улыбнулась.
— Я немного рада этому. Плохо, когда испытываешь страх в одиночестве. Оставляю вас в покое.
Она вышла. Брайан вернулся к монитору и набрал:
Есть ли проблемы с этой программой?
Нажал кнопку «Исполнение».
Нет проблем. Благодарю за то,
что летите «Американской Гордостью».
— Не стоит благодарности, это уж точно, — пробормотал Брайан и утер лоб рукавом.
Теперь, — подумал он, — только бы топливо загорелось.

14

Боб услышал шаги по трапу и резко обернулся. Это была всего лишь Бетани, осторожно спускающаяся по ступенькам. Он просто нервничал. Звук, доносившийся с востока, постепенно становился громче.

Ближе.

— А, Бетани. Не одолжите мне еще одну вашу сигаретку?

Она протянула ему похудевшую пачку и сама взяла сигарету. Одну из экспериментальных картонных спичек Альберта засунула под целофановую обертку пачки. Когда чиркнула, спичка немедленно вспыхнула.

— Так никого и не видно? Никаких признаков?

— Хм... зависит от того, что вы имеете в виду под «признаками», — осторожно ответил Боб. — Мне показ-

лось, что я слышал какие-то крики оттуда как раз перед тем, как вы спустились. — То, что он слышал, были не просто крики, а жуткие вопли. Решил, однако, не говорить об этом девушке. Она выглядела напуганной, то же самое испытывал и он. Ему показалось, что она прониклась некоторым чувством к Альберту.

— Надеюсь, Дайна выживет, — сказала она. — Но трудно сказать... Он нанес такой страшный удар.

— Капитана видели?

Бетани кивнула.

— Он меня вежливо выпроводил вон. Кажется, программирует свои машины или что-то в этом роде.

Боб кивнул.

— Надеюсь.

Разговор прекратился. Они повернулись в сторону востока. К звукам, напоминавшим хруст и чавканье, добавился новый звук, еще более жуткий — в качестве постороннего фона: пронзительный, но странно безжизненный вопль, скорее механический звук, напомнивший Бобу работу стартера без горючего.

— Оно стало еще ближе, верно?

Боб нехотя кивнул. От затяжки вспыхнула его сигарета, осветив усталые испуганные глаза.

— Что же это, как вы думаете, мистер Дженкинс?

Он медленно покачал головой.

— Милая девушка, я надеюсь, что мы этого никогда не узнаем.

15

Спускаясь по эскалатору, на полпути Ник разглядел согнувшуюся фигуру возле платных телефонов. Невозможно было определить, кто это, — Альберт или Крэг Туми. Англичанин опустил руку в карман, а другой рукой придерживал его, чтобы не звякало, и нащупал пару монет покрупнее. Затем, стиснув правый кулак, он втиснул монеты между пальцами, создав что-то вроде импровизированного кастета. Затем спустился в зал.

Фигура у телефонов выпрямилась, когда Ник приблизился к ней. Это был Альберт.

— Не наступите, тут меня вырвало, — тупо сказал он.

Ник бросил монетки обратно в карман и поспешил к нему. Альберт стоял, упершись ладонями о колени, словно старик, переоценивший свои силы. В воздухе витал смрад его рвоты, и от самого парнишки несло запахом страха. Такая хорошо знакомая смесь. Ник помнил эти запахи по Фолклендам, а еще больше — по Северной Ирландии. Он обнял левой рукой мальчика за плечи, и тот медленно выпрямился.

— Где они, Туз? — тихо спросил Ник. — Гаффни и Туми — где они?

— Мистер Туми здесь. — Он махнул рукой на неясную грудку на полу. — Мистер Гаффни в комнате служб аэропорта, там, за дверью. Туми убил мистера Гаффни, потому что тот вошел первый. Если бы я первым вошел, он бы убил меня.

Альберт с трудом сглотнул.

— Потом я убил мистера Туми. Вынужден был. Он напал на меня. Нашел где-то нож и напал. — Альберт говорил тоном, который можно было по ошибке принять за индифферентный, но Ник не заблуждался на сей счет. Даже в темноте смутное беловатое пятно лица Альберта говорило о чем угодно, но не о безразличии.

— Ты можешь взять себя в руки, Туз? — спросил Ник.

— Не знаю. Я никогда не уб-уб-бивал никого, и я... — Он сдавленно всхлипнул.

— Я знаю, — сказал Ник. — Это ужасная штука, но ее можно пережить. Я знаю. И ты должен ее пережить, Туз. Перед нами долгий путь, прежде чем мы сможем заснуть. Времени для терапии нет. — *Тот* звук стал еще громче.

Он оставил Альберта и подошел к бесформенной массе на полу. Крэг Туми лежал на боку, одна рука частично закрывала его лицо. Ник перевернул его на спину, осмотрел и присвистнул. Туми был все еще жив, слышно было его тихое хриплое дыхание, но Ник и гроша не поставил бы на то, что этот человек долго протянет. Его нос был

не просто сломан, он — исчез. Рот — черная кровавая дыра с остатками зубов, а глубокая рваная рана посередине лба свидетельствовала о том, что Альберт значительно изменил форму его черепа.

— И все это с помощью тостера? — пробормотал Ник. — Господи Иисусе, Пресвятая Мария, а также Том, Дик и Хэрри. — Он выпрямился и громко сказал: — Он не умер, Туз!

Альберт снова согнулся, когда Ник оставил его. Теперь он медленно выпрямился и шагнул к нему.

— Не умер?

— Сам послушай. Отключился, но из игры не выбыл. *Не надолго, скажем. Это по дыханию понятно*, — подумал он. — Проверим мистера Гаффни. Может быть, и ему так повезло? Да! А как с носилками?

— А? — Альберт посмотрел на Ника так, словно тот говорил на иностранном языке.

— Носилки, — повторил Ник, когда они подошли к открытой двери конторы.

— Мы нашли носилки, — ответил Альберт.

— Нашли? Отлично!

Альберт первым вошел в комнату.

— Подождите, — пробормотал он пошарил на полу в поисках зажигалки Дона. Нашупал ее, она была еще теплой. Выпрямился. — Мистер Гаффни, кажется, там, на столе.

Они осторожно прошли в комнату, обойдя угол стола. Альберту удалось с пятой попытки зажечь фитиль. Он слабо погорел несколько секунд, но их было достаточно. Ник успел все разглядеть даже при вспышках искр, пока Альберт пытался ее зажечь, но не стал говорить об этом Альберту. Дон Гаффни лежал на спине, широко раскрыв глаза, в которых застыло выражение испуганного удивления. Ему не повезло.

— Как же это Туми тебя не достал? — спросил Ник спустя мгновение.

— Я знал, что он здесь, — ответил Альберт. — Еще до того, как он напал на мистера Гаффни, узнал. — Голос его все еще звучал хрипло и дрожал, но он понемногу

оправился. Причем именно теперь, когда увидел мистера Гаффни.

— Ты слышал его?

— Нет. Я увидел на столе это... полоски рваной бумаги.

— Тебе повезло, что ты их увидел. — Ник в темноте положил руку на плечо Альберта. — Ты заслуживаешь того, чтобы выжить, друг. Эту привилегию ты точно заслужил. Порядок?

— Ладно, постараюсь, — ответил Альберт.

— Надо, надо, старина. Перебори себя, это тебя избавит от ночных кошмаров. Перед тобой человек, который такие дела хорошо знает.

Альберт кивнул.

— Подтянись, Туз. Не расслабляйся, подтянись и будешь молодцом, Туз.

— Мистер Хопвелл?

— Да?

— Пожалуйста, не называйте меня так больше. Я... — Альберт кашлянул, потом еще и еще. — Мне такая кличка, пожалуй, больше не нравится.

16

Спустя несколько секунд они вышли из темной пещеры «Служб аэропорта». Ник нес носилки. Когда поравнялись с телефонами, Ник передал носилки Альберту, который молча их принял. Скатерть валялась шагах в пяти от Туми, который теперь шумно и прерывисто дышал.

Времени было мало. Времени было чертовски в обрез, но Ник должен был посмотреть, просто обязан.

Он поднял скатерть и вытащил из нее тостер. Один нагревательный элемент оторвался и застрял в щели для хлеба, другой свободно болтался внутри. Отломилась таймер и рукоятка, угол тостера был вмят внутри. Сбоку — пробойны.

Вот здесь эта штука столкнулась с зубами нашего друга Туми, — подумал Ник. — *Удивительно.* Он потряс тостер и послушал, как гремят поломанные части внутри.

— Какой-то тостер, — изумленно сказал он. — У меня, Альберт, есть друзья-профессионалы, которые этому не поверят. Сам с трудом верю. Я имею в виду... тостер.

Альберт обернулся к нему.

— Выбросьте, — хрипло сказал он. — Не могу смотреть на него.

Ник выполнил просьбу юноши и хлопнул его по плечу.

— Ладно, тащи носилки наверх. Я сейчас присоединюсь.

— Что вы хотите сделать?

— Посмотрю, нельзя ли еще чего-нибудь полезного взять в этой конторе.

Альберт смотрел на него, но в темноте не мог разглядеть его лица. Наконец сказал:

— Я вам не верю.

— И не обязательно верить, — неожиданно мягко сказал Ник. — Иди, Туз... то есть Альберт. Я сейчас подтянусь к вам. И не оглядывайся.

Альберт некоторое время смотрел на него, потом понутив голову начал подниматься по эскалатору, держа в руке носилки, как чемодан. Назад не оглядывался.

17

Ник выждал, когда юноша скрылся во мраке, подошел к Крэгу Туми и присел на корточки. Туми был все еще без сознания, но дыхание его немного выровнялось. Ник предположил, что ничего невозможного не было в том, что Туми мог бы и выжить, если бы, скажем, поместить его в больницу под неусыпное обслуживание медиков. По крайней мере он доказал одну вещь: башка у него необычайно крепкая. Он протянул руки, намереваясь одной закрыть ему рот, а другой — нос, точнее то место, где он раньше находился. Понадобится меньше минуты, чтобы больше не беспокоиться по поводу мистера Крэга Туми. Остальные пришли бы в ужас от его деяния, назвали бы его хладнокровным убийством. Но для Ника это было лишь страховкой — ни больше, ни меньше. Один раз Туми поднялся из того состояния, которое все расценили,

как полную потерю сознания. В результате — один из них погиб, а другая — при смерти. Больше так рисковать было нельзя.

И еще: если он оставит Туми в живых, то чего ради? Ради краткого кошмарного существования в мертвом мире? Ради шанса еще немного подышать умирающим воздухом под неподвижными облаками, где погода перестала существовать тоже? Ради возможности встретить нечто, что надвигалось сюда с востока огромной колонией гигантских прожорливых муравьев?

Нет. Лучше освободить его от этого. Безболезненно и хорошо.

— Даже лучше, чем этот у блюдок заслуживает, — сказал Ник, но все-таки заколебался.

Вспомнил маленькую девочку, смотревшую на него темными невидящими глазами.

Не убивайте его! Не просьба, а команда, приказ. Она собрала воедино все остатки своих сил, все свои резервы, чтобы вымолвить эту команду. *Я знаю только, что он нам нужен.*

Почему она так его оберегает? Какого лешего?

Он еще некоторое время сидел на корточках, вглядываясь в разбитое лицо Крэга Туми. И когда сверху эскалатора прозвучал голос Руди Варвика, он резко вскочил, словно сам дьявол окликнул его.

— Мистер Хопвелл? Ник? Вы идете?

— Бегу! Сейчас! — откликнулся он через плечо. Протянул обе руки к лицу Туми и снова замер, вспомнив темные глаза.

Он нам нужен.

Резко выпрямился, оставив Крэга Туми с его мучительной борьбой за дыхание.

— Иду! — крикнул он и побежал к эскалатору.

ГЛАВА 8

*Заправка. — Преждевременный рассвет. —
Приближение лангольеров. — Утренний ангел. —
Хранители Вечности. — Взлет*

1

Бетани отбросила свою почти безвкусную сигарету и начала подниматься по трапу, когда Боб Дженкинс закричал:

— Кажется, они выходят!

Она обернулась и сбежала вниз. Вереница черных смутных пятен выползала из багажной брешы и двигалась по конвейерной ленте. Боб и Бетани побежали к ним.

Дайна была привязана к носилкам. Их несли с одного конца Руди, с другого — Ник. Бетани услышала тяжкую одышку лысого мужчины.

— Дайте я вам помогу, — сказала она. Руди с готовностью уступил ей одну ручку носилок.

— Постарайтесь не трясти ее, держите ровно, — предостерег Ник, спускаясь с конвейерной ленты. — Альберт, возьми с того конца, где Бетани, и помоги ей поднимать носилки по трапу. Нужно постараться держать их горизонтально.

— Как она? — спросила Бетани у Альберта.

— Плохо, — мрачно ответил он. — Без сознания, но еще жива. Это все, что я знаю.

— А где Гаффни и Туми? — спросил Боб, когда они направились к самолету. Ему пришлось повысить голос. Хрустящий звук и дикий фон, напоминающий вопль или визг, теперь перекрывали даже шум самолета.

— Гаффни мертв. Возможно, и Туми тоже, — ответил Ник. — Времени нет объяснять. — Он остановился возле трапа. — Вы оба держите ваш конец выше.

Медленно и осторожно они подняли по трапу носилки. Ник, согнувшись, нес передний конец, Альберт и Бетани держали задний на уровне лба, стучаясь бедрами о

перила. За ними следовали Боб, Руди и Лорел. За все время Лорел только один раз спросила, жив ли Туми, остальное время молчала. Когда Ник сказал, что он жив, она пристально посмотрела на него и с облегчением кивнула головой.

Брайан стоял возле кабины, когда Ник достиг верха и внес свой конец носилок в самолет.

— Ее надо поместить в первый класс, — сказал Ник. — Вот этот конец, где ее голова, должен быть чуть повыше. Это возможно?

— Не проблема. Нужно просто использовать ремни безопасности, перекинув их через сиденье. Понимаете — как?

— Да. Пошли дальше, — сказал Ник Альберту и Бетани. — Вы молодцы. — При свете из раскрытой двери кабины кровь, запекаясь на щеках и подбородке Дайны, казалась черной. Глаза закрыты, веки отливали сиреневым цветом. Под ремнем, в котором Ник проткнул дополнительную дырку, самодельный компресс стал темно-багровым от крови. Брайан слышал ее дыхание — оно напоминало звук, когда через соломинку вытягивают из бокала остатки коктейля.

— Плохо дело, да? — тихо спросил Брайан.

— Ну что сказать? Это по крайней мере легкое, а не сердце. Кровоизлияние приостановилось, слава Богу, быстрее, чем я думал... но плохо, конечно.

— Доживет она до нашего возвращения туда?

— Да хрен его знает! — неожиданно в сердцах воскликнул Ник. — Я солдат, а не лекарь!

Все замерли, удивленно и настороженно посмотрев на него. У Лорел по спине пробежали мурашки.

— Прошу прощения, — пробормотал Ник. — Путешествие во времени дьявольски действует на нервы, верно? Я очень извиняюсь.

— Не надо извиняться, — сказала Лорел, тронув его за руку. — Мы все взвинчены.

Он устало улыбнулся и потрогал ее волосы.

— Милая вы девушка, Лорел. Ей-богу. Давайте устроим носилки как надо, а там посмотрим, что делать дальше, чтобы обратиться отсюда к чертовой бабушке.

Спустя пять минут носилки Дайны были установлены на сиденьях салона первого класса. Остальные сгрудились возле Брайана в отсеке сервиса.

— Нам нужно заправить самолет, — сказал Брайан. — Я сейчас включу второй двигатель и подкачу как можно ближе к 727-му. — Он махнул рукой в сторону самолета, который в темноте казался сероватым пятном. — Поскольку наш аэроплан выше, я смогу завести наше правое крыло над левым крылом «Дельты». Пока я маневрирую, четверо из вас должны доставить машину со шлангом — она там, немного подальше. Я видел ее, когда еще было светло.

— Может, нам разбудить того «спящего красавца» на заднем сиденье? Пусть поможет, — предложил Боб.

Брайан немного подумал и покачал головой:

— Нет. Меньше всего нам сейчас нужен еще один перепуганный и сбитый с панталыку пассажир, да еще с дикого похмелья. Да он нам и не понадобится. Два мужика вполне могут эту тачку подкатить. Сколько раз сам видел. Только проверьте, чтобы трансмиссия была на нейтралке. Машину надо подогнать точно под перехлест крыльев. Поняли?

Все кивнули. Брайан осмотрел их и решил, что Руди и Бетани еще не отдышались от носилок, чтобы взяться за такое дело.

— Давайте так: Ник, Альберт и Боб — будут толкать, а Лорел — за рулем. О'кей?

Они снова кивнули.

— Тогда, братцы, вперед. Бетани! Мистер Варвик! Спуститесь с ними и отгоните трап от самолета. Как только я вырuchu на нужное место, подгоните его рядом с перехлестом крыльев. Учтите, крылья — это еще не дверь. Все ясно?

Снова общий кивок. Осмотрев их, Брайан заметил, что глаза их сияли впервые с тех пор, как они тут приземлились.

Конечно, — подумал он. — Наконец-то у них появилось дело. Да и у меня, слава Богу.

Когда они приблизились к машине со шлангами, Лорел вдруг осознала, что может ее видеть.

— Боже мой! — сказала она. — Уже рассвет наступает. Это сколько же времени прошло с тех пор, как ночь наступила?

— По моим часам менее сорока минут, — сказал Боб. — Но я чувствую, что мои часы начинают ошибаться, когда мы вне самолета. И еще подумал, что здесь время больше не имеет никакого значения.

— А что же с мистером Туми? — спросила Лорел.

Они как раз подошли к машине без водительской кабины. Место водителя было открыто, позади находился ящик, к бокам которого крепились свернутые шланги. Ник вдруг обнял ее за талию и развернул к себе лицом. У Бетани возникла сумасшедшая идея, что он собирается ее поцеловать, сердце сразу учащенно забилося.

— Не знаю, что там с ним случится, — сказал он, — но когда наступил решающий момент, я предпочел сделать то, чего хотела Дайна. Оставил его там на полу без сознания. Порядок?

— Н-нет, — неуверенно ответила она, — но, видимо, так сойдет.

Он слегка улыбнулся и едва заметно стиснул ее талию.

— Как насчет того, чтобы поужинать со мной где-нибудь, если вернемся в «Эл-Эй» — Лос-Анджелес?

— Хорошо, — не задумываясь ответила она. — Буду ждать этого с нетерпением. Хоть какая-то цель.

Он кивнул.

— Для меня тоже. Но пока мы наш самолет не накачаем, никуда не денемся. — Он посмотрел на открытое место водителя. — Сможете найти там нейтралку?

Лорел оценила рычаги управления, торчащие из пола возле руля.

— Боюсь, не очень. Я водила обычно с автоматической трансмиссией.

— Я сделаю! — сказал Альберт и прыгнул на место водителя. Нажал сцепление, присмотрелся к схемке, изо-

браженной на рукоятке. Позади послышался рев второго двигателя 767-го. Звук обоих двигателей усиливался по мере того, как Брайан готовился к движению. Лорел слушала его не без удовольствия: он хотя бы временно заглушал тот, другой звук. Хотелось посматривать на Ника. Всерьез ли он пригласил ее поужинать? Что-то трудно было в это поверить.

Альберт подвигал рычаг.

— Все в порядке! — крикнул он и прыгнул на бетон. — Давайте, Лорел, садитесь! Как только мы его сдвинем, держите руль вправо. Обойдем дугой.

— Хорошо!

Она с беспокойством оглянулась на трех мужчин, которые заняли позиции позади машины, Ник — посередине.

— Готовы, братцы? — спросил он.

Альберт и Боб кивнули.

— Раз, два, взяли!

Боб нажал с опаской — боялся за свой радикулит, который донимал его уже лет десять. Но машина вдруг поехала удивительно легко. Лорел старательно крутила неповоротливый руль. Желтая машина описала дугу по бетонному покрытию и направилась обратно, к 767-му, который медленно катил к своей новой позиции, с правого борта «Дельты».

— Слушайте, а все же какая огромная разница между двумя самолетами, — заметил Боб.

— Что верно, то верно, — согласился Ник. — А ты, Альберт, молодчина, я тебе скажу. А то болтались бы тут, уходя от настоящего времени. Хорошо, что самолет каким-то странным образом остался частью нашего времени.

— И мы — тоже, — сказал Альберт. — Пока что, по крайней мере.

Турбины 767-го затихли, оставив только жужжание независимых генераторов. Брайан включил все четыре. Их звук оказался уже недостаточно громким, чтобы заглушить шум, доносившийся с востока. Совсем недавно он имел характер чего-то целостного, огромного. Однако по мере приближения разделялся на некие характерные со-

ставные части, звуки внутри звуков, а их единство начало казаться кошмарно знакомым.

Дикие звери во время кормежки, — подумала Лорел и содрогнулась. — А ведь и в самом деле похоже, только все передается через некие громадные усилители, до гротескных пропорций.

Дрожь пробирала ее, паника росла — словно внутри нее пробудилась какая-то первобытная сущность, которую она была не в силах контролировать, так же, как и эти звуки.

— Если бы мы видели хоть, что это такое, может, смогли бы что-то предпринять, — сказал Боб, толкая машину.

Альберт бросил на него беглый взгляд и сказал:

— Я так не думаю.

4

Брайан появился у раскрытой двери 767-го и жестом попросил Бетани и Руди подогнать трап к нему. Когда они это сделали, он вышел на верхнюю площадку трапа и указал им на перехлестывающиеся крылья. Они покатали его к ним, а он прислушался к приближавшемуся шуму. Вспомнил вдруг один старый фильм, в котором Чарлстон Хестон играл роль владельца большой плантации, на которую напали несметные полчища боевых муравьев. Они пожирали все подряд на своем пути: деревья, траву, постройки, коров, людей. Как этот фильм назывался? Брайан не мог вспомнить. Чарлстон Хестон тогда придумывал самые отчаянные трюки, чтобы остановить жуткую напасть. А вот победил он их в конце? Позабыл. Но неожиданно вспомнил фрагмент своего последнего сна. Встревожило полное отсутствие ассоциации с текущей реальностью — эта зловещая надпись: ТОЛЬКО ДЛЯ МЕТЕОРОВ.

— А ну, стойте! — крикнул Брайан Руди и Бетани.

Они перестали толкать трап, и он спустился на несколько ступенек вниз, пока макушка не оказалась вровень с нижней плоскостью крыла «Дельты». Оба самолета были

снабжены единственным отверстием для заправки на левом крыле. Теперь Брайан смотрел на небольшую квадратную крышечку с надписью: ДОСТУП В БАК ГОРЮЧЕГО — и другой: ПРОВЕРЬ КЛАПАН ПЕРЕД ЗАПРАВКОЙ. Какой-то дурак прилепил круглую наклейку с улыбающейся рожицей на крышку. Еще один абсурдный штрих.

Альберт, Боб и Ник подкатали машину на нужное место и теперь наблюдали, задрав голову вверх. Их лица казались грязно-серыми в занимающемся пасмурном рассвете. Брайан перегнулся через перила и крикнул Нику:

— Ник! Там два шланга по бокам! Давай сюда короткий!

Ник быстро размотал шланг и протянул ему. Брайан взял его в ту руку, которой держался за перила, а другой рукой открыл крышку. Под ней находился переходник. Он наклонился вперед с наконечником шланга и чуть не потерял равновесие, вовремя вцепившись в перила.

— Держись, друг, — сказал Ник, поднимаясь по трапу. — Сейчас помогу. — Ник добрался до Брайана и ухватил его за пояс. — Сделай одолжение, а?

— Какое?

— Не перди.

— Попробую, но не обещаю, — отозвался Брайан. Он посмотрел на собравшихся внизу и крикнул: — Отойдите в сторону, а то может горючим облить! Я не знаю, как там у «Дельты» с клапаном, может, протекает!

Когда они отошли, подумал: *Вряд ли протечет. Боюсь, что баки тут сухие, как кости в пустыне.*

Он снова перегнулся через перила, пока Ник крепко держал его за пояс, и вставил шланг в нужное место. Горючее брызнуло во все стороны — слава Богу! Брайан повернул наконечник на четверть оборота, замкнув его, и прислушался с удовлетворением, как хлынуло горючее по шлангу вниз, где клапан остановил поток.

— Так, — сказал он, выпрямившись. — Пока все идет нормально.

— Что дальше, друг? Как задействовать машину со шлангами? От самолетных батарей или как? — спросил Ник.

— Да нет, — ответил Брайан. — Даже если бы мы имели переходники с клеммами, такое дело невозможно. К счастью, в этом нет нужды. Вся машина со шлангами — всего лишь фильтр для горючего. У меня на самолете есть устройство для всасывания топлива. Так что мы сейчас опустошим 727-ой, как коктейль через соломинку.

— Сколько времени это займет?

— В оптимальных условиях идет накачка двух тысяч фунтов в минуту. Но здесь — фиг его знает. Никогда не пользовался такой системой для заправки. Может, час, а может, и два.

Ник посмотрел на восток с тревогой и тихо сказал:

— Никому об этом не говори, друг.

— Почему?

— Не думаю, что у нас осталось два часа в распоряжении. Может, и одного часа даже не осталось.

5

В первом классе самолета Дайна Катрин Беллман открыла глаза.

И увидела.

— Крэг, — прошептала она. — Крэг!

6

Но он совсем не желал слышать своего имени. Ему хотелось только, чтобы его оставили в покое. И больше никогда не слышать своего имени. Непременно что-нибудь случилось, когда люди произносили его. Всегда.

Крэг! Поднимись, Крэг!

Нет. Он не поднимется. Голова превратилась в сплошной пчелиный улей. Боль бушевала, заполняя каждую клеточку мозга, — некуда укрыться! Пчелы слетелись. Они решили, что он мертв, и, заняв череп, постепенно превращали его в свои соты. И вот... и вот... теперь...

Они почувствовали мои мысли и пытаются зажать их до смерти, — подумал он и издал мучительный стон агонии. Окровавленные пальцы разжались и сжались

на искусственном покрытии пола. — Умереть. Скорее хочу умереть...

Крэг, ты должен встать! Сейчас!

Голос отца. Голос, которому он никогда не мог отказать, который никогда не мог в себе заглушить. Но теперь он это сделает.

— Уходи, — прохрипел он. — Ненавижу тебя. Уйди же.

Боль в голове взвыла квартетом золотых труб. И тут же на него накнулись рои, тучи яростно жалящих пчел.

О, дай мне умереть, — думал он. — Дай же умереть поскорей. Это — ад. Я в аду пчел.

Поднимайся, Крэгги-вегги. Это твой день рождения. Угадай, какой подарок? Как только поднимешься, кто-то даст тебе пива и ударит по башке... потому что этот удар — для тебя!

— Нет, — сказал он. — Не надо больше бить. — Его руки пошарили по полу. Попытался приоткрыть глаза, но засыхающая кровь не позволила. — Вы же умерли. Оба умерли. Вы больше не можете бить меня и заставлять что-то делать. Вы — мертвые, и я хочу быть мертвым.

Но он был жив. Где-то за пределами голосов-призраков слышался рев двигателей, а за ним — тот, другой звук. Звук надвигающихся лангольеров. Даже бегущих к нему!

Вставай, вставай, Крэг. Надо подняться.

Он понял, что это вовсе не голос отца или матери. Воображение его несчастного, израненного мозга, самообман. Это же был голос... голос... из другого места, из какого-то действительно возвышенного места, где боль была мифом, а вечное давление — тягостным сном.

Крэг, они пришли к тебе — все те люди, которых ты желал увидеть. Покинули Бостон и прибыли к тебе сюда. Вот видишь, как ты для них важен? И ты еще сможешь все сделать, Крэг. Сможешь убрать эту занозу. Есть еще время передать им твои бумаги и ускользнуть от армии твоего отца... но это уж, если ты настоящий мужчина.

— Настоящий? — прохрипел он. — Настоящий? Не знаю, кто ты, но ты меня обижаешь...

Попытался снова приоткрыть глаза. Липкая, густеющая кровь чуточку подалась, но веки не разлепились. Ему удалось поднять руку к лицу. Ладонь коснулась остатков носа, и он глухо застонал от боли. Опять в голове грянули трубы, и пчелы зароились тучей. Он стерпел, пока болевой шок чуточку ослабел, и двумя пальцами насильно приоткрыл веки.

Светлый ореол не пропал. Во мраке он продолжал сиять в стороне от него.

Медленно и осторожно Крэг поднял голову.

Увидел ее.

Она стояла в ореоле света.

Та самая девочка, но только без темных очков. Она смотрела не него, и взгляд ее излучал доброту.

Ну, давай же, Крэг, вставай. Я знаю, что тяжело, но ты должен подняться. Потому что они все здесь и ждут... но вечно ждать не смогут. Лангольеры об этом позаботятся.

Он увидел, что ноги девочки парили над полом, и вся она была окутана радужным сиянием по краям.

Пошли, Крэг. Вставай.

Он сделал попытку подняться. Это было очень трудно, поскольку чувство равновесия почти покинуло его. Тяжело было держать голову поднятой — так она была полна разъяренных пчел. Дважды он падал, но каждый раз снова поднимался, зачарованный светящейся фигурой и ласковым взглядом, сулившим долгожданное освобождение от мук.

Они все ждут, Крэг. Тебя ждут.

7

Дайна лежала на носилках, наблюдая своими незрячими глазами, как Крэг Туми поднялся на одно колено и завалился набок, затем попытался снова встать. Сердце ее переполняла щемящая жалость к этому покалеченному, разбитому человеку, к этой хищной рыбе, желающей лишь взорваться. На его изуродованном лице она видела ужасную смесь эмоций: страх, надежду и что-то вроде безжалостной целеустремленности.

Я очень сожалею, мистер Туми, — подумала она. — Несмотря на то, что вы сотворили, мне жаль вас. Но вы нам нужны. — Она снова позвала его, позвала своим умирающим сознанием: Вставай, Крэг! Поторопись! Ты почти опоздал!

И почувствовала, что они все опаздывают.

8

Когда более длинный шланг был подведен к 767-му, Брайан вернулся в кабину, включил внутренние энергетические системы и начал всасывать топливо. Он с беспокойством наблюдал, как стрелка на индикаторе двигалась в сторону отметки 24 000 фунтов в правом баке, ждал, что вот-вот энергосистема начнет давать сбой на топливе, которое не горит. Стрелка достигла цифры 8 000, когда он услышал изменение тона в работе маленьких задних двигателей, — звук стал натужным и грубым.

— Что там происходит, друг? — спросил Ник. Он снова сидел в кресле помощника пилота. Волосы его были взлохмачены, аккуратная сорочка с пристегнутыми уголками воротничка была запачкана мазутом и кровью.

— Энергосистема попробовала на вкус горючее из 727-го, и ей оно не понравилось, — ответил Брайан. — Надеюсь, магия Альберта сработает, Ник, но не уверен.

Прямо перед тем, как стрелка достигла 9 000 в правом баке, первая система заглохла. На приборной доске вспыхнула красная надпись: ДВИГАТЕЛЬ ОТКЛЮЧЕН. Он выключил его тумблер.

— А что тут можно сделать? — спросил Ник, поднимаясь и заглядывая через плечо Брайана.

— Использовать оставшиеся три энергосистемы, продолжать выкачивать топливо и надеяться, — ответил Брайан.

Спустя тридцать секунд отключился второй генератор, а когда Брайан протянул руку, чтобы выключить тумблер, заглох и третий. Погасло освещение в кабине. Теперь светились только приборы на пульте управления и слышался неровный звук работы насоса. Но вот замигали

огоньки и на приборной доске. Последний генератор работал рывками, слегка сотрясая самолет.

— Отключаемся полностью, — сказал Брайан. Собственный голос показался ему хриплым, изможденным. Ощущение было такое, словно он выплывал из бездны, а сильное течение повлекло назад. — Придется подождать, когда топливо «Дельты» войдет в рамки нашего времени или в его поток, хрен его знает. Продолжать дальше не можем. Перегрузка последнего генератора опасна. Сгорят обмотки и крышка. Однако в тот момент, когда Брайан протянул руку, чтобы его отключить, звук внезапно изменился, начал выравниваться и становиться тише. Он повернулся к Нику с изумленным лицом. Ник посмотрел на него, и широкая улыбка медленно появилась на его губах.

— Может, и выкарабкаемся, друг.

Брайан поднял обе руки вверх, скрестил пальцы и потряс ими в воздухе.

— Надеюсь! — сказал он и обратился к пульту. Быстро ввел отключенные энергосистемы. Они немедленно и ровно заработали. Засияла приборная доска, вспыхнул свет в кабине. Ник крикнул и хлопнул Брайана по спине.

В дверях появилась Бетани.

— Что происходит? Все в порядке?

— Похоже на то, — ответил Брайан, обернувшись к ней. — Есть надежда.

9

Крэгу наконец удалось принять стоячее положение. Светящаяся девочка теперь парила над конвейерной лентой для багажа. Она смотрела на него с божественной добротой. И еще что-то было в ее взгляде — нечто такое, о чем он мечтал всю жизнь. Что же именно?

Попытался вспомнить и сразу понял.

Это была любовь.

Любовь и понимание.

Крэг огляделся по сторонам и обнаружил, что мрак отступает и вокруг становится светлее. Выходит, он всю

ночь пролежал здесь? Непонятно. Впрочем, какое это имеет значение? Главное, что эта сияющая девочка доставила сюда, к нему, всех банкиров-вкладчиков, специалистов по залоговым документам, брокеров-комиссионеров и специалистов по акциям. Они находились здесь и хотели выслушать объяснения по поводу замыслов Крэгги-вегги, Туми-вуми. А потрясающая истина состояла в том, что все это — «обезьяньи делишки». Именно в этом и состояли все его замыслы — ярды и ярды «обезьяньих делишек», мили «обезьяньих делишек». И когда он им скажет об этом, тогда они...

— Они меня отпустят... ведь так?

Да, — ответила она. — *Но тебе надо торопиться, Крэг. Ты должен поторопиться, прежде чем они решат, что ты не придешь, и уйдут.*

Крэг начал свое медленное продвижение вперед. Ноги девочки оставались неподвижны, но по мере его приближения она отплывала от него, как мираж.

И... о, какое счастье: она улыбалась ему.

10

Теперь они все собрались на борту самолета, кроме Боба и Альберта, которые сидели на ступеньках трапа, прислушиваясь к медленному приближению звуков.

Лорел стояла на пороге входной двери, глядя на летное поле, и все еще раздумывала, как же быть с мистером Туми. Бетани дернула ее за блузку.

— Дайна вроде бы разговаривает во сне. Наверно, бредит. Можешь пойти туда?

Лорел вошла в салон. Руди Варвик сидел возле Дайны, встревоженно глядел на нее и держал за руку.

— Не знаю, не знаю, — обеспокоенно сказал он. — Но боюсь, что она отходит.

Лорел потрогала лоб девочки. Он был сухим и горячим. Кровотечение либо замедлилось, либо прекратилось, но дыхание Дайны было прерывистым и свистящим. Кровь запеклась вокруг рта, как клубничный сироп.

— Мне кажется, — начала Лорел, но в этот момент Дайна вполне отчетливо сказала:

— Ты должен поторопиться, прежде чем они решат, что ты не придешь, и уйдут.

Лорел и Бетани обменялись удивленными и испуганными взглядами.

— По-моему она видит сон про того мужика, Туми, — сказал Руди. — Она упомянула его имя.

— Да, — сказала Дайна. Глаза ее были закрыты, но голова слегка двигалась, словно она прислушивалась к чему-то. — Да, я буду. Если ты так хочешь, я буду. Но поторопись. Я знаю, как тебе больно, но ты должен торопиться.

— Она бредит? — прошептала Бетани.

— Нет, — ответила Лорел. — Не думаю. Ей, возможно, что-то снится...

Однако сама так не считала. По-настоящему она думала, что Дайна делала нечто иное, и даже смутно представляла себе картину. Лорел, пожалуй, смогла бы описать ее, но не сделала этого. Потому что на ее глазах происходило нечто очень жуткое. Теперь она была уверена, что это имеет какое-то отношение к мистеру Туми.

— Оставим ее в покое, — сказала она вдруг. — Оставим ее, пусть она спит (*и делает то, что должна с ним сделать*).

— О, Господи, я надеюсь, мы вскоре взлетим, — сказала Бетани тоскливо, и Руди успокаивающим жестом положил ей руку на плечо.

11

Крэг добрался до конвейерной ленты и упал на нее. Белая волна боли взорвалась в голове, в шее, в груди. Он попытался вспомнить, что же с ним произошло, и не смог. Помнил, что сбегал с эскалатора, прятался в темной комнате, рвал бумагу в темноте... а дальше воспоминаний не было.

Он приподнял голову, волосы упали на глаза. Сквозь них он увидел сияющую девочку, которая теперь сидела,

скрестив ноги, перед резиновыми полосками на дюйм выше конвейерной ленты. Она представляла собой самое прекрасное, что он когда-либо видел в жизни. Как только мог он допустить такую мысль, что она была одной из них?

— Ты ангел? — прохрипел он.

— Да, — ответила светящаяся девочка, и Крэг почувствовал, как боль отступила под напором великой радости. Взгляд его затуманился и слезы медленно покатались по щекам — его первые слезы с тех пор, как стал взрослым человеком. Неожиданно вспомнил, как мать, убаюкивая, пьяным голосом напевала ту старую песню.

— Ты утренний ангел? Ты будешь моим утренним ангелом?

— *Да. Да, я буду. Если ты так хочешь, я буду. Но поторопись. Я знаю, как тебе больно, но ты должен торопиться.*

— Да, — всхлипнул Крэг и отчаянно пополз по багажному конвейеру к ней. Каждое движение отдавалось вспышками боли, кровь капала из разбитого носа и рта. Но он спешил как мог. Впереди него маленькая девочка ушла сквозь резиновые ленты, каким-то образом совсем их не потревожив.

— Коснись моей щеки, прежде чем покинешь меня, беби, — сказал Крэг. Он выплюнул на стену сгусток крови, и тот застыл на ней в виде большого паука. Попытался ползти еще быстрее.

12

К востоку от аэропорта раздался мощный треск, на мгновение заполнивший утренний воздух. Боб и Альберт вскочили на ноги, лица их побледнели, в глазах — страх и немой вопрос.

— Что это было? — спросил Альберт.

— Думаю, что дерево, — ответил Боб и облизнул губы.

— Но ветра нет совсем.

— Нет, — согласился Боб. — Ветра действительно нет.

Теперь оно надвигалось, как живая баррикада чего-то с треском ломающегося. В какое-то мгновение тот или иной звук становился узнаваемым, но тут же растворялся в общем шуме. Так Альберту показалось, что он слышит что-то вроде собачьего лая или отрывистых воплей... которые немедленно перешли в гудение проводов высокого напряжения. Постоянными оставались хруст и пронзительный звук, напоминающий визг.

— Что там случилось?! — крикнула Бетани позади них.

— Ниче... — начал было Альберт, но тут Боб схватил его за плечо и указал рукой.

— Смотрите! — закричал он. — Вон там!!!

Далеко к востоку от них на горизонте стояла вереница мачт линии высокого напряжения, пролежавшей между севером и югом через лесной массив. Когда Альберт посмотрел туда, одна из стальных мачт затряслась, как игрушечная, и завалилась, оборвав провода. Спустя момент еще одна мачта свалилась, потом еще одна и еще.

— Это не все, сказал Альберт сдавленно. — Посмотрите на деревья. Их трясет, как кустарники.

Их не просто трясло. На их глазах деревья начали падать и исчезать.

Хрррупп, чавк, хрруп, бумм, ААХХ!

Ххррупп, чавк, ААХХ! бууммм, хрруп.

— Мы должны немедленно убираться отсюда, — сказал Боб. Он вцепился обеими руками в Альберта. Глаза его были широко раскрыты от ужаса. На его худощавом интеллигентном лице это выглядело особенно странно. — Мне кажется, мы должны бросить все и немедленно подниматься.

Тем временем милях в десяти от них затряслась, переломилась и рухнула вниз высокая телебашня. Теперь они ощутили, как дрожит сама почва. Ее дрожь передалась и трапу, задрожали ступни.

— Остановите это! — внезапно взвизгнула сверху Бетани. Она заткнула уши ладонями и громко закричала: — Остановите это, пожалуйста!

Но звуковые волны неслись к ним — хрустящие, чавкающие, пожирающие, — звуки приближающихся лангольеров.

13

— Я не хочу быть назойливым, Брайан, но сколько еще времени нам нужно? — напряженно спросил Ник. — Там река в четырех милях к востоку. Я видел ее, когда мы приземлялись. Не знаю, что там к нам приближается, но оно уже на том берегу реки.

Брайан посмотрел на индикатор: 24 000 фунтов в правом крыле, 16 000 — в левом. Сейчас дело шло гораздо быстрее, поскольку не нужно было перекачивать горячее через одно крыло в другое.

— Пятнадцать минут, — ответил он. Крупные капли пота нависли на его бровях. — Нам нужно больше топлива, Ник, а то шлепнемся в пустыне Моджейв. Плюс еще минут десять отцепиться, вырулить и разогнаться.

— Что-то можно сократить? Уверен, что ничего нельзя?

Брайан покачал головой и сосредоточился на насосах.

14

Крэг медленно выполз сквозь резиновые ленты, почувствовав их, как прикосновение чьих-то пальцев к спине. Выполз на белый мертвый свет нового укороченного дня. Звук был кошмарным и очень громким: звук нашествия гигантской армии каннибалов. Казалось, само небо содрогается от него. На миг его сковал ужас.

Посмотри, — сказал его утренний ангел, указав на летное поле.

Крэг взглянул и забыл о своем страхе. Позади «Гордости Америки» на треугольнике высохшей травы между взлетными полосами стоял солидный длинный стол для совещаний. Он блестел даже при пасмурном свете. Выстроились в ряд графины с ледяной водой, лежали блокноты, рядом — стаканы. За столом сидели примерно две

дюжины человек в типичных банкирских костюмах. Теперь они все обернулись в его сторону.

Неожиданно они все зааплодировали, поднялись с мест и продолжали аплодировать, стоя лицом к нему, приветствуя его появление. Крэг ощутил, как улыбка радости появилась на его лице.

15

Дайну оставили одну в салоне первого класса. Она дышала с большим трудом, голос ее был сдавленным:

— Беги к ним, Крэг! Быстрее! Быстрее!

16

Крэг свалился с конвейера, ударился всем телом о бетон, однако тотчас поднялся на ноги. Боль больше не имела значения. Ангел привел их! Конечно же, она привела их! Ангелы были вроде приведений в истории о мистере Скрудже: они могли совершить все, что угодно! Светлый ореол вокруг нее начал меркнуть, и сама она начала таять в воздухе. Но это больше не имело значения. Она принесла ему спасение: сеть, в которую он наконец-то попался.

Беги к ним, Крэг! Обеги вокруг самолета! Беги к ним!

Крэг побежал — сначала шатаясь, неуверенно, потом перешел на спринт. Голова его качалась на бегу вверх и вниз, словно подсолнух с перебитым стеблем. Он бежал к серьезным и ничего не прощающим людям, которые были для него спасением. Они могли быть рыбаками, стоящими на борту судна и тянущими из глубины сеть, чтобы посмотреть, какая диковина туда угодила.

17

Стрелка индикатора левого бака замедлила свое движение и, достигнув отметки 21 000 фунтов, почти остановилась. Брайан понял, в чем дело, и торопливо отключил два тумблера, остановив гидравлические насосы. 727-й

отдал им все топливо — чуть больше 46 000 фунтов. Этого должно было хватить.

— Все! — сказал он, поднявшись с кресла.

— Что все? — спросил Ник, тоже вставая.

— Отсоединяемся и убираемся отсюда к чертовой бабшке.

Приближающийся шум теперь был просто оглушительным. К хрусту и чавканью, к пронзительному непрекращающемуся визгу добавился треск падающих деревьев, грохот разрушающихся зданий. Перед тем, как выключить насосы, Брайан расслышал треск, удары и вслед за ними мощные всплески воды. Мост обрушивался в ту самую реку, о которой говорил Ник.

— Мистер Туми! — закричала вдруг Бетани. — *Это мистер Туми!*

Ник рванулся в салон первого класса, оттолкнув Брайана, потом оба кинулись к двери и увидели, как Крэг, шатаясь и петляя, бежит по взлетной полосе. Он полностью игнорировал самолет. Бежал по направлению к треугольнику земли между пересекающимися дорожками.

— Что он делает? — выдохнул Руди.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Брайан. — Время вышло! Ник! Спустись впереди и держи меня, пока я отсоединяю шланг. — Брайан чувствовал себя, как обнаженный на берегу океана в предчувствии наката огромной волны, несущейся из-за горизонта.

Ник сбегал вниз и снова крепко ухватил Брайана за пояс, когда тот, перегнувшись через перила, отсоединял наконечник шланга, бросив потом его вниз. Тот звякнул о бетон. Брайан захлопнул крышку.

— Все! Убираемся отсюда, — сказал он, когда Ник вернул его на трап. Лицо его посерело.

И тут Ник замер на месте, не сводя глаз с востока. Лицо его побелело и на нем застыло выражение невыразимого ужаса. Верхняя губа дрожала, как у собаки, которая рычит от страха.

Брайан повернул голову в том же направлении, шея слегка хрустнула — лицо исказилось от увиденного.

— Видите ли, — сказал Крэг, подходя к пустому креслу во главе стола и остановившись перед людьми, сидевшими вдоль него, — брокеры, с которыми я вел дела, были не только неразборчивыми в средствах. Многие из них на самом деле оказались подсадными агентами ЦРУ, в чью задачу входили контакты и различные фальсификации в отношении таких банкиров, как я. Для них главная цель — держать коммунистов подальше от Южной Америки — оправдывая любые средства. — Что вы предпринимали, чтобы избежать таких личностей? — спросил толстый мужчина в дорогом синем костюме. — Воспользовались ли вы услугами какой-либо компании по страхованию залоговых бумаг? Или, возможно, ваш банк привлекал фирму для специального расследования подобных случаев? — Физиономия Синего Костюма была круглой, как луна, и тщательно выбрита. Щеки его румянились то ли от хорошего здоровья, то ли от сорока лет «Скотча» с содовой. Глаза — безжалостные голубые льдинки. Удивительные глаза — были глазами его отца.

Где-то далеко от конференц-зала Центра Благоразумия, двумя этажами ниже, Крэг слышал шум и грохот. *Ремонт или дорожное строительство*, — подумал он. В Бостоне вечно перестраивали дороги. Он подозревал, что часто в этом особой нужды не было, — обычный обман простаков нечистыми на руку личностями. К нему это не имело отношения. Абсолютно никакого. Его задача — разобраться с этим человеком в синем костюме, и ему не терпелось начать.

— Так мы ждем, Крэг, — сказал президент его родной компании. Крэг удивился: присутствие мистера Паркера на совещании не предусматривалось. В то же время он испытал от этого дикую радость.

— *Никакого плана вообще!* — весело крикнул он в их потрясенные физиономии. — *Никаких специальных мер! Я просто покупал, покупал и покупал... никаких особых мер... вообще!*

Он собрался выдать им все, высказаться как следует, когда его остановил какой-то звук. Звук находился не в милях от него. Он был очень, очень близко, совсем рядом, возможно даже в самом конференц-зале.

Звук рубки, резки, чавканья, какой издают сухие голодные клыки.

Внезапно Крэгом овладело неодолимое желание рвать бумагу на полоски. Сойдет любой листок. Он протянул руку к блокноту перед собой на столе, но блокнота там не оказалось. Не оказалось и стола, и банкиров. Не было и Бостона.

— Где я? — спросил он испуганным тихим голосом и начал озираться. Внезапно он все понял... и увидел их.

Лангольеры явились. Они прибыли за ним.

Крэг Туми начал орать.

19

Брайан увидел их, но никак не мог сообразить, что он, собственно, видит. Каким-то странным образом они отвергли саму возможность быть увиденными. Переутомленный разум пытался переосмыслить поступающую информацию, чтобы облечь в привычные понятия те формы, которые показались на восточном конце 21-й полосы.

Сначала появились две формы — одна черная, одна — темно-красная, похожая на помидор.

Они — шары? — с сомнением вопрошал разум. — Могут ли они быть шарами?

Что-то словно щелкнуло в мозгу и приняло: это были шары вроде тех мячей, которыми играют на пляже. Но эти шары сжимались и неожиданно расширялись в непрерывном трепете словно он видел их сквозь знойное марево. Они выкатились из сухой высокой травы в конце 21-й взлетной полосы, оставляя за собой полосы густой черноты. Каким-то образом они косили траву...

Нет, — нехотя отверг его разум. — Они не просто косят траву, и ты это знаешь. Они косят гораздо больше, чем просто траву.

То, что они оставляли позади себя, представляло собой узкие полосы абсолютной черноты. Теперь, играя в догонялки на бетонной поверхности в конце полосы, они по-прежнему оставляли позади себя черные полосы, которые выглядели как вар.

Нет, — опроверг рассудок, — не вар. Ты знаешь, что это за чернота. Это — ничто. Вообще ничто. Они сжигают гораздо большее, нежели поверхность взлетной полосы.

Что-то зловеще веселое было в их поведении. Они пересекали дорожки друг друга, образуя огромные иксы на бетоне. Подпрыгивали высоко в воздух, словно кувыркались в сложных маневрах, и затем устремились к самолету.

Брайан и Ник одновременно вскрикнули. Показалось, что лица мелькнули в нижней части несущихся шаров, чудовищные и чуждые лица. Они трепетали и искажались в гримасах: крохотные рудиментарные глазки и огромные пасти — полукруги, усеянные жадными подвижными зубами.

Они жрали на ходу, выедавая в окружающем мире узкие полосы.

Бензовоз «Тексако» стоял на внешней взлетной полосе. Лангольеры врезались в него, зубы, двигавшиеся с невероятной скоростью выпятились вперед, с воем и грохотом пожирая металл, ворвались внутрь — и тут же, не замедляя скорости, их трепещущие тела вырвались наружу с другого конца бензовоза. Один из них прорвался сквозь колеса, мгновенно уничтожив их. Прежде чем машина рухнула, Брайан успел заметить образовавшуюся дыру. По форме она напоминала огромную мышиную нору в мультфильмах.

Другой подпрыгнул высоко в воздух и спикировал на бензовоз «Тексако», пробив в нем еще одну брешь. Содержимое цистерны мгновенно вылилось на бетон. Они ударились о покрытие взлетной полосы, подпрыгнули, как на пружинах, игриво пересеклись и снова понеслись к самолету. Реальность исчезла в черных полосах и брешах там, где они с ней соприкасались. Теперь они быстро

приближались. Брайан вдруг осознал, что они не только расстегивают мир, как застежки-молнии, — они открывают все бездны вечности.

Вдруг они неожиданно приостановились, словно в нерешительности, как мячи на месте, затем развернулись и рванулись в другом направлении.

Они помчались в направлении Крэга Туми, который стоял, глядя на них, и безумно орал.

Усилием воли Брайан сбросил с себя охвативший его паралич. Ткнул локтем Ника, стоявшего на ступеньку ниже его все еще во власти того же паралича.

— Скорей! — Ник не пошевелился. Брайан на сей раз стукнул его по лбу. — Быстрей, говорю! Бегом! Уматываем отсюда!

На краю аэродрома появилось много других черных и багровых шаров. Они прыгали, плясали, кружили... и затем ринулись к ним.

20

От них удрать ты не сможешь, — сказал его отец, — из-за их ножек, проворных маленьких ножек.

Но Крэг попытался.

Он повернулся и бросился бежать к аэропорту, бросая назад взгляды, полные ужаса. Проигнорировав 767-й, который снова ожил, он неся в сторону багажного прохода.

Нет, Крэг, — сказал его отец. — Тебе может показаться, что ты бежишь. На самом деле это не так. Ты знаешь, что ты сейчас делаешь, ты — болтаешься!

Два шара позади него увеличили скорость, легко сокращая разрыв между собой и Крэгом. Пару раз, все так же играючи, скрестили свои пути, словно разыгрывали маленькое веселое представление в мертвом мире. За ними оставались черные полосы. Теперь они изобразили эскорт по бокам Крэга, двигаясь всего лишь в нескольких дюймах от него. Они настигли Крэга шагах в двадцати от конвейерной ленты и мгновенно откусили ему обе ступни. В следующий миг Крэг стал на три дюйма короче. Его

ступни вместе с дорогими мокасинами фирмы «Болли» прекратили свое существование. Крови не было: раны, нанесенные лангольерами, тут же запеклись от высокого жара.

Крэг не понял, что лишился ступней, он продолжал бежать, балансируя на своих култях. К тому времени лангольеры описали перекрестно дугу вокруг багажной зоны — большой черный полумесяц.

На сей раз лангольеры точным маневром ринулись на Крэга и лишили его сразу ног до колен. Он упал на обрубки, все еще пытаясь бежать, потом свалился на живот, замахав в воздухе остатками ног. Больше болтаться ему было не суждено.

— Нет! — завизжал он. — Нет, папочка! Нет! Я буду хорошим! Пожалуйста, прогони их! Я буду хорошим, клянусь, отныне я буду очень хорошим всегда, только прогони их от...

Они набросились на него с бормотанием, лаем и пронзительным взвизгиванием. Он успел увидеть их стремительнодвигающиеся зубы, ощутить жар их слепой энергии за мгновение до того, как они начали его пожирать, отрывая беспорядочно куски тела.

Последней мыслью Крэга была: *Как же могут их маленькие ножки быть проворными? У них же нет совсем но...*

21

Появились десятки этих черных предметов, и Лорел поняла, что скоро их будут сотни, тысячи, миллионы и миллиарды. Даже сквозь грохот двигателей, врывающийся сквозь открытую переднюю дверь самолета, когда Брайан начал отъезжать от трапа и от крыла 727-го, она слышала их вопли и прочие звуки, каких не издавало ни одно живое существо.

Огромные кольца, петли и линии черноты оплели всю окраину аэродрома, затем, как стрелы, устремились на двадцать первую взлетно-посадочную полосу, временно отклонившись только в погоню за Крэгом Туми.

Наверно, редко удается им отведасть живого мяса, — подумала она и ощутила тошноту.

Ник Хопвелл бросил последний изумленный взгляд на происходящее и задраил переднюю дверь самолета. Шатаясь как пьяный, он направился в салон. Его глаза словно заполнили все лицо, кровь стекла по подбородку — в какой-то момент сильно прикусил нижнюю губу. Она обняла его и крепко прижала к себе.

22

В кабине Брайан до предела форсировал режим взлета. Самолет рванулся вперед с предельной скоростью. Восточная часть аэродрома была черна от нашествия шаров, край взлетной полосы полностью исчез, как исчезал весь мир позади нее. Белые неподвижные небеса опоясывали мир путаницы линий и упавших деревьев.

Когда самолет приблизился к концу взлетной полосы, Брайан схватил микрофон и закричал:

— Пристегнитесь! Пристегнитесь скорей и держитесь!

Он чуть замедлил ход и свернул на другую полосу. И вдруг увидел такое, отчего весь похолодел. Огромная часть мира к востоку от взлетной полосы, гигантские блоки материальной реальности обрушились в пропасть, подобно падающим кабинам лифта, оставляя бессмысленные провалы пустоты.

Они сжирают мир, — подумал он. — *Великий Боже, Всевышний! Они пожирают весь мир!*

Затем все летное поле развернулось перед ним, и рейс № 29 нацелился на запад. Взлетная полоса расстилалась перед ним долгая и пустынная.

23

Верхние багажные полки открылись, когда 767-й круто и резко развернулся к взлетной полосе, мелкие вещи высыпались на кресла и в проход. Бетани, не успевшую пристегнуться, швырнуло так, что она очутилась на коленях Альберта Косснера. Альберт даже не обратил внима-

ние на то, что практически в его объятиях очутилась теплая девушка, и что в трех футах от его носа сверху грохнулся атташе-кейс. Он не мог отвести глаз от черных быстрых форм, пересекающих полосу слева от них, и черных следов, которые они оставляли за собой. Эти следы сливались, образуя большую пропасть на том месте, где прежде была багажная зона.

Их притянул мистер Туми, — подумал он, — или то место, где находился мистер Туми. Если бы он не вышел на аэродром, они сразу принялись бы за наш самолет. Они бы уже сожрали его вместе с нами от колес до самого верха.

Позади него Боб Дженкинс заговорил взволнованным дрожащим голосом:

— Теперь мы знаем, не так ли!

— Что?! — воскликнула Лорел, сама не узнав собственного голоса. Ей на колени упала сумка. Ник поднял голову, отпустил ее и высунулся в проход.

— Что мы знаем?

— Ну как же? То, что происходит с сегодняшним днем, когда он становится вчерашним. Что происходит с настоящим, когда оно становится прошлым. Оно ждет — мертвое, пустынное, заброшенное. Ждет их, хранителей времени, всегда бегущих позади, очищающих от хлама самым эффективным способом — пожирая его.

— Мистер Туми знал о них, — отчетливо произнесла Дайна словно в полусне. — Мистер Туми сказал, что они называются лангольерами.

В этот момент двигатели включились на полную мощь и самолет рванулся вперед.

Брайан увидел, как два больших шара пересекли взлетную полосу, оставив параллельные черные следы, которые блестели, как полированное эбеновое дерево. Слишком поздно было тормозить и 767-й тряхнуло дважды над провалами. Продолжая наращивать скорость, Брайан даже теперь слышал кошмарные жующие звуки... хотя и не

знал — звучат ли они наяву или ему кажется. Да это и не имело значения.

25

Наклонившись через Лорел, Ник посмотрел в окно. На его глазах здание аэропорта рассекалось, рубилось. Подвижная мозаика еще какой-то момент держалась, а затем все рухнуло в бездну мрака.

Закричала от страха Бетани. Черный след появился возле самолета, он синхронно с ним набирал скорость по параллельному курсу. Внезапно свернул вправо и исчез внизу.

Последняя мощная встряска.

— Достал и нас?! — крикнул Ник. — Они нас достали?!

Никто не ответил ему. Побелевшие от ужаса лица были прикованы к иллюминаторам. Мимо проносились смазанной серо-зеленой стеной деревья. В кабине Брайан, напряженно наклонившись вперед в своем кресле, ожидал, когда один из этих шаров, подпрыгнув перед смотровыми стеклами, прошьет весь самолет насквозь. Пока их не было.

Брайан откинулся в кресле и 767-й взмыл.

26

В дальнем отсеке мужчина с черной бородой и налитыми глазами проснулся. Шатаясь, он поднялся и посмотрел на своих спутников.

— Что, к Бостону приближаемся? — спросил он всех сразу. — Надеюсь, что так. Скорей бы завалиться в нормальную постель. Как башка болит! Кошмар...

Глава 9

*Прощай, Бангор. — Полет к западу сквозь дни и ночи. —
Видение через глаза других. — Бесконечная пропасть. —
Разрыв. — Предостережение. — Решение Брайана. —
Приземление. — Только для метеоров*

1

Самолет круто накренился, делая дугу с востока. Мужчина с бородой свалился на ряд пустых кресел где-то на середине главного салона. Он оглядывал пустые кресла салона испуганным взглядом, потом зажмурил глаза.

— Господи Иисусе, — пробормотал он. — Белая горячка. Чертова белая горячка. В самом худшем варианте. — Снова с испугом осмотрелся.

— Потом жуки поползут отовсюду... Где же эти сволочные жуки?

Жуков тут нет, — подумал Альберт. — *Подожди, когда увидишь шары. Тебе они очень понравятся.*

— Эй, друг! Пристегнись! — сказал Ник. — И заткни свою...

Он умолк, глядя с изумлением на аэропорт... или на то, что им было. Здания исчезли, а к западу от них исчезали постройки базы национальной гвардии. Рейс № 29 перелетел через растущую бездну мрака, вечную бездну, которой не было конца.

— Боже милостивый, Ник, — сказал Лорел дрожащим голосом и вдруг закрыла ладонями глаза.

Когда они пролетели над 33-й полосой на высоте 1500 футов, Ник увидел штук шестьдесят параллельных линий, стремительно пересекавших бетон, исчезающий в пустоте. Полосы напомнили ему о Крэге Туми.

Ррриииппп.

Через проход от него Бетани резким движением опустила светозащитную заслонку иллюминатора возле Альберта.

— Не смейте открывать ее! — крикнула она истеричным голосом.

— Да ты не волнуйся, — успокоил Альберт и вдруг вспомнил, что оставил там свою бесценную скрипку. Что ж... она, конечно, исчезла. Он обхватил лицо ладонями.

2

Прежде чем Брайан начал разворачиваться обратно на запад, он увидел то, что находилось к востоку от Бангора. Это было ничто. Абсолютно ничто. Колоссальный поток черноты от горизонта до горизонта под белым куполом небес. Исчезли деревья, исчез город, сама земля исчезла. Самолет поднял их вверх очень быстро, поскольку Брайан желал оказаться как можно скорее за облаками или хотя бы внутри их — лишь бы не видеть этого кошмара. Рейс № 29 наконец взял курс точно на запад. В какой-то момент он увидел холмы, леса и озера к западу от города, безжалостно рассекаемые нитями черной паутины. Колоссальные пласты реальности беззвучно падали в растущую пропасть.

Впервые в жизни Брайан зажмурил от страха глаза. Когда он их открыл — вокруг были облака.

3

Никакой турбулентности на сей раз не было. Как предположил Боб Дженкинс, погодные структуры тоже приходили в упадок, как часы, завод которых кончился. Через десять минут, пронзив облака, рейс № 29 вырвался в яркий голубой мир, начавшийся после 18 000 футов высоты. Оставшиеся пассажиры нервно обменивались взглядами. Брайан заговорил с ними по интеркому.

— Мы наверху, — просто сказал он. — Вам всем понятно, что теперь происходит: мы летим обратно в точности по тому же маршруту, по которому прилетели. Будем надеяться, что та дверь, через которую мы проникли сюда, все еще на месте. Если так, попробуем пролететь сквозь нее.

Немного помолчав, он продолжил:

— Наш обратный полет займет от четырех с половиной до шести часов. Хотел бы быть более точным, но не могу.

В обычных условиях полет на запад требует большего времени, чем на восток, из-за встречного ветра. Но пока что мои приборы показывают отсутствие ветра вообще... Кроме нас здесь ничто не летит и не движется. — Некоторое время интерком был включен, словно Брайан хотел еще что-то добавить, потом он выключил его.

4

— Да что тут происходит, Бога ради? — спросил бородатый пассажир нетвердым голосом.

Альберт посмотрел на него внимательно и ответил:

— Не думаю, что вам захочется узнать.

— Я что, снова в клинике? — спросил бородатый, испуганно моргая.

Альберт испытал мимолетное сочувствие к нему.

— Почему бы вам в это и не поверить, если помогает?

Человек с бородой некоторое время неподвижно смотрел на него, потом объявил:

— Лучше я опять спать буду. Прямо сейчас. — Он откинулся на спинке своего кресла и закрыл глаза. Не прошло и минуты, как его грудь стала мерно вздыматься с частотой глубоко спящего человека.

Послышалось ровное сопение.

Альберт смог только позавидовать ему.

5

Ник слегка стиснул плечо Лорел, отстегнул ремень и поднялся.

— Пойду вперед, — сказал он. — Хочешь, пойдем вместе?

Лорел покачала головой и указала через проход на Дайну:

— Я останусь с ней.

— Боюсь, тут ты ничего не сможешь поделать, — сказал Ник. — Все теперь в руках Бога.

— Я понимаю, — согласилась она. — Просто хочу остаться.

— Ну хорошо, Лорел. — Он легонько провел по ее волосам тыльной стороной ладони. — Какое красивое имя. Ты его заслуживаешь.

Она подняла на него глаза и улыбнулась:

— Спасибо.

— У нас с тобой свидание за ужином — ты не забыла?

— Нет, — ответила она с улыбкой. — Не забыла и не забуду.

Он наклонился и слегка поцеловал ее в губы.

— Вот и хорошо. Я тоже не забуду.

Ник пошел в головную часть самолета, а она приложила пальцы к губам, как бы пытаясь сохранить его поцелуй. Ужин с Ником Хопвеллом, темным, загадочным незнакомцем. Возможно, при свечах и с хорошим вином. А потом еще поцелуи — настоящие поцелуи. Все это напоминало романы Арлекино, которые она иногда почитывала. Ну и что? Приятные истории, полные сладких невинных грёз.

Почему бы и не помечтать немного? Что тут плохого?

Ничего, разумеется. Но почему тревожило странное чувство, что эта мечта никогда не сбудется?

Она отстегнула ремень, вышла в проход и положила ладонь на лоб девочки. Высокая температура спала. Кожа Дайны была теперь прохладной.

Кажется, она отходит, — вспомнились Лорел слова Руди перед самым взлетом. Дайна дышала мелкими порциями воздуха, грудь вздымалась под ремнем, прижимавшим тампон к ране.

Лорел с нежностью отодвинула прядку волос со лба Дайны. Вспомнила тот странный момент в ресторане, когда девочка ухватила Ника за штанину:

— *Не убивайте его... он нам нужен.*

Ты спасла нас, Дайна? Ты сделала что-то с мистером Туми, нечто такое, что спасло нас всех? Ты заставила его отдать свою жизнь ради нас?

Она подумала, что, наверное, так оно и было. А если так, то как эта маленькая, слепая, смертельно раненная девочка смогла прийти к страшному решению в своем вечном мраке?

Лорел наклонилась и поцеловала прохладные веки Дайны.

— Держись, — прошептала она. — Пожалуйста, держись, Дайна.

6

Бетани повернулась к Альберту и схватила обеими ладонями его руку.

— Послушай, а вдруг нам не хватит горячего?

Альберт посмотрел на нее серьезно, но в тоже время ласково.

— Ответ на это тебе известен, Бетани.

— Называй меня просто Бет.

— О'кей.

Она вытащила свои сигареты, посмотрела на светящуюся надпись НЕ КУРИТЬ и сунула их обратно.

— Да, — сказала она. — Я знаю. Мы разобьемся. Конец всей истории. А знаешь, что? — Он покачал головой со слабой улыбкой. — Если мы не найдем снова эту дыру, я надеюсь, капитан Энгл даже не попытается приземлить самолет. Надеюсь, что он тогда выберет хорошую высокую гору и врежется в ее макушку. Ты видела, что произошло с тем сумасшедшим Крэгом? Так вот, я не хочу, чтобы со мной случилось подобное.

Она содрогнулась, и Альберт обнял ее. Бетани взглянула на него ясными глазами.

— Хочешь меня поцеловать?

— Да, — ответил Альберт.

— Ну... тогда действуй.

И Альберт выполнил ее предложение. Всего лишь в третий раз за свою жизнь самый быстрый Еврей к западу от Миссисипи поцеловал девушку, и это было здорово! Весь обратный полет он готов был провести, слившись в поцелуе с этой девушкой, и наплевать на все прочее.

— Спасибо, — сказала она и положила голову ему на плечо. — Мне это так нужно было.

— Ну, если еще будет нужно, ты только скажи, — ответил Альберт.

Она удивленно посмотрела на него:

— А тебе нужно, чтобы я обязательно просила, Альберт?

— Пожалуй, нет, — сказал Аризонский Еврей, и все повторилось.

7

По пути к кабине Ник остановился поговорить с Бобом Дженкинсом. В голову пришла отвратная мысль, и хотелось обсудить ее с писателем.

— Как вы думаете, могут ли эти штуки попасться нам на такой высоте?

Боб обдумал его вопрос.

— Судя по тому, что мы видели там, в Бангоре, не думаю, что это возможно. Но в нашей ситуации ничего нельзя сказать с уверенностью.

— Да, пожалуй. — Ник немного подумал. — А как насчет этого вашего разрыва во времени? Каковы, по-вашему, шансы, что мы его найдем?

Боб медленно покачал головой.

Руди Варвик внезапно заговорил позади них, от чего оба вздрогнули.

— Вы меня не спросили. Но я скажу: на мой взгляд, один шанс из тысячи.

Ник обдумал и его слова. На лице его появилась улыбка.

— Не такой уж плохой шанс, — сказал он. — Особенно если подумать об альтернативе.

8

Менее чем сорок минут спустя голубое небо начало темнеть. Медленно оно обретало цвет индиго, затем побагровело. Сидя за пультом управления, Брайан вспомнил старую лирическую песню «Дип Пёрпл» — о том, как вечерний багрянец опускается на сонные стены сада...

Никаких стен сада здесь не было, но он различил первые огоньки звезд на «небесной тверди». Одна за

другой зажигались они на своих привычных местах. Брайан не знал, каким образом они были прежними, когда всё кругом оказалось вывихнутым, но был доволен, что звезды оставались на своих местах.

— Это происходит быстрее, верно? — сказал Ник, подойдя сзади.

Брайан обернулся к нему.

— Ты прав. Если дальше так пойдет, я думаю, эти «дни» и «ночи» замелькают со скоростью спуска фотоаппарата.

Ник вздохнул.

— А сейчас мы заняты самым тяжким делом. Сидим и ждем, что произойдет. И молимся помаленьку.

— Что ж, молитвой не повредишь, — Брайан внимательно посмотрел на Ника оценивающим взглядом. — Я летел в Бостон, потому что моя бывшая жена умерла в дурацком пожаре. Дайна летела, потому что группа врачей пообещала ей пару новых глаз. Боб летел на какую-то конференцию, Альберт — в музыкальную школу, Лорел в отпуск. А зачем ты туда летел, Ник? Исповедуйся, сын мой, ибо время уходит.

Ник долго смотрел на него озадаченно. Потом рассмеялся.

— Что, ж почему бы и нет? — сказал он. Брайану показалось, что этот полувопрос был обращен вовсе и не к нему. — Что значат самые важные государственные тайны, когда становишься свидетелем того, как шайка каких-то шаров-убийц сворачивает мир, как старый половик.

Он снова засмеялся.

— Соединенные Штаты в грязных трюках и шпионских операциях все-таки не смогли переплюнуть всех на свете. Мы, англичане, постарались забыть куда более подлые акции, чем вы, Джонни, сумели изобрести. Мы такие коленца выкидывали в Индии, Южной Африке, Китае и на той части Палестины, которая стала Израилем! Знаешь, как пацанята-школьники, — кто кого перессыт? Только не с теми ребятами соревновались. Верно? И все-таки мы, британцы, остаемся преданными плащу и кинжалу. Знаменитая военная разведка вовсе не конечный предел. Скорей — начало. Я, Брайан, восемнадцать лет провел на

военной службе, из них последние пять лет — на особых операциях. С тех пор занимался разными странными делами: некоторые — чистые, некоторые — исключительно мерзкие...

Снаружи между тем полностью стемнело, звезды засверкали, как алмазы на черном бархате.

— Я был в Лос-Анджелесе в отпуске, когда мне вдруг велели отправляться в Бостон. Внезапно. А я перед этим четыре дня провел с рюкзаком на плечах в Сан-Габриеле и с ног валился от усталости. Поэтому сразу и заснул, когда произошло это Событие мистера Дженкинса. Там в Бостоне, видите ли, есть... или был... или будет (черт его поймет с этими путешествиями во времени), короче, там — один небезызвестный политический деятель, из тех, кто суетится и все перетряхивает за кулисами политического фасада. Так вот, этот деятель — назову его для удобства разговора О'Бэнион — очень богат, Брайан, и ярый энтузиаст поддержки так называемой Ирландской республиканской армии. Он перекачал миллионы долларов в некое бостонское благотворительное общество. Руки у него основательно в крови. Причем это кровь не только британских солдат, но и детей на школьных дворах, простых прачек и младенцев, разорванных бомбами в своих колыбелях. Это идеалист самого опасного типа: из тех, кому нет нужды наблюдать зверства, видеть оторванную ногу в кювете. Потому для него нет никаких причин пересматривать метод своих деяний в свете реального опыта.

— И тебе было поручено ликвидировать этого О'Бэниона?

— Это как крайняя мера, — спокойно ответил Ник. — Он очень богат, но это не единственная проблема. Он — настоящий политик, имеющий множество рычагов для того, чтобы заварить бучу в Ирландии. В Америке у него масса друзей, некоторые из них — наши друзья. Сам понимаешь, политика есть политика. Мы называем это колыбелькой для котят. Убийство мистера О'Бэниона — большой политический риск. Но у него кое-что имеется, что можно считать его слабым местом. Она должна быть ликвидирована мной.

— В качестве предостережения, — тихо предположил Брайан.

— Да. Как предостережение.

Почти целую минуту они сидели в кабине, молча глядя друг на друга. Убаюкивающе гудели двигатели. Брайан смотрел на него почти потрясенным взглядом. Ник всего лишь выглядел усталым.

— Если мы выберемся из этого, — сказал, наконец, Брайан, — если вернемся, ты выполнишь свое задание?

Ник медленно, но решительно покачал головой.

— Знаешь, дорогой мой дружище, со мной произошло то, что адвентисты называют обращением души. Хватит. С сыночка миссис Хопвелл достаточно этих ночных засад, мальчик Николас больше не хочет быть исполнителем экстремистских предрассудков. Если мы выкарабкаемся из этой ситуации, в чем я несколько сомневаюсь, видимо, уйду в отставку.

— И чем же займешься?

Ник некоторое мгновение раздумывал, потом сказал:

— Ну... может, начну учиться на пилота.

Брайан расхохотался, сын миссис Хопвелл, мальчик Николас, присоединился.

9

Тридцать пять минут спустя дневной свет вновь начал освещать главный салон рейса № 29. Всего три минуты назад было раннее утро, через пятнадцать минут наступил полдень.

Лорел обнаружила, что незрячие глаза Дайны были раскрыты. В них было нечто неуловимое, не поддающееся определению, что заинтересовало Лорел. Она испытала вдруг чувство благоговения, граничащего с почтительным страхом.

Она протянула руку и взяла ладонь Дайны.

— Не пытайся говорить, — тихо предостерегла Лорел. — Если ты проснулась, Дайна, не пытайся разговаривать, только слушай. Мы находимся в полете, возвра-

щаемся назад, и с тобой будет все в порядке, я тебе обещаю.

Ладонь Дайны сжала ее пальцы, и спустя момент Лорел поняла, что девочка тянет ее к себе. Она нагнулась к ней через носилки. Дайна заговорила чуть слышным тонким голосом, который, однако, был точной копией ее обычного голоса:

— Не беспокойся обо мне, Лорел. Я получила... то, что хотела.

— Дайна, не надо...

Незрячие глаза повернулись на звук ее голоса, легкая улыбка коснулась окровавленных губ девочки.

— Я видела... — продолжала она тем же тонким, хрупким, как хрустальная нить, голосом. — Я видела через глаза мистера Туми. С самого начала, а потом в самом конце. В конце было лучше. А сначала ему все казалось таким гадким, уродливым. А в конце — хорошо...

Лорел смотрела на нее в беспомощном удивлении.

Ладошка девочки поднялась, покачиваясь, вверх и коснулась ее щеки.

— Он был не таким плохим, знаешь. — Она кашлянула. Из рта показалась струйка крови.

— Пожалуйста, Дайна, — сказала Лорел. Ей вдруг показалось, что она может видеть эту хрупкую слепую девочку насквозь, и от этого возникло чувство беспредметной паники. — Прошу тебя, воздержись от разговоров.

Дайна улыбнулась.

— А я увидела тебя, — сказала она. — Ты такая красивая, Лорел. И все было таким прекрасным вокруг... даже мертвые вещи. Как чудесно было... знаешь... видеть.

Она вдохнула крошечную порцию воздуха, выдохнула ее и просто не стала вдыхать следующую. Ее невидящие глаза теперь смотрели, казалось, куда-то далеко далеко позади Лорел.

— Пожалуйста, дыши, Дайна, — сказала Лорел. Она потрясла ручку девочки, начала торопливо целовать ее ладошку, словно поцелуи могли вернуть ей жизнь. Как несправедливо было то, что Дайна умерла после того, как спасла их всех. Никакой Бог не мог требовать подобной

жертвы для людей, которые каким-то образом покинули поток времени и оказались вне его. — Пожалуйста, дыши, прошу тебя, прошу, дыши же...

Но Дайна больше не дышала. Спустя долгое время Лорел уложила руку девочки обратно и уставилась на ее неподвижное лицо. Лорел думала, что ее собственные глаза наполнятся слезами, но ни одной слезинки не появилось. Только сердце щемило и в голове стучала протестующая мысль: *Нет, нет! Так несправедливо! Верни ее, Боже! Верни ее, будь ты неладен, верни же, верни, пока не поздно!*

Но Бог ее не вернул. Ровно гудели двигатели, солнце освещало окровавленный рукав парадного платья девочки косыми лучами, а Бог ее не вернул. Лорел посмотрела через проход и увидела, как целуются Альберт и Бетани. Альберт трогал грудь девушки сквозь ее рубашку с короткими рукавами, трогал осторожно, деликатно, как святыню. Они выглядели, как ритуальная пара, символическое изображение жизни, как та искра, которая продолжает жизнь в самом кошмарном и безумном повороте судьбы. С надеждой перевела взгляд на Дайну. Но Бог ее не вернул.

Бог ее не оживил.

Лорел поцеловала щеку девочки и протянула пальцы к ее векам. Рука замерла возле незрячих глаз.

Я видела через глаза мистера Туми... Все было таким прекрасным вокруг... даже мертвые вещи. Как чудесно было видеть.

— Да, — сказала Лорел. — С тем я и буду жить.

Она оставила глаза Дайны открытыми.

10

«Гордость Америки», рейс № 29, летел на запад сквозь дни и ночи, из света в темноту, снова из темноты к свету, словно пересекая великий парад опускающихся и поднимающихся туч. Каждый цикл становился чуть короче предыдущего.

Спустя три часа с небольшим полета облака под ними исчезли, причем как раз над тем местом, где они находи-

лись, когда летели на восток. Брайан готов был поспорить, что весь облачный массив едва ли сдвинулся за все это время хотя бы на один фут. Теперь под ними расстилались Великие Равнины цвета охры.

— А здесь ни следа их не видно, — заметил Руди Варвик. Пояснять, кого он имел в виду, не было смысла.

— Не видно, — согласился Боб Дженкинс. — Похоже, что мы их перегнали либо в пространстве, либо во времени.

— Или и в том и в другом, — добавил Альберт.

— Верно — и в том и в другом.

Оказалось, они были не правы. Когда рейс №29 полетел над Скалистыми Горами, они заметили сеточку черных линий внизу, тонких, как нити, с такой высоты. Линии вздымались на кручи и спускались с них и создавали определенные узоры-кружева на серо-голубоватом ковре лесов. Ник стоял у передней двери и наблюдал в смотровое окошко. Оно обладало увеличительным свойством, и Ник обнаружил, что видит все гораздо лучше, чем ему того хотелось бы. Пока он смотрел, две черные линии разделились и опоясали вершину горы со снежной шапкой, встретившись на противоположной стороне и разбежавшись в разные стороны. Позади них вся вершина горы обрушилась на саму себя, образовав подобие кратера вулкана.

— Милостивый Боже, — пробормотал Ник и утер лоб дрожащей ладонью. Когда они полетели над западными склонами в сторону Юты, снова начало темнеть. Оранжево-красные лучи заходящего солнца озаряли фрагментарный адский ландшафт. Никто не смог долго выдержать подобного зрелища: один за другим они последовали примеру Бетани и закрыли солнечные фильтры на иллюминаторах. Ник неверной походкой направился в салон и сел в кресло, положив лоб на ладонь. Спустя мгновение повернулся к Лорел, и та молча обняла его.

Брайан был вынужден смотреть на происходящее вниз. Солнцезащитных заслонок в кабине пилота не было.

Западный Колорадо и восточный Юта провалились большими блоками, один за другим, как раз под ним и

впереди него. Долины и горы, леса и озера прекращали свое существование по мере того, как лангольеры отсекали их от мертвой ткани прошлого, отсекали и обрушивали в темные, бесконечные пропасти вечности. Ни звука не доносилось сюда снизу, и от этого картина казалась еще ужасней. Под ними беззвучно исчезала страна.

Потом опустилась ночь, словно свершился акт милосердия, и некоторое время он смог смотреть на звезды. Он цеплялся за них взглядом, как за единственно реальную вещь, оставшуюся в этом ужасающем мире. Орион — охотник, Пегас — большая мерцающая лошадь в полуночи, Кассиопея — в своем звездном кресле.

11

Спустя полчаса солнце снова взошло, и Брайан почувствовал, как его здравый рассудок начинает колебаться, подвигаясь к своей собственной бездне. Мир внизу пропал полностью и окончательно. Синева неба стала куполом над циклопическим океаном глубочайшей и чистейшей черноты.

Мир был вырван из-под рейса № 29.

Идея Бетани тоже приходила в голову Брайану. Если наступит наихудший вариант, он мог бы спикировать и врезаться в скалу, оборвав все раз и навсегда в одно мгновение. Но не стало больше скалы, в которую можно было бы врезаться.

Не было просто земли, в которую он мог врезаться.

Что же будет с нами, если мы не найдем разрыва? — подумал он. — Что случится, когда иссякнет топливо? Не говори мне, что мы разобьемся, поскольку не обо что разбиваться. Мы просто, видимо, будем падать, падать... и падать. Как долго? Как далеко? Как долго можно падать в ничто?

Не думай об этом.

Но как такое получилось? Не думать было невозможно.

Он сознательно углубился в лист с расчетами, вписывал данные, сверяясь с показателями приборов, пока вновь свет на небе не начал меркнуть. По его данным получа-

лось, что время от восхода до заката теперь составило примерно двадцать восемь минут.

Брайан включил интерком.

— Ник, не можешь ли зайти в кабину?

Он появился менее чем через тридцать секунд.

— Там у всех светозащитные заслонки опущены? — спросил Брайан, едва Ник открыл дверь.

— Представь себе, да.

— Очень разумно с их стороны. Я бы и тебя просил не заглядывать в окно, если можно. Посмотри туда через несколько минут или подольше протяни. Картина, я тебе скажу... не очень приятная.

— Все исчезло?

— Да. Абсолютно все.

— Заодно и девочка Дайна ушла. Лорел была с ней в последние минуты. Держится она хорошо, молодцом. Ей эта девчушка полюбилась. Да и мне тоже.

Брайан кивнул. Рана ребенка была из тех, что требовала экстренной квалифицированной помощи, — да и то шансы были ничтожны. Сердце сжалось в груди. Ему тоже нравилась эта маленькая девочка, и он поверил в то, что говорила Лорел: благодаря слепой девочке они каким-то образом продолжали свое существование. Она что-то сотворила с Крэгом Туми, использовала его, и Брайан подумал, что сам Туми отнюдь не возражал, чтобы его так использовали. Если ее смерть была предзнаменованием, то очень скверным.

— Не дожила до своей операции, — сказал он.

— Не дожила...

— Как там Лорел держится? О'кей?

— Более или менее.

— Она тебе нравится, верно?

— Да, — просто ответил Ник. — У меня есть друзья, которые подняли бы меня на смех, но она мне в самом деле нравится. Немножко этакое мечтательного тумана в глазах, но у нее есть стержень.

Брайан кивнул.

— Ну что ж, если вернемся, я желаю тебе всяческой удачи.

— Спасибо. — Ник сел в кресло помощника пилота. — А я, знаешь, думал над тем вопросом, что ты мне задал тут. Насчет того, что я сделаю, когда... вернее — если мы выкарабкаемся из этой бредятины... Помимо того что приглашу прелестную Лорел на ужин... видимо, плюну на эту охоту за мистером О'Бэнионом. Ты понимаешь, он ведь мало чем отличается от нашего друга Туми.

— Дайна просила тебя пощадить мистера Туми, — заметил Брайан. — Стоило бы, видимо, и этот фактор добавить к уравнению.

Ник кивнул головой так, словно она стала для него тяжеловата.

— Возможно, и так.

— Послушай, Ник. Я тебя позвал сюда вот зачем. Понимаешь, если этот разрыв во времени существует, о чем говорил Боб, то мы вообще-то к нему приближаемся. Нам необходимо будет сидеть тут вдвоем, в этом вороньем гнезде, тебе и мне. Ты будешь справа, а я буду наблюдать слева. Если увидишь что-нибудь похожее, скажешь.

Ник уставился на Брайана удивленным взглядом.

— А чего мы будем высматривать? Какую-нибудь хренопупину или фиговину?

— Очень смешно. — Брайан невольно улыбнулся. — Да я понятия не имею, как это может выглядеть. Да может, мы вообще не увидим ничего такого. Тогда — сам понимаешь — промахнемся, и нам всем какую. Вбок ли он сместится или вверх. Искать иголку в стоге сена — пустяк по сравнению с этим.

— Слушай, а радар может?

Брайан ткнул пальцем в цветной монитор радара РКА/ТЛ.

— Пусто, как видишь. Оно и неудивительно. Если бы прежняя команда получила изображение этой чертовой штуки на радаре, то вряд ли бы они полетели через нее.

— Получается, что они ее не увидели? — сказал Ник.

— Не обязательно так. Они могли увидеть нечто слишком поздно, чтобы избежать встречи. Реактивные лайнеры летят быстро, а команда отнюдь не занимается поисками чертовщины в небесах. Да им и не нужно. На то есть

наземный контроль. Считай — тридцать или тридцать пять минут со старта, и команда свои задачи выполнила для начала. Птичка взлетела, покинула воздушное пространство «Эл-Эй», радар против столкновений включен и каждые девяносто секунд попискивает, дает понять, что мол на чеку. Полет запрограммирован еще до того, как птичка покидает землю, а программа подсказывает автопилоту, что ему надо делать. В кабине это может выглядеть, как чаепитие пилота с помощником. Они могут сидеть лицом к лицу и болтать о последнем фильме. Если кто-нибудь из экипажа зашел перед тем, как стряслось Событие, то был бы еще свидетель. Но мы знаем — этого не случилось. Мужская часть экипажа могла пить кофе с датским печеньем. Девушки готовились угощать всех напитками, когда все и произошло.

— Детальный сценарий, — заметил Ник. — Ты что, меня пытаешься убедить или себя?

— Да в такой ситуации — кого угодно.

Ник улыбнулся, встал и заглянул в иллюминаторы по правому борту, вниз, туда, где должна была находиться земля. Улыбка сначала застыла на его лице, потом исчезла. Колени дрогнули, и он ухватился за спинку кресла.

— Да что же это?.. — произнес он странно тонким голосом.

— Неприятная картина?

Ник вытаращенными глазами посмотрел на Брайана.

— Всю жизнь я думал об Австралии, как о выдумке, которой на свете нет. Потом понял, что она существует. Но вот это, я тебе скажу, точно выдумка. Быть такого не может.

Брайан коротко проверил маршрут по карте, нарисовал на ней кружок красным карандашом — граница штата, в воздушное пространство которого они теперь влетали.

— Послушай, ты можешь выполнить мою просьбу? Не можешь — так и скажи. «Гордость Америки» — слишком дорогая штука, чтобы мы...

— Что ты, что ты, конечно, — пробормотал Ник. Он отвернулся от черной пропасти внизу и посмотрел на небо повыше. — Знать бы, чего искать...

— Я думаю, узнаешь, когда увидишь, — ответил Брайан. После паузы добавил: — Если, конечно, увидим что-то.

12

Боб Дженкинс сидел, обняв сам себя руками, словно от холода. И действительно, часть его существа испытывала холод, но не физический. Холод шел изнутри.

Что-то во все этом было не так.

Он не знал точно, в чем дело, но что-то шло совсем не так, совсем по-иному... Нечто утрачено... или забыто? То ли была совершена роковая ошибка, то ли ее собирались совершить? Это чувство тревожило его, как смутная боль, источник которой не определялся.

Ощущение какой-то огромной ошибки, которую они совершали, было вот-вот готово облечься в форму определенной мысли, но тут же ускользало, как недостаточно выдрессированное животное.

Что-то делалось неправильно.

Что-то несуразное, не то.

О чем-то забыли.

Впереди него Альберт и Бетани тихо ворковали. Позади Руди Варвик сидел, закрыв глаза и шевеля губами, в кулаке он сжимал четки, через проход сидела Лорел. Держала руку мертвой девочки и поглаживала ее.

Ошибка.

Боб поднял светозащитную заслонку на иллюминаторе, наклонился, посмотрел вниз и торопливо захлопнул ее. Видеть такое — не только не поможет рациональному мышлению, оно его ликвидирует. То, что было внизу, являло собой чистейшее безумие.

Я должен их предупредить. Непременно. Они следуют моей гипотезе. Но если моя гипотеза неверна и даже опасна, я должен их предостеречь.

Но о чем, о чем предостеречь?

Вновь почти сформировалось что-то в голове и тут же ускользнуло. Опять стало тенью среди теней... но — настоroje.

Он резко отстегнул свои ремни и поднялся.

Альберт обернулся:

— Вы куда?

— В Кливленд, — мрачно буркнул Боб и направился к хвосту самолета, мысленно пытаясь нащупать суть растущей внутренней тревоги.

13

Брайан отвел взгляд от неба, на котором вновь проявились признаки рассвета, и посмотрел на показания приборов, потом — на кружок на карте. Если разрыв во времени все еще находился на месте, они должны были скоро его увидеть. Если не увидят, он развернется, сделает круг и полетит в ту же сторону, но только чуть отклонившись от высоты и направления. Для запасов топлива — беда, конечно, но, поскольку вся ситуация выглядела теперь абсолютно безнадежной, это уже не имело никакого значения.

— Брайан! — слышался голос Ника. — Мне кажется, я вижу что-то.

14

Боб Дженкинс достиг самого хвоста самолета и медленно пошел обратно мимо рядов пустых кресел. Смотрел на предметы, лежавшие на них и на полу: кошельки, очки, часы с браслетами, карманные часы, железные подковки от обуви, зубные пломбы, обручальные кольца...

Что-то не так.

В самом деле? Или просто утомленный разум беспокоится по поводу неизвестно чего? Ментальный эквивалент нервного тика мышцы?

Брось ты это, — посоветовал сам себе, но не смог успокоиться.

Но если чего-то не хватает, почему ты этого не замечаешь? Не говорил ли ты сам мальчику, что дедукция — твой хлеб? Разве не написал сорок детективных историй, из которых по крайней мере дюжина — хорошие вещи? Разве «Ньюгейтский Календарь» не назвал «Спящую Мадонну» шедевром логики, когда...

Боб Дженкинс остановился, широко раскрыв глаза. Он смотрел на левые сиденья переднего ряда. На них развалился мужчина с черной бородой и смачно похрапывал. В голове Боба робкий зверек начал с опаской выползать на свет божий. Только оказался он вовсе не маленьким. Порой не замечаешь вещи, потому что они слишком малы, а порой не видишь их, поскольку они слишком велики, слишком явны.

«Спящая Мадонна».

Спящий мужчина.

Он раскрыл рот и хотел вскрикнуть, но спазм перехватил горло. Страх оседлал грудь, как обезьяна. Вместо крика получилось слабое кряхтение.

Спящая мадонна, спящий мужчина.

Все, кто выжил, спали.

Теперь, за исключением бородатого, никто из них не спал.

Боб раскрыл рот, чтобы закричать, и снова ни звука не получилось.

15

— Пресвятой Иисусе, — прошептал Брайан.

Разрыв времени находился впереди них милях в девяноста, градусов на семь-восемь смещенный вправо. Если он и дрейфовал, то отклонился совсем немного. Брайан допустил даже, что маленькое отклонение явилось результатом небольшой погрешности навигационных расчетов.

Это была ромбовидная дыра в реальности, но отнюдь не черная прорва. Она светилась розоватыми и красноватыми цветами вроде северного сияния. Позади нее Брайан смог разглядеть звезды, но очень туманно. Широкая полоса белого тумана медленно струилась, не то вытекая, не то вливаясь в эту форму, висящую в небе: некий странный эфирный путь в небесах.

Мы можем влететь прямо в нее, — взволнованно подумал Брайан. — Лучше вручную, а не автоматом!

— Так! Работаем! — крикнул он, засмеявшись и потрясая кулаками в воздухе.

— Мили две в поперечнике, — прошептал Ник. — Боже мой, Брайан, сколько же еще самолетов проскочили в нее?

— Не знаю, — ответил Брайан, — но спорю на свое ружье и собаку, мы единственные, кто возвращается назад. Он включил интерком.

— Леди и джентельмены! Мы нашли то, что искали. — В голосе звучал явный триумф, явное облегчение. — Не знаю, что будет дальше, как, почему, но мы увидели нечто похожее на огромный люк в небе. Я намереваюсь влететь в самый его центр. Вместе узнаем, что находится по ту сторону. А пока прошу вас всех пристегнуть ремни и...

Именно в этот момент Боб Дженкинс бросился бежать вдоль прохода, заорав сколько было силы:

— Нет! Нет! Мы все умрем, если ты влетишь туда! Назад! Поворачивай назад! Ты должен лететь прочь от нее!

Брайан развернулся в своем кресле и обменялся с Ником недоумевающим взглядом.

Ник отстегнул ремень и поднялся.

— Это Боб Дженкинс, — сказал он. — Судя по крикам, нервы его совсем сдали. Действуй, Брайан. Я им займусь.

— О'кей, — ответил Брайан. — Только держи его от меня подальше. Не дай Бог, вцепится в меня в самый критический момент, и полетим черт-те куда.

Он отключил автопилот и принял управление 767-м на себя. Пол слегка накренился вправо, когда он направил самолет к длинной мерцающей щели впереди них. Она медленно поплыла через небосвод, пока не остановилась точно на их пути. Помимо ровного гудения двигателей Брайан услышал какой-то новый звук — низкое пульсирующее гудение, словно где-то работал гигантский дизельный двигатель на холостом ходу. По мере того как они приближались к реке пара, которая, как оказалось, втекала в дыру, он начал замечать проблески других цветов, плавающих внутри этой реки: зеленый, голубой, фиолетовый, красный, золотисто-розовый.

Кажется, первые настоящие цвета, которые я вижу в этом мире, — подумал он.

Позади него Боб Дженкинс стремительно бежал через салон первого класса в сторону кабины... и угодил прямо в объятия Ника.

— Спокойно, друг, — сказал Ник. — Теперь все будет в порядке.

— Нет! — Боб начал отчаянно сопротивляться, но Ник держал его крепко и легко, как котенка. — Да нет же! Вы не понимаете! Он должен немедленно повернуть прочь! Пока не поздно!

Ник потащил упирающегося писателя от двери кабины в салон первого класса.

— Посидим здесь, пристегнемся как следует, верно? — говорил он все тем же успокаивающим тоном. — А то ведь может тряска начаться.

Брайану голос Ника слышался, как невнятное бормотанье. Когда он вошел в широкий поток пара, втекающего в разрыв потока времени, ощутил, как гигантская рука чудовищной силы захватила самолет и с охотой потащила его вперед. Брайан вдруг обнаружил, что думает об утечке давления на рейсе из Токио в Лос-Анджелес, о том, как стремительно выходил воздух из поврежденного места в условиях повышенного давления.

Здесь весь этот мир или то, что от него осталось, протекает сквозь дыру, — подумал он.

И вдруг странная, зловещая фраза из его сна вновь всплыла в памяти: ТОЛЬКО ДЛЯ МЕТЕОРОВ.

Разрыв лежал прямо перед носом 767-го, теперь быстро увеличиваясь в размерах.

Входим, — подумал Брайан. — *Помоги нам, Господи, мы входим.*

16

Боб продолжал сопротивляться, пока Ник пытался усадить его в одно из кресел салона первого класса: одной рукой удерживал его на месте, другой старался пристегнуть его ремни. Боб был небольшим худощавым мужчиной — не больше ста сорока фунтов весом, но паника придавала ему силы, и Нику приходилось трудно.

— Да не волнуйся ты, дружок, все будет в порядке, — уговаривал его Ник. Ему удалось, наконец, пристегнуть ремень на пояснице Боба. — Когда влетали сюда, ведь все были в порядке, верно?

— Но мы же все спали, когда влетели сюда, идиот чертов! Неужели не понятно?! — заорал Боб ему в лицо. — Не понимаешь?! МЫ ВСЕ СПАЛИ! Останови его немедленно!

Ник замер в тот момент, когда собирался пристегнуть свой ремень. То, что говорил Боб, то, что пытался сказать все время, внезапно дошло до него.

— О Боже! — прошептал он. — Боже Милостивый, о чем же мы думали?

Он вскочил и бросился к кабине.

17

— Стой, Брайан! Назад! Поворачивай назад!

Брайан смотрел в разрыв, почти загипнотизированный зрелищем по мере того, как оно приближалось. Никакой турбулентности не было, но было ощущение огромной силы, мощи, могучего потока воздуха, врывающегося в брешь, и ощущение это росло. Посмотрел на приборную доску и обнаружил, что скорость 767-го быстро увеличилась. Послышались крики Ника, и через мгновение англичанин оказался позади, схватив его за плечи. Мгновение он смотрел на разрыв, который стремительно рос перед ними. На лице Ника двигались пятна цветов, которые излучал этот разрыв. Извне самолета до них доносился низкий гром.

— Назад, Брайан! Скорей поворачивай обратно!

Был ли у Ника какой-то резон потребовать такое, или же паника Боба оказалась заразной? Не было времени принимать решения, опираясь на рассуждения, — только одна секунда, чтобы проконсультироваться с безмолвным порывом инстинкта.

Брайан схватил руль управления и резко повернул влево.

Ника отшвырнуло в сторону, он упал, и явственно послышался хруст сломанной кости его руки. В главном салоне багаж, вывалившийся прежде с полок, теперь подпрыгнул и разлетелся, ударяясь о стены и иллюминаторы. Человека с бородой выбросило с кресел, он едва успел вскрикнуть и ударился головой о подлокотник, тотчас потеряв сознание и растянувшись в проходе. Взвизгнула Бетани, и Альберт стиснул ее в объятиях. Позади них Руди Варвик сжал в пальцах четки и торопливо забормотал молитвы в то время, как кресло начало выскользывать из-под него.

Теперь появилась и турбулентность. Рейс № 29 стал доской для серфинга — его затрясло и закрутило в завихрениях воздуха. Даже руки Брайана в какой-то момент оторвались от штурвала, но он тотчас снова вцепился в него. Одновременно он до отказа врубил дроссель, и турбины тотчас отозвались мощным ревом, который редко услышишь за пределами испытательного ангара. Турбулентность возросла, самолет яростно зашвыряло вверх и вниз и откуда-то донесся жуткий скрип перенапряженного металла.

В салоне первого класса Боб Дженкинс вцепился в подлокотники, мысленно благодаря англичанина, который сумел пристегнуть его. Он чувствовал себя привязанным к ракете, которую некий безумец запустил в воздух. Самолет совершил еще один огромный прыжок, принял почти вертикальное положение, и вставные челюсти вывалились изо рта Боба.

Неужели взлетаем? Дорогой Иисус, неужели?

Этого он не мог понять. Знал только, что мир превратился в сумятицу и кошмар... но он пока что пребывал в этом мире.

Пока что я хотя бы нахожусь в нем.

Турбулентность продолжала возрастать, пока Брайан выводил 767-й поперек потока паров, несущегося в пасть разрыва. А перед ним эта дыра продолжала расти, приближаться, хотя и сместилась к правому борту. Затем, после особенно яростной встряски, они вырвались из потока и вышли на более спокойный воздух. Дыра времени уплыла куда-то за правый борт. Они ускользнули от нее... но насколько, Брайану не хотелось думать.

Он продолжал вираж, но уже не под столь крутым углом.

— Ник! — крикнул Брайан. — Ник, ты жив?!

Ник поднялся, придерживая левой рукой правую возле живота. Лицо его побледнело, зубы стиснуты в гримасе боли. Из ноздрей текла тоненькая струйка крови.

— Ничего, друг. Кажется, руку сломал. Не первый раз бедному парню такое достается. Но мы ускользнули, верно?

— Ускользнули, мать твою за ногу! — Брайан теперь вел самолет по огромной плавной дуге. — И ты мне сейчас доложишь, какого хрена мы ускользнули после того, как еле-еле нашли ее. И уж пусть это будут хорошие основания, несмотря на то, сломана там у тебя рука или нет.

Он протянул руку и включил интерком.

Лорел раскрыла глаза, когда Брайан заговорил, и обнаружила, что голова Дайны лежит у нее на коленях. Она погладила голову девочки и уложила ее тело на носилках в прежнее положение.

— Это капитан Энгл, ребята. Прошу прощения за все, что произошло. Мы были на волосок буквально. Но сейчас все о'кей. Приборный щит весь в зеленых огнях. Позволю себе повторить: мы нашли то, что искали, но...

Он внезапно выключил микрофон.

Все ждали. Бетани Симмс всхлипывала на груди Альберта. Позади них Руди продолжал бормотать молитвы, перебирая четки.

Брайан выключил интерком, когда обнаружил, что Боб Дженкинс стоит рядом с ним. Писателя буквально трясло, на ширинке темнело влажное пятно, рот исказила гримаса отчаяния, которой раньше Брайан на его лице не видел. Но в то же время он явно владел собой. Позади него Ник тяжело опустился в кресло помощника, морщась и подерживая сломанную руку, которая начинала распухать.

— Так какого черта вы тут все это затеяли? — строго спросил Брайан. — Еще немного, и машина развалилась бы на десять тысяч кусков.

— Можно я объясню все через эту штуку? — попросил Боб, указав на тумблер с надписью ИНТЕРКОМ.

— Да, но...

— Тогда позвольте.

Брайан хотел было заспорить, но тут же передумал. Включил тумблер.

— Хорошо, давайте. И чтоб это было обосновано, — добавил он строго.

— Слушайте меня все внимательно! — закричал он, и репродукторы отозвались воем. — Мы...

— Говорите нормальным голосом, — подсказал Брайан. — Вы им все барабанные перепонки порвете.

Боб сделал видимое усилие, чтобы взять себя в руки. Продолжил уже более спокойным голосом:

— Мы должны были повернуть назад, и мы повернули. Капитан сказал мне, что мы увернулись чудом. Нам повезло... но мы себя повели необдуманно. Мы забыли элементарнейшую вещь, хотя она у нас все время была перед глазами. Когда мы впервые вошли в разрыв потока времени, все на самолете, кто бодрствовал, исчезли.

Брайан слегка подскочил в своем кресле. Ощущение — что ему врезали пощечину. Милях в тридцати от него в поле обозрения снова выплала ромбовидная форма, похожая на колоссальный драгоценный камень. Только теперь она напоминала ему насмешливую улыбку.

— Мы же все бодрствуем, — сказал Боб. (В главном салоне Альберт посмотрел на мужчину с черной бородой,

который лежал без чувств, тихо посапывая. Подумал: *За одним исключением.*) — Логика подсказывает, что, если мы попытаемся прорваться тем же путем, мы все исчезнем. — Он сделал паузу, подумал и заключил: — Вот и все.

Брайан машинально выключил микрофон. Позади него Ник с горечью и болью рассмеялся.

— Вот и все? Все к едрене-фене? И что же поделать?

Брайан посмотрел на него и ничего не сказал. Боб Дженкинс — тоже.

22

Бетани подняла голову и всмотрелась в утомленное, растерянное лицо Альберта.

— Нам надо заснуть. Как нам это сделать? Никогда в жизни не чувствовала так мало желания спать.

— Я и сам не знаю. — Он с надеждой посмотрел через проход на Лорел, — она уже покачивала головой в ответ. Ей самой хотелось заснуть, чтобы отключиться от всего этого непрерывного кошмара, но, как и Бетани, сейчас она менее всего смогла бы это сделать.

23

Боб шагнул и уставился в окно кабины в безмолвном удивлении. После долгой паузы тихо и с ноткой восхищения сказал:

— Так вот, как это выглядит.

Брайану пришла в голову строка из знакомого рок-н-рола: *Можешь глазеть, но лучше не трожь*. Посмотрел на топливные индикаторы: то, что они показывали, построения не улучшило. Беспомощно обернулся к Нику. Как и все остальные, он в жизни не имел меньшего желания спать, чем теперь.

— Не знаю, что делать, — сказал он. — Но если мы намерены прорваться через дыру, это нужно делать быстрее. Горючего у нас хватит на час, может, чуть больше. После этого можно забыть о всяких попытках. Какие идеи?

Ник опустил голову, все еще держа свою распухающую руку. Спустя мгновение посмотрел на них.

— Кажется, есть идея, — сказал он. — Люди, которые летают редко, обычно держат свои лекарства в ручном багаже. Они любят, чтобы все это было под рукой на случай, если их вещи увезут на другой конец света и понадобится сколько-то дней, чтобы все это вернуть. Если мы пороемся в их ручной клади, мы найдем там какие-то снотворные. Нам и сумки-то не надо доставать. Судя по звукам, весь этот багаж высыпался на пол... Что? В чем дело?

Последний вопрос был адресован Бобу Дженкинсу, который сразу начал отрицательно качать головой, едва Ник упомянул лекарства.

— А вы что-нибудь знаете об этих успокоительных средствах? — спросил он Ника.

— Ну, кое-что, — тон ответа был оборонительным.

— Да, немного знаю.

— А я знаю много, — сухо заметил Боб. — Я их как следует изучил: от «ол-найта» до «ксанакса». Видите ли, убийство с помощью снотворных было любимым коньком в моей тематике, как вы понимаете. Даже если вам удастся разыскать сильнодействующее средство в самой первой сумке багажа, что весьма сомнительно, но вы не сможете определить безопасную дозу, действующую достаточно быстро.

— Да почему же нет?!

— Да потому, что потребуется по крайней мере сорок минут, чтобы средство подействовало... и я очень сомневаюсь в том, что оно подействует на всех. Естественная реакция мозга в состоянии стресса состоит в том, что он борется, пытается отвергнуть подобные средства. Нет никакого способа преодолеть такую реакцию, Ник. Это все равно что указывать своему сердцу, как оно должно биться. Если допустить, что мы вдруг сразу найдем достаточное количество таблеток, придется принимать наобум большие дозы, чтобы успеть заснуть. А в результате наш самолет приземлится в ближайшем аэропорту, скажем, Джонстауна. Мы все проскочим, но будем мертвыми.

— Сорок минут, — пробормотал Ник. — Ах ты ж, мать твою... Точно уверены?

— Точно, — подтвердил Боб.

Брайан посмотрел на мерцающий ромб в небе. Он поставил рейс № 29 на большой круг, и теперь ромб медленно сдвигался вбок. Скоро исчезнет из поля зрения, потом появится вновь... но они к нему не приблизятся.

— Нет, братцы, просто не верится, — с чувством сказал Ник. — Пройти через такое! Успешно убратся из этого кошмара... и вот — на тебе... не можем прорваться в наше родное время. Только потому, что не можем заснуть!

— Да, у нас нету этих сорока минут, — сказал Брайан тихо. — Если мы себе такое позволим, наш авиалайнер грохнется где-то милях в шестидесяти от аэропорта.

— Но есть же и другие?..

— Есть, конечно. Но только не для такой махины, как наша.

— Может, податься к востоку?

— Знаю. Лас-Вегас. Но он для нас... — Брайан посмотрел на приборы, — менее восьми минут отсюда. По-моему, только ЛАКС — Лос-Анджелес.

Мне понадобится минимум тридцать пять минут, чтобы туда добраться. Но, учтите, ребята, это если они нам расчистят полосу и все будет идеально. В таком случае... — Он посмотрел на хронометр, — ...от силы нам дано двадцать минут на то, чтобы все сообразить и нырнуть в дыру.

Боб в раздумье смотрел на Ника.

— А как насчет вас? — спросил он.

— Что значит — насчет меня?!

— Нет, я просто подумал — вы же солдат... и к тому же несколько необычный. Я имею в виду некоторые приемы спецслужб.

Лицо Ника напряглось.

— Ну, а если я не гожусь для подобных услуг, друг?

— Может, уложил бы нас спать, — сказал Боб. — Разве вас в ваших специальных службах не обучают таким трюкам?

Брайан мгновенно вспомнил конфронтацию Ника с Крэгом Туми. Он тогда спрашивал: *Ты когда-нибудь видел сериал «Стар Трек»? Отличная американская программа... И если ты, падла, не заткнешь свою пасть, я с превеликим удовольствием продемонстрирую знаменитый зажим Вулкана тебе лично.*

— Что скажешь, Ник? — тихо спросил Брайан. — Если нам и нужен твой знаменитый зажим Вулкана, сейчас самое время.

Ник недоуменно посмотрел сначала на Боба, потом на Брайана и снова на Боба.

— Простите, джентельмены, у меня от смеха руке больно, — сказал он.

— Это как понять? — спросил Боб.

— Я свои успокаивающие таблетки давно принял. А насчет меня, я вам скажу, вы ошиблись. Я — не Джеймс Бонд. Да вы что?! В реальном мире никакого Джеймса Бонда никогда не существовало. Возможно, я мог бы убить вас обоих определенным ударом ребром ладони по шее, но, ты знаешь, Боб, скорее всего, такой удар оставит тебя парализованным до конца дней твоих, ты понял? При этом вы даже можете не потерять сознания. И вот еще кое-что я вам покажу... — Ник протянул им распухшую правую руку, слегка поморщившись от боли. — Главная моя рученька, к сожалению, не к тому суставу присоединилась, пардон. Худо-бедно, обороняться левой я смог бы — против неопытного противника. Но насчет того, что вы тут говорите, — извините, нет. Исключено.

— Ты забыл самое главное, по-моему! — раздался голос от двери.

Все обернулись. Лорел стояла на пороге кабины — осунувшаяся и бледная.

— Если мы все окажемся без памяти, кто поведет самолет? — спросила она. — Кто его посадит в «Эл-Эй»?

Трое мужчин молча посмотрели на Лорел, а через окна полудрагоценный камень разрыва в потоке времени медленно вползал в поле зрения.

— Нам крышка, — тихо сказал Ник. — Вы понимаете? Хана всем. — Коротко засмеялся и тут же поморщился от боли в сломанной руке.

— А может быть, и нет, — сказал Альберт. Он вместе с Бетани появился за спиной Лорел. Альберт обнимал девушку за талию. Прядки волос прилипли ко лбу, однако глаза юноши были сосредоточенны и прикованы к Брайану. — Я думаю, что вы сможете нас усыпить, — сказал он. — И сможете нас приземлить.

— О чем это ты? — мрачно спросил он.

— О давлении, — ответил Альберт. — Я говорю о давлении.

24

Брайану вдруг вновь отчетливо вспомнился кошмарный сон: Анна с рукой, прилипшей к трещине в корпусе самолета, над трещиной — красная надпись: ТОЛЬКО ДЛЯ МЕТЕОРОВ.

Давление.

Видишь, дорогой, я обо всем позаботилась.

— Что он имеет в виду, Брайан? — спросил Ник. — По твоему лицу вижу — что-то в этом есть. Говори.

Брайан проигнорировал его просьбу. Он смотрел на семнадцатилетнего музыканта, которому пришла идея возможного спасения для всех.

— А что потом? — спросил он. — Как дальше-то быть, после того как прорвемся? Как я проснусь, чтобы посадить самолет?

— Послушайте, объясните нам хотя бы, о чем идет речь? — взмолилась Лорел. Она приблизилась к Нику, и тот обнял ее за талию здоровой рукой.

— Альберт предлагает, чтобы я использовал вот это, — Брайан постучал пальцем по реостату на контрольном пульте с надписью: ДАВЛЕНИЕ В КАБИНЕ. — Чтобы все мы потеряли сознание.

— И это возможно? Ты сможешь так сделать, друг?

— Да, — ответил Брайан. — Я знал пилотов гражданских рейсов, которые к этому прибегали, когда пьяные

пассажиры затевали драку и погром имущества. Подвергали опасности экипаж и пассажиров. Свалить пьяного — пара пустяков. Нужно только понизить давление воздуха. Свалить всех — достаточно немного больше понизить давление — до половины обычного уровня. Ну, это примерно то же, что оказаться на высоте двух миль без кислородной маски. Бум! — ты отключен.

— Если вы можете так сделать, то почему этого не применяют к террористам? — спросил Боб.

— Да потому, что у всех есть кислородные маски, верно? — сказал Альберт.

— Именно так, — ответил Брайан. — Экипаж любого пассажирского рейса демонстрирует их в самом начале полета. Наденьте золотую чашечку на ваш рот и нос и дышите нормально. Забыли? Иначе все отключаются. Если пилот захваченного самолета попытается таким манером свалить террористов, им достаточно надеть кислородные маски и открыть пальбу. На малых самолетах, вроде «лир-джет», по-другому. Если в кабине падает давление, пассажир должен просто открыть верхний клапан.

Ник посмотрел на часы. Свободное время в их распоряжении сократилось до четырнадцати минут.

— Я думаю, нам пора прекратить разговоры и действовать, — сказал он. — Времени совсем мало.

— Нет еще, — возразил Брайан и вновь обратился в Альберту. — Я могу направить нас в самый разрыв, Альберт, начать снижать давление по мере приближения к нему. Могу точно проконтролировать давление и уверен, что смогу всех нас отключить перед самым пролетом в дыру. Но тогда остается вопрос, заданный Лорел: кто поведет самолет, если все мы будем без сознания?

Альберт разинул рот, закрыл его и покачал головой.

Вмешался Боб Дженкинс, заговорил сухо и монотонно, как судья, выносящий смертный приговор:

— Я думаю, Брайан, ты сможешь доставить нас домой. Но кто-то один должен будет умереть ради того, чтобы ты это выполнил.

— Объясни, — потребовал Ник.

Боб объяснил, и времени это много не заняло. К тому моменту, как он закончил, Руди Варвик присоединился к группе, столпившейся у двери в кабину.

— Сработает такое, Брайан? — спросил Ник.

— Сработает, — рассеянно ответил Брайан. — Почему бы и нет? — Он вновь посмотрел на часы. Одиннадцать минут. Одиннадцать минут, чтобы проскочить на другую сторону разрыва. Как раз хватит, чтобы выровнять самолет, поставить на автопилот и пролететь сорок пять миль к разрыву. — Но кто это сможет сделать? Будете жребий тянуть или еще как-то решать?

— Нет нужды, — спокойно ответил Ник. — Я это сделаю.

— Нет! — воскликнула Лорел. Глаза ее потемнели и широко раскрылись. — Почему ты? Почему обязательно это должен быть ты?!

— Да замолчи ты, — прошипела Бетани. — Если ему так хочется, пускай.

Альберт страдальчески посмотрел на Бетани, на Лорел и снова на Ника. Голос — не очень сильный — нашептывал ему, что он должен бы стать добровольцем, ведь это настоящее дело для такого жесткого парня, пережившего Аламо, как Аризонский Еврей. Но наибольшая часть его существа понимала, что он очень любит жизнь... и еще не желает ее заканчивать. Так что он раскрыл было рот, но тут же и закрыл, ничего не сказав.

— Ну почему ты? — снова спрашивала Лорел. — Почему не потянем жребий? Почему не Боб? Не Руди? Почему не я?

Ник взял ее за руку.

— Пойдем со мной на минутку, — сказал он.

— Ник, времени в обрез, — предостерег Брайан. Попытался выглядеть спокойным, но голос выдал растущую панику.

— Я знаю. Начинай готовить то, что нужно.

Ник вывел Лорел в салон.

После мимолетного колебания она пошла с ним. Он остановился в небольшой нише и повернулся лицом к ней. В этот момент, когда его лицо находилось менее чем в четырех дюймах от ее лица, она признала печальную истину: он и был тем человеком, которого она надеялась встретить в Бостоне. И все это время он находился с ней в самолете. Ничего романтического не оказалось в этом открытии: оно было ужасающим.

— Я думаю, у нас с тобой могло бы что-то получиться, — сказал он. — Как думаешь, я прав на этот счет? Если да, то так и скажи — времени для танцев нет. Абсолютно нет.

— Да, — сказала она неровным голосом. — Я думаю, ты прав.

— Но мы не знаем. Не можем узнать. Все упирается опять-таки во время, верно? Время... и сон... и незнание. Но я должен был так сделать, Лорел. Я, видишь ли, пытался вести беспристрастный расчет, оценку, что ли, своей жизни. Но все мои бухгалтерские книги оказались за красной чертой. Банкрот. А здесь — мой шанс выправить их, и я намерен им воспользоваться.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду...

— Зато я понимаю. — Он говорил торопливо, комкая слова. Взял ее за руку и притянул еще ближе к себе. — Ты летела в поисках некоего приключения, верно, Лорел?

— Я не знаю, что ты...

Он слегка встряхнул ее.

— Говорю тебе — нет времени для танцев. Летела к неведомому приключению?

— Я... да.

— Ник! — окликнул его Брайан из кабины.

Ник быстро обернулся в ту сторону.

— Иду! — крикнул он и снова посмотрел в глаза Лорел. — Я хочу отправить тебя к новому приключению, если не возражаешь.

Она молча смотрела ему в глаза, губы ее дрожали. Не знала, что ему сказать, и разум лихорадочно попытался

найти нужные слова. Он сильно сжимал ее руку, но ей суждено было заметить это потом, когда обнаружит синяки, оставленные его пальцами. В данный момент куда сильнее ее держал его взгляд.

— Послушай меня, Лорел. — Он коротко вздохнул и заговорил с особым ударением. — Я собирался бросить все это. Так решил.

— Бросить — что? — спросила она дрожащим голосом. Ник нетерпеливо потряс головой.

— Не важно, не важно. Главное для меня — ты мне веришь? Скажи.

— Да, — ответила она. — Я не знаю, о чем ты говоришь, но верю тебе.

— Ник?! — встревоженно позвал из кабины Брайан.

Он метнул быстрый взгляд в сторону кабины, глаза его были прищурены и блестели.

— Сейчас иду! — вновь отозвался он. Когда снова посмотрел на нее, Лорел показалось, что в жизни не видела столько страстно сконцентрированной эмоции во взгляде. — Мой отец живет в деревне Флутинг к югу от Лондона, — сказал он. — Спроси о нем в любой лавке на Хай-стрит. Мистер Хопвелл. Те, кто постарше, все еще называют его «папашей». Повидайся с ним и расскажи ему, что я решил покончить с этим делом. Только прояви настойчивость, прошу тебя. У него такая манера — отворачиваться и сыпать проклятиями, когда слышит мое имя. Ну, знаешь, обычное — я ему не сын, и все такое. Ты уж прояви настойчивость. Сможешь?

— Да.

Он кивнул и мрачно улыбнулся.

— Хорошо. Тогда повтори, что я тебе сказал. И еще скажи ему, что ты мне верила. Скажи, что я сделал все, чтобы искупить тот день возле церкви в Белфасте.

— В Белфасте...

— Да. И если не удастся привлечь его внимание, скажи ему, что он должен выслушать. Хотя бы ради маргариток. Ради того времени, когда я принес маргаритки. Запомнишь и это тоже?

— Потому что ты ему как-то принес маргаритки.

Ник сдержал улыбку, но она никогда не видела лица, исполненного такой невыразимой грусти и горечи.

— Нет... не ему. Но сойдет и так. Вот такое у тебя приключение. Сможешь выполнить мою просьбу?

— Да... но...

— Хорошо, Лорел. Спасибо тебе. — Он обнял ее затылок левой ладонью, притянул к себе и поцеловал. Его губы были холодными, и она ощутила страх в самом его дыхании.

Спустя мгновение он ушел.

26

— А мы что, будем задыхаться? — спросила Бетани.

— Нет, — ответил Брайан. Он выглянул и удостоверился, что Ник спешит к нему. Увидев его и следом за ним глубоко потрясенную Лорел, он сел в свое кресло. — Немножко так поведет, вроде легкого головокружения... а потом — ничего. — Он бросил взгляд на Ника. — Пока не очнемся.

— Точно! — бодро подтвердил Ник. — И, как знать, может, я буду по-прежнему здесь. Плохие пенсы выигрывают, знаешь. Верно я говорю, Брайан?

— Я думаю, все возможно, — согласился пилот. Он сдвинул реостат чуточку вперед. Небо снова становилось светлее, разрыв лежал прямо перед носом авиалайнера. — Рассаживайтесь, ребята! Ник, ты — сюда, рядом со мной. Я покажу тебе, что надо будет сделать... и в какой момент.

— Одну секундочку, — попросила Лорел. На ее лицо вернулся румянец и сама она несколько подтянулась, взяла себя в руки. Теперь она поднялась на цыпочки и поцеловала Ника в губы.

— Благодарю тебя, — серьезно сказал Ник.

— Ты решил все это бросить. И если он не станет слушать, я напому ему о том дне, когда ты принес маргаритки. Правильно я сказала?

Он широко улыбнулся.

— Абсолютно точно, любовь моя. Все точно. — Он еще раз обнял ее здоровой рукой и крепко поцеловал. Когда

отпустил ее, на лице Ника застыла добрая улыбка. — Ну, вот и все.

27

Спустя три минуты Брайан включил интерком.

— Я начинаю снижать давление. Все проверьте ваши ремни безопасности.

Они проверили. Альберт напряженно ожидал какого-то звука, возможно, шипения утекающего воздуха, но слышно было лишь ровное гудение двигателей. Он чувствовал себя бодрым, как никогда.

— Альберт? — позвала его Бетани тихим, испуганным голосом. — Пожалуйста, обними меня.

— Хорошо, — ответил он. — А ты меня обними.

Позади них Руди Варвик снова бормотал молитвы, шевеля четками. Через проход от них Лорел Стивенсон сидела, вцепившись руками в подлокотники. Она все еще ощущала теплое прикосновение губ Ника Хопвелла. Потом подняла голову, устремила взгляд к багажной полке наверху и начала глубоко дышать. Ждала когда наступит этот момент... и он наступил спустя минуты полторы.

Помни о том дне в Белфасте тоже, — подумала она. — Возле церкви. Искушение, он сказал. Это акт искуше...

Среди этих мыслей разум покинул ее, отключившись.

28

— Ты понял... что делать? — снова спросил Брайан. Он говорил с трудом, немножко невнятно. Впереди них разрыв потока времени рос, заполняя собой все окна кабины, закрыв почти весь видимый небосвод. Он освещался лучами рассвета, и внутри него возникли новые фантастические сполохи, которые двигались, переплетались и устремлялись потоками в его странную глубину.

— Я понял, — ответил Ник приглушенным голосом. Он стоял возле Брайана с кислородной маской на лице. Повыше резиновой рамки глаза его были ясны и спокой-

ны. — Не бойся, Брайан. Все надежно, как в добротном доме. Давай отправляйся спать. Приятных тебе сновидений.

Брайан отключался. Он чувствовал, как уплывает сознание, но еще цеплялся, глядя на гигантский разрыв в ткани реальности. Он несяся прямо на окна кабины, достигнув наконец самого самолета.

Как это великолепно! — подумал он. — *Какая красота, Господи!*

Снова почувствовал невидимую гигантскую руку, которая схватила авиалайнер и потащила вперед. На сей раз — безвозвратно.

— Ник... — Огромных усилий стоило говорить. Казалось, его рот находится за сотню миль от его сознания. Приподнял руку, и она удалилась от него, будто растянувшись.

— Спи, спи, — сказал Ник, взяв его за руку. — Не сопротивляйся, а то исчезнешь вместе со мной. Уже скоро...

— Я только хотел сказать... спасибо тебе...

Ник улыбнулся и слегка стиснул его руку.

— Пожалуйста, друг. Такой полет незабываем. Даже без фильмов в главном салоне и без бесплатных букетиков мимоз.

Брайан все еще смотрел в разрыв. Теперь он заполнялся реками богатых расцветок. Они завивались в спирали, смешивались... и образовывали буквы и слова перед его изумленным взглядом:

ТОЛЬКО ДЛЯ МЕТЕОРОВ

— Это... мы? — спросил он изумленно, и теперь собственный голос донесся до него из далекой Вселенной.

Мрак окутал его.

29

Ник остался один. Единственный бодрствующий человек на рейсе № 29 был тем, кто однажды расстрелял трех мальчишек позади церкви в Белфасте, которые держали в руках картофелины, раскрашенные под гранаты-лимон-

ки. Зачем они так сделали? Шутка? Или демонстрация отваги? Этого он никогда не узнал.

Он не испытывал страха, только жуткое чувство одиночества. Чувство не новое. Не впервые он стоял один на часах, отвечая за жизни всех остальных.

А навстречу неся этот странный разрыв. Он положил руку на реостат, контролировавший давление в самолете.

До чего же красиво, — подумал он. Ему казалось, что цвета, сверкавшие перед ним в разрыве, были прямой противоположностью всему тому, что они испытали за минувшие кошмарные часы, и теперь смотрел в тигель, где рождалась новая жизнь, новое движение. — А почему бы и не быть этому столь прекрасным? Здесь место, где жизнь, возможно вся жизнь, берет свое начало. Место, где жизнь зарождается каждую секунду каждого дня... колыбель творения и живой родник времени. Лангольерам сюда хода нет.

Отсветы разноцветных огней пробегали по его щекам и бровям фонтанами праздничных салютов: густая зелень джунглей отбрасывалась оранжевым потоком лавы, которая в свою очередь сменялась знойной желтизной тропического солнца, а затем холодной голубишной северных океанов. Гул двигателей теперь был приглушен и едва слышен. Он посмотрел вниз: расслабленная спящая фигура Брайана Энгла купалась в калейдоскопе феерических цветов. Он выглядел, как прекрасный призрак.

Ник не удивился, когда обнаружил, что его собственные руки вдруг стали бесцветными, как белая глина.

Брайан не призрак. Это я призрак.

Разрыв охватил самолет со всех сторон.

Теперь звук двигателей полностью уступил место другому звуку: похоже, что 767-й мчался сквозь туннель, наполненный перьями. Внезапно прямо перед носом авиалайнера вспыхнула, словно новая звезда, мощная буря света, рассыпавшись фейерверком. В ней Ник увидел цвета, которые ни одному человеку не дано было даже вообразить. Они не только заполнили все пространство бреши во времени, они заполнили его мозг, его нервы,

мышцы, кости, все его существо целиком — некой гигантской волной света.

— О Всевышний! КАК ПРЕКРАСНО! — закричал он. В тот момент, когда рейс № 29 нырнул в самое сердце разрыва, он рывком вернул реостат давления в прежнее положение до отказа.

Спустя долю секунды несколько металлических пломб из зубов Ника покатались по паласу кабины. Стукнулся об пол тефлоновый диск, заменявший ему коленную чашечку, — память о куда более достойном событии, нежели то, что случилось в Северной Ирландии. И все.

Ник Хопвелл прекратил свое существование.

30

Первое, что ощутил Брайан, — его рубашка была мокрой от пота, а головная боль вернулась.

Он медленно выпрямился на своем сиденье, морщась от боли в затылке. Попытался вспомнить, кто он, где он и почему испытывал такое сильное желание пробудиться. Почему это было столь важно?

Утечка, — шепнул разум. — Утечка в главном салоне. Если вовремя не отрегулировать, беда слу...

Нет. Не то. Утечка была устранена или таинственным образом сама устранилась. Он благополучно приземлил рейс № 7 в ЛАКСе. Потом появился человек в зеленом блайзере и...

Похороны Анны! Боже, я проспал!

Раскрыл глаза. Нет, он находился не в мотеле и не в спальне в доме брата Анны в Ревере. Он смотрел сквозь окно в кабине самолета на звездное небо.

Внезапно вспомнилось все... абсолютно все.

Он резко поднялся. Слишком резко — в голове зарычала боль, сильная, как с тяжелого похмелья. Он обнаружил, что из носа течет кровь. Капли крови упали на пульт управления, кровью была залита сорочка. Утечка все-таки произошла. Внутри него.

Ну, конечно, — подумал Брайан. — От перепада давления такое случается. Надо было предупредить пассажиров... Кстати, сколько пассажиров у меня осталось?

Забыл. В голове — туман.

Взглянул на индикаторы горючего и обнаружил, что ситуация быстро приближается к критической. Посмотрел на карту: самолет находился там, где и должен был находиться, быстро приближался к Лос-Анджелесу. В любой момент можно было наткнуться на другой самолет.

Перед тем как он потерял сознание, кто-то был рядом... кто?

Быстро напряг память. Ник, разумеется. Ник Хопвелл. Он исчез. Он все-таки не стал «плохим пенсом», который выигрывает. Ясно: свое дело он выполнил — иначе Брайан не проснулся бы.

Он торопливо включил радиосвязь.

— Диспетчерская ЛАКСа! Это «Гордость Америки», рейс... — А какой у него рейс? Забыл. Туман в голове.

— Двадцать девять, не так ли? — произнес кто-то заплетающимся языком позади него.

— Спасибо, Лорел. — Брайан не обернулся. — Иди обратно и пристегнись. Возможно, мне придется проделать кое-какие трюки с самолетом.

Он снова заговорил в микрофон.

— «Гордость Америки» рейс № 29, повторяю — два девять. Наземный контроль, заявляю об аварийной ситуации. Пожалуйста, расчистите экстренно путь для меня. Лечу курсом 85, горючее на исходе, приготовьте пожарные машины. И...

— Ой, перестань, — тупо произнесла Лорел за его спиной. — Перестань, Бога ради...

Брайан развернулся в кресле, игнорируя болевой удар в голову и брызги крови из носа.

— Сядь ты, черт побери! — рявкнул он. — Мы приземляемся незапланированно в перегруженное пространство! Если не хочешь сломать шею...

— Нету там никакого перегруженного пространства, — все тем же бесстрастным голосом возразила Лорел. — Нет

пожарных машин. Ник погиб напрасно, и я никогда не смогу выполнить его последнюю просьбу. Сам посмотри.

Брайан посмотрел. Хотя они летели над окраиной Лос-Анджелеса, он не увидел ничего, кроме темноты.

Похоже, внизу никого не было.

Вообще никого.

За его спиной Лорел Стивенсон зарыдала от страха и отчаяния.

31

Длинный белый пассажирский авиалайнер медленно летел над землей в шестнадцати милях к востоку от международного аэропорта Лос-Анджелеса. На хвосте красовались крупные цифры «767». Вдоль фюзеляжа надпись «Америкэн Прайд» — «Гордость Америки» — сдвинута к хвосту, словно подчеркивая скорость. По бокам носовой части изображены большие красные орлы, крылья в синих звездах — расправлены. Орел, как авиалайнер, готовился приземлиться — такова была его поза.

Пролетая над пустынными улицами и домами, самолет не отбрасывал тени: до рассвета оставался еще целый час. А под ним не передвигался ни один автомобиль, не горел ни один уличный фонарь. Под ним царили безмолвие и неподвижность. Впереди, на взлетно-посадочных полосах не светился ни один огонек.

Раскрылось брюхо самолета, выпало шасси и зафиксировалось на месте. Все было готово к приземлению.

«Гордость Америки» рейс № 29 быстро пошел на снижение, беря чуточку правее: Брайан теперь мог худо-бедно различать аэродром визуально и поправил курс. Пролетели над группой мотелей аэропорта. Брайан разглядел и монумент неподалеку от аэропорта — изящный треножник с изогнутыми ножками и рестораном в центре монумента. Пронесли над пяточком мертвой травы, в тридцати футах внизу помчался навстречу самолету бетонный путь.

Время для мягкой посадки истекло. Индикаторы горячего уткнулись в нули, птички готовила неприятный

сюрприз. Брайан начал снижаться резче, тормоза — на всю катушку. Раздался зубодробительный удар, кровь снова потекла из носа пилота, ремень безопасности врезался в грудь. Лорел, устроившаяся в кресле помощника пилота, вскрикнула.

Брайан нажал на тормоза до отказа, самолет начал замедлять свой стремительный бег в сто с лишним миль в час. В этот момент вспыхнули красные надписи на приборной доске: ДВИГАТЕЛИ ОТКЛЮЧЕНЫ. Он включил интерком.

— Держитесь! — закричал он. — Возможно столкновение! Держитесь!

В этот момент сорвало две тормозные колодки шасси. Несколько мгновений самолет двигался на двух остальных, однако они не выдержали перенапряжения и отвалились вслед за первыми двумя. Брайан беспомощно управлял машиной, которая теперь тормозилась всего лишь закрылками. Взлетно-посадочная полоса бежала и бежала навстречу, мимо проносились перекрестья бетонных полос. А впереди надвигалась неподвижная махина авиалайнера «Пасифик Эйруэйз».

Скорость понизилась до 65 миль в час. Брайан огромным усилием повернул штурвал вправо — автоматика больше не работала. 767-й миновал другой авиалайнер буквально футах в шести, не задев его: тускло блеснула вереница иллюминаторов, напоминавших мертвые глаза.

После этого они покатались в направлении аэропорта, где припарковались по меньшей мере с десятка самолетов, как сосунки возле кормящей матки. Скорость 767-го снизилась до тридцати миль в час.

— Приготовьтесь к столкновению! — крикнул он в бесполезный интерком, забыв, что его самолет умер, что все отключилось и больше не функционировало. — Приготовьтесь! Столкновение!!!

«Гордость Америки» рейс № 29 врезался в ворота 29 аэропорта объединенных авиалиний со скоростью примерно в двадцать девять миль в час. Раздался грохот, скрежет металла, звон разбитого стекла. Брайана рвануло по инерции вперед, но ремни отбросили его назад.

Выключил все тумблеры на панели, которая и без того была мертва. Сработала привычка. Посмотрел на Лорел. Она ответила пустым апатичным взглядом.

— Да... на волосок были, — сказал Брайан невнятно.

— Надо было врезаться как следует, чтобы сразу закончить со всем этим. Все, что мы совершили... Дайана... Ник... все напрасно. Здесь то же самое, то же самое.

Брайан отстегнул ремни безопасности и поднялся на ослабевших ногах. Вытащил из заднего кармана носовой платок и протянул ей.

— Вытри нос. Он у тебя кровоточит.

Она машинально взяла платок и уставилась на него неподвижным взглядом, словно никогда в жизни не видела носовых платков.

Брайан вышел из кабины и медленно побрел в главный салон. Остановился у входа и пересчитал количество пассажиров. Те несколько человек, что остались, выглядели вроде бы невредимыми. Бетани, прижала голову к груди Альберта и истерично всхлипывала, Руди Варвик отстегнул ремни, поднялся, стукнулся головой о багажный отсек и снова сел с ошалело-бессмысленным взглядом. Брайан вдруг подумал — по прежнему ли он хочет есть? Вряд ли.

— Давайте вылезать из самолета, — сказал он.

Бетани подняла голову.

— Когда они появятся?! — истерично выкрикнула она. — Сколько времени их ждать? Кто-нибудь слышит их?

Боль нахлынула волной, ударила по мозгам с новой силой. Брайан зашатался, почувствовав, что вот-вот потеряет сознание.

Чья-то рука обхватила его за поясницу и поддержала. Он оглянулся и удивился. Это была Лорел.

— Капитан Энгл прав, — тихо сказала она. — Давайте покинем самолет. Может быть, здесь не так скверно, как кажется.

Бетани истерично хохотнула.

— А как скверно здесь?! Как скверно здесь может быть?!

— Тут как-то по-другому, — вдруг сказал Альберт. Он смотрел в иллюминатор. — Что-то изменилось. Не могу сказать, что именно... но здесь по-другому. — Он посмотрел на Бетани, потом на Брайана и Лорел. — Нет, здесь не так, как там.

Брайан наклонился возле Боба Дженкинса и посмотрел в иллюминатор. Ничего особенно отличного от Бангора не заметил. Самолетов, конечно, побольше, чем там, но они были такими же пустыми, заброшенными. Тем не менее в словах Альберта что-то было.

Это было просто чувство, а не просто наблюдение. Какая-то очень существенная разница ощутилась, только он не мог пока уловить ее. Она вертелась в голове, как забытое название духов бывшей жены.

Это «Лянвуа», мой милый. Я всегда ими пользовалась, разве не помнишь?

Разве не помнишь?

— Пошли, — сказал он. — Воспользуемся лестницей кабины пилота.

32

Брайан раскрыл люк под консолью приборов и попытался вспомнить, почему не воспользовался этой лесенкой, чтобы высадить пассажиров в Бангоре — ведь куда как проще, чем соскальзывать по надувному скату. Никаких почему — просто не подумал об этом. Видимо, привык думать о нем, едва речь заходила об аварийной посадке.

Он опустил лесенку, хотя пространство для выхода было порядочно смято и исковеркано. Сама лесенка не сразу приняла нужное положение — пришлось ее пристраивать. Один за другим они спустились на летное поле: Брайан первым, Боб — последним.

Когда ступни Брайана коснулись бетона, у него возникло желание закричать: *Провозглашаю сей край прокисшего молока и протухшего меда землей спасшихся на рейсе № 29... хотя бы до прибытия лангольеров!*

Он промолчал. Просто стоял вместе с остальными под разбитым носом авиалайнера, ощущая, как легкий ветерок обдувает его щеку, осматриваясь по сторонам. Откуда-то издали доносился звук. Нет, не чавканье и хруст, который слышали после прибытия в Бангор. Брайан не смог определить, что этот звук напоминал ему.

— Что это? — спросила Бетани. — Что это за гудение? Вроде электрических проводов.

— Нет, пожалуй, — возразил Боб, задумавшись. — Это скорее похоже на-а... — Он покачал головой.

— Ни на что не похоже, — сказал Брайан, однако без особой уверенности. Что-то продолжало вертеться в голове.

— Это они, да? — спросила Бетани, всхлипнув. — Опять приближаются? Лангольеры, о которых говорила Дайна.

— Не думаю. Совсем по-другому звучит. — Но страх с новой силой пробудился в нем.

— Так что же делать? — хриплым голосом спросил Руди. — Начнем все сначала? Все то же самое?

— Хм... Для начала — нам не придется ползти по конвейерной ленте, — сказал Брайан. — Двери открыты. — Он вышел из-под носа 767-го и указал рукой. При столкновении небольшой передвижной эскалатор оттолкнуло от входа в аэропорт у ворот 29, но, судя по всему, его легко можно было поставить на прежнее место. — Пойдемте.

Они направились к эскалатору.

— Альберт, поможешь мне подкатить эскалатор... — начал было Брайан.

— А ну, стойте-ка! — перебил его Боб.

Брайан обернулся к нему и увидел, как писатель с легким удивлением осматривается вокруг. Вместо угрюмой покорности в глазах его появилось что-то вроде надежды.

— Что? Говори, Боб! Что ты заметил?

— Пустынный аэропорт... Но я что-то чувствую... — Он поднял ладонь вверх, словно голосовал на шоссе.

Брайан хотел было спросить поконкретнее, и вдруг понял, в чем дело. И почему сразу не обратил на это

внимания, когда спустился из кабины? Отбросил, как несущественную деталь?

Здесь дул ветерок. Небольшой, но ветерок. В воздухе ощущалось движение.

— Пресвятая ворона, — пробормотал Альберт, облизнул палец и поднял вверх. На лице его появилась удивленная улыбка.

— И это еще не все, — сказала Лорел. — Прислушайтесь!

Она отбежала под кабину самолета, потом бегом вернулась к ним. Каблуки ее туфель звонко стучали по бетону.

— Вы слышите, какой звук?!

Они услышали. Плоский камерный звук исчез. Даже просто слушая голос Лорел, Брайан заметил разницу. В Бангоре их голоса звучали так, словно они разговаривали, сунув головы под какой-то колокол.

Бетани отбила в ладоши ритм и пропела фразу из рок-хита группы «Рутерс». Звуки были чистыми, хлопki напоминали выстрелы стартового пистолета. На лице ее появилась довольная улыбка.

— Что это... — заговорил Руди.

— А самолет! — крикнул Альберт. Замечаете разницу?! Смотрите! Он выглядит, как и все другие тут!

Они огляделись по сторонам. Никто ничего не говорил, возможно не найдя подходящих слов. В Бангоре «Дельта-727», стоявшая рядом с их «Боингом», казалась тусклой, поблекшей, даже менее реальной, чем 767-й. Теперь все самолеты выглядели четкими и яркими даже в сумерках рассвета. Все надписи и символы не уступали по яркости надписям на их самолете.

— И что это значит? — спросил Руди у Боба. — Как это объяснить? Если все вернулось в норму, то где же электричество? Где люди?

— А что это за звук все-таки? — спросил Альберт.

Он заметно приблизился, слышался отчетливее. Гудение, как определила его Бетани, но только ничего электрического в нем не было. Скорее, напоминало ветер,

задувавший в трубу, или некий нечеловеческий хор, тянувший в унисон одну гласную: аааааааааа....

Боб покачал головой.

— Не знаю, — сказал он, отвернувшись. — Давайте эту лестницу подкатим на место и пройдем...

Лорел схватила его за плечо.

— Ты что-то знаешь, — сказала она с напряжением. — По глазам вижу. Поделись со всеми, что там у тебя за идея.

Он замер на месте, потом покачал головой и сказал:

— Я пока не готов, Лорел. Мне сначала нужно пройти туда, внутрь, и осмотреться.

Пришлось довольствоваться пока этим. Брайан и Альберт поставили лестницу на место. Одно из перил сломалось, и Брайан поддержал его, пока все поднялись ко входу в аэропорт. Сам он поднялся, держась одного целого перила. Все подождали, когда он присоединился к ним, затем вместе вошли внутрь.

Они очутились в огромном круглом зале, вдоль сплошной стены которого располагались большие окна и проходы прибытия и посадки — ворота с номерами. Ряды пустых кресел выглядели заброшенными, призрачными, флюоресцентные лампы на потолке были просто черными квадратами. Однако Альберту показалось, будто он улавливает запах других людей... словно они были здесь буквально за секунды до того, как спасшиеся на рейсе № 29 прибыли сюда.

Снаружи странный мычащий хор продолжал понемногу усиливаться: невидимая надвигающаяся волна — аааааааааа....

— Прошу всех за мной, — сказал Боб Дженкинс, легко приняв на себя роль лидера. — И поторопитесь, пожалуйста.

Их шаги отдавались отчетливым эхо в пустом зале, создавая впечатление, что идет два десятка людей, а не шестеро. Миновали тусклые рекламные щиты: «Смотрите «Си-Эн-Эн», «Курите «Марльборо», «Путешествуйте машинами Хертца», «Читайте «Ньюс-Уик», «Осмотрите «Диснейленд».

А странный звук, хорал открытых глоток, продолжал нарастать. Когда Лорел была снаружи, ей казалось, что звук надвигается с запада, теперь его источник находился прямо здесь, с ними, словно певцы, если это были певцы, прибыли сюда. Странный звук почему-то не пугал, хотя мурашки и появились на руках и на спине Лорел.

Они подошли к ресторану, и Боб провел их внутрь. Не задерживаясь, он подошел к прилавку и взял одно печенье из стопки, находившейся на нем. Решил зубами сорвать целлофановую обертку, но вдруг вспомнил, что оставил вставные челюсти в самолете.

— Давай ты, — сказал Боб. Глаза его загорелись нетерпением. — Давай быстрее, быстрее!

— Быстрее, Ватсон! Зверь поднялся! — сказал Альберт и засмеялся. Разорвал целлофан и посмотрел на Боба. Тот кивнул. Альберт вонзил зубы в слоеное печенье, из него закапали крем и клубничное варенье. Альберт сиял. — Ох и вкусно! — сказал он невнятно, поскольку рот был забит печеньем. — Классно! — Он протянул половинку Бетани, и та с удовольствием доела.

Лорел ощутила запах клубничного варенья и почувствовала, как сжался желудок. Она засмеялась. Внезапно почувствовала себя хорошо, радостно, даже голова слегка пошла кругом. Туман беспамятства выветрился, разум прояснился, словно морской свежий бриз проветрил затхлую, душную комнатку. Подумала о Нике, которого с ними больше не было, который погиб ради того, чтобы они все оказались здесь. Решила, что Ник не осудил бы ее за это первое проявление радости.

Хоральный звук продолжал усиливаться, источник его определить было невозможно — поющий непрерывный выдох окружал их со всех сторон: аааааааааааааааа...

Боб Дженкинс бросился бежать из-за прилавка. Сворачивая за его угол, налетел на стальную коляску с посудой и пакетиками закусок и специй. Часть предметов с шумом упала на пол и рассыпалась вокруг них.

— Скорее! — закричал он. — Нам нельзя оставаться здесь! Это может произойти в любой момент! Для нас может оказаться опасным!

— Что опасно?! — спросила Бетани, но Альберт уже обнял ее за плечи и повлек вслед за Бобом.

Они выскочили из ресторана и кинулись бегом вслед за Бобом. Топот их туфель едва был слышен, он заглушался звуками непонятного хора. Эхо от него перекачивалось по всему залу, по всем радиальным коридорам.

Брайану показалось, что этот монотонный вопль начал разбиваться на фрагменты. Нет, он не прерывался и не менял тона, но начал выделять конкретные звуки, подобно тому, как звук лангольеров обрел разнообразие, приближаясь к Бангору.

Когда они достигли вестибюля, он заметил что по рядам кресел пробежал призрачный отсвет, он возник одновременно на экранах телемониторов, на вывесках ПРИБЫТИЕ, ОТЛЕТ, на лампах под потолком, на рекламных щитах. На смену голубоватому оттенку пришел красный, за ним — желтый, зеленоватый. Ожидание чего-то экзотического, казалось, заполнило собой все пространство. Брайана пробрала дрожь, он почувствовал, как волосы на голове становятся дыбом. Он был абсолютно уверен: *Мы накануне грандиозного, поразительного явления.*

— Сюда! — крикнул Боб. Он повел их к стене у прохода, через который они вошли. Там было место ТОЛЬКО ДЛЯ ПАССАЖИРОВ, огороженное красной бархатной веревкой. Боб перепрыгнул ее, как школьник. — К стене, вплотную! — скомандовал он.

— К стене, братцы! — закричал Альберт, смеясь от непонятной радости.

Они выстроились спиной к стене друг возле друга, как подозреваемые в полицейском участке. В пустынном зале ожидания освещение ярко вспыхнуло и померкло. Звук тем временем стал глубже и каким-то образом реальнее. Брайану показалось, что он различает чьи-то голоса на фоне гудения, звуки шагов, крик младенца.

— Не знаю, что это такое, но оно чудесно! — закричала Лорел. Она смеялась сквозь слезы. — Мне это нравится!

— Надеюсь, мы в безопасности! — сказал Боб. Ему пришлось кричать, чтобы быть услышанным сквозь

шум. — Думаю, все в порядке — мы в стороне от общего движения.

— Что сейчас будет? — спросил Брайан. — Что тебе известно?

— Понимаешь, когда мы проскочили в разрыв во времени по пути на восток, мы оказались в прошлом: — громко пояснил Боб. — Возможно, всего лишь минут на пятнадцать, но в прошлом! Помнишь? — Сам мне такое сказал!

Брайан кивнул, а лицо Альберта приняло изумленное выражение.

— А на этот раз нас перебросило в будущее! — крикнул он. — Ведь так?! Этот разрыв во времени перенес нас в будущее!

— Думаю, что так! — крикнул Боб в ответ. Он не мог сдержать широкой улыбки. — И вместо того, чтобы прибыть в мертвый мир, в мир, который двигался вперед без нас, мы попали в мир, который ожидает своего рождения! Мир чистенький и свежий, как бутон розы! И он сейчас раскроется, этот бутон! Я думаю, это так! Мы сейчас слышим приближение начала, ощущаем его, и поэтому испытываем такую радость! Видимо, нам суждено увидеть то, чего еще не доводилось испытывать ни одному человеку во всем мире! Мы увидим рождение нашего мира! Наше время нас догоняет!

Огни в зале ожидания то вспыхивали, то меркли, и вдруг гул прекратился. Вместо него послышались голоса, становившиеся громче и отчетливее. Лорел обнаружила, что различает фразы:

— ...надо позвонить ей, пока она не решила...

— ...не думаю, что такой выбор удачен...

— ...и возвращаемся по домам, если спихнем это дело...

Последняя фраза прозвучала, проплыв мимо них через пустоту сразу за оградительной веревкой.

Брайан почувствовал, как в нем растет экстаз, согревая душу ощущением удивления и счастья. Он взял Лорел за руку с широкой улыбкой на лице, а она крепко стиснула его ладонь. Возле них Альберт вдруг крепко обнял Бетани, а она принялась осыпать его лицо поцелуями, радостно

хохоча. Боб и Руди обменивались довольными улыбками, как два старых добрых друга, которым довелось встретиться в самом абсурдном месте на всем белом свете.

Над их головами начали загораться лампы дневного света — огни бежали от центра к краям зала, изгоняя сумрак, как стадо черных овец.

В нос Брайана внезапно ударили запахи: пот, духи, лосьоны, одеколоны, табачный дым, мыло, химчистка.

Еще несколько мгновений огромный круг зала ожидания оставался пустынным местом, где звучали голоса привидений, шаги еще не совсем живущих людей. Брайан подумал: Сейчас я это увижу, сейчас это произойдет. Увижу, как движущееся настоящее зацепится за неподвижное будущее и двинет его вперед. Я видел, как специальные крюки на поездах-экспрессах срывали со столбов мешки с почтой возле маленьких сонных городишек где-то на юге, увозили почту с собой. Я сейчас увижу, как время раскрывается передо мной подобно розе летним утром.

— Обхватите себя руками, — посоветовал Боб. — Может быть толчок.

Спустя мгновение Брайан почувствовал его — не в ногах, а во всем теле. В тот же миг невидимая рука толкнула его в спину. Он качнулся вперед, и Лорел качнулась вместе с ним. Альберту пришлось ухватить Руди, чтобы он не упал. Руди не возражал против толчка, улыбка не оставляла его лица.

— Смотри! — Лорел тихо ахнула. — О! Брайан! Ты посмотри!

Он взглянул, и дыхание замерло в горле.

Помещение заполнилось привидениями.

Эфемерные прозрачные фигуры пересекали большой зал: мужчина в костюме бизнесмена с портфелем, женщина в элегантном дорожном костюме, подросток в джинсах «Ливайс», в рубашке с короткими рукавами с рекламой рок-группы. Он видел привидения отца, ведущего двух призраков-детей, а сквозь них видел других призраков, сидящих в креслах, читающих прозрачные экземпляры «Космополитена», «Эсквайра», «Ю.С.Ньюс энд Уорлд Рипорт». Затем марево цвета пробежало по всем прозрачным

фигурам, словно уплотняя их. А голоса превратились в обычные голоса людей.

Метеоры, — подумал почему-то Брайан. — *Только для метеоров.*

Только двое детей оказались перед ними, которые случайно смотрели в их сторону, когда перемена произошла. Только они двое увидели, как внезапно возникли четверо мужчин и две женщины у стены, на том месте, где всего секунду назад никого не было.

— Паап! — закричал маленький мальчик, дергая руку отца.

— Ну, па-а-апаа! — закричала девочка, тоже дергая отца за другую руку.

— Что? — спросил он, бросив на них нетерпеливый взгляд. — Я ищу вашу маму.

— Новые люди! — сказала девочка, указывая на них пальцем. — Посмотри, какие новые люди.

Мужчина посмотрел на Брайана и остальных, его рот нервно сжался.

Это моя кровь, — подумал Брайан. Не только он — все остальные испытали кровотечение из носа..

Мужчина потащил за собой обоих детей, ускорив шаг.

— Да, здорово, — сказал он. — Помогите мне лучше разыскать нашу маму. Ну и проблема!

— Но их там не было раньше! — запротестовал мальчик. — Они...

Отец с детьми скрылся среди прочих пассажиров.

Брайан посмотрел на стенные часы. Они показывали 4 часа 17 минут утра.

Что-то слишком много народу в такую рань, — подумал он. — И я догадываюсь, почему.

Словно в подтверждение его догадки заговорил громкоговоритель:

— Все пассажиры, летящие на восток из Лос-Анджелеса! Ваши рейсы откладываются по-прежнему в связи с необычными погодными условиями над пустыней Моджейв. Мы просим прощения за неудобства. Наберитесь, пожалуйста, терпения и проявите понимание. Повторяю: все пассажиры...

Необычные погодные условия, — подумал Брайан. — Да уж, более необычных сроду не бывало.

Лорен повернулась к Брайану и посмотрела ему в лицо. По щекам ее текли слезы, и она даже не пыталась их утереть.

— Ты слышал? — спросила она. — Слышал, что сказала маленькая девочка? Новые люди. Как ты думаешь, Брайан, мы и в самом деле теперь новые люди?

— Не знаю, — ответил он. — Но ощущение и в самом деле такое.

— Но это было чудесно, — сказал Альберт. — Боже мой, просто потрясающе!

— Полный отпад! — радостно крикнула Бетани, захлопала в ладоши и запела рок «Айда опять».

— Что предпримем, Брайан? — спросил Боб. — Есть идеи?

— Братцы, охота наружу. Подышим свежим воздухом, просто на небо поглядим.

— А властям не следует сообщать о...

— Это непременно, — ответил Брайан. — Но сперва — небо!

— И заодно чего-нибудь перекусить по пути, — предложил Руди.

Брайан засмеялся:

— А почему бы и нет?

— А у меня часы стоят, — сказала Бетани.

Брайан посмотрел на свои: они тоже не шли. Все их часы остановились.

Брайан отстегнул ремешок, с полным безразличием бросил свои часы на пол и обнял Лорел за талию.

— Все, братцы! Давайте гулять! — заявил Брайан решительно. — Если только ни у кого нет желания полететь на восток.

— Ну уж, не сегодня, — сказала Лорел. — Но скоро. Прямоком в Англию. Мне там нужно встретиться с одним человеком... — На какой-то момент сердце сжалось от страха: забыла название... но тут же вспомнила. — Флутинг! — сказала она. — Спросить кого угодно на Хай-стрит. Старики до сих пор кличут его «папашей».

— Что это ты говоришь? — спросил Альберт.

— Маргаритки, — ответила она и засмеялась. — Я, кажется, говорю о маргаритках. Ладно, пошли!

Боб широко улыбнулся, обнажив розовые, как у младенца, десны.

— А я думаю, если следующий раз придется отправляться в Бостон, — лучше поеду поездом.

Лорел поддела носком туфли часы Брайана.

— Ты уверен, что они тебе не нужны? Выглядят дорожными.

Брайан улыбнулся, помотал головой и поцеловал ее в лоб. Как приятно было поцеловать ее. Он чувствовал себя заново родившимся, каждый дюйм его тела — новенький, свежий, не тронутый окружающей средой. Ему показалось — стоит раскинуть руки и он сможет полететь.

— Черт с ними, с часами, — сказал он. — Я знаю, что такое время. Знаю, сколько его.

— Ну и сколько сейчас?

— Тридцать минут спустя сейчас.

Альберт хлопнул его по спине.

Они пошли все вместе к выходу, лавируя среди пассажиров, недовольных задержками рейсов. Многие оборачивались на них с любопытством. И не потому, что, судя по всему, носы их недавно кровоточили, и не потому, что они весело хохотали среди мрачной публики.

На них обращали внимание потому, что все они выглядели каким-то образом ярче, чем все остальные в переполненном аэропорту.

Они были более реальны.

Только для метеоров, — снова вспомнил Брайан и вдруг подумал об одном пассажире на самолете — с черной бородой. — Такого похмелья этот мужик в жизни не забудет, — подумал Брайан с усмешкой. Он потянул Лорел за руку и заставил побежать бегом за собой. Она расхохоталась и охотно пустилась вместе с ним прочь из аэропорта.

Все пятеро теперь бежали к эскалатору навстречу огромному миру, который начинался за ним.

ТУМАН

ТУМАН

Вот как все это было.

В июле 19.. года, в ту ночь, когда на севере Новой Англии спала наконец самая страшная за всю ее историю жара, в западной части штата Мэн разразилась невиданная по силе буря.

Мы жили на озере Лонг-Лейк и заметили, как первые порывы ветра били по глади озера перед самым закатом. За час до этого был полнейший штиль. Американский флаг, который мой отец вывесил над лодочным сараем еще в 1936 году, безвольно приник к штоку. Жара стояла густая, осязаемая и, казалось, такая же глубокая, как вода в озере. После обеда мы все втроем ходили купаться, и даже в воде не было спасения, если не уплывать на глубину. Но ни Стеффи, ни я не хотели этого делать из-за Билли. Ему было всего пять лет.

В полшестого мы перебрались на верхнюю террасу с видом на озеро и принялись за холодный ужин, безо всякого энтузиазма ковыряя салат с картошкой и пережевывая бутерброды с ветчиной. Никому, похоже, ничего не хотелось, кроме пепси-колы, стоявшей в железном ведерке с кубиками льда.

После ужина Билли отправился играть, а мы со Стеффи остались на террасе и молча курили, изредка поглядывая в сторону Харрисона на противоположном берегу озера. Деревья там стояли пыльные, пожухлые. На западе, словно армия перед наступлением, собирались огромные фиолетовые гроззовые тучи, среди которых то и дело вспыхивали молнии. И каждый раз при этом радиоприемник нашего соседа Брента Нортонa, настроенный на класси-

ческую музыку, откликался громким треском. Нортон имел адвокатскую практику в Нью-Джерси, а на Лонг-Лейк у него был только летний коттедж. Года два назад у нас с ним возник конфликт из-за границы участков, дело дошло до суда, и я выиграл. Как считал Нортон, выиграл только потому, что он — нездешний, и с тех пор отношения между нами оставались довольно прохладными.

Стефф вздохнула и принялась обмахиваться верхним краем купальника.

— Не хочу тебя пугать, — сказал я, — но, думаю, скоро начнется сильная буря.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Вчера тоже были тучи, и позавчера, но разошлись...

— Сегодня не разойдутся.

— Ты уверен?

— Если буря будет очень сильной, нам надо будет спуститься вниз.

— Ты думаешь, она будет сильной?

Мой отец первым построил на этой стороне озера кирпичный дом, в котором можно было жить круглый год, но в 1938 году буря разрушила его до основания, даже стены не уцелели. Остался только лодочный сарай. Через год отец начал строить новый дом.

— Не знаю, — сказал я, что в общем-то было правдой, поскольку о большой буре тридцать восьмого знаю только по рассказам. — Но ветер с озера может разогнаться, как скорый поезд.

Чуть позже вернулся Билли, жалуясь, что играть стало не интересно, потому что он «весь взмок». Я взъерошил ему волосы и открыл для него еще одну бутылку пепси.

Тучи подбирались ближе, отодвигая голубизну неба в стороны. Медленно прокатившись над озером и вернувшись назад эхом, прогремел гром. Тучи вились и перекачивались: черные, фиолетовые, полосатые, снова черные. Постепенно они нависли над озером, и я увидел, как из них опускается тонкая завеса дождя. Но пока еще дождь был далеко, где-нибудь над Болстерс-Миллс или над Норвеем.

Появившийся было ветерок неуверенно поднял флаг, затем снова опустил его. Однако становилось свежее, и

вскоре ветер окреп. В этот момент я и увидел бегущий по озеру серебристый смерч. Через несколько секунд пелена дождя закрыла Харрисон и двинулась прямо на нас.

— Папа! Смотри!

— Пойдем в дом, — я встал и положил руки ему на плечи.

— Но ты видишь? Пап, что это?

— Водяной смерч. Пойдем.

Стефф бросила на меня короткий укоризненный взгляд и сказала:

— Пойдем, Билли. Папу надо слушаться.

Мы прошли в гостиную через раздвижные стеклянные двери, после чего я закрыл их на щеколду и остановился, глядя наружу. Серебристая завеса уже прошла три четверти пути через озеро, превратившись в бешено крутящуюся воронку между просевшим черным небом и поверхностью воды цвета свинца с потеками чего-то белого. Озеро стало похожим на океан. Высокие волны набегали на берег и, разбиваясь о причалы и волнорезы, взлетали фонтанами брызг.

Смерч заворачивал. Он почти подобрался к нашему берегу, когда молния полыхнула так ярко, что с полминуты я видел все как на негативной пленке. Я обернулся к своим: жена и сын стояли возле большого панорамного окна с видом на северо-западную часть озера.

И тут меня посетило одно из тех ужасных видений, которые уготованы лишь мужьям и отцам: стекло, взрывающееся внутрь с тяжелым, похожим на кашель треском; кривые стрелы осколков, летящие в обнаженный живот жены и лицо сына. Я схватил их обоих за руки и рывком оттащил от окна.

— Что вы встали тут, черт побери! Марш отсюда...

Стефф посмотрела на меня удивленно, а Билли выглядел так, словно его только что пробудили из глубокого сна. Я отвел их на кухню и включил свет.

И тут налетел ветер. У меня было впечатление, что дом взлетает, словно «Боинг-747». Где-то засвистело высоко и протяжно, срываясь на басовый рев перед тем, как снова плавно перейти в пронзительный визг.

— Идите вниз, — прокричал я Стефф. Прямо над домом захлопал гром — словно громадные доски бились друг об друга. Билли вцепился мне в ногу.

— Ты тоже иди! — крикнула в ответ Стефф.

Я махнул рукой, прогоняя их. Затем с трудом оторвал Билли.

— Иди с мамой. Я хочу на всякий случай найти свечи.

Он пошел за ней вниз, а я принялся рыться в ящиках. Странные штуки эти свечи. Кладешь их каждую весну в определенное место, зная, что из-за летней бури может нарушиться энергоснабжение, но, когда приходит время, они прячутся.

Четвертый ящик. Заводные игрушечные челюсти, купленные для Билли в магазине новинок; куча фотографий, которые Стефф давно уже собиралась наклеить в семейный альбом... Я заглянул под толстенный торговый каталог и пошарил рукой за резиновой куклой, сделанной в Тайване. Куклу я выиграл, сбивая кегли теннисными мячами...

Свечи, все еще упакованные в полиэтиленовую обертку, оказались за этой самой куклой со стеклянными неживыми глазами. Как раз в тот момент, когда я их нащупал, свет погас. Гостиную то и дело озаряло сериями частых белых и фиолетовых вспышек. Я услышал, как внизу заплакал Билли и Стефф начала говорить ему что-то успокаивающее. Меня потянуло еще раз взглянуть в окно.

Смерч или уже прошел, или иссяк, добравшись до берега, но все равно дальше двадцати ярдов на озере ничего не было видно. Вода буквально кипела. Мимо несло чей-то причал, видимо, Джессеров, то разворачивая сваями вверх, то вновь скрывая их под бурлящей водой.

Лишь только я спустился вниз. Билли обхватил меня за ноги. Я взял его на руки, прижал к себе, потом зажег свечи. Мы сидели в комнате для гостей, через коридор от моего маленького кабинета. Сидели, глядя друг на друга в мигающем желтом свете свечей, и слушали, как буря бьется в наш дом. Минут через двадцать послышался сухой треск дерева, и мы поняли, что где-то рядом упала одна из больших сосен. Затем наступило затишье.

— Все? — спросила Стефф.

— Может быть, — сказал я. — А может быть, еще нет.

Мы поднялись наверх, каждый со свечой в руке, словно монахи, идущие на вечернюю молитву. Билли держал свою свечу с гордостью: нести огонь — это для него много значило. И помогало забыть, что ему страшно.

Билли уже давно было пора спать, но ни я, ни Стефф не стали заставлять его идти в постель. Мы просто сидели в гостиной, слушали ветер и наблюдали за молниями. Потом Билли пристроился у Стефф на коленях и попытался заснуть.

Примерно через час ветер снова начал крепчать. В течение последних трех недель держалась температура около 90 градусов, а шесть раз за эти двадцать с лишним дней станция Национальной Метеорологической Службы портлендского аэропорта сообщала, что температура перевалила за сто. Невероятная погода. Плюс суровая зима, плюс поздняя весна, — и люди опять заговорили о том, что все это — последствия испытаний атомных бомб в пятидесятых годах.

Второй шквал оказался менее сильным, но мы услышали грохот падения нескольких деревьев, ослабленных первой атакой ветра. И, когда он начал совсем стихать, одно из деревьев рухнуло на нашу крышу. Билли вздрогнул и с опаской поглядел на потолок.

— Дом выдержит, малыш, — успокоил я.

Билли неуверенно улыбнулся.

Около десяти налетел последний шквал. Ветер взревел также громко, как в первый раз, а молнии, казалось, засверкали прямо вокруг нас. Снова падали деревья. Недалеко от воды что-то с треском рухнуло, и Стефф невольно вскрикнула, но Билли по-прежнему безмятежно спал у нее на коленях.

— Дэвид, что это было?

— Я думаю, лодочный сарай.

— О, Боже...

* 90 градусов по Фаренгейту примерно соответствует 32 градусам по Цельсию.

— Стеффи, пойдем вниз. — Я взял Билли на руки. Стефф смотрела на меня большими испуганными глазами.

— Дэвид, все будет в порядке?

— Да.

— Правда?

— Правда.

Мы отправились вниз. А через десять минут, когда порывы достигли максимальной силы, сверху донесся грохот и звон разбиваемого стекла: разлетелось панорамное окно. Так что привидевшаяся мне сцена, быть может, вовсе и не была столь нелепой. Стефф, которая к тому времени задремала, вскрикнула и проснулась. Билли заворочался в постели.

— Комнату зальет дождь, — сказала она. — Мебель испортит...

— Зальет — значит, зальет. Мебель застрахована.

— Мне от этого не легче, — произнесла она расстроенно. — Шкаф твоей матери... Наш новый диван... Цветной телевизор...

— Ш-ш-ш, — сказал я. — Спи.

— Не могу, — ответила она, но минут через пять уснула.

Я не ложился еще с полчасца, оставив для компании свечу горящей, и слушал, как бродит, бормоча, снаружи гром. Нетрудно было представить, как завтра утром множество людей, живущих вокруг озера, начнут вызывать своих страховых агентов, как зажужжат бензопилы владельцев тех домов, чьи крыши и окна пострадали от падающих деревьев, как на дорогах появятся оранжевые машины энергокомпании.

Буря стихала, и, вроде бы, нового шквала не предвиделось. Оставив Стефф и Билли, я поднялся наверх — посмотреть, что стало с комнатой. Раздвижная дверь уцелела, но там, где было панорамное окно, зияла рваная дыра, из которой торчали ветки березы — верхушка старого дерева, стоявшего с незапамятных времен во дворе у входа в погреб. И я понял смысл реплики Стефф, когда она говорила, что ей не легче от того, что у нас все застраховано. Я любил это дерево. Много суровых зим

мы пережили с ней — единственной березой на нашем берегу, которую я никогда даже и не думал спиливать. В лежащих на ковре больших кусках стекла многократно отражалось пламя свечи, и я подумал, что нужно будет обязательно предупредить Стефф и Билли, а то они оба любили шлепать по утрам босиком.

Я пошел вниз. В ту ночь мы все трое спали на кровати для гостей: мы со Стефф по краям, а Билли между нами.

Утро было ясное и чистое, как звук колокола. Дул легкий ветерок, от которого по дороге весело бегали чередующиеся пятна света и теней от деревьев.

— О-о-о! — вывалось у Билли.

Он стоял у забора, отделяющего нас от участка Нортонна, и смотрел вдоль подъездной аллеи, ведущей к нашему дому. Аллея эта, длиной около четверти мили, выходит на грунтовую дорогу, которая через три четверти мили, в свою очередь, выходит на двухрядное шоссе, называемое Канзас-роуд. Оттуда можно доехать куда угодно или, во всяком случае, до Бриджтона. Я взглянул в ту же сторону, куда смотрел Билли, и у меня похолодело на сердце.

— Ближе не подходи, малыш. Даже здесь уже опасно.

Билли спорить не стал.

Недалеко от того места, где он стоял, из травы доносилось шипение, и на первый взгляд могло показаться, что там извивается клубок змей: ведущие к нашему дому провода оборвались и лежали теперь беспорядочными витками всего футах в двадцати от нас на участке выжженной травы. Изредка они лениво переворачивались и плевались искрами. Если бы пронесшийся ливень промочил деревья и траву не так основательно, дом мог бы загореться. А так на траве образовалась лишь почерневшая проплешина там, где спутались провода.

— Электричество может убить человека, пап?

— Да. Может.

— А что мы будем с ним делать?

— Ничего. Подождем машину энергокомпании.

— А когда они приедут?

— Не знаю. — У пятилетних детей вопросов бывает хоть отбавляй. — Думаю, сегодня утром у них полно забот. Хочешь пройтись со мной до конца аллеи?

Он двинулся за мной, затем остановился, с подозрением глядя на провода. Один из них вдруг выгнулся и лениво перевернулся, словно бы приманивая к себе.

— Пап, а электричество может пройти через землю?

Справедливый вопрос.

— Да, но не беспокойся. Электричеству нужна земля, а не ты. Все будет в порядке, если ты не станешь подходить близко к проводам.

— Земля нужна... — пробормотал он, подбежав ко мне, и мы, взявшись за руки, пошли по аллее.

Все оказалось несколько хуже, чем я ожидал. В четырех местах на дорогу упали деревья: одно маленькое, два средних и еще одно совсем старое, толщиной, наверное, футов пять, облепленное мохом, словно корсетом из гнили.

Повсюду валялись ветки с ободранными листьями, и мы с Билли дошли до самой грунтовой дороги, отбрасывая в сторону те из них, что были не очень большие.

— Пап, можно я пойду к озеру?

Он устал бросать ветки, а когда ребенок устает что-то делать, единственный разумный способ занять его — это разрешить делать что-то другое. Мы вместе вернулись к дому, и здесь Билли побежал направо, обогнув дом и упавшие провода по широкой дуге, а я пошел налево к гаражу. Как я и предвидел, вдоль всего берега озера уже запели свою заунывную песню бензопилы соседей. Я залил в бачок пилы бензин, снял рубашку и двинулся было к аллее, но тут, озабоченно глядя на поваленные деревья, из дома вышла Стефф.

— Как дела?

— Справляюсь. Как дома?

— Я убрала стекла, но, Дэвид, ты должен сделать что-нибудь с березой. Дерево в гостиной будет нам мешать.

— Пожалуй, ты права, — преувеличенно серьезно сказал я.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. Я поставил пилу на бетонированную площадку у крыльца и поцеловал Стефф.

— Не надо... — прошептала она. — Билли...

В тот же момент он выскочил из-за угла.

— Папа! Папа! Иди посмотри...

Стефф заметила оборванные провода и закричала, чтобы он был осторожнее. Билли, бежавший достаточно далеко от них, остановился.

— Все в порядке, мама, — произнес он таким тоном, каким люди обычно успокаивают очень старых и глупых, и двинулся к нам, демонстрируя, что с ним действительно все в порядке.

— Не волнуйся, — сказал я Стефф. — Он предупрежден.

— Да, но людей регулярно убивает ток, — возразила она. — По телевизору все время предупреждают про оборванные провода... Билли, немедленно иди домой!

— Да ну, ладно, мам... Я хочу показать папе лодочный сарай. — Глаза его просто лезли из орбит от возбуждения.

— Иди домой! Эти провода опасны и...

— Папа сказал, что им нужна земля, а не я...

— Билли, не спорь со мной!

— Сейчас я приду посмотреть, малыш. Ты пока беги... — Я почувствовал, как напряглась Стефф, — ...с другой стороны дома.

— Ага. Ладно.

Он пронесся мимо нас. Рубашка вылезла у него из брюк. Он скрылся за углом, и вскоре оттуда донеслось еще одно «о-о-о!», свидетельствующее о том, что он обнаружил новые следы разрушения.

— Билли знает про провода, — сказал я Стефф, положив руки ей на плечи. — Он боится их, и этого достаточно, потому что так он будет в безопасности.

По ее щеке скатилась слеза.

— Я тоже боюсь, Дэвид.

— Ну что ты. Все уже кончилось.

— Ты уверен? Зима была плохая... И поздняя весна... В городе ее называют «черной весной». Говорят, что такого в здешних местах не было с 1888 года...

«Говорят» — это наверняка имеется в виду миссис Кармоди, владелица «Бриджтонского антиквариата», магазинчика всякого хлама, в который Стефф иногда заглядывала. Билли всегда с радостью ходил с ней. Там, в глубине магазинчика, в одной из пыльных комнат «жили» чучела сов с окаймленными золотыми блестками глазами, навсегда расправившие крылья и ухватившиеся лапами за полированные сучья, три енотов, стоящих возле «ручья», сделанного из длинного куска покрывшегося пылью зеркала, и даже изъеденное молью чучело застывшего в леденящем душу вечном молчаливом рыке волка, из пасти которого вместо слюны падали опилки. Миссис Кармоди уверяла, что волка еще в 1901 году застрелил ее отец, когда этот зверь пришел напиться у ручья Стивен-Брук.

Эти экспедиции в антикварную лавку доставляли и жене, и сыну массу удовольствия. Стефф успокаивало перебирание стеклянных украшений, а Билли изучал «смерть во имя таксидермии». Но мне, однако, всегда казалось, что старуха довольно неприятным образом влияет на здравомыслие Стефф, которая во всех других отношениях была практична и рациональна. Старухе просто удалось найти ее слабое место, «ахиллесову пяту» ее натуры. Впрочем, в городе Стефф не являлась единственным человеком, кого миссис Кармоди удалось приворожить своими предсказаниями и народными рецептами (которые прописывались всегда именем Божиим).

Вода из гнилого пня поможет вам избавиться от синяков под глазами, если ваш муж из тех, что после третьей рюмки распускают руки. Предсказать зиму вы сможете, сосчитав в июле количество сегментов на гусеницах или измерив толщину пчелиных сот в августе. А сейчас, Боже спаси и сохрани, вновь наступила *черная весна 1888 года* (восклицательных знаков поставьте, сколько вам захочется). Я тоже слышал эту историю. Ее здесь любят рассказывать: если весна будет достаточно холодная, лед на реке станет черным, как гнилой зуб. Редкое, конечно, явление, но едва ли из тех, что случаются раз в столетие. Тем не менее, эту историю рассказывают все, но я сомневаюсь,

чтобы кто-нибудь, кроме миссис Кармоди, мог рассказывать ее с такой убедительностью.

— Была обычная плохая зима, потом — поздняя весна. Теперь наступило жаркое лето. Прошла буря, но теперь уже все закончилось. Ты же всегда умела рассуждать здраво, Стефф.

— Это была не обычная буря, — сказала она неожиданно хриплым голосом.

— Хорошо. В этом я с тобой соглашусь.

Рассказ о «черной весне» мне довелось услышать от Билла Джости, владельца и в некотором смысле управляющего «Мобил Джости» в Каско Виллидж.

Стефф снова с сомнением поглядела на упавшие провода.

— Когда приедут люди из энергокомпании?

— Как только смогут. Скоро. И не волнуйся за Билли. У него голова на месте. Он, может быть, иногда забывает убрать свою одежду, но, уверяю тебя, он не будет бегать посреди проводов под напряжением. Он прекрасно понимает, что такое «опасно». — Я коснулся пальцем уголка ее рта, и он послушно двинулся чуть вверх, рождая улыбку. — Уже лучше?

— Когда я поговорю с тобой, мне всегда становится лучше, — сказала она, и мне от этого тоже стало лучше.

— Тогда пойдем посмотреть развалины.

— Для этого, — фыркнула Стефф, печально улыбнувшись, — мне достаточно пройти в гостиную.

— Ну, тогда просто доставь малышу удовольствие.

Мы спустились вниз по каменным ступеням и только дошли до первого поворота, как навстречу нам, едва не сбив с ног, вылетел Билли.

— Ты что так носишься? — воскликнула Стефф, нахмурясь. Возможно, ей представилось, как он, не рассчитав, влетает в этот страшный клубок искрящихся проводов.

— Идите скорее! — задыхаясь, закричал Билли. — Лодочный сарай раздавило! Пристань выкинуло на камни, а в бухте деревья. Черт знает что!

— Билли Дрейтон! — негодуяще прикрикнула Стефф.

— Ой, больше не буду, мам... Идите скорее... Там... — И он снова исчез.

— «Произнеся мрачное пророчество, он удалился», — сказал я, и Стефф рассмеялась. — Пожалуй, как только распилю деревья на дороге, я сгоняю в контору «Энергоцентра Мэна» на Портленд-роуд и расскажу им, что у нас случилось, хорошо?

— Хорошо. — Она обрадовалась. — Когда ты сможешь поехать?

Если не считать того большого дерева в корсете из мха, то работы было от силы на час. Но с ним я не рассчитывал справиться раньше одиннадцати.

— Тогда я принесу тебе ленч. Но ты должен будешь заехать в магазин и кое-что купить... У нас почти кончилось молоко и масло. И к тому же... Ну, в общем, я напишу тебе список.

Обняв Стефф за плечи, я кивнул, и тут мы дошли до угла дома. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, от чего Билли пришел в такое возбуждение.

— Боже, — слабым голосом произнесла Стефф.

С небольшой возвышенности, где мы стояли, отлично просматривалось почти четверть мили побережья: участок Биббера слева, наш участок и участок Брента Нортонa справа. Огромная старая сосна, охранявшая нашу лодочную гавань, сломалась пополам. То, что осталось, торчало из земли, словно неаккуратно заточенный карандаш, и поблескивающая на изломе древесина казалась беззащитно белой по сравнению с потемневшей от времени и непогоды корой. Верхняя же половина старой сосны, около ста футов длиной, рухнула и наполовину ушла в воду в нашей мелкой бухте. Нам здорово повезло, подумал я, что наш «Звездоплаватель» не затонул под ней: с неделю назад мотор катера стал барахлить, и я отогнал его в Нейплс, где он до сих пор терпеливо дожидался ремонта. На другом конце нашего маленького участка берега лежали обломки лодочного сарая, раздавленного вторым деревом. Тут я увидел, что упавшее дерево росло на участке Нортонa, и меня охватило негодование. Это дерево высохло еще лет пять назад, и Нортону давно

следовало спилить его. Теперь же оно упало само. Тонкие планки из пробитой деревом дыры разбросало ветром по всему берегу. Когда Билли сказал, что сарай «раздавило», он не сильно погрешил против истины.

— Это дерево Нортон! — сказала Стефф, и в голосе ее чувствовалось такое негодование, что я улыбнулся, несмотря на собственную боль в душе. Шток с флагом упал в воду и плавал вместе с запутавшимся шнуром. Разглядывая все это, я представил себе ответ Нортон: «А ты подай на меня в суд!»

Билли забрался на волнорез, разглядывая выброшенный на камни причал, покрашенный в голубую и желтую полосы. Оглянувшись через плечо, он радостно закричал:

— Это, наверное, причал Мартинсов, да?

— Он самый, — сказал я. — Большой Билл, как насчет того, чтобы слазить в воду и выловить флаг?

— Сейчас!

Билли полез за флагом. И остановился. В тот же момент я почувствовал, как насторожилась Стефф, и заметил причину этого сам. Весь берег со стороны Харрисона исчез за стеной тумана. Даже намек на береговую линию не было видно, но за долгие годы жизни здесь я столько раз смотрел на противоположный берег Лонг-Лейк, что мне казалось, будто ровная, словно вычерченная по линейке полоса тумана скрыла всего несколько ярдов воды.

— Что это, папа? — крикнул Билли, стоя по колено в воде и пытаясь дотянуться до вымокшего флага.

— Туман.

— На озере? — с удивлением спросила Стефф, и я увидел в ее глазах отблеск влияния миссис Кармоди. Черт бы побрал эту старуху!

— Ну да. Ты никогда раньше не видела тумана на озере?

— Такого — никогда. Он больше похож на облако.

— Это потому, что свет яркий, — сказал я. — То же самое можно увидеть, пролетая над облаками на самолете.

— Но откуда он взялся? Туман бывает здесь только в сырую погоду.

Я взглянул на разрушенный сарай, потом посмотрел на полосу тумана. Мне показалось, что он приблизился, но за это я бы не поручился. Если он приближался, то опровергал все законы природы, потому что ветер — легкий бриз — дул с нашей стороны. Туман был белым-белым. Единственное, с чем я мог его сравнить, это с только что выпавшим снегом, ослепительно контрастирующим с глубокой голубизной зимнего неба. Но снег всегда отражает тысячи и тысячи алмазных лучиков солнца, а этот странно яркий и чистый туман не блестел совсем. Несмотря на слова Стефф, туман в ясные дни не такое уж редкое явление, но когда его много, от взвешенной в воздухе влаги почти всегда возникает радуга. Сегодня радуги не было. Снова вернулось какое-то тяжелое предчувствие, но не успело оно окрепнуть, как я услышал низкое механическое «чух-чух-чух», за которым последовало едва слышное: «Вот черт!» Механический звук повторился, но человек смолчал. В третий раз за кашляющим звуком мотора последовало: «Чтоб тебя!», произнесенное тем же тоном. Тонем человека, решившего самостоятельно справиться с трудной задачей и быстро в этом решении разочаровавшегося.

«Чух-чух-чух-чух...»

Я невольно улыбнулся. Звуки здесь разносятся хорошо, жужжащие бензопилы были далеко, и я без труда узнал не особенно приятный голос моего соседа, Брента Нортонна. Спустившись ближе к воде, я сделал вид, что просто иду к причалу, выброшенному на наш волнорез. Отсюда Нортонна уже стало видно. Он стоял на усыпанной старыми сосновыми иглами прогалине у веранды, одетый в заляпанные краской джинсы и спортивную майку. Его прическа стоимостью в сорок долларов совершенно потеряла форму, а по лицу стекал пот. Стоя на одном колене, он пытался завести свою бензопилу. В глубине души я даже немного обрадовался, увидев, что на его стол для пикников упала желтая береза и разломила его на две части. Нортон снова рванул трос стартера.

«Чух-чух-чухчухчух-чох! Чох-чих-чих... Чох! Чух!»

Почти удалось, приятель.

Еще один рывок, достойный Геркулеса.

«Чух-чух-чух».

— Скотина! — яростно проговорил Нортон, обозлившись на свою шикарную бензопилу.

Я отвернулся, чувствуя себя в первый раз за все утро по-настоящему хорошо. Моя пила завелась с первого же рывка, и я принялся за работу.

Около десяти кто-то постучал меня по плечу. Я обернулся и увидел Билли с банкой пива в одной руке и списком, составленным Стефф, в другой. Засунув список в задний карман джинсов, я взял у него банку пива, не то чтобы совсем ледяного, но, во всяком случае, холодного, и одним глотком махнул сразу половину.

— Спасибо, малыш.

— Мама что-то приписала внизу, но я не смог разобрать ее почерк, — сказал Билли. Я достал листок из кармана. «Никак не поймаю «ВОКСО» по радио, — написала Стефф. — Может, после бури они не могут выйти в эфир?»

«ВОКСО» — местная автоматическая станция, транслирующая рок-музыку в длинноволновом диапазоне. Станция передает из Норвея, что примерно милях в двадцати к северу, и это почти все, что берет наш старый слабенький приемник.

— Скажи маме: «может», — поручил я Билли, предварительно прочитав ему сам вопрос. — И пусть она попробует поймать Портленд на коротких волнах.

— Хорошо. Пап, а мне можно будет поехать с тобой в город?

— Конечно. И тебе, и маме, если она захочет.

— О'кей! — он бросился к дому с пустой банкой в руке. Добравшись наконец до большого дерева, я сделал первый пропил, затем заглушил пилу, чтобы дать ей немного остыть. Дерево для нее было слишком большим, но я полагал, что справлюсь, если не буду пытаться спешить. Неожиданно я подумал, а расчищена ли дорога, ведущая к шоссе Канзас-роуд, и как раз в этот момент в просвете между деревьев мелькнул оранжевый грузовик энергокомпании, направлявшийся, видимо, в дальний конец

нашего маленького отрезка дороги. Значит, все в порядке, и к полудню, можно надеяться, люди из энергокомпании будут у нас и займутся проводами. Я отпилил большой кусок ствола, оттащил его к краю дороги и подумал, что было бы неплохо выпить еще пива: одна банка только растревает душу. Затем снова взялся за пилу, но меня продолжали преследовать тревожные мысли насчет «ВОК-СО». Именно с той стороны надвигался этот странный туман. И там же был городок Шеймор, где размещался «Проект *Стрела*».

Этот самый «Проект *Стрела*» у Билла Джости аналогом «черной весны». В западной части Шеймора, недалеко от того места, где город граничит с Стоунхемом, действительно находился принадлежащий правительству участок земли, обнесенный колючей проволокой. Зона охранялась часовыми. Никто не знал, откуда, собственно, взялось название «Проект *Стрела*», и никто не мог сказать с уверенностью, действительно ли это название проекта и ведутся ли там вообще какие-нибудь работы. Однако Билл Джости утверждал, что ведутся, но, когда я спросил его, каким образом и откуда он это узнал, начал крутить: якобы его племянница работает в телефонной компании «Континенталь» и слышит порой разные вещи. Он всегда отвечал в таком духе.

— Это все — атомные дела, — сказал он как-то, дохнув на меня мощным пивным духом. — Вот этим они там и занимаются. Атомы в воздух пуляют и все такое.

— Мистер Джости, в воздухе атомов и так полно, — влез в разговор Билли. — Так сказала мисс Нири. Она говорила, что атомов везде полно.

Билл Джости уставился на моего сына долгим взглядом своих покрасневших глаз, отчего Билли постепенно сник.

— Это совсем *другие* атомы, сынок.

— А-а-а, да... — пробормотал Билли, не вступая в спор.

Дик Мюллер, наш страховой агент, говорил, что «Проект *Стрела*» — это опытная сельскохозяйственная станция, выполняющая работу правительства, не более того.

— Крупные томаты, плодоносящие долгое время, — изрек Дик глубокомысленно и вернулся к разъяснениям по поводу того, как я могу наиболее эффективным образом помочь своей семье, умерев молодым. Миссис Кармоди... Она, пожалуй, склонялась к мнению Билла Джости: не просто атомы, а *другие* атомы.

Я отпил еще два куска от дерева, потом снова пришел Билли с банкой в одной руке и запиской от Стефф в другой. Если и есть какое-нибудь дело, которое Большой Билл любит больше, чем бегать с поручениями, то я просто не представляю, что бы это могло быть.

— Спасибо, — сказал я, забирая у него пиво и записку.

— А мне можно глоток?

— Только один. А то в прошлый раз ты сделал два. Я не могу позволить, чтобы ты бегал пьяный в десять утра.

— Уже четверть одиннадцатого, — сказал он смущенно. Я улыбнулся в ответ: юмор так себе, но Билли так редко пытается шутить. Затем я прочитал записку. «Поймала «Джей-Ви-Кью», — писала Стефф. — Не напивайся, пока не съездишь в город. Я разрешаю тебе еще одну банку, но до ленча это все. Как ты думаешь, дорога свободна?»

Я отдал Билли записку.

— Скажи маме, что с дорогой все в порядке, потому что я видел, как прошел грузовик энергокомпании. Скоро они доберутся и сюда.

— О'кей.

— Малыш?

— Что, пап?

— Скажи маме, что все в порядке.

Он снова улыбнулся, словно сначала повторил это про себя, сказал «о'кей» и бегом бросился к дому. Я стоял и глядел, как мелькают подошвы его кедов. Я люблю его. Есть что-то такое в его лице и в том, как он смотрит на меня, от чего мне начинает казаться, что в жизни все в порядке. Конечно, это ложь: в нашем мире никогда не бывает все в порядке, и никогда не было. Но мой сын дает мне возможность поверить в эту ложь.

Я отпил немного пива, осторожно поставил банку на камень и взялся за пилу. Минут через двадцать кто-то легонько постучал мне по плечу, и я обернулся, ожидая снова увидеть Билли. Но оказалось, что это Brent Нортон, и я заглушил пилу. Выглядел он не совсем так, как обычно. Он был потный, уставший, несчастный и немного ошарашенный.

— Привет, Brent, — сказал я. Последний раз мы с ним разговаривали довольно резко, и я не знал, как сейчас себя вести. У меня сложилось забавное ощущение, что последние минут пять он стоял в нерешительности за моей спиной и старательно прочищал горло. Этим летом я его толком даже не видел. Он похудел, но выглядел не лучше обычного. Жена его умерла в прошлом ноябре. От рака, как сообщила Стефф Агги Биббер, которая все про всех знает. В каждой округе есть такие. Из того, как Нортон обычно изводил и унижал свою жену (делая это с легкой презрительностью матадора-ветерана, всаживающего бандерильи в тело старого неуклюжего быка), я предположил, что он даже рад этой развязке. Я мог бы даже предположить, если бы меня спросили, что на следующее лето он появится под руку с девицей лет на двадцать моложе его и с глупой сальной улыбкой на лице. Но вместо глупой улыбки у него лишь прибавилось морщин, и вес сошел как-то не в тех местах, где нужно, оставив мешки, складки и наплывы. На какое-то мгновение мне захотелось отвести его на солнце, усадить рядом с упавшим деревом, дать ему в руку банку пива и сделать угольный набросок портрета.

— Привет, Дэйв, — ответил он после продолжительного неловкого молчания, показавшегося мне еще более гнетущим без треска бензопилы. Он помолчал еще, потом буркнул: — Это чертово дерево. Извини. Ты был прав...

Он издал горлом какой-то странный звук. Губы его шевельнулись, словно у беззубого старика, пережевывающего даты прошлого. Секунду мне казалось, что он вот-вот беспомощно заплачет, как ребенок в песочнице, но он кое-как справился с собой, пожал плечами и отвернулся, будто бы поглядеть на отпиленные мною куски ствола.

— Послушай, Дэйв, может быть, ты одолжишь мне машину сгонять в город? Я хочу купить хлеба, каких-нибудь закусок и пива. Много пива.

— Мы с Билли тоже собирались в город, — сказал я. — Если хочешь, поедем с нами. Только тебе придется помочь мне оттащить с дороги то, что осталось от дерева.

— С удовольствием.

Он ухватился за один конец ствола, но не смог даже приподнять его, и почти всю работу пришлось делать мне. В конце концов нам удалось скинуть сосну в заросли кювета. Нортон пыхтел и никак не мог отдышаться, щеки его стали совсем пунцовыми. А перед этим он уже столько раз дергал стартер своей пилы, что я начал немного беспокоиться, не случилось бы у него что-нибудь с сердцем.

Из дома вышла Стефф, и на секунду на ее лице застыло удивление, когда она увидела, с кем я иду. Нортон улыбнулся, ползая взглядом по ее плотно облегающей грудь кофточке. Все-таки он не сильно изменился.

— Привет, Брент, — сказала она настороженно, и из-под ее руки тут же высунул голову Билли.

— Привет, Стефани. Привет, Билли.

— Он поедет в город с нами.

— На это может уйти много времени. Возможно, вам придется заехать в магазин в Норвее.

— Почему?

— Ну, если в Бриджтоне нет электричества...

— Мама сказала, что все кассовые аппараты работают от электричества, — пояснил Билли.

— Что ж, справедливо.

— Ты еще не потерял список?

Я похлопал себя по карману, и Стефф перевела взгляд на Нортона.

— Мне было очень жаль, когда я узнала про вашу жену. Нам всем было жаль...

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо вам.

Затем наступил еще один период неловкого молчания, который нарушил Билли.

— Мы уже можем ехать, папа? — он успел переодеться в новые джинсы и кеды.

— Да, пожалуй. Ты готов, Брент?

— Если можно, одно пиво на дорожку, и я готов.

Стефф чуть нахмурилась. Она никогда не одобряла мужчин, которые водят машину, зажав между ног банку с пивом. Я едва заметно кивнул ей, и она, пожав плечами, принесла Нортону банку. Я не хотел сейчас спорить с ним.

— Благодарю, — сказал он Стеффи, даже не благодаря на самом деле, а только пробормотав это слово, словно разговаривал с официанткой в ресторане. Потом повернулся ко мне. — Ну, что ж, «вперед, Макдафф»!

— Одну минутку, — сказал я, направляясь в гостиную.

Нортон двинулся за мной, начал охать по поводу березы, но в тот момент меня не интересовали ни его впечатления, ни стоимость нового стекла. Я смотрел в сторону озера через окно, выходящее на террасу. Ветер немного окреп, и, пока я пилил деревья, стало теплее градусов на пять. Я думал, что странный туман наверняка разойдется, но этого не произошло. Более того, он стал ближе, добравшись уже до середины озера.

— Я тоже его заметил, — изрек Нортон с важным видом. — Надо думать, это какая-то температурная инверсия.

Мне это не нравилось. Никогда в жизни я не видел ничего подобного. Меня беспокоила на удивление прямая линия фронта наступающего тумана, потому что в природе не бывает таких линий: прямые грани — это изобретение человека. К тому же настораживала его ослепительная белизна, непрерывная и без влажного блеска. До тумана оставалось всего полмили, и контраст между ним и голубизной неба и озера стал еще более разительным.

— Поехали, пап! — Билли потянул меня за штанину.

Мы все вернулись в гостиную, и по пути Нортон еще раз окинул взглядом дерево, вломившееся в нашу гостиную.

— Жаль, что это не яблоня, а? — сострил Билли. — Это моя мама сказала. Здорово, да?

— Твоя мама просто прелесть, Билли, — сказал Нортон, взъерошив ему волосы машинальным жестом, и его

взгляд снова вернулся к кофточке Стефф. Нет, определенно он не тот человек, который мог бы мне понравиться.

— Послушай, а почему бы тебе не поехать с нами, Стефф? — спросил я. Сам не зная почему, я вдруг не захотел ее оставлять.

— Нет, я, пожалуй, останусь и займусь наведением порядка в саду, — ответила она. Взгляд ее скользнул по Нортону, потом снова перешел на меня. — Сегодня утром, похоже, здесь я — единственная машина, которой не требуется электричество.

Нортон рассмеялся, слишком громко и неискренне. Я понял, что она хочет сказать, но на всякий случай попробовал еще раз.

— Ты точно не поедешь?

— Точно, — ответила она твердо. — И потом, немного поработать мне не повредит.

— Ладно, только на солнце долго не сиди.

— Я надену соломенную шляпу. К приезду наделаю сандвичей.

— Отлично.

Она подставила щеку для поцелуя.

— Осторожнее там... На Канзас-роуд тоже могут быть поваленные деревья.

— Буду осторожен.

— И ты тоже, — сказала она Билли и поцеловала его в щеку.

— Хорошо, мама, — он вылетел на улицу, с грохотом захлопнув дверь.

Мы с Нортонem вышли за ним.

— Может, нам отправиться к тебе и перепилить то дерево, что упало на твою машину? — спросил я, неожиданно для себя начав придумывать причину, чтобы отложить поездку в город.

— Не хочу даже смотреть на него до тех пор, пока не перекушу и не приму еще банку-другую пива, — сказал Нортон. — Что случилось, то уже случилось, Дэйв.

Мы забрались все втроем на переднее сиденье «скаута», и я задним ходом выехал из гаража. Под колесами захрустели сорванные бурей ветки. Стефф стояла на

бетонной дорожке, ведущей к грядкам в западном конце нашего участка. В одной руке она держала садовые ножницы, в другой тяпку. На голову она надела старую мятую панаму, и лицо ее было в тени. Я дал два коротких гудка, она помахала в ответ той рукой, в которой держала ножницы, и мы выехали на дорогу.

Больше с тех пор я ее не видел.

Шоссе Канзас-роуд оказалось свободным от завалов, но в некоторых местах попадались оборванные провода, а примерно в четверти мили за туристским лагерем «Викки-Линн» в канаве лежал столб, у верхушки которого толстые провода спутались в какой-то дикой прическе.

— Однако, досталось нам от непогоды, — сказал Нортон своим гладким, натренированным в судебных заседаниях голосом, но сейчас он не работал на публику, а просто, видимо, был озабочен.

— Да уж.

Нортон допил пиво, смял банку рукой и рассеянно бросил ее на пол «скаута».

Билли принялся крутить ручки настройки приемника, и я попросил его посмотреть, вернулись ли в эфир «ВОКСО». Он прогнал движок до конца длинноволнового диапазона, но ничего, кроме какой-то нудятины, так и не поймал, и я попытался вспомнить, какие еще станции располагались по ту сторону этого странного тумана.

— Попробуй «Ви-Би-Эл-Эм», — сказал я.

Он прогнал движок в другую сторону, пройдя через передачи еще двух станций. Эти передавали, как обычно, но «Ви-Би-Эл-Эм», основная станция в Мэне, специализирующаяся на прогрессивном роке, молчала.

— Странно, — сказал я.

— Что — странно? — спросил Нортон.

— Нет, ничего. Просто мысли вслух.

Билли остановился на одной из музыкальных станций, и довольно скоро мы приехали в город.

Прачечную «Нордж» в торговом центре закрыли, поскольку без электричества в автоматической прачечной

делать нечего, но бриджтонская аптека и супермаркет «Федерал Фудс» работали. Как всегда в середине лета, на автостоянке перед супермаркетом было полно машин, и среди них многие — с номерами других штатов. Тут и там на солнцепеке стояли небольшие группки людей, видимо, обсуждали бурю, женщины с женщинами, мужчины с мужчинами.

Я заметил миссис Кармоди, повелительницу чучел и проповедницу воды из трухлявого пня. Одетая в ослепительный канареечного цвета брючный костюм, она вплыла в двери супермаркета. Сумка, похожая скорее на чемодан, висела у нее через руку. Потом какой-то идиот в джинсовой куртке, зеркальных очках и без шлема, пронесся мимо меня на «Ямахе», едва не задев передний бампер.

— Вот скотина! — прорычал Нортон.

Я объехал стоянку по кругу, подыскивая место, чтобы пристроиться. Мест не было, и я уже совсем было решился на долгую прогулку пешком из дальнего конца стоянки, когда мне повезло: из ряда, ближайшего ко входу в супермаркет, начал выбираться «кадиллак» размером с автобус. Как только он освободил место, я тут же его занял.

Список покупок я вручил Билли. Хотя ему всего пять, он умеет читать печатные буквы.

— Бери тележку и начинай. Я попробую позвонить маме. Мистер Нортон тебе поможет. Я скоро.

Мы выбрались из машины, и Билли сразу же схватил Нортон за руку. Мы когда-то давно приучили его не ходить по автостоянке без взрослых, и он до сих пор не забыл этого. Нортон сначала удивился, но потом улыбнулся, и я почти простил ему то, как он ощупывал глазами Стефф.

Я двинулся к телефону, что находился между аптекой и прачечной. Какая-то, видимо изнемогающая от жары, женщина в фиолетовом купальнике стояла у телефона и непрерывно дергала за рычаг. Остановившись за ее спиной, я сунул руки в карманы, размышляя, почему я так волнуюсь за Стефф и почему это волнение как-то связано с линией белого матового тумана, замолчавшими радиостанциями и «Проектом Стрела».

Женщина с обгоревшими, покрытыми веснушками полными плечами выглядела, словно вспотевший оранжевый ребенок. Она швырнула трубку на рычаг, повернулась к аптеке и тут заметила меня.

— Не тратьте время. Одно только «ту-ту-ту», — сказала она раздраженно и пошла прочь.

Я чуть не хлопнул себя по лбу. Конечно же, где-нибудь могло оборвать и телефонные провода. Часть из них проложена под землей, но ведь далеко не все. На всякий случай я попробовал позвонить. Телефоны-автоматы в здешних местах из тех, что Стеффи называет «параноидными». Вместо того, чтобы сразу опустить туда десятицентовик, вы сначала слышите гудок, потом набираете номер. Когда кто-то отвечает, телефон автоматически отключает микрофон, и вы должны срочно, пока там не повесили трубку, запихнуть свою монету. Это раздражает, но в тот день мне действительно пришлось сэкономить десять центов. Как сказала дама в купальнике, только «ту-ту-ту».

Толкнув дверь, я вошел в магазин и первым делом заметил, что кондиционеры не работают. Летом их включают так, что если пробудешь в магазине больше часа, наверняка что-нибудь себе отморозишь.

Как все современные супермаркеты, «Федерал» больше всего напоминает лабиринт, где волей современных методов торговли все покупатели превращаются в подопытных белых крыс. То, что вам действительно нужно, например, такие продукты, как хлеб, мясо, пиво, замороженные обеды, — все это находится в самом дальнем конце магазина, и, чтобы попасть туда, вам нужно пройти мимо того, что покупается под влиянием момента, мимо всяких «ненужных» предметов, начиная от зажигалок и кончая резиновыми костями для собак.

Я двинулся вдоль стеллажей, потом свернул налево и нашел своих только в третьем проходе, где Билли остановился в задумчивости перед упаковками желе и концентрата для пудинга. Нортон стоял у него за спиной, заглядывая в список в таком замешательстве, что я невольно улыбнулся.

Я стал пробираться к ним мимо полузагруженных тележек (очевидно, Стефф была не единственной, у кого сработал «беличий инстинкт») и обирающих стеллажи покупателей. Нортон выбрал две банки начинки для пирога и положил их в тележку.

— Как успехи? — спросил я, и Нортон оглянулся с видом явного облегчения.

— Все в порядке, да, Билли?

— Конечно, — сказал Билли и, не удержавшись, добавил ехидным тоном: — Правда, здесь записано еще много такого, что мистер Нортон тоже не смог разобрать.

Возле каждого пункта, который они с Билли выполнили, Нортон поставил по-адвокатски аккуратную галочку — примерно с полдюжины, включая молоко и упаковку кока-колы. Оставалось еще с десятков различных продуктов.

— Придется нам вернуться во «фрукты и овощи», — сказал я. — Маме нужны помидоры и огурцы.

Билли принялся разворачивать тележку, когда Нортон сказал:

— Ты лучше посмотри, как там с очередью, Дэйв.

Я пошел смотреть. Такое можно иногда увидеть лишь в газете на фотографии с какой-нибудь забавной надписью в дни, когда им больше нечего печатать. Работали только две кассы, и двойная очередь людей с покупками тянулась мимо почти опустевших хлебных стеллажей, загибалась вправо и исчезала из вида за рефрижераторами с замороженными продуктами. Новенькие компьютерные кассовые аппараты стояли под чехлами, а на контроле две уже измучившиеся девушки подсчитывали стоимость покупок на карманных калькуляторах. Рядом с ними стояли двое служащих супермаркета, Бад Браун и Олли Викс. Олли мне всегда нравился больше чем Бад, который, как мне кажется, считал себя неким Шарлем де Голлем мира универмагов.

Когда одна из девушек заканчивала подсчет, Бад или Олли подкалывали листки с суммой к банкнотам или чекам покупателей и бросали их в специальный ящик. Все четверо, похоже, взмокли и устали.

— Надеюсь, ты захватил с собой хорошую книгу, — сказал Нортон, присоединяясь ко мне. — Мы, видимо, простоим долго.

Я вновь подумал о Стефф, оставшейся дома в одиночестве, и опять испытал какое-то неуютство.

— Ты говорил с мамой? — потянул меня Билли за рубашку.

— Телефон не работает.

— Ты за нее волнуешься?

— Нет, — солгал я. В действительности я волновался, сам не понимая, почему. — Нет, конечно. А ты?

— Не-е-е... — Но он тоже волновался, и по его лицу это было заметно.

Нам следовало бы тогда сразу ехать домой. Но даже тогда, возможно, уже было поздно.

Пробираясь обратно к фруктам и овощам, я ощущал себя лососем, сражающимся с течением. Стали попадаться знакомые лица: Майк Хатлен, один из членов городского управления, миссис Репплер, учительница начальных классов (гроза нескольких поколений третьеклассников с улыбкой разглядывала стеллаж с дынями), миссис Терман, которая иногда оставалась посидеть с Билли, когда мы со Стефф отправлялись куда-нибудь вдвоем. Но большей частью здесь собрались люди, приехавшие на лето: они запасались не требующими приготовления продуктами и перебрасывались шутками насчет «суровых условий», в которых приходится проводить отпуска. Отдел копченостей и прочих закусок они подчистили так же основательно, как, бывает, подчищают стенды с десятицентовыми книгами в день дешевой распродажи: там не осталось ничего, кроме сосисок, фарша и одинокого, несъедобного вида, батона колбасы.

Я взял помидоры, огурцы и банку майонеза. Стефф нужен был еще бекон, но бекона уже не осталось, и я прихватил вместо него колбасный фарш, хотя с тех пор, как газеты сообщили, что в каждой упаковке содержится небольшое количество «добавок» против насекомых (бес-

платный довесок), я никогда не ел его с большим энтузиазмом.

— Посмотри, — сказал Билли, когда мы свернули за угол в четвертом проходе. — Вон — солдаты.

Их было двое, и темная форма сразу бросалась в глаза на фоне более яркой летней одежды и спортивных костюмов остальных покупателей. Все давно привыкли к появлению на улицах военнослужащих: примерно миль тридцать отделяло город от «Проекта Стрела». Эти двое выглядели так, словно бриться начали совсем недавно.

Я посмотрел список и убедился, что мы взяли все, что нужно... нет, почти все. В самом конце, словно вспомнив об этом напоследок, Стефф дописала: «бутылка «Лансерс».

Оставив тележку, я пошел к винным стеллажам, выбрал бутылку и двинулся обратно мимо большой двустворчатой двери в складское помещение, из-за которой доносилось ровное гудение сильного генератора. Но, видимо, его хватало лишь на то, чтобы поддерживать холод в рефрижераторах, а на автоматические двери, кассовые аппараты и другое электрооборудование мощности было уже недостаточно. Звук был такой, словно за дверью работал мотоцикл.

Когда мы встали в очередь, появился Нортон с двумя упаковками светлого пива и встал в очередь рядом с нами. Без кондиционирования в помещении магазина было жарко, и я подумал, что тут стало бы гораздо лучше, если бы кто-нибудь из подсобных рабочих хотя бы застопорил входные двери в открытом положении. Через два прохода позади от нас я видел грузчика Бадди Иглтона в красном фартуке, но он явно не собирался трогаться с места. От монотонного гудения генератора у меня начала болеть голова.

— Положи продукты в нашу тележку, — сказал я Нортону.

— Благодарю.

Теперь очередь протянулась уже вдоль секции замороженных продуктов, и, чтобы добраться к нужным стеллажам, покупателям приходилось, постоянно извиняясь, пробираться через два ряда людей.

— Вот срань, мы здесь черт знает сколько будем стоять, — угрюмо пробормотал Нортон, и я нахмурился: на мой взгляд, такого рода выражения Билли лучше не слышать.

Когда очередь проползла немного вперед, рев генератора стал менее слышен, и мы с Нортоном разговорились, старательно обходя тему раздора из-за земли, в результате которого мы оба оказались в суде, касаясь лишь шансов на победу команды «Красные Носки» и погоды. Полностью исчерпав запас ни к чему не обязывающих тем, мы оба замолчали.

— М-м-м. Почему они так медленно, пап? — спросил Билли, лицо которого все еще сохраняло встревоженное выражение, и внезапно окутывающий меня туман беспокойства на мгновение просветлел. Сквозь него проглянуло что-то ужасное — блестящее металлическое лицо страха.

— Не волнуйся, малыш, — пробормотал я.

Внезапно где-то вдалеке возник похожий на крик звук. Он быстро приближался и превратился в вой полицейской сирены. С перекрестка донесся автомобильный гудок, потом визг тормозов. Оттуда, где я стоял, видно было плохо, но вскоре звук сирены достиг максимальной громкости, затем полицейская машина пронеслась мимо супермаркета, и стал стихать по мере того, как она удалялась. Несколько человек, стоявших в очередях, пошли посмотреть, в чем дело, но большая часть осталась на месте: люди стояли слишком долго, чтобы рисковать потерять свою очередь.

Нортон пошел: его покупки все равно лежали в нашей тележке. Через несколько секунд он вернулся и встал на свое место.

— Местная полиция, — прокомментировал он.

Тут, медленно перерастая в крик, стихая, потом снова возвышаясь до крика, завывала сирена городской пожарной охраны. Билли взял меня за руку. Вернее, схватил.

— Что это, пап? — спросил он. И тут же еще: — Как ты думаешь, с мамой все в порядке?

— Должно быть, пожар на Канзас-роуд, — сказал Нортон. — Эти чертовы оборванные провода...

Какой-то парень распахнул входную дверь, и мне показалось, что это был тот самый, что чуть не врезался в нашу машину на «Ямахе».

— Ну и туман! — закричал он. — Что творится! Это надо видеть!

Люди стали поворачиваться к парню. Он дышал тяжело, словно долго бежал. Все молчали.

— В самом деле, это надо видеть, — повторил он, на этот раз уже как бы оправдываясь.

Люди продолжали молча глядеть на него, кто-то шаркнул ногой, но уходить из очереди никто не хотел. Несколько человек из тех, что еще не встали в очередь, бросили свои тележки и прошли мимо неработающих касс посмотреть, о чем идет речь. Очередь снова продвинулась вперед. Люди вытягивали шеи, стараясь разглядеть туман, о котором говорил вбежавший в магазин парень, но через окно было видно лишь чистое голубое небо. Кто-то сказал, что парнишка, наверное, пошутил. Кто-то ответил, что меньше часа назад видел полосу необычного тумана на озере. Пожарная сирена продолжала надсадно завывать. Все это мне очень не нравилось. Слишком сильно отдавало крупной катастрофой.

Еще несколько человек вышли на улицу. Некоторые даже оставили место в очереди, отчего она продвинулась чуть дальше. Затем старый седой Джон Ли Фровин, механик с заправочной станции «Техаско», заглянул в магазин и крикнул:

— Эй! У кого-нибудь есть фотоаппарат?

Он оглядел зал и выскочил обратно на улицу. Тут уже все зашевелились: если уж зрелище стоит того, чтобы фотографировать, то хотя бы посмотреть его надо обязательно.

Неожиданно своим ржавым, но сильным старческим голосом закричала миссис Кармоди:

— Не ходите туда!

Люди стали оборачиваться к ней. Стройная очередь распалась: кто-то отправился посмотреть на туман, кто-то

просто отошел, разыскивая своих друзей. Привлекательная молодая женщина в красной блузке и темно-зеленых брюках задумчиво-оценивающе смотрела на миссис Кармоди. Кассирша рядом с Бадом Брауном обернулась, но тот постучал ее по плечу своим длинным пальцем:

— Не отвлекайся, Салли.

Снова закричала миссис Кармоди:

— Не ходите туда! Там смерть! Я чувствую, что там смерть!

Бад и Олли, хорошо знавшие ее, лишь раздраженно поморщились, но приезжие, даже стоявшие в очереди, тут же отошли от нее подальше. Видимо, к этим крикливым старухам в больших городах относятся так же. Словно они — переносчицы какой-то заразной болезни. Впрочем, кто знает, может быть, так оно и есть?

Тут через входную дверь ввалился мужчина с разбитым носом.

— Там что-то есть в тумане! — закричал он. Билли прижался ко мне, испугавшись то ли этого человека с окровавленным лицом, то ли того, что тот говорил.

— Там в тумане что-то есть! — продолжал кричать мужчина. — Что-то из тумана схватило Джона Ли! Что-то... — Покачнувшись, он наткнулся спиной на витрину с подкормкой для газонов и опустился рядом с ней на пол. — Что-то из тумана схватило Джона Ли, и я слышал, как он кричал!

Ситуация переменилась. Волнение, вызванное бурей, подкрепленное потом полицейскими и пожарными сиренами, растерянность, которую средний американец всегда испытывает при нарушении электроснабжения, атмосфера нарастающей напряженности — все это вдруг заставило людей зашевелиться.

Нет, люди не побежали. Сказав так, я создал бы у вас неверное впечатление. Паники не было. Никто не бежал, по крайней мере, большинство людей не бежало. Они просто пошли. Одни пробирались к большой витрине у конца кассового ряда, другие направились прямо к дверям, причем некоторые — с неоплаченными покупками. Бад Браун тут же закричал требовательным голосом:

— Эй! Вы не заплатили! Эй, вы! Ну-ка, вернитесь! Немедленно верните пирожки с сосисками!

Кто-то рассмеялся над ним, и от этого безумно неестественного хохота остальные люди заулыбались. Но даже улыбаясь, все они выглядели испуганными, неуверенными и беспокойными. Потом засмеялся кто-то еще, и Браун побагровел. Он выхватил коробку с грибами у дамы, которая пыталась протиснуться мимо него к окну, облепленному людьми.

— Отдайте мои грибочки, — завизжала дама, и это неуместно уменьшительное «грибочки» вызвало истерический хохот у двоих мужчин, стоявших рядом.

Происходящее чем-то уже стало напоминать сумасшедший дом. Миссис Кармоди продолжала трубить, чтобы мы не выходили на улицу. Не переставая, завывала пожарная сирена, словно старая карга, заставшая у себя дома вора. Билли заплакал.

— Папа, а чего этот человек в крови? Почему?

— Все в порядке, Большой Билл. Он просто расшиб себе нос. Не волнуйся.

— Что он имел в виду, этот человек? Про что-то в тумане? — спросил Нортон, усиленно хмурясь, что, видимо, заменяло ему замешательство.

— Папа, я боюсь, — сквозь слезы выдавил Билли. — Пожалуйста, давай поедem домой.

Кто-то пробежал мимо, грубо меня толкнув, и я взял Билли на руки. Я тоже испугался. А смятение нарастало. Салли, кассирша, работавшая рядом с Бадом Брауном, попыталась встать, и он вцепился в воротник ее красного халата. Ткань лопнула, и кассирша, отмахиваясь от него руками, вырвалась, закричав:

— Убери свои поганые лапы!

— Заткнись, — рявкнул Браун, но по его голосу чувствовалось, что он в полной растерянности. Он снова потянулся за ней, но его остановил Олли Викс:

— Бад! Остынь!

Кто-то еще закричал. Если раньше паники не было, почти не было, то теперь обстановка быстро приближалась к панической. Люди текли из обеих дверей. Послышался

звон бьющегося стекла, по полу разлилась пузырящаяся лужа кока-колы.

— Боже, что происходит? — воскликнул Нортон. И в этот момент стало темнеть. Я подумал было, что отключился свет в зале, и чисто рефлекторно задрал голову, взглянув на флуоресцентные лампы. И не один я решил, что потемнело именно из-за этого. Потом я вспомнил, что тока нет и лампы не горели все время, пока мы были в магазине. Но ведь света хватало... И тут я понял, даже раньше, чем люди, стоявшие у окон, начали кричать и указывать руками на улицу.

Надвигался туман.

Туман катился с Канзас-роуд, и даже с близкого расстояния он казался таким же, каким я впервые заметил его на озере. Белый, чистый, он быстро продвигался, и вместо солнца на небе осталась теперь маленькая серебряная монета, словно полная луна, видимая зимой сквозь тонкий покров облаков.

Казалось, что туман лишь лениво ползет, но в природе есть явления, протекающие с такой же плавной, гипнотизирующей быстротой, например, ураганы и торнадо. Они буквально замораживают, как заморозил смерч стоявших у панорамного окна Билли и Стефф. Туман катился по двухрядному шоссе, постепенно скрывая его под собой. Вот он поглотил голландский домик Мак-Кинсов. Какое-то время из тумана еще торчал второй этаж стоящего по соседству ветхого дома, но потом и он пропал. Дорожные знаки с призывом «держись правой стороны» у въезда на стоянку супермаркета и выезда с нее тоже исчезли, хотя сами буквы еще несколько секунд плавали в воздухе.

— Боже, что происходит? — снова спросил Нортон, и на этот раз в его голосе что-то дрогнуло.

Широкое стекло витрины заволочло ровной белой дымкой. Дальше урны, стоявшей в четырех футах от окна, я не мог разглядеть почти ничего. Едва виден был лишь передний бампер моего «скаута».

Послышался долгий и громкий женский крик. Билли прижался ко мне плотнее. Он дрожал, словно в лихорадке. Какой-то мужчина вскрикнул и бросился мимо одной из пустующих касс к выходу. Видимо, с этого и началась паника. Люди беспорядочной толпой бросились к двери.

— Эй! — заорал Браун. Я не знаю, был ли он напуган, рассержен или и то и другое вместе. Лицо его стало почти фиолетовым, на шее канатами вздулись вены. — Эй, все вы, вы не имеете права... Ну-ка, вернитесь сюда с продуктами. Это воровство!

Люди не останавливались, хотя некоторые все же побросали взятые было продукты. Кто-то только рассмеялся в ответ. Люди вливались в туман, и никто из нас, оставшихся, больше их не видел. Через распахнутые двери в супермаркет проникал слабый едкий запах. На выходе образовалась толпа. Кто-то кого-то толкнул, кто-то кого-то ударил.

Нортон с каким-то отрешенным выражением лица пошел к двери. От тяжести у меня заболели плечи: Билли — парень довольно крупный. Стефф в шутку иногда называла его молодым теленком.

Я пересадил его на другую руку, чтобы остановить Нортон.

— Не стоит пока, — посоветовал я.

— Что? — спросил он, обернувшись.

— Лучше подождем.

— Чего подождем?

— Не знаю, — сказал я.

— Не думаешь ли ты... — начал было он, но тут в тумане кто-то пронзительно закричал.

Нортон замолчал. Пробка у выхода из магазина чуть рассосалась, потом люди бросились назад. Гомон возбужденных голосов, крики — потом все смолкло. Лица людей у дверей вдруг стали бледными и какими-то плоскими, словно двухмерными.

Крик с улицы не прекращался, соревнуясь с пожарной сиреной. Неужели в человеческих легких может хватить воздуха на такой долгий пронзительный крик?

— О, Господи, — пробормотал Нортон, взъерошив волосы обеими руками.

Неожиданно крик оборвался, словно его отрезало. Один мужчина вышел на улицу. Наверное, он хотел помочь этой женщине. Какое-то мгновение его было видно через стекло и туман, словно сквозь пленку высохшего молока на стакане, потом что-то двинулось к нему, какая-то серая тень на фоне белизны. Казалось, что он не вошел, а с раскинутыми от неожиданности руками был буквально вдернут в туман.

Несколько секунд в зале супермаркета царило молчание. Внезапно целое созвездие лун вспыхнуло снаружи: включились фонари на автостоянке, питание к которым подводилось, видимо, подземными кабелями.

— Не ходите туда! — завопила миссис Кармоди своим каркающим голосом. — Там — смерть!

Желающих спорить с ней не оказалось.

Снаружи донесся еще один крик, приглушенный расстоянием, и Билли вздрогнул, прижимаясь ко мне.

— Дэвид, что происходит? — спросил Олли Викс, оставив свое место у кассы. На его гладком круглом лице застыли крупные капли пота. — Что это?

— Если бы я знал, черт побери! — не сдержался я.

Олли выглядел очень испуганным. Жил он один в симпатичном маленьком домике на берегу озера Хайленд, любил заходить в бар у Приятной Горы. На мизинце левой руки Олли носил кольцо с сапфиром.

— Ничего не понимаю, — выдохнул он.

— Я тоже. Билли, у меня руки отрываются... Придется поставить тебя на пол. Я буду держать тебя за руку, хорошо?

— Мама... — прошептал он.

— С ней все в порядке, — сказал я. Надо же было что-нибудь сказать.

Мимо нас прошел старик, хозяин комиссионного магазинчика, который рядом с «Рестораном Джона», как всегда в свитере с названием колледжа, который он носил круглый год.

— Это одно из тех ядовитых облаков... Заводы в Рамфорде и Саут-парке... Химикалии... — буркнул он и двинулся дальше по проходу мимо лекарств и туалетной бумаги.

— Надо смыться отсюда, Дэвид, — нервно сказал Нортон, впрочем, без всякого убеждения в голосе. — Что ты думаешь, если...

Тут нас тряхнуло. Ногами я почувствовал странный тяжелый удар, словно здание неожиданно упало с высоты фута в три. Музыкальным звоном отозвались бутылки, падая с полок на плиточный пол. От одной из секций витринного стекла откололся стеклянный клин, и я заметил, как прогнулись и расщепились кое-где деревянные рамы, удерживающие стекла.

Вой пожарной сирены внезапно оборвался. Люди настороженно молчали в наступившей тишине, словно ждали чего-то — чего-то худшего.

— Эй, вы! — крикнул Нортон. — Слушайте все!

Люди стали оборачиваться. Нортон поднял руку с раскрытой ладонью над головой, словно политический деятель, произносящий слова присяги.

— Выходить на улицу сейчас опасно!

— Почему? — выкрикнула какая-то женщина. — У меня дома дети. Мне нужно к ним.

— Там, на улице, — смерть! — вылезла в проход миссис Кармоди.

Она встала рядом с уложенными у окна двадцатипятифунтовыми мешками с удобрениями. Ее лицо показалось мне припухлым, словно его раздуло изнутри.

Какой-то подросток толкнул ее, и она, удивленно крикнув, осела на мешки.

— Заткнись, ты, старая карга! Несешь всякую чушь!

— Прошу вас! — продолжал Нортон. — Если мы немного подождем, туман развеется и мы увидим...

Ответом послужил шквал противоречивых возгласов.

— Мистер Нортон прав, — поддержал я, стараясь перекричать шум. — Давайте наберемся терпения.

— Я думаю, это было землетрясение, — сказал мягким голосом мужчина в очках. В одной руке у него были сверток пирожков с мясом и пакет с булочками, другой он держал за руку маленькую девочку, примерно, возможно, на год моложе Билли. — Честное слово, землетрясение.

С какого-то стеллажа, видимо откинутаая на самый край ударом, землетрясением или чем бы это там ни было, упала запоздавшая банка, громко и неожиданно загремев на полу. Билли расплакался.

— Я хочу домой! Я хочу к маме!

— Будь добр, заткни ему пасть, — рывкнул Бад Браун. Глаза его быстро, но бесцельно метались из стороны в сторону.

— А сам в зубы не хочешь? — осведомился я.

— Дэйв, ну пожалуйста... Лучше от этого не будет, — проговорил Нортон, думая о чем-то другом.

— Очень жаль, — сказала женщина, кричавшая про детей. — Мне очень жаль, но я не могу здесь оставаться. Мне надо домой к детям.

И она медленно обвела нас всех взглядом. Блондинка с привлекательным лицом.

— Ванда должна присматривать за маленьким Виктором, понимаете? Ванде всего восемь и она иногда забывает... Забывает, что ей положено за ним присматривать, знаете?... А маленький Виктор... Он любит включать конфорки на плите; там загораются такие маленькие красные лампочки... Ему нравятся лампочки... А иногда он выдергивает вилки из розеток... А Ванда... Ей надо-едает смотреть за ним... Ей всего восемь... — Женщина замолчала и вновь посмотрела на нас. Должно быть, мы казались ей шеренгой безжалостных глаз, не людей, а одних только глаз. — Неужели никто не поможет мне? — вдруг закричала она. Губы ее задрожали. — Неужели... Неужели никто не проводит женщину до дома?

Никто не ответил. Женщина переводила взгляд своих несчастных глаз с одного лица на другое. Какой-то толстяк шагнул было к ней, но жена рывком дернула его назад, крепко схватив за запястье.

— Вы? — спросила она Олли.

Тот отрицательно покачал головой.

— Вы? — обратилась она к Бад.

Бад накрыл рукой калькулятор, лежавший на прилавке и промолчал.

— Вы? — она повернулась к Нортону, и тот начал что-то говорить своим сильным адвокатским голосом о том, что нельзя, мол, так, сломя голову... Женщина махнула на него рукой, и он смущенно замолк.

— Вы? — обратилась она ко мне, и я снова взял Билли на руки, держа его как щит, будто пытался отразить этот ужасный взгляд сломленного бедой человека.

— Чтоб вам всем гореть в аду... — прошептала она. Не выкрикнула, а именно прошептала смертельно усталым голосом. Потом подошла к двери и оттянула ее двумя руками.

— Э-э-э, леди, послушайте... — произнес парень, на-кричавший на миссис Кармоди, и схватил ее за руку.

Женщина молча поглядела на руку. Парень, покраснев, отпустил ее, и женщина вышла на улицу. Туман поглотил ее, сделал бесплотной, оставив вместо человека лишь размытый набросок фигуры на самой белой в мире бумаге, и никто не произнес ни слова. Какое то время она была как надпись «держись правой стороны», плавающая в воздухе: ее руки, ноги, светлые волосы стерлись, осталось лишь пятно красного летнего платья, казалось, танцующего в белом пространстве. Потом исчезло и оно, и никто не проронил ни слова.

Билли расплакался, требуя сквозь слезы маму, и я повел его по одному из проходов, обняв за плечи. Мы остановились у длинного белого холодильника с мясом, расположенного вдоль всей задней стены магазина.

Я сел на пол, посадил Билли на колени, прижал лицом к себе и стал успокаивать. Я говорил неправду, которую родители обычно всегда готовы рассказывать в тяжелых случаях, ту самую неправду, которая так убедительно звучит для ребенка.

— Это не простой туман, — прохныкал Билли, взглянув на меня потемневшими, полными слез глазами. — Да, папа?

— Да, думаю, это не простой туман, — в этом я лгать не хотел.

Билли начал клевать носом. Я не шевелился, опасаясь, что он может снова проснуться, но вскоре он уже крепко спал. Билли этой ночью спал плохо, возможно, потому, что тогда мы легли все вместе в первый раз с тех пор, как он вышел из младенческого возраста. А возможно — при этой мысли внутри у меня будто пронесся холодный вихрь, — возможно, он предчувствовал что-то еще.

Я положил Билли на пол и пошел поискать, чем бы его укрыть. Почти все, кто остался в магазине, до сих пор стояли у витрин, вглядываясь в плотный покров тумана. Нортон собрал небольшую группу слушателей и продолжал о чем-то говорить. Бад Браун твердо стоял на посту, но Олли Викс уже покинул свое место у кассы. Несколько человек с испуганными лицами отрешенно бродили в проходах.

Через большую двойную дверь между рефрижераторным шкафом для мяса и охладителем пива я прошел в складское помещение, где за фанерной перегородкой ровно гудел генератор. Что-то здесь было не так. Сильно пахло дизельным выхлопом. Я двинулся к перегородке, стараясь дышать неглубоко, потом расстегнул рубашку, задрал ее и закрыл нос и рот скомканной тканью. Узкий длинный склад скудно освещался двумя рядами аварийных лампочек. Повсюду стояли штабели коробок: пачки отбеливателя с одной стороны, ящики с безалкогольными напитками — с другой, дальше — упаковки макарон с мясом и коробки с кетчупом.

Я открыл задвижку на дверце генераторного отсека и прошел внутрь. Машину окутывали маслянистые клубы голубого дыма. Выхлопная труба выходила на улицу через отверстие в стене, и, очевидно, что-то снаружи забило ее. Я щелкнул выключателем: генератор чихнул, плюнул дымом, закашлялся и умолк, издав напоследок серию затихающих маленьких хлопков, напомнивших мне упрямую бензопилу Нортон.

Аварийное освещение погасло. Оставшись в темноте, я испугался и тут же потерял ориентацию. Выходя из отсека, я задел носом о хлипкую фанерную дверь, и сердце у меня екнуло. На входных дверях, ведущих на склад, имелись окна, но по какой-то причине их закрасили черной крас-

кой, поэтому темнота была почти полной. Я сбился с пути и наткнулся на штабель коробок с отбеливателем, которые тут же посыпались на пол. Одна из них пролетела прямо возле моего лица. Невольно отступив назад, я споткнулся о другую, растянулся на полу и так сильно ударился головой, что перед глазами у меня засверкали яркие звезды. Прелестное представление!

Некоторое время я лежал, ругая самого себя, и потирал ушибленное место. Заставил себя успокоиться, чтобы затем подняться и выйти на свет, к Билли...

Я осторожно встал, пытаюсь найти взглядом карандашную линию света между створками двери, и наконец увидел еле заметную царапину на полотне тьмы. Двинулся туда и тут же замер, услышав какой-то звук.

Мягкий скребущий шорох. Он прекратился, потом снова возник, вместе с легким осторожным постукиванием. Внутри у меня все обмерло, словно я волшебным образом вновь стал четырехлетним ребенком. Звук доносился не из магазина, а откуда-то из-за спины. Снаружи. Оттуда, где туман. Что-то ползало и скребло там по шлакобетону. Пытаюсь, может быть, пробраться сюда.

А может быть, оно уже внутри и тянется ко мне? Может быть, через мгновение я почувствую, как это что-то ползет по моему ботинку или хватает меня за шею...

Снова раздался шорох. Теперь я был уверен, что звук шел снаружи. Но легче от этого не стало. Я с трудом заставил свои ослабевшие ноги двигаться. Потом звук изменился, и что-то зашуршало в темноте. Сердце у меня екнуло, и я бросился вперед к тонкой вертикальной линии света, изо всех сил ударил по двери вытянутыми руками и вылетел в помещение магазина. Несколько человек стояли у дверей, среди них Олли Викс. Они испуганно отскочили назад, а Олли схватился за сердце.

— Дэвид! — выдавил он. — Боже... Ты что, хочешь лишить меня десяти лет... — И тут он увидел мое лицо. — Что с тобой?

— Ты слышал? — спросил я, и собственный голос показался мне странным — высоким и визгливым. — Вы ничего не слышали?

Они, конечно, ничего не слышали. А сюда пришли чтобы выяснить, почему не работает генератор. Пока Олли все это мне объяснял, появился рассыльный Норм с охажкой фонариков на батарейках и с любопытством поглядел сначала на Олли, потом на меня.

— Я отключил генератор, — сказал я и объяснил почему.

— А что ты слышал? — спросил один из мужчин, работавший в городском управлении дорог. Звали его Джим... Фамилию я тогда не вспомнил.

— Не знаю. Какой-то скребущий звук. Не хотел бы я снова его слышать.

— Нервы, — хмыкнул еще один мужчина из тех, что подошли вместе с Олли.

— А ты слышал этот звук до того, как погас свет?

— Нет. После. Но... — Добавить мне было нечего. Я видел, как они смотрят на меня. Им не хотелось ни плохих новостей, ни чего-то пугающего, ни даже необычного. Всего этого уже было достаточно. Только Олли выглядел так, словно поверил мне.

— Надо бы снова включить генератор, — сказал рассыльный, раздавая фонарики.

Олли взял фонарик и посмотрел на него с сомнением.

Рассыльный предложил один и мне. После секунды раздумий я взял фонарик: мне все равно нужно было найти что-нибудь, чем можно укрыть Билли.

Олли распахнул двери, застопорил их, чтобы хоть немного света попадало в помещение склада, и я увидел разбросанные по полу коробки с отбеливателем около приоткрытой двери в генераторный отсек.

Джим принюхался и сказал:

— Действительно, запах сильный. Ты сделал правильно, Дэвид...

Лучи фонариков запрыгали, заплясали по коробкам с туалетной бумагой и упаковками консервов для собак. В лучах клубился дым, который заблокированная выхлопная труба возвращала в помещение склада. Рассыльный повел фонариком вправо, в сторону широкой загрузочной двери. По стенам прыгали изогнутые чудовищные тени от бегущих и пересекающихся лучей.

Рассыльный пошел к загрузочной двери.

— Я бы выходить не стал, — обронил я.

— Знаю, что ты не стал бы...

— Попробуй теперь, Олли, — сказал один из мужчин, кивнув на генератор.

Генератор чихнул и заревел.

— Черт! Выключай! Фу, зараза, какая вонь!

Генератор снова заглох.

Рассыльный вернулся от двери как раз тогда, когда остальные выбирались из генераторного отсека.

— Там в самом деле что-то мешает, — озабоченно произнес один из мужчин.

— Вот что, — предложил рассыльный. Глаза его блеснули в лучах фонариков, а на лице появилось бесшабашное выражение. — Вы его включите ровно настолько, чтобы открыть загрузочную дверь. Я выскочу на улицу и освобожу трубу.

— Не уверен, что это хорошая идея, — с сомнением произнес Олли.

— А что, эта дверь открывается электромотором? — спросил Джим.

— Ага, — ответил Олли. — Но я думаю, это не разумно...

— Нет проблем, — перебил его второй мужчина, сдвигая на затылок свою бейсбольную шапочку. — Я справлюсь.

— Вы не понимаете... — снова начал Олли. — Я и в самом деле не думаю, что кому-то...

— Не бойсь, — презрительно процедил второй мужчина.

— Послушайте, это была моя идея! — возмутился рассыльный Норм.

И тут они принялись спорить, кто пойдет наружу, вместо того чтобы решить, стоит ли это делать вообще. Ведь никто из них не слышал этого отвратительного скребущего звука.

— Прекратите! — крикнул я.

Все обернулись ко мне.

— Вы, похоже, еще не поняли, что это не обычный туман. И упорно не хотите понять. С тех пор как он появился, никто не заходил в магазин. Если вы откроете эту дверь и что-нибудь заползет...

— Заползет что? — спросил Норм с типичной для восемнадцатилетнего бравадой.

— То, что издавало звуки, которые я слышал...

— Мистер Дрэйтон! — фыркнул Джим. — Я знаю, что вы — многоуважаемый художник со связями в Нью-Йорке, Голливуде и все такое прочее, но это, на мой взгляд, не делает вас отличным от всех остальных людей. Я так понимаю, что вы оказались тут в темноте, и, видимо, э-э-э... Малость струхнули.

— Может быть, — согласился я. — Но если вам так хочется наружу, вам следовало бы прежде проводить ту леди до дома, где у нее остались дети...

Непонимание ситуации этими людьми одновременно и злило меня, и пугало. Глаза их горели, как у мальчишек в тире.

— Эй, — ухмыльнулся приятель Джима, — когда нам понадобится совет, мы вас спросим.

— На самом деле генератор не так уж и нужен, — сказал Олли решительно. — Продукты в холодильных шкафах могут пролежать двенадцать часов, или даже больше, если нужно, безо всякого...

— Ну, парень, вперед, — скомандовал Джим, не обращая на Олли никакого внимания. — Я включу генератор, а ты быстро поднимай дверь, пока здесь снова не завоняло дымом. Мы с Майроном будем у выхлопной трубы, так что крикни, когда освободишь ее.

— Хорошо, — ответил Норм возбужденно и двинулся к двери.

— Это просто безумие, — покачал головой я. — Вы позволили женщине идти одной...

— Я что-то не заметил, чтобы ты сам сильно рвался ее провожать.

— ...а теперь собираетесь позволить этому мальчишке рисковать жизнью из-за генератора, который даже не нужен.

— Заткнешься ты или нет! — крикнул Норм.

— Послушайте же, мистер Дрэйтон, — проговорил Джим, и на губах его появилась холодная усмешка. — Вот что я вам посоветую: если вы захотите сказать что-нибудь еще, лучше пересчитайте сначала свои зубы...

Олли испуганно посмотрел на меня. Я пожал плечами. Джим и его дружок Майрон сочли, что я сдался, и направились в генераторный отсек.

— Ты готов, Норм? — спросил Джим.

— Да.

— Норм, — сказал я, — не валяй дурака.

— Это глупость, — выдавил Олли.

Норм затравленно оглянулся на нас, и лицо его вдруг стало лицом маленького ребенка. Кадык судорожно дернулся, и я понял, что он на самом деле до смерти боится. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать — видимо, отказаться, — но в этот момент снова взревел генератор, и Норм нажал кнопку справа от двери. Дверь медленно, со скрежетом поползла вверх по двум стальным направляющим. Когда заработал генератор, включилось аварийное освещение, но теперь лампы засветились вполсилы из-за того, что мотор, поднимающий дверь, съедал какую-то часть мощности.

Тени отползли назад и растаяли. Склад начал наполняться мягким белым светом, словно в пасмурный зимний день, и я снова почувствовал этот странный едкий запах.

Дверь поднялась на два фута, потом на четыре, и в открывшемся проеме я увидел прямоугольную бетонную площадку, расчерченную желтыми полосами, которые уже в трех футах от стены исчезали в невероятно плотном тумане.

— Готово! — крикнул Норм.

Языки тумана, белые и прозрачные, словно взвешенное в воздухе кружево, заползали внутрь вместе с холодным воздухом. Утро было прохладным, особенно по сравнению с тремя последними неделями удушающей жары, но теперь уже стало по-настоящему холодно. Как в марте. Я вздрогнул и вспомнил о Стефф. Генератор заглох, и как раз в тот момент, когда Норм, пригнувшись, нырнул в

проем под дверью, Джим вышел из-за перегородки. И тут он увидел. И я. И Олли.

Из дальнего края бетонной разгрузочной площадки прозмеилось щупальце и схватило Норма за ногу. У меня отвисла челюсть. Щупальце было толщиной около фута в том месте, где оно обернулось вокруг ноги Норма, и, может быть, четыре-пять футов там, где его скрывал туман. Оно было серое сверху и почти телесно-розового цвета на внутренней стороне, там, где рядами располагались присоски, пульсирующие и шевелящиеся, словно сотни маленьких сморщенных ртов.

Норм посмотрел вниз и увидел, что его держит. Глаза его расширились от ужаса.

— Уберите это от меня! Эй, снимите это! Скорее уберите эту чертову штуку!

— О, Господи! — простонал Джим.

Норм ухватился за нижнюю кромку двери. Щупальце чуть вздулось, как мускулы на руке, когда ее сгибают, и вытянуло Норма до половины на улицу. Рубашка его зацепилась за нижний край двери, и ее вытащило из брюк. Норм снова рванулся.

— Помогите же мне! — всхлипывая, взмолил он. — Эй, вы, помогите мне! Пожалуйста!

Я стоял ближе всех. Схватив Норма за пояс, я дернул его на себя изо всех сил. Секунду мы действительно двигались назад, но только секунду. Это было все равно, что тянуть жевательную резинку или конфету-тянучку. Щупальце подалось, но не отступило. Из тумана выплыли еще три щупальца и потянулись к нам. Одно ухватило болтающийся красный фирменный фартук Норма и рывком содрало его.

Другие два щупальца слепо шарили по разгрузочной площадке, издавая тот самый скребуший звук, что я слышал раньше. Затем одно из них наткнулось на левое бедро Норма и скользнуло вокруг него, задев меня за руку. Оно было теплое, пульсирующее и гладкое. Наверно, если бы оно вцепилось в меня своими присосками, я бы тоже оказался на улице. Но щупальце меня не тронуло, схватив только Норма. Третье обвилось кольцами

его другую лодыжку, и теперь все три тянули Норма наружу.

— Помогите же мне! — закричал я. — Олли! Кто-нибудь! Помогите!

Никто не подошел. Не знаю, что они там делали, но на помощь никто не пришел.

Я взглянул вниз и увидел, как щупальце, обвившееся вокруг пояса Норма, впивается в кожу. Присоски в полном смысле слова впивались в Норма. Из проеденной пульсирующим щупальцем полосы кожи начала сочиться кровь.

Я стукнулся головой о нижний край наполовину поднятой двери, и ноги Норма снова оказались на улице. Одна кроссовка соскочила с его ноги, из тумана тут же появилось еще одно щупальце, схватило ее и скрылось в тумане. Побелевшие пальцы Норма цеплялись за нижний край двери смертельной хваткой. Он больше не кричал, только голова его болталась из стороны в сторону, да дико металась длинные черные волосы.

Из тумана появились новые щупальца, сначала около дюжины, потом целый лес. Большинство из них — маленькие, но несколько было просто гигантских, толщиной, быть может, с облепленное мхом дерево, что еще утром лежало поперек дороги у нашего участка, с карамельно-розовыми присосками величиной с крышку люка. Одно такое огромное щупальце шмякнулось о бетон платформы и поползло в нашу сторону, словно слепой червь. Я снова дернул изо всех сил, и щупальце, державшее правую ногу Норма, чуть соскользнуло, но не больше.

Одно из щупалец коснулось моей щеки и зависло, дрожа, в воздухе, словно раздумывая. Я вспомнил о Билли, уснувшем у длинного белого мясного рефрижератора мистера Маквея. Если одна из этих штук вцепится в меня, некому будет заботиться о сыне, кроме, возможно, Нортон...

Я отпустил Норма и упал на четвереньки. Щупальце скользнуло слева от меня, как бы перешагивая на присосках, потом коснулось руки Норма, замерло на секунду и обвило его кольцами.

Норм выглядел теперь как фрагмент из кошмарного сна со змеями. Щупальца опутали его почти целиком и уже вились возле меня. Я неуклюже отпрыгнул в сторону, упал и откатился. Джим и Майрон замерли по обеим сторонам двери в генераторный отсек, словно восковые фигуры из музея мадам Тюссо, с бледными лицами и блестящими глазами.

— Включайте генератор! — закричал я.

Никто не двинулся с места. Они не отрываясь, как загипнотизированные, продолжали смотреть в проем загрузочной двери.

Я пошарил по полу, схватил первое, что попало под руку, кажется, коробку отбеливателя, и швырнул ее в Джима. Он, охнув, схватился за ушибленное место. Что-то осмысленное наконец появилось в его взгляде.

— Включай этот чертов генератор! — заорал я так сильно, что заболело в горле.

Он не двинулся с места и принялся оправдываться, решив, видимо, что именно теперь, когда какая-то тварь вылезла из тумана и почти съела живьем Норма, наступило время выяснять, кто в этом виновен.

— Я не виноват, — визжал он. — Я не знал.... Откуда, черт побери, я мог знать? Ты говорил, что слышал что-то, но я не понял, что ты имеешь в виду. Надо было лучше объяснять. Я думал... Не знаю... Может, птица какая...

Олли, опомнившись, оттолкнул его плечом в сторону и бросился в генераторный отсек. Джим споткнулся о коробку с отбеливателем и упал, как я тогда в темноте.

— Я не виноват, — повторил он. Его рыжая челка сбилась на лоб. Щеки стали белыми, а в глазах застыл ужас. Через секунду генератор кашлянул и заревел.

Я повернулся к загрузочной двери. Норма почти не было видно, но он все еще упорно цеплялся за дверь рукой. Щупальца буквально кишели вокруг него, а на бетон падали капли крови величиной с десятицентовик. Голова Норма все еще болталась из стороны в сторону, а глаза, глядящие в туман, вылезали из орбит от ужаса.

Новые щупальца подползли ко входу и стали шарить внутри помещения. Около кнопки, включающей дверной

механизм, их уже было так много, что туда страшно было подойти. Одно из них обвило бутылку с пепси и унесло с собой. Другое скользнуло вокруг картонной коробки и сдавило ее. Картон лопнул, и из коробки фонтаном взметнулись рулоны туалетной бумаги, упакованные в целлофан, попадали на пол, раскатились во все стороны. Щупальца мгновенно расхватали их.

Одно из самых больших щупалец заползло дальше других, чуть приподнялось кончиком от пола, словно принюхиваясь, и двинулось в сторону Майрона. Тот, бешено вращая глазами, отпрыгнул, и из помертвевших его губ вырвался истошный визг.

Я поискал глазами что-нибудь достаточно длинное, чтобы дотянуться до кнопки на стене над шарящими щупальцами, и заметил швабру, прислоненную к штабелю ящиков с пивом.

Норм упал на бетонную платформу, лихорадочно пытаясь уцепиться за что-нибудь еще. Наши взгляды на секунду встретились: я видел, что он понимает, какой конец его ждет. А через мгновение клубок щупалец, подпрыгивая и перекатываясь, потянул Норму в туман. Он издал последний сдавленный крик и исчез.

Я нажал кнопку рукояткой швабры, мотор взвыл, и дверь заскользила вниз: коснулась сначала самого толстого щупальца, того, что ползло в направлении Майрона, сдавила его, потом прорезала. Брызнула черная жижа. Щупальце бешено забилося, заметалось по складу, словно огромный, невероятной толщины кнут. Потом внезапно сплющилось, скользнуло под дверь и исчезло. Остальные тоже начали отползать.

Одно из щупалец тащило за собой пятифунтовую упаковку собачьих консервов и никак не хотело ее оставлять. Опускающаяся дверь перерубила его и с тяжелым стуком встала на свое место. Отрубленный кусок щупальца конвульсивно сжал упаковку, и по складу разлетелись коричневые куски собачьего концентрата. Щупальце забилося на полу, словно рыба, выброшенная на берег. Оно сжималось и раскручивалось, но с каждым разом все медленнее, до тех пор, пока не замерло совсем. Я ткнул его рукояткой

швабры, и трехфутовый кусок щупальца хищно сжался вокруг нее, потом обмяк и упал.

Все стихло, только генератор продолжал гудеть и надрывно плакал за перегородкой Олли. Через открытую дверь я видел, как он раскачивается на стуле, закрыв лицо руками.

Затем я осознал, что слышу еще какой-то звук. Мягкое скребущее шуршание, которое я слышал раньше, только теперь оно стало раз в десять сильнее: щупальца за разгрузочной дверью, пытающиеся проникнуть в помещение.

Майрон сделал несколько шагов в мою сторону.

— Послушай... — начал он. — Ты должен понять...

Я ударил его кулаком в лицо, и от неожиданности он даже не попытался защититься. Удар пришелся под нос, верхнюю губу расплющило о зубы, и из разбитой губы потекла кровь.

— Ты убил его! — задыхаясь, крикнул я. — Ты хорошо видел, что произошло? Ты видел, что ты наделал?

И я принялся бить его, нанося удары и левой и правой, но не так, как меня когда-то учили в секции бокса в колледже, а просто наотмашь. Он отступал, отбивая часть ударов и пропуская другие в каком-то оцепенении, вызванном, может быть, чувством вины. От этого я злился еще больше. Я расквасил ему нос и посадил синяк под глазом.

— Послушай... — продолжал твердить он. — Послушай, ну послушай же...

Не знаю, как долго я лупил бы его, но тут кто-то схватил меня за руки. Я вырвался и обернулся.

Это оказался Олли. С круглым, смертельно бледным лицом и темными кругами под глазами, еще влажными от слез.

— Ты и твой приятель — безмозглое дерьмо! — прорычал я.

— Не надо, Дэвид, — попросил он. — Не бей его больше. Это ничего не изменит.

Джим с ошарашенным видом стоял неподалеку. Я со злостью пнул ногой какую-то коробку, она ударилась о его ботинок и отскочила.

— Хватит, Дэвид, — сказал Олли устало. — Успокойся.

— Вы, два дурака, убили этого парня.

Джим смотрел себе под ноги. Майрон сидел на полу, держась за свое пивное брюшко. Я тяжело дышал, кровь стучала в висках, и меня била нервная дрожь. Я сел на картонные коробки и какое-то время сидел не двигаясь, чувствуя, что или потеряю сознание, или меня стошнит, или случится еще что-нибудь.

— Ладно, — тупо произнес я. — Все.

— Хорошо, — сказал Олли. — Надо придумать, что делать дальше.

— Выключи для начала генератор.

— Да, и давайте смываться отсюда, — добавил Майрон, глядя на меня виновато. — Мне жаль, что так получилось с этим парнем. Но ты должен понять...

— Ничего не хочу понимать. Вы с приятелем идите обратно в магазин, но ждите нас прямо тут, у пивного охладителя. И никому ничего не говорить — пока.

Они пошли, не споря, и, прижавшись друг к другу, протиснулись в дверь. Олли заглушил генератор, но как раз перед тем, как погас свет, я увидел брошенную на ящик с пустыми бутылками стеганую тряпку вроде тех, что грузчики обычно подкладывают под хрупкие предметы, и прихватил ее с собой.

Шаркая ногами и на что-то натыкаясь, Олли выбрался из генераторного отсека. Как большинство людей с лишним весом, он дышал тяжело и чуть с присвистом.

— Дэвид? — его голос немного дрожал. — Ты еще здесь?

— Здесь, Олли. Осторожней, тут кругом эти коробки с отбеливателем.

— Угу.

Я наводил его голосом, и через полминуты или около того он протянул в темноте руку и схватил меня за плечо, судорожно, с облегчением вздохнув.

— Черт. Давай выбираться отсюда. Здесь темно и... Паршиво.

— Да уж, — сказал я. — Но подожди минуту. Я хотел поговорить с тобой, но только без этих двух идиотов.

— Дэйв, они ведь не заставляли его. Ты должен это помнить.

— Норм — мальчишка, а эти двое — взрослые люди. Ну ладно, хватит об этом. Нам придется рассказать им, Олли. Людям в магазине.

— Если будет паника...

— Может, будет, а может, и нет. Но, во всяком случае, теперь они дважды по думают, прежде чем выходить на улицу, чего сейчас и хотят сделать большинство из них. Почти у всех дома кто-то остался. У меня тоже. Надо заставить их понять, чем они рискуют, выходя наружу.

Когда мы уже дошли до самой двери, Олли сказал растерянно:

— То, что мы видели... Это невозможно, Дэвид. Ты же согласен? Даже если бы, скажем, грузовик из бостонского океанариума вывалил позади магазина какое-нибудь чудовище типа тех, что описаны в «Двадцать тысяч лье под водой», оно бы умерло. Просто умерло.

— Да, — сказал я. — Согласен.

— Так что же случилось, а? Что произошло? И что это за чертов туман?

— Не знаю, Олли, — ответил я.

Джим и его приятель Майрон стояли сразу за дверями, и каждый из них держал в руках по банке «Будвайзера». Я посмотрел на Билли, увидел, что он еще спит, и укрыл его стеганой подстилкой. Он зашевелился во сне, но потом снова утих. Я взглянул на часы: было всего 12.15. Невероятно. Мне казалось, что с тех пор, как я зашел на склад поискать, чем бы укрыть Билли, прошло по крайней мере часов пять. Но на самом деле все это заняло не больше тридцати пяти минут.

Я вернулся к Олли, Джиму и Майрону. Олли тоже взял себе пива и предложил банку мне. Я одним глотком отпил половину, как утром, когда пил деревья. Стало немного легче.

Джим оказался Джимом Грондином, а фамилия Майрона была Ляфлер. Выглядел он сейчас несколько комич-

но, но ничего не поделаешь: на губах, подбородке и щеках Майрона Цветка засохла кровь. Подбитый глаз уже распухал. Стройная девушка в красной кофточке, проходя мимо, бросила на него настороженный взгляд. Я хотел было сказать ей, что Майрон опасен лишь для подростков, которые пытаются доказать, что уже повзрослели, но смолчал. В конце концов, Олли был прав: они действительно хотели сделать как лучше, хотя делали это слепо и скорее из удали, чем из желания общего блага.

— Нам нужно будет сказать что-то людям, — начал я. Джим открыл было рот, собираясь возразить.

— Мы с Олли не станем болтать о том, как вы посылали Норма наружу, если вы подтвердите сказанное нами о том... О том, что его утатило.

— Конечно, — подобострастно произнес Джим. — Если мы им не скажем, кто-нибудь еще пойдет на улицу. Как та женщина... Которая... — Он вытер ладонью губы и торопливо приложился к банке. — Боже, что происходит?...

— Дэвид, — пробормотал Олли. — А что... — Он замолчал, потом заставил себя продолжить: — А что, если они заберутся внутрь, эти щупальца?

— Каким образом? — спросил Джим. — Вы же закрыли дверь.

— Да, — сказал Олли. — Но весь фасад магазина — это сплошная стеклянная витрина.

У меня возникло такое чувство, будто я падаю в лифте с двадцатого этажа. Конечно, я все время знал это, но до сих пор почему-то об этом не думал. Я повернулся в ту сторону, где спал Билли, вспомнив, как обвивали щупальца Норма, и представил, что то же самое случится с Билли.

— Витринное стекло, — прошептал Майрон. — Боже милостивый!..

Я оставил их у охладителя пива, где они начали уже по второй банке, и пошел искать Брента Нортон. Нашел его разговаривающим с Бадом Брауном у кассы номер два. Оба они — Нортон, с шикарной седеющей прической и привлекательностью уже немолодого, но еще активного

мужчины, и Браун, со строгой физиономией, — словно сошли с карикатуры из «Нью-Йоркера».

Человек двадцать пять бесцельно бродили между линией касс и витриной. Некоторые выстроились вдоль стекла, вглядываясь в туман, чем напоминали мне людей, разглядывающих новостройку через щели в заборе.

Миссис Кармоди сидела на конвейерной ленте у одной из касс и курила. Ее взгляд скользнул по мне, потом ушел в сторону. Выглядела она так, будто видела сны наяву.

— Брент, — позвал я.

— Дэвид? Куда ты запропастился?

— Вот об этом-то я и хочу с тобой поговорить.

— Там, у охладителя, люди пьют пиво, — мрачно произнес Браун тоном человека, сообщающего, что во время церковной службы показывают порнографический фильм. — Я их вижу в специальное зеркало. С этим нужно покончить.

Мы с Нортоном двинулись мимо стеллажей с посудой и кухонными принадлежностями к охладителю в дальнем конце магазина. Я оглянулся через плечо, отметив, как сильно выгнулись и потрескались деревянные рамы, окантовывающие высокие прямоугольные секции витринных стекол. Одно из них, вспомнил я, уже разбилось. Неровный клин стекла вывалился из верхнего угла рамы после того странного подземного толчка. Может быть, нам удастся заткнуть дыру какими-нибудь тряпками, скажем, охапкой тех женских лифчиков по 3 доллара 95 центов, что я видел у винного стеллажа...

На этом мои мысли внезапно оборвались, и мне пришлось зажать рот ладонью, как будто я хотел заглушить звук отрыжки. На самом деле я пытался подавить нервное хихиканье, вызванное мыслью о том, чем я собирался защититься от шупалец, утащивших Норма. Я сам видел, как одно из них — причем маленькое — давило упаковку собачьего концентрата, пока та просто не лопнула.

— Дэвид? Что с тобой?

— А?

— Твое лицо... Ты выглядишь так, словно придумал что-то или очень хорошее, или совсем ужасное. Меня как током ударило.

— Брент, а где тот человек, который выбежал из тумана и кричал, что что-то схватило Джона Ли Фровина?

— С разбитым носом?

— Да, тот самый.

— Он потерял сознание, и мистер Браун приводит его в чувство какой-то ароматной солью из аптечки первой помощи. А что?

— Он сказал что-нибудь, когда очнулся?

— Продолжал что-то говорить про эту свою галлюцинацию. Мистер Браун отвел его в свой кабинет, а то женщины начинали пугаться. Он пошел в общем-то даже охотно. Говорил что-то про стекла. Когда мистер Браун сказал, что в кабинете управляющего только маленькое окно, да и то забрано решеткой, он пошел охотно. Надо полагать, он все еще там.

— То, о чем он говорил, не галлюцинация.

— Конечно, нет.

— А тот толчок, что мы почувствовали?

— Тоже. Но, Дэвид...

Нортон напуган, напоминал я себе. Не перестарайся. На сегодня с него уже достаточно. С ним сейчас нужно полегче, потому что как раз именно так он и вел себя во время того дурацкого спора из-за земли. Сначала покровительственно, потом саркастически и, наконец, когда стало ясно, что он проигрывает, просто отвратительно. Не перестарайся, потому что он тебе нужен. Он, может быть, не способен завести собственную бензопилу, но если он скажет людям не паниковать, они не будут. Поэтому не перестарайся.

— Ты видишь вон те двойные двери за охладителем пива?

Он посмотрел на меня и нахмурился.

— Брент, ты меня слушаешь?

Он рассеянно взглянул на меня.

— Извини, Дэйв. Ты что-то говорил?

— Ты видишь эти двери?

— Вижу, конечно.

— Они ведут в складское помещение, расположенное вдоль всей западной стены здания. Когда Билли уснул, я пошел туда поискать, чем его можно укрыть...

Я рассказал ему все, скрыв только спор о том, стоит ли Норму выходить или нет. Я рассказал ему о том, что заползло в загрузочную дверь и чем все кончилось. Брент Нортон верить отказывался. Он отказывался даже предположить, что такое может произойти. Я подвел его к Джиму, Олли и Майрону. Все трое подтвердили мои слова, хотя Джим и Майрон Цветок уже здорово накачались.

Нортон опять не поверил. Просто уперся.

— Нет, — сказал он. — Нет, нет и нет. Простите, джентльмены, но это совершенно невозможно. Или вы пытаетесь меня разыграть, — он одарил нас сияющей улыбкой, показывая, что не хуже других понимает шутки, — или же все вы страдаете какой-то формой групповой галлюцинации.

Я начал терять самообладание, но все же сдержался. Мне нужно было думать о Билли и о том, что могло случиться или уже случилось со Стефани. Эти мысли грызли меня постоянно.

— Ладно, — сказал я. — Пойдем с нами. Там, на полу, остался кусок щупальца. Его отрезало дверью, когда мы ее закрывали. И там ты сможешь услышать их. Они шуршат у двери, словно ветер в зарослях плюща.

— Нет, — сказал он спокойно.

— Что? — я действительно подумал, что ослышался. — Что ты сказал?

— Я сказал «нет». Я не пойду туда. У всякой шутки должен быть предел.

— Брент, клянусь тебе, это не шутка.

— Разумеется, вы решили пошутить, — сурово произнес он, потом посмотрел на Джима и Майрона, остановил взгляд на Олли Виксе, который выдержал его спокойно и бесстрастно, и наконец взглянул на меня. — Это то, что вы, местные, называете «животики надорвать можно», да, Дэвид?

— Брент... Послушай...

— Нет, это ты послушай! — голос его загремел, разносясь по магазину, и несколько человек, изнервничавшихся и бесцельно шатающихся по проходам, обернулись в нашу сторону. — Это шутка. Банановая кожура. И вы выбрали меня, чтобы я на ней поскользнулся. Никто из вас особенно не любит людей со стороны, так ведь? Все вы тут друг за друга. Так же, как случилось в тот раз, когда я потащил тебя в суд, чтобы получить то, что причитается мне по праву. Ты тогда выиграл, ладно. А то как же? Ведь здесь твой отец — знаменитый художник, и это твой город, а я здесь лишь плачу налоги и трачу деньги!

Он уже не играл, а отчитывал нас хорошо поставленным адвокатским голосом. Он почти кричал, был на грани потери контроля над собой. Олли Викс развернулся и пошел прочь со своим пивом. Майрон и Джим смотрели на Нортон с откровенным удивлением.

— И я должен идти туда и смотреть на какую-то резиновую игрушку за доллар и девяносто восемь центов, а эти два болвана будут стоять рядом и ржать?

— Эй, ты, полегче. Кого ты называешь болваном? — спросил Майрон.

— Я, к твоему сведению, просто счастлив, что дерево упало на твой лодочный сарай. Просто счастлив. — Нортон издевательски улыбнулся. — Его раздавило? Просто замечательно! А теперь прочь с дороги!

И он попытался отпихнуть меня, чтобы пройти. Я схватил его за руку и толкнул на охладитель.

— Прочисти уши и слушай, Брент. От этого зависят жизни людей. И жизнь моего ребенка для меня — не последнее дело. Так что ты лучше послушай, а не то, клянусь, я из тебя выколочу дерьмо.

— Ну, давай, — сказал Нортон, все еще улыбаясь с какой-то безумностью во взгляде. — Покажи всем, что ты сильный и смелый и можешь избить человека с больным сердцем, который тебе в отцы годится.

— Вмажь ему! — прорывал Джим. — Черт с ним и с его больным сердцем. Я думаю, что у этого паршивого нью-йоркского крючкотвора сердца вообще нет.

— Не лезь, — сказал я Джиму и наклонился к Нортону. — Прекрати кипятиться. Ты прекрасно знаешь, что я говорю правду.

— Ничего подобного... я... не знаю, — сказал он, тяжело дыша.

— Если бы это случилось в другое время и в другом месте, я бы отвязался от тебя. Но сейчас ты напуган, и я не держу на тебя зла за твои слова. Я тоже боюсь, но ты мне нужен, черт побери! Дошло до тебя? Ты мне нужен!

— Отпусти меня!

Я схватил его за рубашку и встряхнул.

— Ты что, ничего не понял? Люди начнут выходить из магазина и наткнутся прямо на это чудовище! Понял ты наконец, черт побери?

— Отпусти меня!

— Нет. До тех пор, пока ты не пойдешь со мной и не помотришь.

— Я сказал тебе — нет! Все это — обман, шутка, и я не настолько глуп, чтобы...

— Тогда я потащу тебя силой.

Я схватил его за плечо и за шею. Шов рубашки на одном из рукавов не выдержал и с легким треском разошелся. Я потащил его к дверям склада. Нортон издал сдавленный крик. Поблизости собралось человек пятнадцать-восемнадцать, но никто не подошел и не собирался вмешиваться.

— Помогите! — закричал Нортон, выпучив глаза за стеклами очков. Его прическа снова рассыпалась. Люди шаркали ногами и наблюдали.

— Что ты кричишь? — прошипел я ему в ухо. — Это же всего лишь шутка. Именно поэтому я взял тебя с собой в город, когда ты попросил, и поэтому доверил тебе перевести Билли через автостоянку. Все потому, что у меня тут был наготове туман: я арендовал в Голливуде специальную машину за пятнадцать тысяч долларов и еще заплатил восемь тысяч за антураж — все для того, чтобы тебя разыграть. Прекрати вести себя как идиот и открой глаза.

— От-пу-сти! — провыл Нортон, когда мы были почти у дверей.

— Ну-ка, ну-ка! Что там такое? Что вы делаете? — расталкивая толпу, появился Браун.

— Заставьте его отпустить меня, — хрипло попросил Нортон. — Он сошел с ума.

— Нет. Хотел бы я, чтобы так было, но это не так, — вступился за меня Олли, и я был готов молиться на него. Он прошел между стеллажами позади нас и остановился напротив Брауна. Взгляд Брауна упал на банку пива, которую Олли держал в руке.

— Ты пьешь! — произнес он, и в голосе его слышалось удивление, не лишенное, впрочем, нотки удовлетворения. — За это ты потеряешь работу!

— Брось, Бад, — сказал я, отпуская Нортон. — Сейчас чрезвычайные обстоятельства.

— Правила пока никто не отменял, — самодовольно произнес Браун. — Я позабочусь, чтобы руководство компании узнало о случившемся. Это — моя обязанность.

Нортон тем временем отбежал в сторону и остановился там, заправляя рубашку. Взгляд его метался между Брауном и мной.

— Эй! — неожиданно крикнул Олли басовитым и громким голосом. Я никогда бы не подумал, что этот полный, но мягкий и скромный человек может говорить таким голосом. — Эй! Вы все! Идите сюда и слушайте! Это касается всех вас! — он взглянул на меня спокойно и спросил, совершенно игнорируя Брауна: — Я правильно делаю?

— Да.

Люди начали собираться. Толпа зрителей, наблюдавших за моим спором с Нртоном, сначала удвоилась, потом утроилась.

— Вам всем следует кое-что узнать... — начал Олли.

— Немедленно поставь пиво на место, — перебил его Браун.

— Немедленно заткнись, — сказал я и шагнул к нему. Браун тут же сделал шаг назад.

— Я не знаю, что некоторые из вас тут думают, — сказал он, — но могу пообещать, что все происходящее здесь будет доложено руководству «Федерал Фудс Компани»! Все! И я хочу, чтобы вы поняли, что за этим, возможно, последует судебное разбирательство!

Губы Брауна скривились в нервной гримасе, и мне стало его жаль. Он пытался справиться с ситуацией. Точно так же, как Нортон, сам себе поставивший мысленный барьер. Как Майрон и Джим, пытавшиеся превратить все в мужскую браваду: если мы починим генератор, туман сам разойдется... Браун поступал по-своему: он защищал магазин.

— Ну, давай записывай фамилии, — сказал я. — Только помолчи.

— Я запишу много фамилий, — ответил Браун, — и твоя будет в списке первой, ты, *богема*.

— Мистер Дрэйтон должен сказать вам кое-что очень важное, — объявил Олли, — и я думаю, всем вам стоит прислушаться на тот случай, если вы собираетесь отправиться домой.

Я рассказал им обо всем, что произошло, примерно в тех же подробностях, что и Нортону. Сначала некоторые смеялись, но к концу рассказа всех охватило глубокое беспокойство.

— Все это — ложь, как вы понимаете, — Нортон попытался голосом усилить значение своих слов, но перестарался. И этому человеку я рассказал первому, надеясь заручиться его умением убеждать. Как я ошибся!

— Конечно, все это ложь! — воскликнул Браун. — Бред! Откуда, по-вашему, взялись эти щупальца, мистер Дрэйтон?

— Я не знаю, но они есть. И...

— Я подозреваю, что появились они из этих вот пивных банок.

Эта реплика вызвала смех, но его тут же заглушил сильный скрипучий голос миссис Кармоди.

— Смерть! — выкрикнула она, и смеявшиеся быстро замолчали. Она вошла в центр неровного круга. Ее канареечные брюки, казалось, сами излучали свет, огромная сумка болталась у крепкого бедра. Черные глаза смотрели

высокомерно и сверкали остро и зло, как глаза сороки. Двое симпатичных девчонок лет шестнадцати с надписями «лесной лагерь» на спинах белых маек из искусственного шелка испуганно отскочили в сторону.

— Вы слушаете — и не слышите! Слышите — и не верите! Кто из вас хочет выйти наружу и самостоятельно убедиться? — она обвела взглядом всех собравшихся, потом посмотрела на меня. — И что вы предполагаете сделать, мистер Дэвид Дрэйтон? Что, как вы считаете, можно сделать?

Она ослабилась, словно персонаж из фильма ужасов, и продолжила:

— Это конец, говорю я вам! Конец всему! Перст Божий вывел строку приговора не огнем, а туманом. Земля разверзлась и исторгла сих чудовищ...

— Остановите ее кто-нибудь! — нервно выкрикнула одна из девчонок, расплакавшись. — Мне страшно...

— Достаточно, миссис Кармоди! — Олли схватил ее за руку. — Хватит!

— Отпустите меня! Это конец, говорю я вам! Это — смерть!

— Все ложь, — убежденно сказал Нортон. — Вы просто сговорились, вот и все.

— В то, что ты рассказал, невозможно поверить, — заявил Браун.

— Ах, так... — ответил я. — Пойдем на склад. Сам увидишь. И услышишь.

— Покупателям не положено...

— Бад, — устало сказал Олли, — сходи с ним.

— Ладно, — согласился Браун. — Мистер Дрэйтон, давайте, наконец, покончим с этим вопросом.

Оттолкнув двери, мы вошли в темноту. Звук, идущий снаружи, был неприятным, даже зловещим. Браун тоже это почувствовал, несмотря на всю свою твердолобую американскую манерность. Он тут же схватил меня за руку, дыхание его на мгновение перехватило, потом он снова задышал, но уже как-то хрипло.

Низкий шепчущий звук доносился со стороны загрузочной двери, почти ласкающий звук. Я провел ногой по

полу, задел один из фонариков, наклонился, подобрал его и включил. Лицо Брауна было застывшим, хотя он еще ничего не видел, только слышал. Но я видел и мог представить себе, как щупальца извиваются и ползают по гофрированной стальной поверхности двери, словно живые лианы...

— Ну, что ты теперь думаешь? Невозможно поверить?

Браун обвел взглядом разбросанные коробки и пакеты.

— Это все они натворили?

— Да. По большей части они. Иди сюда.

Он с неохотой подошел. Я направил луч фонарика на сжавшийся свернутый кусок щупальца, лежавший рядом со шваброй. Браун наклонился.

— Не трогай, — сказал я. — Оно, быть может, еще живо.

Он быстро выпрямился. Я подобрал швабру, взяв ее за щетку, и потыкал щупальце рукояткой. На третий или четвертый раз оно разогнулось лениво, показав две целые присоски и неровный сегмент третьей. Потом обрубок молниеносно сжался и замер. Браун издал какой-то уробный звук, словно его затошнило.

— Достаточно?

— Да, — выдохнул он. — Пойдем отсюда.

Мы проследовали за прыгающим лучом к дверям и вышли в торговый зал. Все лица повернулись к нам, гул голосов стих. Лицо Нортон стало похожим на старый сыр. Глаза миссис Кармоди заблестели. Олли продолжал пить пиво, и по его лицу все еще сбегали капельки пота, хотя в магазине было уже не жарко. Двое девчонок с надписями «лесной лагерь» на майках прижались друг к другу, как молодые лошадки перед грозой. Я видел только глаза. Так много глаз. «Я мог бы написать их», — неожиданно подумал я, холодея. Не лица, а одни глаза в полумраке. Я мог бы написать их, но никто не поверит, что такое бывает в действительности.

Следующие несколько часов прошли как во сне. За подтверждением Брауна последовала долгая полуистерич-

ная дискуссия. Впрочем, может быть, она длилась не так долго, как мне показалось. Просто у людей возникла мрачная необходимость попереживать полученную информацию, взглянуть на нее со всех сторон и погрызть, как собака грызет кость, чтобы добраться до костного мозга. Люди начинают верить медленно. То же можно наблюдать на любом городском собрании в Новой Англии.

«Общество верящих, что земля плоская» — так я обозвал группу людей во главе с Нортоном, не поверивших моему рассказу. Нортон снова и снова повторял, что всего четыре свидетеля якобы видели, как рассыльного унесли «щупальца с планеты Икс». В первый раз это вызвало смех, но быстро приелось.

Наконец, когда дискуссия с «Обществом верящих, что земля плоская», состоявшей из десяти человек, стала слишком острой, Олли не выдержал:

— Если вы нам не верите, мистер Нортон, это ваше дело. Я могу подсказать вам, что вы можете сделать. Выйдите через главный вход и пройдите за магазин. Там гора пустых банок из-под пива и бутылок от содовой. Мы с Нормом и Бадди выставили их туда сегодня утром. Вы прихватите пару бутылок, и мы убедимся, что вы действительно там были. Если вы это сделаете, я обещаю, что тут же сниму и съем свою рубашку...

Нортон начал багроветь.

Олли продолжал добивать его тем же самым ровным мягким голосом:

— ...своими разговорами вы только вредите, вот что я вам скажу. Здесь есть люди, которые хотят пойти домой, чтобы удостовериться, что их семьи в порядке. У меня у самого сестра с годовалым ребенком дома в Нейплсе, и я, конечно, хотел бы проверить, как она там. Но если люди поверят вам и начнут расходиться, с ними случится то же самое, что с Нормом.

Но Нортон не принял предложения Олли, и никто его не принял. Он и его маленькое «Общество», уменьшившееся теперь на несколько человек, отошли к прилавку готовых мясных продуктов. Один из них при этом задел Билли за ногу, и он проснулся.

Я хотел уложить его снова, но Билли прижался ко мне и прошептал:

— Не надо, папа. Пожалуйста.

Я разыскал тележку и посадил его на сиденье для детей. Это было бы забавно, если бы не его бледное лицо, темные волосы, сбившиеся на лоб, и грустные глаза.

В отсутствие «Общества верящих, что земля плоская» дискуссия нашла себе новый стержень. И теперь в этой роли оказалась миссис Кармоди.

При тусклом освещении в своем ослепительном канареечном костюме, с колыхающейся большой сумкой, повязывающая кольчугой бижутерии из черепаховой кости и адамантина, она здорово походила на ведьму. Лицо ее прочертили глубокие вертикальные морщины. Серые, мелко завитые волосы удерживались на месте тремя роговыми гребнями и были собраны сзади в пучок, а сжатые губы выглядели словно отрезок узловатого каната.

— Нет защиты против от Божьей! И того, что произошло, следовало ожидать. Я видела знамение. Здесь есть те, кому я говорила это, но нет таких, кто был бы настолько слеп, что не увидел бы сам.

— Ну и что? Что вы предлагаете? — перебил ее Майк Хатлен, член городского управления, хотя сейчас, в своей яхтсменской шапочке и «бермудах» с отвисшим задом, он на официальное лицо никак не походил. Он пил пиво, что теперь делали уже почти все мужчины. Бад Браун давно перестал протестовать, но по-прежнему записывал фамилии, стараясь уследить за всеми сразу.

— Предлагаю — эхом откликнулась миссис Кармоди, поворачиваясь к Хатлену. — Я предлагаю, чтобы ты, Майк Хатлен, готовился встретить своего Господа. — Она обвела взглядом всех собравшихся. — Готовьтесь встретить своего Господа!

— Готовьтесь встретить кучу дерьма! — пьяным голосом пробормотал Майрон Ляфлер из-за охладителя. — Старуха, язык у тебя, наверное, подвешен посередине, чтобы ты могла трепать им с обоих концов.

Послышался одобрителный ропот. Билли нервно оглянулся, и я положил руку ему на плечо.

— Нет, я все-таки скажу свое слово! — прокричала миссис Кармоди. Верхняя губа ее вытянулась вверх, открывая кривые зубы, желтые от никотина, и мне вспомнились пыльные чучела животных из ее магазина, вечно лакающие воду из зеркала, изображающего ручей.

— Сомневающийся будет сомневаться до самого конца! Но чудовища заберут этого заблуждающегося! Чудовища из тумана! Воплощения ужасов из дурных снов! Ты сомневаешься? Тогда выйди на улицу!

— Миссис Кармоди, вам придется прекратить это, — сказал я. — Вы пугаете моего ребенка.

Какой-то мужчина с маленькой девочкой поддержал меня. Девчонка с пухлыми ножками и ободранными коленками прижалась к его животу и закрыла уши руками.

— У нас есть только один способ, — провозгласила миссис Кармоди.

— Какой, мадам? — вежливо спросил Майк Хатлен.

— Жертвоприношение, — ответила она и, мне показалось, улыбнулась в полумраке. — Кровавое жертвоприношение...

«Кровавое жертвоприношение» — слова будто повисли в воздухе, медленно прокручиваясь. Даже сейчас, когда я знаю, что это не так, я говорю себе, что она, быть может, имела в виду чью-нибудь собачку. Две их как раз бегали по залу, несмотря на правила, запрещающие приводить собак в помещение магазина.

Она открыла рот, собираясь что-то добавить, но в этот момент небольшого роста мужчина в красных спортивных брюках и опрятной футболке ударил ее по лицу. Мужчина с аккуратным, словно по линейке, пробором слева, в очках — типичный турист из тех, что наезжают сюда летом.

— Немедленно прекратите эти грязные речи, — сказал он мягким невыразительным голосом.

Миссис Кармоди подняла руку к губам, потом протянула ее в нашу сторону в молчаливом обвинении. На ладони была кровь, но ее черные глаза светились, казалось, каким-то безумным ликованием.

— Давно напрашивалась! — выкрикнула из толпы женщина. — Я бы и сама с удовольствием это сделала!

— Они доберутся до вас, — миссис Кармоди протянула к нам окровавленную ладонь. — Не сейчас... Вечером. Ночью, когда опустится темнота. Они придут в ночи и возьмут кого-нибудь еще... они придут ночью! И вы услышите, как они ползут и скребутся. И когда они придут, вы еще будете умолять мать Кармоди подсказать вам, что делать.

Мужчина в красных спортивных брюках медленно поднял руку.

— Ну, ударь меня, — прошептала она, улыбаясь окровавленными губами.

Рука дрогнула.

— Ударь, если посмеешь.

Рука опустилась, и миссис Кармоди пошла прочь. Билли заплакал, прижавшись лицом ко мне, как только что плакала маленькая девочка.

— Я хочу домой, — сказал он. — Я хочу к маме.

Я утешал его, как мог. Но, наверное, мог я не очень многое.

Постепенно темы разговоров стали менее пугающими и обескураживающими. Кто-то упомянул витринные стекла, наиболее уязвимое место супермаркета. Майк Хатлен спросил, как еще можно проникнуть в магазин, и Олли с Брауном тут же перечислили: две загрузочные двери, кроме той, что открывал Норм, главный вход. И окно с толстым армированным стеклом в кабинете управляющего.

Разговор этот произвел странный эффект. Опасность стала казаться более реальной, но в то же время все почувствовали себя значительно лучше. Это стало заметно даже по Билли. Он спросил меня, можно ли ему сходить взять плитку шоколада, и я разрешил ему при условии, что он не будет подходить к окнам.

Когда Билли отошел подальше, мужчина, стоявший рядом с Майком Хатленом, сказал:

— Что будем делать с окнами? Старую леди, может быть, и в самом деле бешеный клоп укусил, но она права насчет того, что ночью кто-то может вломиться.

— А вдруг туман к тому времени разойдется? — спросила какая-то женщина.

— Вряд ли, — сказал мужчина.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил я у Бада и Олли.

— Минутку, — вымолвил мужчина, стоявший рядом с Хатленом. — Я — Ден Миллер из Линна, штат Массачусетс. Вы меня не знаете — не было повода познакомиться. Мой дом на озере Хайленд, и я купил его только в этом году. Содрали с меня черт знает сколько, но мне просто позарез нужно было его купить. — Он рассмеялся. — Я вот о чем хотел сказать. Там, в углу, я видел целую гору мешков с удобрениями и подкормкой для газонов. Фунтов по двадцать пять каждый. Мы можем сложить из них баррикаду. Оставим амбразуры, чтобы смотреть...

Люди стали возбужденно обсуждать предложение. Я едва сдержался, чтобы не высказать то, что вертелось у меня на языке. Миллер был прав. Можно сложить эти мешки у витрин — это никому не повредит и, возможно, даже будет какая-то польза. Но мои мысли постоянно возвращались к воспоминанию о том, с какой легкостью щупальце разделалось с упаковкой концентрата для собак...

Все начали расходиться, намереваясь приняться за дело, и Миллер закричал:

— Стойте! Стойте! Пока мы все здесь, давайте попробуем решить остальные вопросы!

Люди вернулись, и человек пятьдесят-шестьдесят собралось в углу между охладителем, дверью в складское помещение и мясным прилавком. Билли просочился сквозь толпу и протянул мне плитку шоколада.

— Хочешь, папа?

— Спасибо. — Я откусил кусочек.

— Может быть, это глупый вопрос, — продолжил Миллер, — но нужно уж все выяснить до конца. У кого-нибудь есть оружие?

Все замолчали, поглядывая друг на друга и пожимая плечами. Седой старик, представившийся Эмброузом Корнеллом, сказал, что у него в багажнике машины есть охотничье ружье.

— Если хотите, я попробую его достать.

— Сейчас, я думаю, — сказал Олли, — это не лучшая идея, мистер Корнелл.

— Одну минутку, — произнесла женщина в красной кофточке и зеленых брюках. У нее были светлые, песочного цвета волосы и спортивная фигурка. В общем, очень привлекательная молодая леди. Она расстегнула сумочку и достала оттуда средних размеров револьвер. Толпа издала глухой возглас удивления, словно на их глазах фокусник проделал какой-то особенно эффектный трюк. Женщина, и так уже пунцовая, покраснела еще сильнее. Она покопалась в сумочке и извлекла оттуда коробку патронов.

— Аманда Дамфрис, — представилась она Миллеру. — Этот пистолет... Это идея мужа. Он считает, что мне обязательно нужно оружие для самозащиты. Я уже года два ношу его незаряженным...

— Ваш муж здесь, мадам?

— Нет, он в Нью-Йорке. Он часто ездит туда по делам, и поэтому хотел, чтобы у меня было оружие.

— Что ж, — сказал Миллер, — если вы умеете им пользоваться, то пусть оно лучше будет у вас.

— Я стреляла всего один раз в жизни, в тире...

Миллер взял у нее револьвер и, осмотрев, отщелкнул барабан. Проверил, действительно ли он не заряжен.

— Отлично, — сказал он. — У нас есть оружие... Кто хорошо стреляет?

Все промолчали. Потом Олли неохотно сказал:

— Я довольно часто тренируюсь. У меня дома «кольт» 45-го калибра и «лама» 25-го.

— Ты? — удивился Браун. — Ха! Ты к вечеру так налижешься, что и видеть-то ничего не будешь.

— Почему бы тебе не заткнуться и не вернуться к своим спискам? — предложил Олли внятно и отчетливо.

— Это, возможно, тоже покажется вам глупым, — продолжал Миллер, повернувшись к Брауну с его запися-

ми и Олли с пивом, — но нет ли здесь чего-нибудь, сходного с огнеметом?

— Вот черт! — вырвалось у Бадди Иглтона, и он тут же покраснел, как до него Аманда Дамфрис.

— В чем дело? — спросил Майк Хатлен.

— М-м-м... До прошлой недели у нас был целый ящик маленьких таких паяльных ламп. Из тех, что обычно используют дома, чтобы запаять протекающую трубу, или глушитель автомашины, или что-нибудь в этом духе... Вы помните их, мистер Браун?

Тот мрачно кивнул.

— Распроданы? — спросил Миллер.

— Нет, они совсем не пошли. Мы продали всего три или четыре штуки, а остальные отослали обратно. Вот дрянь!.. Виноват... Жаль... — Покраснев так, что его щеки стали чуть ли не фиолетовыми, Бадди Иглтон снова смешался с толпой.

У нас, конечно, были спички, соль (кто-то смутно припомнил, что когда-то слышал, что всяких кровососов и прочую нечисть вроде бы нужно посыпать солью), различные щетки и швабры с длинными ручками. Многие все еще бодрились, но я поймал взгляд Олли и заметил в нем спокойную безнадежность, которая хуже, чем страх. И он, и я видели эти щупальца. И мысль о том, что мы будем посыпать их солью или отбиваться швабрами, казалась даже забавной, но забавной как карикатурная жуть.

— Майк, — сказал Миллер, — почему бы тебе не возглавить это маленькое мероприятие — укладывать мешки? Я хочу еще переговорить с Олли и Дэйвом.

— С удовольствием. — Хатлен хлопнул Дена Миллера по плечу. — Кто-то из нас должен взять на себя командование, и у тебя это отлично получается. Добро пожаловать в наш город.

— Означает ли это, что я получу скидку с налогов? — попытался пошутить Миллер. Внешне он напоминал петуха: маленький, подвижный, с редющей рыжей шевелюрой. Вообще Миллер был из тех, кто не может не понравиться при первом знакомстве и так же легко

разонравиться, когда пообщаешься с ним некоторое время. Из тех, кто знает, как делать абсолютно все лучше вас.

Доев шоколад, я взял банку пива, чтобы запить сладкое.

— Вот что я думаю, — сказал Миллер. — Надо выделить полдюжины человек на обматывание швабр тряпками и обвязывание веревками. Потом надо будет приготовить несколько канистр с жидкой растопкой для угля. Если срезать с них крышки, можно очень быстро делать факелы.

Я кивнул. Идея была хорошей. Хотя явно недостаточно хорошей в глазах тех, кто видел, как щупальца утащили Норма. Но в любом случае факелы лучше, чем соль.

— По крайней мере, им будет чем себя занять, — сказал Олли.

Губы Миллера сжались.

— Дела настолько плохи?

— Вот именно, — подтвердил Олли.

К полпятому мешки с удобрениями и подкормкой закрывали все окна, за исключением небольших амбразур для наблюдения. У каждого из них сидел дежурный со вскрытой банкой угольной растопки и горкой самодельных факелов. Всего сделали пять таких проемов, и Ден Миллер организовал смену дежурств. К полпятому я уже сидел на мешке у одного из проемов, Билли пристроился рядом, и мы всматривались в туман.

Сразу за окном стояла красная скамейка, на которой люди иногда поджидали друг друга, поставив рядом сумки с покупками. Дальше начиналась августоянка. Плотный тяжелый туман медленно клубился. Один вид его заставлял чувствовать себя безвольным и проигравшим.

— Папа, ты знаешь, что происходит? — спросил Билли.

— Нет, малыш, — ответил я.

Он замолчал, разглядывая свои руки, лежащие на коленях.

— А почему нас никто не спасает? — спросил он наконец. — Полиция, ФБР или еще кто-нибудь?

— Не знаю.

— А как ты думаешь, с мамой все в порядке?

— Билли, я просто не знаю, — ответил я и обнял его за плечи.

— Я очень хочу к маме... — прошептал Билли, борясь со слезами. — Я никогда больше не буду себя плохо вести...

— Билли... — сказал я и остановился, ощутив в горле соленый привкус и едва сдерживая дрожь в голосе.

— Это когда-нибудь закончится, папа? Кончится?

— Не знаю, — ответил я, и он уткнулся в мое плечо. Я положил руку ему на затылок и почему-то вспомнил вечер того дня, когда мы со Стефф обручились. Я смотрел, как она снимает простое коричневое платье, в которое она переоделась после церемонии. На бедре у нее был большой фиолетовый синяк от того, что за день до венчания она ударилась о полуоткрытую дверь. Помню, я смотрел на этот синяк, думая: «Когда она наставила себе этот синяк, она еще была Стефани Степанек», и испытывал что-то вроде удивления. Потом мы лежали рядом, а за окном сыпал с тускло-серого декабрьского неба снег.

Билли заплакал.

— Тс-с-с, Билли, тс-с-с, — говорил я ему, чуть покачивая голову, но Билли продолжал плакать. Такой плач умеют успокаивать только матери.

В «Федерал Фудс» наступила преждевременная ночь, и Бад Браун раздал штук двадцать фонариков — все, что имелись в наличии. Нортон от лица своей группы громко потребовал выделить фонари для них и получил два. Пятна света запрыгали по проходам, словно беспокойные призраки.

Прижимая к себе Билли, я продолжал смотреть в проем между мешками. Молочный полупрозрачный свет снаружи почти не изменился. Стало темно — оттого что мы заложили витрины мешками. Несколько раз мне казалось, будто я что-то вижу, но скорее всего мне это только казалось.

Билли снова увидел миссис Терман и, обрадовавшись, побежал к ней, хотя она и не приходила посидеть с ним целое лето. Ей тоже выделили фонарик, и она позволила Билли поиграть с ним. Скоро Билли уже выписывал лучом свое имя на чистых стеклянных панелях шкафов с замороженными продуктами. Оба они, похоже, были одинаково рады видеть друг друга и через некоторое время подошли ко мне. На груди у Хэтти Терман, высокой худощавой женщины с красивыми рыжими волосами, в которых только-только начала появляться седина, висели на цепочке с орнаментом очки — такие очки, насколько я понимаю, с полным правом могут носить лишь женщины средних лет.

— Стефани здесь, Дэвид? — спросила она.

— Нет. Дома.

Она кивнула.

— Алан тоже. Долго тебе еще дежурить?

— До шести.

— Что-нибудь видел?

— Нет. Только туман.

— Если хочешь, я побуду с Билли до шести.

— Ты хочешь, Билли?

— Да. Можно? — ответил он, медленно выводя фонариком дугу над головой и глядя на игру света на потолке.

— Господь сохранит твою Стеффи и моего Алана, — сказала миссис Терман и увела Билли за руку. Она сказала это с искренней убежденностью, но в глазах ее этой уверенности не было.

Около пяти тридцати в дальнем углу магазина послышались громкие спорящие голоса. Кто-то над чем-то рассмеялся, и кто-то — думаю, это был Бадди Иглтон, — выкрикнул:

— Все вы сумасшедшие, если собираетесь туда.

Несколько лучей света сошлись в центре группы спорящих, потом двинулись вместе с ними к выходу. Резкий издевательский смех миссис Кармоди, напоминающий скрипящий звук, когда ведешь пальцем по грифельной доске, расколол тишину. А над гомоном голосов послышался адвокатский тенор Нортон:

— Позвольте пройти! Позвольте нам пройти!

Мужчина, дежуривший у соседнего со мной проема, оставил свой пост и пошел посмотреть, из-за чего крики. Я решил остаться на месте: люди все равно двигались в мою сторону.

— Пожалуйста, — говорил Майк Хатлен, — давайте все обсудим.

— Нам разговаривать не о чем, — заявил Нортон. Из темноты выплыло его лицо, решительное, но изможденное и несчастное. В руках он держал один из выделенных «Обществу» фонариков. Закрученные пучки волос все еще торчали у него за ушами, как украшение рогоносца. Нортон вел за собой маленькую группку людей — пять человек из тех девяти или десяти, что были с ним вначале.

— Мы уходим отсюда, — объявил он.

— Что за безумие?! — спросил Миллер. — Майк прав. Мы можем все обсудить. Мистер Маквей жарит кур на газовом гриле, и мы сможем сесть спокойно, поесть и...

Он оказался на пути Нортон, и тот оттолкнул его. Миллеру это не понравилось. Лицо его налилось краской.

— Сами вы можете делать что хотите, — заявил он. — Но этих людей вы ведете на смерть.

Ровным тоном, свидетельствующим о непреклонной решимости или о непробиваемом заблуждении, Нортон сказал:

— Мы пришлем вам помощь.

Один из сторонников Нортон пробормотал что-то в его поддержку, но другой в этот момент потихоньку скользнул в сторону. Теперь с Нортон осталось четверо. Возможно, это было не так уж и мало: даже самому Христу удалось найти только двенадцать.

— Послушайте, — сказал Майк Хатлен. — Мистер Нортон... Брент, останьтесь хотя бы чтобы поесть. Горячее вам не помешает.

— Чтобы дать вам шанс продолжить уговоры? Я слишком много времени провел на судебных заседаниях, чтобы попасться на эту удочку. Вы уже одурачили с полдюжины моих людей.

— Ваших людей? — Хатлен почти простонал. — Ваших людей? Боже праведный, что это за разговоры? Они просто люди, и все. Это — не игра, и тем более не судебное заседание. Там, снаружи, бродят какие-то твари, другого слова не подберешь, так какой же смысл рисковать своей жизнью?

— Твари, говорите? — сказал Нортон с усмешкой. — Где? Ваши люди уже часа два дежурят у проемов. Кто-нибудь хоть что-нибудь увидел?

— Нет, но там, позади магазина...

— Нет, нет и нет, — сказал Нортон, качая головой. — Это мы уже обсуждали не один раз. Мы уходим...

— Нет, — прошептал кто-то, и этот звук разнесся вдруг, отражаясь эхом, словно шорох опавших листьев в полумраке октябрьского вечера. — Нет-нет-нет...

— Вы попытаетесь удержать нас силой? — пронзительным голосом спросила престарелая леди в бифокальных очках, одна из «людей Нортон», если пользоваться его же термином. — Вы хотите нас задержать?

Мягкое бормотание протестующих голосов стихло.

— Нет, — ответил Майк. — Я не думаю, что кто-то будет вас задерживать.

Тут я наклонился, зашептал на ухо Билли, и он посмотрел на меня вопросительно и удивленно.

— Прямо сейчас беги, — сказал я. — Быстренько.

Билли побежал выполнять поручение.

Нортон пригладил волосы рассчитанным жестом бродвейского актера. Гораздо больше он мне нравился, когда беспомощно дергал стартер бензопилы, ругаясь и думая, что его никто не видит. Я не мог сказать тогда, да и сейчас не знаю, верил ли он в то, что делает, или нет. Глубоко внутри, я думаю, он знал, что должно случиться. Я думаю, что та логика, на которую он молился всю жизнь, в конце концов обернулась против него, как взбесившийся и озверевший некогда дрессированный тигр.

Он беспокойно огляделся вокруг, словно желал сказать что-нибудь еще, потом повел четверку своих сторонников мимо одной из касс. Кроме старушки, с ним были пухлый парень лет двадцати, молодая девушка и

мужчина в джинсах и сдвинутой на затылок шапочке для гольфа.

Взгляд Нортон встретился с моим, глаза его чуть расширились, потом ушли в сторону.

— Брент, подожди минуту, — сказал я.

— Я не хочу больше ничего обсуждать. Тем более с тобой.

— Я знаю, но хочу попросить об одном... — Я обернулся и увидел, что Билли бежит к кассам.

— Что это? — спросил Нортон подозрительно, когда Билли вручил мне целлофановый пакет.

— Бельевая веревка, — ответил я, смутно понимая, что сейчас все в супермаркете состроят на нас, собравшись по другую сторону от линии касс. — Тут ее довольно много. Триста футов.

— И что?

— Я подумал, может быть, ты привяжешь один конец за пояс перед тем, как выйти. Когда веревка натянется, привяжи ее к чему-нибудь. Например, к дверце машины.

— Боже, зачем?

— Я буду знать, что вы прошли по крайней мере триста футов.

Что-то мелькнуло в его глазах, но только на мгновение.

— Нет, — сказал он.

Я пожал плечами.

— О'кей. В любом случае, удачи.

Мужчина в шапочке для гольфа неожиданно сказал:

— Я сделаю это, мистер. Почему бы и нет...

Нортон обернулся к нему, словно собирался сказать что-то резкое, но мужчина посмотрел на него пристально и спокойно. Он принял решение, и у него просто не было никаких сомнений. Нортон тоже понял это и промолчал.

— Спасибо, — сказал я, разрезая упаковку своим карманным ножом, и веревка вывалилась гармошкой жестких колец. Я вытащил один конец и обвязал пояс «чемпиона по гольфу» свободной петлей с простым узлом. Он тут же развязал веревку и быстро затянул ее на добротный морской узел. В зале магазина стояла полней-

шая тишина. Нортон в нерешительности переминался с ноги на ногу.

— Дать нож? — спросил я мужчину.

— У меня есть, — он взглянул на меня. — Главное, сам следи за веревкой. Если она запутается, я ее просто обрежу.

— Мы все готовы? — спросил Нортон слишком громким голосом. Пухлый парень подскочил, будто его толкнули.

Не получив ответа, Нортон двинулся к выходу.

— Брент, — сказал я, протягивая руку. — Удачи.

Он посмотрел на мою руку с сомнением.

— Мы пришем вам помощь, — сказал он наконец и толкнул дверь с надписью «выход».

Я снова почувствовал знакомый едкий запах. «Его люди» последовали за Нортоном. Майк Хатлен подошел и остановился рядом со мной. Группа из пяти человек остановилась в медленно движущемся молочном тумане. Нортон сказал что-то, что я вполне мог бы расслышать на таком расстоянии, но туман, казалось, гасил все звуки. Кроме двух-трех слогов, словно доносящихся из работающего вдалеке радиоприемника, я не расслышал ничего. Потом они начали удаляться.

Хатлен придерживал открытую дверь. Я стравливал веревку и старался, чтобы она свободно провисала, помня об обещании перерезать ее, если она застрянет. Снаружи по-прежнему не доносилось ни звука. Билли прижался ко мне, и я чувствовал, как он дрожит от напряжения.

Снова возникло странное чувство, что эти пятеро не ушли в туман, а просто растворились. Какое-то мгновение их одежда плыла уже без них, а затем и она пропала. Этот туман по-настоящему впечатлял своей плотностью лишь тогда, когда можно было увидеть, как он проглатывает людей буквально в течение секунд.

Я продолжал стравливать веревку. Сначала в туман ушла четвертая часть, потом половина. На мгновение движение прекратилось, веревка обмякла. Я задержал дыхание, но веревка снова пошла, скользя у меня между пальцами.

Ушло три четверти веревки, и я уже видел ее конец, лежащий на ботинке Билли, но тут веревка в моей руке снова остановилась. Секунд пять она лежала неподвижно, затем рывком ушли пять футов, и вдруг, резко дернув влево, веревку натянуло о край двери так, что она даже зазвенела.

Затем с моей руки рывком сдернуло футов двадцать, оставив на ладони ожог, и из тумана донесся высокий дрожащий крик. Я даже не смог понять, мужчина кричит или женщина. Снова дернуло веревку. И снова. Ее мотало в дверном проеме то вправо, то влево, потом уползло еще несколько футов, и из тумана донесся захлебывающийся вопль, услышав который, Билли застонал, а Хатлен замер с широко раскрытыми от ужаса глазами. Вопль внезапно оборвался, и, казалось, целую вечность стояла тишина. Затем закричала старушка, и, на этот раз никаких сомнений насчет того, кто кричит, не было.

— Уберите его от меня! — кричала она. — О, Господи, Господи, уберите... — голос ее оборвался.

Внезапно почти вся веревка сбежала с моей ладони, оставив новый ожог, и обвисла. Из тумана донеслось сочное громкое хрюканье, от которого у меня во рту тут же пересохло. Такого звука я никогда в жизни не слышал, но ближе всего тут бы подошло сравнение с фонограммой из какого-нибудь кинофильма, снятого в африканском вельдте или в южноамериканских болотах. Такой звук могло издать только очень большое животное. Он снова донесся до нас, низкий, неистовый, звериный звук. И снова. Потом перешел в прерывистое бормотание и затих.

— Закройте дверь, — дрожащим голосом попросила Аманда Дамфрис. — Пожалуйста.

— Минуту, — сказал я и потянул за веревку.

Она выползала из тумана и укладывалась у моих ног неровными петлями и кольцами. Последние фута три новой бельевой веревки с обгрызленным концом были окрашены в кирпично-красный цвет.

— Смерть! — выкрикнула миссис Кармоди. — Там — смерть! Вы все видели?

Никто не стал спорить с миссис Кармоди.
Майк Хатлен отпустил дверь, и она захлопнулась.

Мистер Маквей работал в Бриджтоне мясником еще с тех пор, когда мне было лет двенадцать или тринадцать, но я не знал ни его имени, ни каков его возраст. Он установил небольшой газовый гриль под одной из вентиляционных решеток (вентиляторы не работали, но решетки создавали хоть какую-то тягу), и к 6.30 вечера запах жарящихся цыплят заполнил весь магазин. Бад Браун возражать не стал. Может быть, от потрясения. Но скорее всего он просто сознавал, что птица со временем свежее отнюдь не становится. Цыплята пахли великолепно, но есть хотелось не всем. Мистер Маквей, маленький худой и аккуратный в своем белом халате, все равно продолжал жарить цыплят, укладывая куски на бумажные тарелки и расставляя их на мясном прилавке, как это делают в кафетериях.

Миссис Терман принесла нам с Билли порции с гарниром из картофельного салата. Я поел сколько смог, но Билли даже не притронулся к своей тарелке.

— Тебе надо поесть, силач, — сказал я.

— Я не голоден, — ответил он и отодвинул тарелку.

— Ты не станешь большим и сильным, если...

Миссис Терман покачала головой.

— Ладно, — сказал я. — Сходи, хотя бы, съешь персик. Хорошо?

— А если мистер Браун скажет что-нибудь?

— Если он скажет что-нибудь, скажи мне.

Билли медленно пошел вдоль стеллажей. Мне показалось, он как-то сник, и мое сердце сжималось, когда я видел его таким. Мистер Маквей продолжал жарить цыплят, очевидно, совершенно не обращая внимания на то, что почти никто не ест, удовлетворенный, видимо, самим процессом этого действия. Кажется, я уже писал, что люди по-разному реагируют на подобные ситуации. Трудно представить, что это может быть так, но это действительно так.

Мы с миссис Терман сидели в середине аптечного ряда, и нам было видно, что по всему магазину люди собираются в маленькие группки. Никто, кроме миссис Кармоди, не сидел один. Даже Майрон и Джим не были одиноки: оба вместе храпели у пивного охладителя.

Шестеро новых дежурных сидели у проемов в мешках. Одним из них был Олли. Он грыз цыплячью ногу, запивая ее пивом. У каждого поста стояли прислоненные к мешкам факелы, изготовленные из швабр, а рядом — банки с угольной растопкой, но, я думаю, теперь никто уже не верил в эти приготовления так, как раньше. После этого ужасного звериного рыка и после отгрызенной окровавленной веревки никто уже не верил. Если что-то оттуда, снаружи, захочет нас, оно свое получит. Оно или они.

— Насколько опасно будет ночью? — спросила миссис Терман. Голос ее звучал спокойно, но в глазах застыл испуг.

— Хэтти, я не знаю.

— Пусть Билли побудет со мной... Я... Дэвид, я смертельно боюсь. — Она коротко хохотнула. — Да, видимо, именно так. Но если Билли будет со мной, я буду в порядке. Ради него.

Глаза ее блестели. Я наклонился и тронул ее за плечо.

— Я так волнуюсь за Алана, — сказала она. — Но, он, наверно, мертв, Дэвид. Я сердцем чувствую, что его уже нет.

— Не надо, Хэтти. Ты не можешь этого знать.

— Но я чувствую, что это так. Ты ничего не чувствуешь про Стефани? Хоть какое-то ощущение?

— Нет, — солгал я, стиснув зубы.

Она издала горлом странный сдавленный звук и зажала рот рукой. В ее очках отражались отсветы лучей фонариков. Билли ел персик. Хэтти Терман похлопала по полу рядом с собой и сказала, что, когда он доест, она покажет ему, как из персиковой косточки и нитки делается человечек. Билли устало улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ.

В 20.00 новые шестеро дежурных сели у проемов, и Олли подошел ко мне.

— Где Билли?

— Там, дальше, с миссис Терман, — ответил я. — Занимаются рукоделием. Они уже прошли человечков из персиковых косточек, маски из пакетов и яблочных кукол, а теперь мистер Маквей показывает ему, как делать маленьких трубочистов.

Олли сделал большой глоток пива и сказал:

— Там, за окнами, что-то движется.

Я пристально посмотрел на него, но он ответил мне уверенным взглядом.

— Что ты имеешь в виду? Что там движется?

— Я был не уверен. Спросил у Уолтера, и он сказал, что у него такое же чувство. На минуту какая-то область тумана становится темнее, иногда просто маленькая полоска, иногда пятно, похожее на синяк. Потом снова пропадает. И сам туман шевелится. Даже Эрни Симмс почувствовал, что там что-то происходит, а он слепой как летучая мышь.

— А остальные?

— Они все из других штатов, я их не знаю, — ответил Олли. — Я ни у кого из них не спрашивал.

— Ты уверен, что тебе не померещилось?

— Уверен, — сказал он и кивнул в сторону миссис Кармоди, сидевшей в одиночестве в конце прохода. Происшедшее отнюдь не испортило ей аппетита, и на ее тарелке лежала целая груда цыплячьих костей.

— В одном она была права, — добавил Олли. — Скоро мы все узнаем. Станет темно, и мы все узнаем.

Но темноты ждать не пришлось. Когда это произошло, Билли почти ничего не видел, потому что миссис Терман держала его в дальнем конце магазина. Олли сидел со мной, когда один из дежуривших взвизгнул и, размахивая руками, отскочил от проема. Время приближалось к 20.30, и жемчужно-белый туман снаружи потемнел до ровного серого цвета ноябрьских сумерек.

Что-то приближалось со стороны улицы к стеклу у одного из проемов.

— Боже!.. — вскрикнул дежуривший там мужчина. — Пустите меня! Я не могу!..

И он, выпучив глаза, побежал, кидаясь из стороны в сторону.

Кто-то еще вскрикнул в темноте, и некоторые люди побежали посмотреть, что происходит. Другие, наоборот, кинулись в дальний конец зала, не интересуясь и не пытаясь узнать, что там ползает по стеклам снаружи.

Мы с Олли двинулись к проему. Олли держал руку в кармане брюк, куда положил револьвер миссис Дамфрис. Еще один наблюдатель вскрикнул, но скорее от отвращения, чем от страха.

Мы прошли мимо касс, и теперь я понял, что напугало дежурного. Я не знал, что это такое, но я мог его видеть. Существо немного походило на эти странные игрушки из винила за доллар и девяносто восемь центов, что люди покупают, чтобы поугагать друзей.

Фута два длиной, сегментированная тварь цвета розовой, заживающей после ожога кожи. Два выпуклых глаза на стебельках. Существо ползло по стеклу, цепляясь толстыми присосками. За спиной существа медленно колыхались огромные слюдяные крылья, похожие на крылья мухи.

У другого проема, слева от нас, по стеклу ползали, оставляя за собой липкие улиточные следы, сразу три такие твари. Глаза, если это на самом деле глаза, покачивались на концах стебельков толщиной с палец. Самая большая из этих тварей была около четырех футов в длину. Время от времени они переползали друг через друга.

— Чертовщина какая-то, — сказал Том Смолли с омерзением в голосе. Он стоял у проема справа от нас. Я промолчал. Если эти твари ползают по окнам у каждого проема, значит, они облепили все здание... Как мухи кусок дерма...

Где-то плакали. Миссис Кармоди кричала про «исчадия ада». Кто-то грубо приказал ей заткнуться самой, а не то...

Олли достал из кармана револьвер. Я схватил его за руку.

— Не сходи с ума.

— Сам не знаю, что делаю, — сказал он, высвобождаясь, потом с застывшей на лице маской отвращения постучал стволom по стеклу. Твари заработали крыльями так быстро, что их почти не стало видно, потом взлетели.

Другие увидели, что делает Олли, и, воспользовавшись идеей, стали стучать по окнам рукоятками швабр. Твари улетали, но вскоре возвращались обратно. Очевидно, мозгов у них было не больше, чем у обыкновенных мух. Почти паническая обстановка разрядилась гомоном разговоров, и я услышал, как кто-то спрашивает, что будет, если такая тварь на тебя сядет. Отнюдь не тот вопрос, ответ на который мне хотелось бы узнать из личного опыта.

Стук по окнам стал утихать. Олли повернулся ко мне, собираясь что-то сказать, но не успел открыть рот, как из тумана вынырнуло еще что-то и схватило ползающую по стеклу тварь. Кажется, я вскрикнул. Не помню.

Участок тумана потемнел и превратился во что-то с хлопающими кожистыми крыльями, белым, как у альбиноса, телом и красноватыми глазами. Это что-то схватило розовую тварь и исчезло. Все вместе заняло не более пяти секунд. Мне показалось, что розовая тварь дергалась и трепыхалась, исчезая в глотке, как трепыхается маленькая рыбешка в клюве чайки.

Раздался еще один удар, потом еще. Снова послышались крики, и люди опять бросились в дальний конец магазина. Потом кто-то пронзительно вскрикнул, на этот раз от боли, и Олли сказал:

— О, Господи, там упала старушка, и ее чуть не растоптали.

Он бросился в проход между кассами. Я повернулся было бежать за ним, но тут заметил нечто такое, что меня остановило. Справа от меня один из мешков с удобрениями под самым потолком начал сползать. Прямо под ним сидел Том Смолли, глядя в туман через свою амбразуру.

Еще одна розовая тварь плюхнулась на стекло у проема, где стояли мы с Олли, и ее тут же подхватил спикировавший летающий хищник. Сбитая с ног старушка

продолжала кричать пронзительным надтреснутым голо-
сом.

Мешок. Мешок сползал.

— Смолли! — крикнул я. — Берегись! Сверху!

В общем шуме он меня так и не расслышал. Мешок упал прямо ему на голову. Смолли рухнул на пол, задев подбородком низкую полку, проходящую под витриной.

Одна из тварей-альбиносов начала протискиваться через рваную дыру в стекле, и теперь, когда крики немного стихли, я расслышал производимый ею мягкий скребуший звук. На чуть склоненной в сторону треугольной голове поблескивали красные глаза. Хищно раскрывался и закрывался тяжелый загнутый клюв. Тварь напоминала одновременно птеродактиля из книги про доисторических животных и фрагмент бредового сна сумасшедшего.

Я схватил один из факелов и обмакнул его в банку с угольной растопкой.

Летающая тварь уселась на верхний мешок, оглядываясь вокруг и медленно, зловеще переступая с одной когтистой лапы на другую. Я убедился, что эти существа крайне глупы: дважды оно пыталось расправить крылья, ударяясь ими о стены, и складывало их за горбатой спиной, словно гриф. В третий раз тварь потеряла равновесие и неуклюже свалилась со своего насеста, упав на спину Тома Смолли. Одним движением когтистой лапы она разорвала рубашку Тома и располосовала его спину до крови.

Я стоял всего в трех футах от нее. С факела капала жидкость для растопки, и я готов был убить эту тварь, но тут понял, что мне нечем зажечь огонь. Последнюю спичку я истратил час назад, зажигая мистеру Маквею сигару.

В зале творилось что-то невероятное. Люди увидели сидящую на спине Смолли тварь — зрелище, которого никто никогда на земле еще не видел. Тварь стремительно ударила клювом и вырвала кусок мяса из шеи Смолли.

Я уже собирался воспользоваться факелом как дубинкой, когда обмотанный тряпками конец вдруг вспыхнул. Рядом, держа зажигалку с эмблемой морской пехоты,

стоял Ден Миллер. Лицо его словно окаменело от ужаса и ярости.

— Убей ее, — хрипло сказал он. — Убей.

Тут же с револьвером в руке стоял Олли, но он не мог стрелять из опасения попасть в Тома.

Тварь расправила крылья и взмахнула ими, явно не собираясь взлетать, а просто чтобы получше уцепиться за свою жертву, потом обволокла крыльями туловище бедняги Смолли, и оттуда донесся звук чего-то раздираемого. Отвратительный звук, я даже не могу его описать.

Все это произошло за считанные секунды. Затем я ткнул в нее горящим факелом. У меня было ощущение, что я ударил что-то не более прочное, чем воздушный змей, и в следующий момент тварь вспыхнула, издав скрежещущий звук и снова расправив крылья. Потом со звуком, напоминающим хлопающую на ветру простынь, тварь взлетела и опять издала этот ржавый скрежещущий звук.

Все головы повернулись, следя за ее огненным предсмертным полетом. Наверное, из всего происшедшего ничто не запомнилось мне ярче, чем этот зигзагообразный полет пылающей твари по залу супермаркета. Она летела, роняя то тут, то там горящие куски, и в конце концов рухнула на стеллаж с соусами для спагетти. От не не осталось почти ничего, кроме костей и пепла. По магазину пополз тошнотворный резкий запах горящего мяса, и, как бы подчеркивая его, — тонкий едкий запах тумана, проникавшего в разбитое окно.

На мгновение установилась тишина. Нас всех словно околдовала черная магия этого огненного полета. Потом все закричали, и откуда-то издалека я услышал плач сына.

Кто-то схватил меня за плечо. Оказалось, Бад Браун. Глаза его лезли из орбит, рот кривился в гримасе, открывающей искусственные зубы.

— Там еще одна. Другая... — сказал он, показывая рукой.

Сквозь дыру в стекле пролезла розовая тварь и уселась на мешке с удобрениями, тараща глаза на стебельках и

жужжа своими мушиными крыльями, как дешевый вентилятор. Болезненно-розовое пухлое тело быстро вздымалось и опадало.

Мой факел еще не погас, и я устремился к ней, но меня опередила миссис Репплер, учительница третьих классов, лет пятидесяти, может быть, шестидесяти, худая сухощавая женщина, которая своим видом всегда напоминала мне полоску вяленого мяса. В каждой руке она держала по баллону с аэрозолем, словно какой-то персонаж из фильма ужасов. Издав крик ярости, сделавший бы честь любому пещерному человеку, разбивающему череп врага, она вытянула вперед руки с баллонами и нажала обе кнопки. Густой слой инсектицида покрыл розовую тварь, и она забилась в конвульсиях, завертелась и наконец свалилась с мешков, отскочила от тела Тома Смолли, уже безо всяких сомнений мертвого, и упала на пол. Крылья бешено жужжали, но уже не могли никуда ее унести: их покрывал толстый слой аэрозоля. Через несколько секунд крылья ослабели, потом замерли, и тварь умерла.

Я снова услышал плач. И стоны. Все еще стонала затоптанная пожилая леди. Откуда-то донесся смех — смех сумасшедшего. Миссис Репплер, часто и тяжело дыша, стояла над своей жертвой.

Хатлен и Миллер нашли небольшую тележку из числа тех, на которых грузчики подвозили к секциям магазина ящики с товарами, и вдвоем запихнули ее на мешки с удобрениями, закрыв клинообразную дыру в стекле. В качестве временной меры это было неплохо.

Двигаясь словно лунатик, появилась Аманда Дамфрис. В одной руке она держала пластиковое ведерко, в другой метелку, все еще завернутую в прозрачный целлофан. Она наклонилась, глядя перед собой большими пустыми глазами, и замела мертвую тварь в ведерко. Я даже расслышал треск целлофановой обертки, когда Аманда водила метелкой по полу. Потом она подошла к двери — к счастью, на ней не было этих тварей, — приоткрыла ее немного и выбросила ведерко на улицу. Оно упало на бок, перекатываясь туда-обратно по сокращающейся дуге. Еще одно розовое насекомое появилось с жужжанием

из темноты, уселось на ведро, потом принялось ползать вокруг.

Аманда разрыдалась.

Мы с Олли сходили на склад и принесли еще штук шесть подстилок, таких же, как та, которой я укрывал Билли. Теперь на них спали люди. Потом мы притащили несколько тяжелых ящиков с апельсинами и вчетвером затолкали их на мешки напротив разбитого окна. Этим птицеподобным тварям пришлось бы здорово поработать, чтобы сдвинуть ящики: каждый из них весил фунтов девяносто.

Но «птицы» и розовые твари были не единственными, кто таился в тумане. Были еще щупальца, утащившие Норма. И обгрызенный конец веревки тоже заставлял кое о чем задуматься. Было, наконец, то существо, что издавало низкий гортанный рев. До нас время от времени доносились эти звуки, чаще издавека, хотя кто может сказать, как далеко это «издавека», когда туман гасит все звуки? А иногда они раздавались так близко, что тряслось здание, и казалось, что сердце вдруг леденеет.

Билли зашевелился во сне и застонал. Я погладил его по голове, и он простонал чуть громче, но потом, похоже, снова уплыл в менее опасные воды сновидений. После наступления темноты мне самому удалось поспать лишь часа полтора.

Не только мы с Билли спали плохо. Одни вскрикивали во сне, другие продолжали кричать, уже проснувшись. Пиво исчезало из охладителя с огромной скоростью. Бадди Иглтон без комментариев подвез со склада еще несколько ящиков. Майк Хатлен сказал мне, что кончился «соминекс». Полностью. Видимо, некоторые брали снотворное по шесть-восемь пузырьков.

— Есть еще «нитол», — сказал он. — Хочешь, Дэвид? Я покачал головой.

В проходе у кассы номер пять обосновались наши пьянчуги. Их было человек семь, все из других штатов, кроме Лу Таттингера, работавшего на мойке машин. Лу,

как говорится, никогда долго не искал повода понюхать пробку. Вся винная бригада уже довольно прилично анестезировала себя.

Да. Было еще человек шесть-семь, которые сошли с ума. Не совсем точный термин, но я не могу придумать лучшего. Эти люди впали в полнейшую апатию без помощи пива, вина или пилюль. Пустыми, блестящими, как медные пуговицы, глазами смотрели они вокруг. Твердый бетон реальности дал трещину в каком-то немыслимом землетрясении, и эти бедняги в нее провалились. Со временем они могли бы оправиться. Если было бы время.

Остальные приноровились к ситуации, сделав собственные выводы и компромиссы, порой несколько странные. Миссис Репплер, например, была уверена, что это сон. Так, по крайней мере, она сказала. И сказала с убеждением.

Около четырех Билли проснулся и огляделся вокруг сонными непонимающими глазами.

— Мы еще здесь?

— Да, родной, — сказал я. — Еще здесь.

Он заплакал слабо, беспомощно, и это было ужасно. Аманда проснулась и поглядела на нас.

— Эй, малыш, — сказала она, мягко обнимая Билли. — Придет утро, и все будет гораздо лучше.

— Нет, — упрямо ответил Билли. — Не будет. Не будет. Не будет...

— Тс-с-с, — сказала она, глядя на меня поверх его головы. — Тебе давно пора спать.

— Я хочу к маме!

— Знаю, малыш, — сказала Аманда. — Конечно.

Пристроившись к ней, Билли повертелся немного и лег так, чтобы ему было видно меня. Какое-то время он смотрел на меня, потом снова уснул.

— Спасибо, — сказал я. — Может быть, вы ему были нужны.

— Он меня даже не знает.

— Это неважно.

— А что, вы думаете, будет дальше? — спросила она, не сводя с меня твердого взгляда своих зеленых глаз. — Что вы действительно думаете?

— Спросите меня утром.

— Я спрашиваю сейчас.

Я уже собрался было ответить, но тут из темноты, словно из рассказов ужасов, материализовался Олли Вискс. В руках он держал направленный в потолок фонарь с обернутой вокруг отражателя женской кофточкой, и приглушенный свет отбрасывал на его лицо странные тени.

— Дэвид, — прошептал он.

Аманда взглянула на него, сначала встревоженно, потом снова испуганно.

— Что такое, Олли? — спросил я.

— Дэвид, — повторил он. — Пойдем. Пожалуйста.

— Я не хочу оставлять Билли. Он только что уснул.

— Я побуду с ним, — сказала Аманда. — Вы идите. — Потом добавила чуть тише: — Боже, это никогда не закончится.

Я пошел вслед за Олли. Он вел меня к складскому помещению и, проходя мимо пивного охладителя, схватил банку пива.

— Олли, что случилось?

— Я хочу, чтобы ты сам увидел.

Мы прошли за двойные двери, и створки закрылись за нами, чуть всколыхнув воздух. Здесь было холодно. Это место мне совсем не нравилось после того, что случилось с Нормом. К тому же, вспомнил я, где-то здесь все еще валяется отрубленный кусок щупальца.

Олли убрал закрывающую отражатель кофточку и направил луч фонарика вверх. В первый момент мне показалось, что кто-то подвесил на обогревательную трубу под потолком два манекена. Знаете, детские шуточки в канун дня всех святых?..

Затем я увидел ноги, висящие в семи дюймах от бетонного пола, и две кучки разбросанных картонных

коробок. Я взглянул вверх, и в горле у меня начал подниматься крик, потому что там были лица, но не лица манекенов. Обе головы свернулись набок, словно их хозяева смеялись над какой-то жутко забавной шуткой, так смеялись, что лица их посинели.

Оба были в военной форме. Те самые молодые солдаты, которых я заметил еще вначале, но потом потерял из вида в мешанине событий. Солдаты из...

Крик... Я ощущал, как он поднимается у меня в горле, словно стон полицейской сирены, но тут Олли схватил меня за руку над локтем.

— Не кричи, Дэвид. Кроме нас с тобой, никто еще не знает об этом. И лучше будет, если так и останется.

Как-то справившись с собой, я проговорил:

— Это солдаты...

— Из «Проекта *Стрела*», — сказал Олли. — Точно.

Что-то холодное ткнулось мне в руку. Банка пива.

— На, выпей. Полегчает.

Я осушил ее мигом, и Олли начал рассказывать.

— Я пришел посмотреть, нет ли еще здесь еще баллонов для гриля мистера Маквея. И увидел *их*.

— Но почему?..

— Я думаю, ты понимаешь, почему. Конечно, летние туристы, вроде этого парня Миллера, не поймут, но здесь есть и местные, которые вполне могут догадаться.

— «Проект *Стрела*»?

— Я целыми днями стою у касс, — сказал Олли, — и многое слышу. Всю весну до меня доходили разные слухи про эту чертову «*Стрелу*», но ни одного хорошего.

Я вспомнил, как Билл джости наклонился к окну моей машины, дохнув мне в лицо теплым алкогольным перегаром... «Это совсем *другие* атомы».

— Я слышал кое-что. Сразу от нескольких людей, — продолжал Олли. — Джастин Робардс, Ник Точай, Бен Майклсон. В маленьких городах секретов не бывает. Что-то обязательно всплывает. Иногда это как родник: он просто выбивается из-под земли, и никто не знает, откуда он взялся. Ты что-то слышал в библиотеке, передал кому-то другому. Или на пристани в Харрисоне... Бог

знает еще где, кому и почему. Но все лето я слышу: «Проект *Стрела*», «Проект *Стрела*»...

— Но эти двое... — сказал я. — Боже, Олли, они еще совсем мальчишки.

— Во Вьетнаме такие же мальчишки отрезали у местных уши. Я там был. Я видел.

— Но что... Что заставило их сделать это?

— Я не знаю. Может быть, они что-то знали. Или догадывались. Но они, видимо, понимали, что люди в конце концов начнут задавать им вопросы.

— Если ты прав, — сказал я, — то это должно быть что-то действительно кошмарное.

— Буря, — сказал Олли ровным голосом. — Может быть, там что-то испортилось во время бури. Может, случилась какая-то катастрофа. Кто знает, чем они там занимались? Некоторые утверждали, что там экспериментировали с высокомоощными лазерами и мазерами. А иногда я слышал про термоядерную энергетику. Вдруг они... прокололи дыру в какое-нибудь другое измерение?

— Бред, — сказал я. — Но сейчас перед нами другая проблема. Что *мы* будем делать?

— Я думаю, надо их срезать и спрятать, — тут же предложил Олли. — Завалить их чем-нибудь, что никому не понадобится. Собачьими консервами, стиральным порошком или еще чем. Если люди об этом узнают, будет лишь хуже. Именно поэтому я к тебе и пришел, Дэвид. Я никому больше не мог довериться.

— Как нацистские военные преступники, — пробормотал я, — которые кончали с собой в камерах...

— Да. Я об этом тоже подумал.

Мы замолчали, и неожиданно снаружи из-за стальной загрузочной двери снова донеслись скребущие звуки щупалец, ползающих у входа. Мы невольно встали ближе друг к другу, и я почувствовал, как по коже у меня бегают мурашки.

— Быстро закончим — и обратно, — сказал Олли. В свете фонаря тускло блеснуло его сапфировое кольцо. — Я хочу убраться отсюда поскорей.

Олли со щелчком открыл свой нож, очень удобный для вскрывания картонных коробок. И разумеется, для перерезания веревок.

— Ты или я? — спросил он.

— Каждому по одному, — ответил я, проглотив комок в горле.

Когда мы вернулись, подступала заря. Чернота в проемах между мешками с удобрениями очень неохотно уступила место густому серому цвету, потом желтоватому и наконец яркой безликой матовой белизне экрана кинотеатра на открытом воздухе. Майк Хатлен спал в складном кресле, которое он неизвестно где выкопал. Ден Миллер сидел неподалеку на полу и уплетал пончик, посыпанный сахарной пудрой.

— Садитесь, мистер Дрэйтон, — пригласил он. — Берите пончик. — Он протянул мне коробку.

Я покачал головой.

— Эта сахарная пудра — верная смерть. Хуже сигарет.

— Тогда возьмите два, — сказал он с усмешкой.

Я с удивлением обнаружил, что во мне тоже осталось немного смеха. Он выманил его из меня, и этим мне понравился. Я взял два пончика, и они оказались довольно приятными на вкус. После них я выкурил сигарету, хотя обычно не курю по утрам.

— Мне надо к сыну, — сказал я. — Он скоро проснется.

Миллер кивнул.

— Эти розовые жуки... — сказал он. — Все исчезли. И птицы. Хэнк Ваннерман говорит, что последняя ударилась в окно около четырех. Видимо, этот зверинец гораздо активнее, когда темно.

— Брент Нортон так бы не сказал, — заметил я. — И Норм.

Он снова кивнул, помолчал, потом закурил сигарету и взглянул на меня.

— Мы долго не можем здесь оставаться, Дрэйтон, — сказал он.

— Здесь полно еды. И есть что пить.

— Запасы к этому делу не имеют никакого отношения, как ты сам прекрасно понимаешь. Что мы будем делать,

если одна из этих больших зверюг решит к нам вломиться? Вместо того, чтобы просто топтать по ночам снаружи? Будем отгонять ее швабрами и угольной растопкой?

Конечно же, он был прав. Может быть, туман в какой-то степени защищал нас. Прятал. Но не исключено, что это ненадолго, и, кроме того, меня тревожили и другие соображения. Мы пробыли в «Федерал Фудс» примерно восемнадцать часов, и я уже чувствовал, как что-то вроде ленивости охватывает меня, что-то очень похожее на оцепенение, которое я ощущал, заплыв слишком далеко. Хотелось остаться, не рисковать, заботиться о Билли, подождать, вдруг туман разойдется и все станет по-прежнему.

То же самое я видел на других лицах, и мне пришлось в голову, что сейчас в супермаркете есть люди, которые не уйдут отсюда ни при каких обстоятельствах. После того, что случилось, одна мысль о том, что нужно выйти за дверь, леденит их кровь.

Миллер следил, вероятно, как эти мысли отражаются на моем лице, потом сказал:

— Когда появился этот чертов туман, здесь было семьдесят человек. Из этого количества вычти рассыльного, Нортон, четверых, что были с ним, и Смолли. Останется семьдесят три.

«А если вычтешь еще двух солдат, что лежат под мешками собачьей кормежки, останется семьдесят один.»

— Затем вычти людей, которые просто свихнулись, — продолжал он. — Их человек десять-двенадцать. Скажем, десять. Останется шестьдесят три. Но... — Он поднял испачканный в сахарной пудре палец. — Из этих шестидесяти трех человек двадцать никуда не пойдут, даже если их тянуть и толкать.

— И что все это доказывает?

— Что надо быстрее выбираться отсюда, вот и все. Я иду около полудня, наверное. И собираюсь взять с собой столько людей, сколько пойдут. Я бы хотел, чтобы ты и твой парень пошли со мной.

— После того, что случилось с Нортоном?

— Нортон пошел, как баран на бойню. Это не означает, что я или люди, которые пойдут со мной, должны поступать так же.

— Как ты можешь этому помешать? У нас один револьвер.

— Хорошо, что хоть один есть. Но если нам удастся пройти через перекресток, может быть, мы попадем в «Спортменс Эксченъдж» на Мэйн-стрит. Там оружия более чем достаточно.

— Тут на одно «если» и на одно «может быть» больше чем нужно.

— Дрэйтон, — сказал он, — мы вообще попали в довольно сомнительную ситуацию.

Это у Миллера легко сорвалось с языка, но у него не было маленького сына, о котором нужно заботиться.

— Слушай, давай пока все это оставим, хорошо? Я не очень много спал сегодня ночью, зато имел возможность о многом подумать. Хочешь, поделюсь?

— Конечно.

Он встал и потянулся.

— Пойдем пройдемся со мной к окну.

Мы прошли вдоль касс, около хлебных полок и остановились у одного из проемов.

— Все эти твари исчезли, — сказал нам дежуривший там мужчина.

Миллер хлопнул его по спине.

— Можешь сходить выпить кофе. Я постою за тебя.

— Хорошо. Спасибо.

Он ушел, и мы с Миллером подошли к проему.

— Скажи мне, что ты там видишь, — попросил он.

Я посмотрел в окно. Очевидно, одна из летающих тварей опрокинула ночью мусорный бак, рассыпав по асфальту бумажки, банки и пластиковые стаканчики. Чуть дальше исчезал в тумане ряд ближайших к магазину автомашин. Больше я ничего не видел, о чем ему и сказал.

— Вот тот голубой пикап «шевроле» — мой, — сказал он, указывая рукой, и я различил в тумане намек на что-то голубое.

— Но если ты помнишь, вчера, когда ты подъезжал, стоянка была почти полна, не так ли?

Я взглянул на свой «скаут», вспоминая, что мне удалось поставить машину близко ко входу только потому, что кто-то освободил место, и кивнул.

— А теперь, Дрэйтон, — сказал Миллер, — присоединим к этому факту еще кое-что. Нортон и его четверка... Как ты их называл?

— «Общество верящих, что земля плоская».

— Отлично. Прямо в точку. Они выбрались, так? И прошли почти всю длину веревки, а потом мы услышали этот рев, как если бы там бродило целое стадо слонов. Так?

— Это не было похоже на слонов... — сказал я. — Скорее на...

«На что-то из доисторических болот», — просилось на язык.

— В общем, не знаю, на что, — закончил я тихо.

— Но, судя по звуку, это было что-то большое.

— Да, пожалуй. И я полагаю, что это еще мягко сказано.

— Тогда почему мы не слышали, как давятся машины? Скрежет металла? Звон стекла?

— Ну потому что... — Я замолчал. — Не знаю.

— Они никак не могли все выбраться со стоянки до того, как нас потрянуло, — сказал Миллер. — Я вот что думаю. Я думаю, что машин просто нет. Сквозь землю провалились, испарились, если хочешь... Если уж перекосило эти рамы, с полок все попадало... и городская сирена замолчала в тот же момент.

Я попытался представить себе половину автостоянки. Представил, что иду и подхожу к свежему провалу в земле, где кончается асфальт с аккуратно расчерченными желтой краской местами для машин. Провал, склон или, может быть, бездонная пропасть, затянутая ровным белым туманом...

— Если ты прав, — сказал я, подумав, — то как далеко ты уедешь на своем пикапе?

— Я про него не думал. Я думал про твою машину с четырехколесным приводом.

Об этом, конечно, стоило подумать, но не сейчас.

— Что у тебя на уме?

— Соседняя аптека, — не заставляя себя упрашивать, продолжил Миллер. — Об этом я тоже думал. Что ты на это скажешь?

Я открыл было рот, собираясь сказать, что не имею ни малейшего представления, что он имеет в виду, но тут же и закрыл. Когда мы подъезжали к магазину, бриджтонская аптека работала. Прачечную закрыли, но аптека работала. Чтобы впускать свежий воздух, они открыли настежь двери и застопорили их резиновыми колодками, потому что кондиционеры у них, как и везде, остались без электричества. Дверь в аптеку должна быть не более чем в двадцати футах от входа в магазин. Тогда почему...

— Почему никто из тех людей не пришел к нам? — задал за меня вопрос Миллер. — Ведь прошло восемнадцать часов. Они должны были бы проголодаться.

— Там есть продукты, — сказал я. — Они всегда продают что-нибудь. Крекеры, выпечку и всякую всячину. Плюс кондитерский прилавок.

— Я не думаю, что они стали бы сидеть на такой диете, когда здесь столько всего.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что я хочу смыться отсюда, но не хочу при этом стать обедом для какого-нибудь беглеца из второсортного фильма ужасов. Четверо или пятеро из нас могут сходить и проверить ситуацию в аптеке. Своего рода пробный шар.

— Это все?

— Нет, есть еще одна проблема.

— Что еще?

— Она, — сказал Миллер и ткнул пальцем в направлении одного из средних проходов. — Эта безумная стерва. Ведьма.

Указывал он на миссис Кармоди. Она была уже не одна: к ней присоединились две женщины. По их яркой одежде я заключил, что они из тех, что приезжают сюда на лето, дамы, оставившие, может быть, дома семьи, чтобы «сгонять в город и кое-что купить», и теперь терзаемые

беспокойством за своих мужей и детей. Дамы, готовые ухватиться за любую соломинку. Даже за мрачные утешения миссис Кармоди.

— Она — это еще одна причина, почему я хочу убраться отсюда, Дрэйтон. К вечеру рядом с ней будет уже человек шесть. А если розовые твари и птицы вернутся сегодня ночью, завтра утром у нее будет целая паства. И тогда уже нужно будет беспокоиться о том, кого она прикажет им принести в жертву, чтобы результат был получше. Может быть, меня, или тебя, или этого Хатлена. Может, твоего сына.

— Бред какой-то, — сказал я.

Но так ли это? Холодок, пробежавший у меня по спине, подсказывал, что, возможно, он прав. Губы миссис Кармоди двигались и двигались, а дамы-туристки, не отрываясь, следили за ее морщинистыми губами. Бред? Я вспомнил пыльные чучела, пьющие воду из зеркального ручья. Миссис Кармоди обладала какой-то силой. Даже Стефф, обычно рациональная и рассудительная, упоминала ее имя с некоторой настороженностью.

«Безумная стерва, — назвал ее Миллер. — Ведьма».

— Люди, собравшиеся здесь, испытывают на себе сейчас нечто подобное воздействию восьмого круга ада, — сказал Миллер и, показав жестом на выкрашенные красной краской рамы, обрамляющие стекла, перекошенные, выгнутые, потрескавшиеся, добавил: — Их мозги сейчас как эти вот рамы. Уж про себя я точно могу сказать. Половину прошлой ночи я думал, что я свихнулся, что на самом деле я в смиренной рубашке где-нибудь в Данверсе, что я просто вообразил этих розовых тварей, доисторических птиц, щупальца, и все это исчезнет, когда войдет хорошенькая медсестра и вколет мне в руку успокоительного. — Его маленькое лицо побелело и напряглось. Он посмотрел на миссис Кармоди, затем снова на меня. — Я скажу тебе, что произойдет. Чем в большей степени люди будут свихиваться, тем лучше для некоторых из них она будет выглядеть. И я не хочу тут оставаться, когда это случится...

Утром Билли чувствовал себя уже лучше. Он был бледен, мешки под глазами от слез, выплаканных ночью, еще не прошли, лицо его имело изможденный вид, и чем-то оно теперь напоминало лицо старика. Но он пока еще мог смеяться, по крайней мере до тех пор, пока снова не вспоминал, где находится и что происходит.

Мы сели вместе с Амандой и Хэтти Терман, попили кофе из бумажных стаканчиков, и я рассказал им, что с несколькими людьми собираюсь идти в аптеку.

— Я не хочу, чтобы ты ходил, — немедленно заявил Билли, мрачней.

— Все будет в порядке, Большой Билл. Я тебе принесу комиксы про Спайдермена.

— Я хочу, чтобы ты остался. — Теперь он был не просто мрачен — он был испуган.

Я взял его за руку, но он тут же отдернул ее.

— Билли, рано или поздно нам придется отсюда выбираться. Ты ведь это понимаешь?

— Когда туман разойдется...

— Билли, мы здесь уже почти целый день.

— Я хочу к маме.

— Возможно, это первый шаг, чтобы мы могли к ней попасть.

— Не надо, чтобы мальчик сильно надеялся на это, Дэвид, — сказала миссис Терман.

— Черт возьми! — взорвался я. — Нужно же ему хоть на что-то надеяться!

Миссис Терман опустила глаза.

— Да. Может быть.

Билли ничего этого не заметил.

— Папа... Там же всякие... Чудовища, папа.

— Мы знаем. Но большинство из них — хоть и не все — выходят только ночью.

— Они подстерегут вас, — прошептал Билли, глядя на меня огромными глазами. — Они будут ждать вас в тумане, и, когда вы будете возвращаться, они вас съедят. Как в сказках. — Он крепко обнял меня с какой-то панической страстностью. — Не ходи. Пожалуйста, папа.

Осторожно расцепив его руки, я объяснил, что все же должен идти.

— Я вернусь, Билли.

— Ладно, — произнес он хрипло, но больше не смотрел на меня. Билли не верил, что я вернусь, и это было написано на его лице, уже не обиженном, а печальном и тоскующем.

Я снова подумал, правильно ли делаю, что подвергаю себя такому риску, но потом мой взгляд случайно остановился на среднем проходе, где сидела миссис Кармоди. У нее появился третий слушатель: небритый мужчина со злыми, налитыми кровью глазами. И это был Майрон Ляфлер. Человек, бездумно пославший мальчика выполнять работу мужчины.

«Безумная стерва. Ведьма».

Я поцеловал Билли и крепко прижал к себе. Затем прошел к витрине, но не через проход с посудой: не хотелось лишний раз попадаться на глаза миссис Кармоди. Когда я уже прошел три четверти пути, меня догнала Аманда.

— Ты в самом деле должен это сделать? — спросила она. Щеки ее покраснелись, а глаза стали зеленее обычного. Она боялась, очень боялась.

Я пересказал ей свой разговор с Деном Миллером. Загадка с машинами и тот факт, что никто не пришел к нам из аптеки, ее не очень тронули. Зато она серьезно отнеслась к предположению относительно миссис Кармоди.

— Возможно, он прав, — сказала она.

— Ты серьезно в это веришь?

— Не знаю. Но в этой женщине есть что-то жуткое. А если людей пугать достаточно сильно и достаточно долго, они пойдут за любым, кто пообещает спасение.

— Но человеческие жертвоприношения, Аманда?

— Аптеки же делали это, — сказала она ровно. — Послушай, Дэвид. Если что-нибудь случится, хоть что-нибудь, сразу возвращайся. Бросай все и беги. Возвращайся ради сына.

— Хорошо. Обязательно.

— Дай хранит тебя Бог... — Она выглядела усталой и постаревшей. Мне пришло в голову, что так выглядим почти все мы. Но не миссис Кармоди. Миссис Кармоди стала моложе и как-то ожила. Словно она попала в родную среду.

Собрались мы не раньше 9.30 утра. Пошли семеро: Олли, Ден Миллер, Майк Хатлен, бывший приятель Майрона Ляфлера Джим, Бадди Иглтон и я. Седьмой была Хильда Репплер, хотя Миллер и Хатлен вполсилы попытались отговорить ее. А я решил, что она может оказаться более подготовленной к неизвестному, чем любой из нас, за исключением, может быть, Олли. В одной руке миссис Репплер держала небольшую полотняную сумку, нагруженную аэрозольными банками с инсектицидами, уже без колпачков и готовые к употреблению. В другой руке у нее была теннисная ракетка.

— Что вы с ней собираетесь делать, миссис Репплер? — спросил Джим.

— Не знаю, — сказала она низким хриплым голосом. — Но ракетка хорошо сидит в руке.

Каждый из нас держал что-то в руках, хотя выглядел такой набор оружия все-таки несколько странно. У Олли был револьвер. Бадди Иглтон принес откуда-то стальной ломик. Я прихватил черенок швабры.

— Хорошо, — сказал Ден Миллер, повысив голос. — Прошу внимания!

Человек двенадцать добрались до выхода посмотреть, что происходит, и встали нестройной группой. Справа от них стояла миссис Кармоди со своими адептами.

— Мы собираемся в аптеку — посмотреть, как так дела. Надеюсь, мы найдем там что-нибудь для миссис Клапхем.

Так звали старушку, которую затоптали вчера вечером, когда появились розовые твари.

Миллер взглянул на нас.

— Мы не будем рисковать, — сказал он. — При первых же признаках опасности мигом возвращаемся в магазин...

— И приведете за собой к нам этих исчадий ада! — выкрикнула миссис Кармоди.

— Она права! — поддакнула одна из «летних» дам. — Из-за вас они заметят нас! Вы приманите их сюда! Почему бы вам не успокоиться, пока все хорошо?

— То, что с нами случилось, вы называете «все хорошо»? — спросил я.

Миссис Кармоди с горящими глазами шагнула вперед.

— Ведь ты умрешь там, Дэвид Дрэйтон! Ты хочешь, чтобы твой сын остался сиротой? — Она обвела нас всех взглядом. Бадди Иглтон опустил глаза и одновременно поднял ломик, словно защищаясь от ее злых чар.

— Все вы умрете там! Разве вы не поняли, что наступил конец света? Враг рода человеческого шагает по земле! Пылает адский огонь, и каждый, кто ступит за дверь, будет растерзан! И чудовища придут за теми из нас, кто остался здесь, как сказала эта добрая женщина. Люди, неужели вы позволите, чтобы это произошло? — Теперь миссис Кармоди обращалась к собравшимся зрителям, и толпа зароптала. — После того, что случилось с неверящими вчера? Там — смерть! Смерть! Там...

Банка зеленого горошка, пролетев через две кассы, ударила ей в грудь. Миссис Кармоди, крикнув от неожиданности, замолчала. Вперед вышла Аманда.

— Заткнись! — выкрикнула она. — Стервятница! Заткнись!

— Она служит Нечистому! — опять заорала миссис Кармоди, и на ее губах заиграла нервная улыбка. — Мать Кармоди видит все! Да! Мать Кармоди видит то, чего не видят другие!

Но наваждение уже прошло, и Аманда спокойно выдержала ее взгляд.

— Мы идем, или мы простоим здесь целый день? — спросила миссис Репплер.

И мы пошли. Боже, сохрани нас, мы пошли.

Ден Миллер шел первым. Вторым шел Олли. Я шел последним, сразу за миссис Репплер. Наверное, никогда в жизни я так не боялся. Моя ладонь, сжимавшая черенок швабры, стала скользкой от пота.

Выйдя за дверь, я снова почувствовал запах тумана. Миллер и Олли уже растворились в его белизне, а Хатлена, шедшего третьим, еще было видно.

«Всего лишь двадцать футов, — твердил я себе. — Всего лишь двадцать футов».

Миссис Репплер медленно, но твердо шагала впереди меня, чуть покачивая зажатой в правой руке теннисной ракеткой. Слева от нас была красная шлакоблочная стена. Справа, как призрачные корабли, стояли в тумане машины первого ряда автостоянки. Потом из белизны возник мусорный бак, а за ним скамейка, на которой иногда люди ждали очереди к телефону-автомату.

— О, Боже! — истерично вскрикнул Миллер, добравшись до аптеки. — Боже милостивый! Вы только посмотрите!

Внутри аптека больше всего напоминала бойню. Мы с Миллером почти угадали. Все твари, скрывающиеся в тумане, находили жертву по запаху. И это было логично. Зрение для них почти бесполезно. От слуха толку не намного больше, поскольку, как я уже писал, туман странным образом путает всю акустику: звуки, рождающиеся близко, делает далекими, а далекие иногда близкими. Эти твари из тумана руководствовались самым надежным чувством — обонянием.

Тех, кто остался в супермаркете, в каком-то смысле спасло отсутствие электричества, потому что перестали работать автоматические двери на фотоэлементах, и, когда появился туман, магазин оказался как бы запечатанным. В аптеке же двери были открыты и застопорены. Когда прервалась подача электричества, перестали работать кондиционеры, тогда открыли двери, чтобы дать доступ свежему воздуху. Однако со свежим воздухом в аптеку вошло и еще кое-что...

В дверях лежал на животе мужчина в бордовой рубашке. Вернее, это я сначала подумал, что она бордовая, а потом заметил несколько белых участков внизу и понял, что бордовой она стала от засохшей крови. Что-то в нем было не так, и я долго не мог сообразить, в чем дело. Даже когда Бадди Иглтона стошнило, до меня и то дошло не

сразу. Видимо, когда с людьми случается что-то столь несообразное, мозг отказывается воспринимать это сразу.

У мужчины... не хватало головы. Ноги его лежали на пороге аптеки, и голове полагалось бы свисать с нижней ступеньки. Но ее просто не было.

Джиму этого оказалось достаточно. Он отвернулся, закрывая рот руками, глянул на меня безумными красными глазами и, качаясь, побрел обратно к супермаркету. Майк Хатлен — за ним. Миссис Репплер остановилась у дверей. Олли встал с другой стороны двери, держа в руке направленный в землю револьвер, и сказал:

— Кажется, я начинаю терять надежду, Дэвид.

В аптеке царил самый настоящий хаос. Повсюду валялись книги в бумажных обложках и журналы. У самых моих ног лежали «Спайдермен» и «Невероятная Громадина», и я, почти автоматически, поднял их и сунул в задний карман. Бутылочки и коробочки с лекарствами были разбросаны по всему полу. Из-за прилавка свисала чья-то рука.

Меня охватило ощущение нереальности. Помещение выглядело так, словно тут справляли какой-то безумный праздник: повсюду висели, как мне сначала показалось, гирлянды и ленты. Не широкие и плоские, как обычно, а похожие или на толстые струны, или на тонкие провода. Я обратил внимание, что они такого же ярко-белого цвета, как сам туман, и по спине у меня пробежал холодок. Если это не веревки, то что же? На некоторых «гирляндах» висели, болтаясь в воздухе, книги и журналы.

Майк Хатлен пнул ногой какую-то странную черную штуку. Длинную и щетинистую.

— Что это за чертовщина? — спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно...

И внезапно я понял, что убило всех этих людей, которые были в аптеке. Людей, которых нашли по запаху...

— Назад. — В горле у меня пересохло, и слова вылетали коротко и сухо, как выстрелы. — Уходим.

Олли взглянул на меня.

— Дэвид?..

— Это — паутина, — сказал я, и в этот момент с улицы донеслись два крика. Первый от испуга, второй от боли. Кричал Джим.

— Бежим! — крикнул я.

И тут что-то взвилось в тумане. На белом фоне невозможно было разглядеть, что это, но я услышал звук, похожий на свист хлыста, которым хлопнули вполсилы. И когда это обвило ногу Бадди Иглтона, перетянув джинсы под коленом, он вскрикнул и схватился за первое, что попало под руку, — телефон. Трубка соскочила и, пролетев на длину провода, закачалась у земли.

— О, Боже! Мне больно! — закричал Бадди.

Олли подхватил его, и тут я понял, почему у человека, лежавшего на ступенях, не было головы. Тонкий белый провод, закрутившись вокруг ноги Бадди, как шелковый шнур, начал врезаться в кожу. Штанина, отрезанная словно бритвой, стала сползать, а на коже, в том месте, где в нее врезался «провод», появился круглый надрез, брызжащий кровью.

Олли дернул Бадди на себя. Раздался звук, будто что-то лопнуло, и Бадди освободился. Губы его дрожали.

Майк и Ден двинулись назад, но, наверное, слишком медленно. Ден к тому же налетел на несколько растянутых «веревочек» и прилип к ним, как муха к липучке. С огромным усилием он вырвался, оставив кусок рубашки на паутине.

— Всем назад! — крикнул Олли.

Мы двинулись к магазину. Олли поддерживал Бадди. Ден Миллер и Майк Хатлен шли по обе стороны от миссис Репплер. Белые обрывки паутины появлялись из тумана, почти неразличимые, заметные только на фоне красной шлакоблочной стены.

Одна нить обвилась вокруг левой руки Майка Хатлена. Вторая перехлестнула его шею. Вена на шее перерезалась, выбросив вперед фонтан крови, и Майка с безвольно поникшей головой уволокло в туман.

Неожиданно Бадди стал падать вперед, и Олли чуть не рухнул на колени.

— Он потерял сознание, Дэвид. Помогите...

Я обхватил Бадди за пояс, и мы поволокли его дальше. Даже потеряв сознание, Бадди не выпустил из рук стальной ломик. Нога, которую зацепило паутиной, торчала в сторону под каким-то неестественным углом.

— Осторожнее! — крикнула миссис Репплер. — Сзади!

Я начал оборачиваться, и в этот момент белая «веревка» опустилась на голову Дена Миллера. Он принялся рвать ее и отбивать руками.

И тут, позади нас, из тумана появился паук величиной с крупную собаку. Черный с желтыми полосами. («Как гоночная автомашина», — пронеслась у меня в голове сумасшедшая мысль). Глаза его блестели красно-фиолетовым гранатовым огнем. Он деловито приближался к нам, переступая двенадцатью или четырнадцатью ногами с множеством сочленений, — не обычный земной паук, как бы увеличенный для съемок фильма ужасов, а что-то совершенно другое, может быть, вовсе и не паук. Он приближался к нам, выдавливая паутину из отверстия на брюхе. «Веревки» плыли к нам почти правильным веером. Глядя на этот кошмар, так похожий на черных пауков, размышляющих над мертвыми мухами и жуками в полутьме нашего лодочного сарая, я чувствовал, что вот-вот сойду с ума. Наверно, только мысль о Билли позволила мне сохранить какое-то подобие способности рассуждать.

Олли, однако, держался совершенно хладнокровно. Он плавно поднял револьвер, словно был в стрелковом тире, и в упор с равными интервалами времени всадил весь барабан в отвратительное существо. Из какой бы преисподней оно ни появилось, неуязвимым оно не было. Черная кровь брызнула из его ран. Паук издал мерзкий мяукающий звук, такой низкий, что он скорее чувствовался, чем слышался, как басовая нота на синтезаторе, и, метнувшись в туман, исчез. Можно было бы подумать, что это плод воображения, чудовищный наркотический бред, если бы не лужа липкой черной жидкости, которую он оставил после себя.

Об асфальт звякнул ломик, который Бадди наконец выпустил из рук.

— Он мертв, — произнес Олли. — Отпусти его, Дэвид. Эта чертовщина зацепила бедренную артерию, и он умер. Давай, к черту, отваливать отсюда. — Его большое круглое лицо покрылось потом, а глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Тут одна из «веревочек» коснулась, опускаясь, тыльной стороны его ладони, и он одним резким движением отдернул руку. На коже осталась кровавая полоска.

Миссис Репплер снова закричала: «Берегись!», и мы обернулись в ее сторону. Еще один паук выбежал из тумана и обхватил своими ногами Дена Миллера. Ден пытался отбиваться кулаками. Пока я наклонялся и поднимал ломик Бадди Иглтона, паук уже принялся опутывать Миллера своей смертоносной паутиной, превратив его попытки освободиться в мрачный танец смерти.

Миссис Репплер приблизилась к пауку, держа в вытянутой руке баллон инсектицида. Когда несколько паучьих ног потянулись в ее сторону, она нажала кнопку и выпустила струю яда прямо в сверкающие словно рубины глаза. Я снова услышал тот же мяукающий звук. Паук задрожал всем телом и стал, пошатываясь, пятиться, царапая волосатыми ногами по асфальту и волоча за собой тело Дена. Миссис Репплер швырнула в него баллон. Банка отскочила от паука и покатила по асфальту. Паук врезался в дверцу маленькой спортивной машины с такой силой, что она закачалась на рессорах, потом скрылся во мгле.

Я подбежал к едва державшейся на ногах, бледной миссис Репплер и подхватил ее рукой.

— Благодарю вас, молодой человек, — сказала она. — Мне вдруг стало дурно.

— Ничего, — хрипло ответил я.

— Я спасла бы его, если бы могла.

— Я знаю.

Олли присоединился к нам, и мы бросились к дверям магазина, уворачиваясь от падающих «веревочек». Одна из них опустилась на сумку миссис Репплер и прилипла к ее полотняному боку. Миссис Репплер обеими руками пыталась удержать свою сумку, но вынуждена была уступить,

и сумка покатилась вслед за «веревкой» в туман. Когда мы были уже у самого входа в магазин, из тумана вдоль стены здания выбежал маленький паук, не больше щенка коккер-спаниеля. Паутину он не выбрасывал: видимо, еще не достаточно вырос.

Олли надавил плечом на дверь, пропуская вперед миссис Репплер, а я в этот момент с размаху всадил в паука стальной прут, проколов его словно дротиком. Паук бешено задергался, заскреб ногами воздух; его красные глаза нашли мои глаза и уставились, будто запоминая...

— Дэвид! — Олли все еще держал дверь.

Я бросился внутрь, он — сразу за мной.

Уходили мы всемером, а вернулись втроем. Олли, тяжело дыша, прислонился к стеклянной двери и принялся перезаряжать револьвер.

— Так что там? — спросил кто-то низким хриплым голосом.

— Пауки, — мрачно ответила миссис Репплер. — Вот мерзкие твари — утащили мою сумку.

Тут Билли, просочившись сквозь толпу, бросился ко мне, вытянув вперед руки, и я крепко обнял его.

Пришла моя очередь спать, и про эти четыре часа я ничего не знаю. Проснулся я уже во второй половине дня, испытывая страшную жажду. Молоко начало скисать, но я все же выпил целую кварту.

Вскоре к нам с Билли и миссис Терман присоединилась Аманда. С ней пришел старик, предлагавший сходить за ружьем. Корнелл, вспомнил я. Эмброуз Корнелл.

— Как ты, сынок? — спросил он.

— Все в порядке. — Но я еще хотел пить, и у меня болела голова. И, самое главное, я боялся. Обняв Билли, я посмотрел на Корнелла и Аманду, потом спросил:

— Что нового?

— Мистер Корнелл беспокоится насчет этой миссис Кармоди. Я тоже.

— Билли, пойдем, прогуляемся? — предложила Хэтти.

— Не хочу, — ответил Билли.

— Прогуляйся немного, Билли, — повысил я голос, и он с неохотой ушел.

— Миссис Кармоди продолжает мутить воду, — сказал Корнелл и посмотрел на меня с какой-то особой старческой удрученностью. — Я думаю, мы должны прекратить это. Любым доступным способом.

— С ней уже более десяти человек, — добавила Аманда. — Это какое-то дикое религиозное собрание.

— В самом деле? — спросил я.

— С ней восемь человек, — поправил Корнелл. — Но она непрерывно говорит. Это черт знает что.

Восемь человек. Не так уж и много. Но я понимал беспокойство, отразившееся на их лицах. Восьмерых вполне достаточно, чтобы сделать их самой значительной моральной силой в супермаркете, особенно теперь, когда не стало Дена и Майка. И мысль о том, что самая значительная моральная сила в нашей замкнутой системе внимает каждому слову миссис Кармоди об ужасах Ада и чашах гнева Господня, вызывала у меня чертовски сильную клаустрофобию.

— Она снова завела речь о человеческих жертвоприношениях, — сказала Аманда. — Бад Браун подошел к ней и велел прекратить эти мерзкие разговоры в его магазине. Двое мужчин, что с ней теперь — один из них, кстати, Майрон Ляфлер, — сказали, чтобы он сам заткнулся, потому что, мол, это еще свободная страна. Он не заткнулся, и произошла... Ну, в общем, я бы сказала, немного помахали руками.

— Брауну разбили нос, — добавил Корнелл. — Они всерьез уже готовы на многое.

— Но не на убийство же, в самом деле, — сказал я.

— Я не знаю, как далеко они зайдут, — мягко заметил Корнелл, — если туман не развеется. Но я не хотел бы узнать. Я собираюсь отсюда дать ходу.

— Легче сказать, чем сделать. — Какие-то мысли зашевелились у меня в голове. Запах. Вот ключ к решению. Здесь, в магазине, мы были в относительной безопасности. Розовых тварей, как и обычных насекомых, привлекал свет фонарей. Но чудовища побольше не трогали нас до

тех пор, пока мы не высывались. Бойня в аптеке произошла именно потому, что там оставили двери открытыми. В этом я не сомневался. То существо, или скажем, существа, что прикончили группу Нортонa, по звукам казались огромными, как дом, но они не приближались к супермаркету. А это означало...

Мне срочно понадобилось переговорить с Олли Виксом. Я просто должен был с ним поговорить.

— Или я выберусь отсюда, или погибну, — сказал Корнелл. — Я не собираюсь жить тут все лето.

— Четверо уже покончили с собой, — неожиданно произнесла Аманда.

— Что? — первая мысль, пришедшая мне в голову вместе с чувством некоторой доли вины, была о том, что тела солдат обнаружены.

— Снотворное, — коротко ответил Корнелл. — Я и еще несколько человек отнесли тела на склад.

Я чуть не рассмеялся, подумав, что скоро у нас там будет настоящий морг.

— Уже темнеет, — ответил Корнелл. — А я хочу убраться отсюда.

— Вы не доберетесь до своей машины, поверьте.

— Даже до первого ряда? Это ближе, чем до аптеки.

Я не ответил. Для этого было еще не время.

Примерно через час я нашел Олли у пивного охладителя. Он с бесстрастным лицом пил пиво, но тоже, похоже, наблюдал за миссис Кармоди. Старуха не знала усталости. И она действительно снова обсуждала человеческое жертвоприношение, только теперь ей никто не советовал заткнуться. А некоторые из тех, кто еще днем требовал, чтобы она замолчала, сегодня или были с ней, или хотя бы охотно слушали. Других оставалось все меньше.

— К завтрашнему утру она сможет их уговорить, — заметил Олли. — А может быть, и нет, но если это случится, кого, ты думаешь, она выберет?

Бад Браун перешел ей дорогу. Аманда. Тот человек, что ее ударил. И конечно, я.

— Олли, — сказал я. — Думаю, с полдюжины человек могут выбраться отсюда. Не знаю, как далеко мы уедем, но, во всяком случае, мы выберемся.

— Как?

Я выложил ему свой план. Ничего сложного я не предлагал. Если бегом броситься к моему «скауту» и всем быстро забраться внутрь, они не успеют ничего учуять. А потом мы будем внутри закрытой машины.

— Но, предположим, их может привлечь и какой-нибудь другой запах? — спросил Олли. — Например, выхлопные газы?

— Тогда нам крышка, — согласился я.

— Движение, — сказал он. — Движение машины в тумане тоже может привлечь их, Дэвид.

— Я не думаю. Без запаха жертвы они не нападут. Я действительно думаю, что в этом все дело.

— Но ты не уверен...

— Нет. Не уверен.

— Куда ты собираешься ехать?

— Сначала домой. За женой.

— Дэвид...

— Ладно. Проверить... Убедиться...

— Эти твари могут быть везде, Дэвид. Они могут напасть на тебя, как только ты выйдешь из машины.

— Если это случится — «скаут» твой. Я только прошу, чтобы ты позаботился о Билли как и сколько можешь.

Олли допил пиво и бросил банку в охладитель, где она со звоном упала на гору других пустых банок. Рукоять револьвера, который ему дала Аманда, торчала у него из кармана.

— Значит, на юг? — спросил он, глядя мне в глаза.

— Да, видимо, — сказал я. — Надо ехать в сторону юга и пытаться выбраться из тумана. Изю всех сил пытаться.

— У тебя много бензина?

— Почти полный бак.

— Тебе не приходило в голову, что выбраться, возможно, в принципе невозможно? Что, если это самое, с чем они там экспериментировали в «Проекте Стрела», пере-

тянуло весь наш район в другое измерение с такой же легкостью, как люди выворачивают наизнанку носок?

— Приходило, — ответил я. — Но единственная альтернатива этому плану — сидеть и ждать, кого миссис Кармоди выберет на почетную роль.

— Ты думаешь отправиться сегодня?

— Нет, сейчас уже поздно, а эти твари как раз ночью становятся наиболее активными. Я думал отправиться завтра утром, спозаранку.

— А кого ты хочешь взять?

— Тебя, Билли, Хэтти Терман, Аманду Дамфрис. Этого старика Корнелла и миссис Репплер. Может быть, Бада Брауна тоже. Это уже восемь, но Билли может сесть к кому-нибудь на колени, и мы немного потеснимся.

Олли ненадолго задумался.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Давай попробуем. Ты с кем-нибудь уже говорил?

— Нет.

— Я советую тебе никому пока ничего не говорить. Часов до четырех утра. Я приготовлю пакеты с продуктами под прилавком кассы, ближайшей к выходу. Если нам повезет, сможем выскользнуть еще до того, как кто-нибудь что-то заметит. — Взгляд Олли снова скользнул в сторону миссис Кармоди. — Если она обо всем узнает, то может попытаться помешать нам.

— Ты так думаешь?

Олли взял еще одну банку пива.

— Да, я в этом уверен.

Вторая половина дня — вчерашнего дня — прошла для меня словно в замедленной киносъемке. Подползла темнота, снова превращая молочно-белый туман в грязно-желтый, и к половине девятого мир, оставшийся снаружи, медленно растворился в черноте. Вернулись розовые твари. Бросаясь на окна и подхватывая розовых, вернулись твари-птицы. Что-то изредка рыкало в темноте, и один раз, незадолго до полуночи, раздалось долгое протяжное «ааарруууу...». Люди обратили свои взоры к черным

стеклам с испугом и ожиданием на лицах. Наверное, примерно такой звук издает самец-крокодил на болоте.

Все шло примерно так, как и предсказывал Миллер. К началу новых суток миссис Кармоди заполучила еще с полдюжины душ. Среди них оказался мясник мистер Маквей.

Миссис Кармоди расходилась все сильнее. Казалось, сон ей совсем не нужен. Ее проповедь — сплошной поток ужасов из Доре, Босха и Джонатана Эдвардса — продолжалась и продолжалась, неуклонно приближаясь к какому-то зловещему финалу. Ее сторонники что-то бормотали вслед за ней и раскачивались взад-вперед, как «истинно верующие» на сходке. Пустые глаза лихорадочно блестели. Они полностью попали под чары миссис Кармоди. Около трех утра (проповедь все продолжалась, и те, кого она не интересовала, ушли в дальний конец магазина, чтобы там попытаться хоть немного поспать) я увидел, как Олли положил пакет с продуктами на полку под прилавком ближайшей к выходу кассы. Через полчаса он добавил туда еще один пакет. Похоже, кроме меня, его действий никто не заметил. Билли, Аманда и миссис Терман спали, прижавшись друг к другу, у опустошенной секции колбас. Я присоединился к ним и погрузился в тревожную дремоту.

В 4.15 меня разбудил Олли. Рядом с ним стоял Корнелл, и глаза его блестели за стеклами очков.

— Время, Дэвид, — сказал Олли.

Я почувствовал, как в животе у меня нервно закололо, но это быстро прошло. Я разбудил Аманду.

Ее зеленые глаза взглянули в мои.

— Дэвид?

— Мы хотим сделать попытку выбраться отсюда. Ты пойдешь с нами?

— О чем ты говоришь?

Я начал было объяснять, но потом разбудил миссис Терман, чтобы мне не пришлось дважды повторять одно и то же.

— Эта твоя теория насчет запахов, — спросила Аманда, — пока просто догадка?

— Да.

— Впрочем, это для меня не имеет значения, — сказала Хэтти. Лицо ее стало бледным, и, несмотря на то, что ей удалось поспать, под глазами темнели большие пятна. — Я готова на все, лишь бы только снова увидеть солнце.

«Лишь бы только снова увидеть солнце». Я вздрогнул. Она почти угадала суть моих собственных страхов, то чувство почти полной обреченности, что охватило меня, когда я увидел, как щупальца выволокли Норма через загрузочную дверь. Сквозь туман солнце казалось тогда маленькой серебряной монеткой, словно бы мы были на Венере.

Страх на самом вызывали не чудовища, подстерегающие нас в тумане. Мой удар ломиком доказал, что они — не бессмертные монстры из книг Лавкрафта, а всего лишь обычные уязвимые существа. Дело было в самом тумане, который отбирал силу и лишал остатков воли.

«Лишь бы только снова увидеть солнце». Хэтти права. Одно это стоит того, чтобы пройти через ад.

Я улыбнулся Хэтти, и она неуверенно улыбнулась в ответ.

— Да, — сказала Аманда. — Я тоже.

Я начал осторожно будить Билли.

— Я с вами, — коротко ответила миссис Репплер. Мы собрались у мясного прилавка. Все, кроме Бада Брауна. Он поблагодарил нас за предложение, но отказался, сославшись на то, что не может оставить магазин без присмотра, потом добавил, на удивление мягким голосом, что не осуждает Олли за его уход.

От белых эмалированных ящиков начало тянуть неприятным сладковатым запахом, напомнившим мне тот случай, когда во время нашей недельной поездки на мыс у нас в доме испортился морозильник. Возможно, именно этот запах протухающего мяса и погнал мистера Маквея в команду миссис Кармоди.

— ...искупление! — продолжала она свою проповедь. — Сейчас нам следует подумать об искуплении! Бог

покарал нас! Мы наказаны за то, что пытались проникнуть в секреты, запрещенные Богом наших предков! Мы видим отвратительные кошмары! Когда все это закончится? Что остановит это?

— Искушение! — орал старый добрый Майрон Ляфлер.

— Искушение... Искушение... — неуверенно шептали остальные.

— Я хочу услышать, что вы действительно верите в это! — вскричала миссис Кармоди. Вены у нее на шее вздулись, словно канаты. Голос ее сел, охрип, но все еще сохранял властную силу, и я подумал, что силу эту дал ей именно туман. Силу и способность затуманивать людям голову. Туман, отобравший у всех нас силу солнца. До этого она оставалась всего лишь несколько эксцентричной старой женщиной с антикварным магазином в городе, где полно антикварных магазинов.

— **ИСКУПЛЕНИЕ!** — закричали они все хором.

— Искушение, да! — лихорадочно кричала миссис Кармоди. — Искушение разметет туман! Искушение сметет этих чудовищных монстров! Искушение снимет завесу тумана с наших глаз и позволит увидеть! — голос ее стал чуть тише. — А что по Библии есть искупление? Каково единственное средство, снимающее грех в глазах и разуме Всевышнего?

— Кровь.

На этот раз меня всего пробрала дрожь: еще немного, и у меня, наверное, зашевелились бы волосы. Это слово произнес мистер Маквей. Мясник мистер Маквей, который резал мясо в Бриджтоне еще в ту пору, когда я был ребенком. Мистер Маквей, принимающий заказы и режущий мясо в своем запачканном белом халате. Мистер Маквей, чье знакомство с ножом было чрезвычайно долгим. А также с топором. Мистер Маквей, который лучше других понимает, что средство для очищения души вытекает из ран на теле.

— Кровь... — зашептали они.

— Папа, я боюсь. — Билли крепко сжал мою руку. Лицо его вытянулось и побледнело.

— Олли, — сказал я, — по-моему, нам пора уходить из этого дурдома.

— Хорошо, — согласился он. — Пошли.

Олли, Аманда, Корнелл, миссис Терман, миссис Репплер, Билли и я неплотной группой двинулись ко второму проходу к дверям. Было уже без четверти пять, и туман снова начал светлеть.

— Ты и Корнелл возьмите пакеты, — сказал Олли, обращаясь ко мне.

— Хорошо.

— Я пойду первым. У «скаута» четыре дверцы?

— Да.

— Отлично. Я открою дверцу водителя и заднюю с той же стороны. Миссис Дамфрис, вы удержите Билли на руках?

— Я не слишком тяжелый? — спросил Билли.

— Нет, милый.

— Вы с Билли забирайтесь вперед и вглубь, — продолжал Олли, — к противоположной дверце. Миссис Терман — вперед, в середину. Ты, Дэвид, за руль. А остальные...

— Куда это вы собрались? — спросила вдруг миссис Кармоди.

Она остановилась рядом с кассой у входа, где Олли спрятал продукты. Брючный костюм ее вызывающе желтел в полумраке. Всклокоченные волосы дико торчали во все стороны, как у Эльзы Ланчестер в «Невесте Франкенштейна». Глаза ее горели, а за спиной, перегораживая проход к двери, стояли человек пятнадцать. И все они выглядели так, словно только что выбрались из машины, потерпевшей аварию, или увидели летающую тарелку, или на их глазах дерево вытащило из земли корни и пошло.

Билли прижался к Аманде, уткнувшись лицом в ее щеку.

— Мы уходим, миссис Кармоди, — сказал Олли необычайно мягким голосом. — Пожалуйста, не препятствуйте нам.

— Вы не можете уйти. Там смерть. Вы что, до сих пор не поняли?

— Вам никто не мешал, — сказал я, — и мы хотели бы, чтобы и вы поступали бы так же.

Миссис Кармоди наклонилась и безошибочно обнаружила пакеты с продуктами, с самого начала, должно быть, догадываясь о наших планах. Она вытащила их с полки, один пакет сразу же разорвался, и консервные банки посыпались на пол. Другой пакет она грохнула об пол, и газированная вода с шипением растеклась во все стороны.

— Вот, именно такие люди виновны в том, что случилось! — закричала миссис Кармоди. — Люди, не желающие склониться перед волей Всемогущего! Грешники в гордыне, надменные и упрямые! Из их числа должна и быть выбрана жертва! Именно их кровь должна принести искупление!

Поднявшийся одобрительный ропот будто влил в нее новые силы. Она впала в неистовство и, брызжа слюной, закричала:

— Нам нужен мальчишка! Хватайте его! Хватайте! Нам нужен мальчишка!

Они бросились к нам, впереди всех с каким-то радостным блеском в пустых глазах бежал Майрон Ляфлер. Мистер Маквей — сразу за ним. Лицо его было неподвижно и бесстрастно.

Аманда отшатнулась назад, еще крепче прижав к себе Билли, обнявшего ее за шею, и испуганно взглянула на меня.

— Дэвид, что мне...

— Обоих хватайте! — кричала миссис Кармоди. — Девку его тоже хватайте!

Будто апокалипсическое воплощение желтой и мрачной радости, миссис Кармоди стала подпрыгивать на месте, все еще держа накиннутую на руку свою большую сумку.

— Хватайте мальчишку! Хватайте девку! Обоих хватайте! Хватайте всех!

Прозвучал короткий звук выстрела.

И все замерли, словно балующиеся в классной комнате дети, когда вдруг входит учитель и резко хлопает дверью. Майрон Ляфлер и мистер Маквей остановились примерно

в десяти шагах от нас, и Майрон неуверенно оглянулся на мясника. Тот не ответил на его взгляд и даже, кажется, не осознал, что Ляфлер рядом. На лице мистера Маквея застыло то самое выражение, что я слишком часто замечал у людей за последние два дня: его разум не выдержал.

Тогда Майрон попятился, глядя на Олли Вика расширившимися испуганными глазами, потом бросился бежать, в конце прохода поскользнулся на банке, упал, поднялся и затем скрылся где-то в дальнем конце магазина.

Олли замер в классической стойке для стрельбы, держа револьвер обеими руками. Миссис Кармоди продолжала стоять у ближайшей к выходу кассе, схватившись за живот покрытыми пигментными пятнами руками. Кровь текла у нее между пальцами и капала на желтые брюки.

Ее рот открылся и закрылся. Потом еще раз. Она попыталась что-то сказать, и наконец это ей удалось.

— Вы все умрете там, — произнесла она и медленно упала вперед. Сумка соскользнула с руки и ударилась о пол, рассыпав свое содержимое. Завернутый в бумагу цилиндрик выскочил из сумки, прокатился по полу и уперся в мой ботинок. Не задумываясь, я наклонился и поднял его. Оказалось, что там какие-то таблетки, и я тут же выкинул его.

«Паства», лишенная своего центра, начала пятиться и распадаться. Люди отходили, не отрывая взглядов от лежащей фигуры и расползающегося под ней темного пятна.

— Ты убил ее! — крикнул кто-то испуганно и зло. Однако никто не сказал, что она хотела сделать тоже самое с моим сыном.

Олли все еще стоял в той же позе, но теперь губы его дрожали. Я тронул его за плечо.

— Олли, пошли. И спасибо тебе.

— Я убил ее, — хрипло произнес он. — Я на самом деле убил ее.

— Да, — сказал я. — Именно за это я тебя и поблагодарил. А теперь — пошли.

Мы снова двинулись к выходу. Избавленный стараниями миссис Кармоди от необходимости нести пакет с

продуктами, я смог взять Билли на руки. У двери мы на мгновение остановились, и Олли сказал низким сдавленным голосом:

— Я не стал бы стрелять в нее, Дэвид, если был бы какой-нибудь другой выход.

Держа револьвер наготове, Олли бросился вперед. Мы с Билли еще не успели выйти, а он уже стоял возле «скаута», бесплотный, как призрак из телефильма. Он открыл дверцу водителя, потом заднюю дверцу. И тут что-то выскочило из тумана и разрезало его почти пополам.

Я даже не разглядел толком, что это было. Может быть, и к лучшему. Оно было красное, словно вареный омар, и издавало низкое хрюканье, довольно похожее на то, что мы слышали, когда Нортон и его маленькое «Общество верящих, что земля плоская» ушли из супермаркета.

Олли успел выстрелить один раз, но клешни этого «омара» со щелчком дернулись вперед, и он словно переломился в ужасном фонтане крови. Револьвер выпал из его руки, ударился о мостовую и еще раз выстрелил. Я успел заметить лишь черные матовые глаза, похожие на виноградины, когда длинное сегментированное тело с шуршанием уползло в туман, унося с собой то, что осталось от Олли Вика.

Я пережил мгновение выбора, которое, видимо, бывает всегда, может быть, очень краткое, но бывает. Какая-то часть меня призывала прижать к себе Билли и броситься назад в супермаркет. Другая часть приказывала бежать к машине, забросить Билли внутрь и нырнуть вслед. Тут закричала Аманда. Высоким поднимающимся криком, взбирающимся все выше и выше, пока он почти не перешел в ультразвук. Билли прижался ко мне, пряча лицо у меня на груди.

На Хэтти Терман набросился огромный паук. Он сбил ее с ног, обхватив за плечи волосатыми лапами, и тут же принялся опутывать ее паутиной.

«Миссис Кармоди была права, — пронеслось у меня в голове. — Мы все умрем здесь. Мы действительно все умрем».

— Аманда! — закричал я.

Она не отреагировала, совершенно отключившись от происходящего. Паук оседлал останки бывшей сиделки Билли, когда-то так любившей головоломки и кроссворды, с которыми ни один нормальный человек не может управиться без того, чтобы сойти с ума. «Веревки» белой паутины, опутывающей ее, покраснели там, где выделяемая ими кислота уже въелась в кожу.

Корнелл медленно попятился к магазину, глядя на нас огромными, как блюдца, глазами из-за стекол очков, потом развернулся и, толкнув тяжелую входную дверь, скрылся внутри.

Мой миг нерешительности закончился, когда миссис Репплер подскочила к Аманде и дважды ударила ее ладонью по лицу. Аманда замолчала. Подбежав к ней, я развернул Аманду к машине и крикнул ей в лицо:

— Вперед!

Она пошла. Миссис Репплер промчалась мимо меня, затолкала Аманду на заднее сиденье, забралась сама и захлопнула дверцу. Я оторвал от себя Билли и толкнул его в машину. Когда я сел сам, из тумана вылетела «веревка» и опустилась на мою лодыжку. Кожу обожгло, как бывает, когда через сжатый кулак рывком протягиваешь рыболовную леску. Держала «веревка» крепко, и, чтобы освободиться, мне пришлось изо всех сил дернуть ногой. Затем я скользнул за руль.

— Закрой дверь, закрой... О, Боже! — истерично закричала Аманда.

Я захлопнул свою дверцу, и мгновением позже в нее с разбегу ткнулся один из пауков. Я сидел всего в нескольких дюймах от его красных бездумно-холодных глаз. Его ноги, каждая толщиной с мою руку у запястья, скреблись по капоту машины. Аманда кричала не переставая, будто пожарная сирена.

— Да заткнись же, — приказала ей миссис Репплер.

Паук сдался. Он не мог нас учуять, следовательно, для него тут ничего не было. Он засеменил обратно в туман на своих неестественно многочисленных ногах.

Я выглянул в окно, чтобы убедиться, что он действительно ушел, и открыл дверцу.

— Что ты делаешь? — закричала Аманда, но я знал, что делаю, и думаю, Олли сделал бы то же самое. Я ступил одной ногой на мостовую, наклонился и схватил револьвер. Что-то бросилось ко мне из тумана, но я не стал разглядывать, что именно, а нырнул обратно в машину и захлопнул дверцу.

Аманда разрыдалась. Миссис Репплер обняла ее и принялась успокаивать.

— Мы поедem домой, папа? — спросил Билли.

— Попробуем, Большой Билл.

— Хорошо, — сказал он тихо.

Я проверил револьвер и положил его в отделение для перчаток. Олли перезарядил его после экспедиции в аптеку, и хотя остальные патроны пропали вместе с ним, я решил, что оставшихся хватит. Револьвер выстрелил один раз в миссис Кармоди, один раз в эту тварь с клешнями и один раз, когда ударился о мостовую. В «скауте» нас было четверо, но я решил, что, если уж совсем прижмет, для себя найду какой-нибудь иной способ. Несколько жутких секунд я не мог найти ключи. Я обшарил все карманы — их не было. Потом заставил себя проверить все снова, медленно и спокойно. Ключи обнаружились в кармане джинсов — затерялись среди монет, как это иногда бывает с ключами.

«Скаут» завелся сразу, и, услышав уверенный рокот двигателя, Аманда снова расплакалась.

Я немного погонял двигатель вхолостую, выжидая, какое еще чудовище может привлечь шум мотора или запах выхлопа. Прошло пять минут, самых долгих минут в моей жизни, но ничего не случилось.

— Ну, мы поедem или так и будем сидеть здесь? — спросила миссис Репплер.

— Поедем, — ответил я, вывел машину со стоянки и включил свет.

Какое-то неосознанное желание заставило меня проехать вдоль супермаркета у самых витрин, и правый бампер «скаута» оттолкнул опрокинутый мусорный бак в сторону. Внутри разглядеть ничего не удалось — из-за мешков с удобрениями магазин выглядел так, словно мы подросли как раз к самому разгару какой-то сумасшедшей продажи товаров для садоводов, но из каждого проема на нас глядели два-три бледных лица.

Потом я свернул налево, и непроницаемый туман сомкнулся позади нас. Что в дальнейшем случилось с теми людьми — я не знаю. Осторожно, со скоростью всего пять миль в час, мы двинулись по Канзас-роуд. Даже со включенными фарами и подфарниками дальше чем на семь-десять футов ничего не было видно.

Миллер оказался прав. Землетрясение действительно сильно покорежило покрытие дороги. Кое-где дорога лишь потрескалась, но в отдельных местах встречались провалы с огромными вывернутыми из земли кусками асфальта. Слава Богу, у «скаута» привод на все четыре колеса, иначе нам бы мы не выбрались. Но я сильно опасался, что где-нибудь впереди нам встретиться препятствие, которое не одолеет даже эта машина.

Минут сорок ушло на дорогу, которая обычно занимала не более семи-восьми минут. Наконец впереди показался знак, указывающий на поворот к нашему дому. Билли, которого подняли в четверть пятого, крепко заснул в машине, знакомой ему настолько, что, должно быть, она уже воспринималась им как дом.

Аманда, нервничая, взглянула на дорогу.

— Ты действительно хочешь туда проехать?

— Хочу попробовать, — ответил я.

Но это оказалось невозможно. Пронесшаяся буря ослабила много деревьев, а тот странный подземный толчок довершил ее работу, повалив деревья на землю. Через два небольших дерева я еще перебрался, но вскоре наткнулся на огромную сосну, лежащую поперек дороги, словно это было делом рук лесных разбойников. До дома оставалось почти четверть мили. Билли продолжал спать со мной рядом. Я остановил машину, и, уткнувшись лицом в

сложенные на руле руки, принялся думать, что же делать дальше.

Сейчас, когда я сижу в здании «Говард Джонсон», что у выезда номер 3 на шоссе, проходящее через весь штат Мэн, и записываю все, что с нами случилось, на фирменных бланках отеля, я уверен, что миссис Репплер с ее выдержкой и опытом могла бы охарактеризовать безвыходность положения, в котором мы оказались, несколькими быстрыми штрихами. Но у нее достаточно такта и понимания, чтобы дать возможность мне самому прийти к соответствующему выводу.

Выбраться из машины я не мог. Я не мог оставить их одних. И не мог даже уговорить себя, что все эти чудовища из фильма ужасов остались там, у супермаркета: чуть приоткрыв окно, я слышал, как что-то продирается сквозь заросли в лесу, раскинувшемся на крутом склоне, который в здешних местах называют карнизом. С нависшей над нами листвы непрерывно капала влага, и на мгновение стало совсем темно, когда над нами пролетел какой-то чудовищный, едва различимый во мраке воздушный змей.

Я пытался убедить себя в том, что, если Стефани действовало быстро и наглухо закрылась в доме, ей должно хватить продуктов дней на десять, может быть, недели на две. Но это мало помогает. Мешает мое последнее воспоминание о ней: я вижу ее в легкой соломенной шляпе, с садовыми ножницами в руках, на дорожке к нашему маленькому огороду, а позади нее неотвратимо накатывается с озера туман.

Теперь мне надо думать о Билли. «Билли, — говорю я себе. — Большой Билл, Большой Билл...» Я должен написать его имя на этом листке бумаги, может быть, сотню раз. Как школьник, которого заставили писать фразу: «Я не буду плевать бумагой в школе», когда за окнами стоит трехчасовая тишь, а за своим столом сидит, проверяя домашние задания, учительница, и единственный звук в классе — это скрип ее авторучки да долетающие откуда-

то издалека голоса детей, делящихся на команды для игры в бейсбол.

Как ни крути, но я сделал тогда единственное, что мне оставалось. Осторожно вывел «скаут» задним ходом на Канзас-роуд, остановился там и заплакал.

— Дэвид, мне очень жаль... — сказала Аманда, тронув меня за плечо.

— Да, — сказал я, пытаюсь безуспешно остановить слезы. — Мне тоже...

Мы проехали до шоссе номер 302 и свернули налево, к Портленду. Дорога здесь тоже потрескалась и местами разрушилась, но в целом она оказалась в более хорошем состоянии, чем Канзас-роуд. Меня тревожили лишь мосты. Весь Мэн изрезан реками, и здесь кругом — большие и малые мосты. Но дамба у Нейплса устояла, и оттуда мы без осложнений, хотя и медленно, добрались до Портленда.

Туман оставался таким же густым. Один раз пришлось остановиться, потому что мне показалось, будто поперек дороги лежат деревья. Но затем я заметил, что стволы двигаются и изгибаются, и понял, что это шупальца. Мы подождали, и через некоторое время они уползли. Потом на капот присела большая тварь с зеленым переливчатым туловищем и длинными прозрачными крыльями, смахивающая на огромную уродливую стрекозу. Она посидела немного, потом взмахнула крыльями и унеслась прочь.

Часа через два после того, как мы оставили позади Канзас-роуд, Билли проснулся и спросил, добрались ли мы до мамы. Я сказал, что не смог проехать по нашей дороге из-за упавших деревьев.

— С ней ничего не случилось, папа?

— Я не знаю, Билли. Но мы еще вернемся и узнаем.

Он не заплакал, а снова задремал, и я подумал, что лучше бы он все же расплакался: Билли слишком много спал, и меня это начинало беспокоить.

От напряжения у меня разболелась голова. От напряжения, вызванного продвижением в тумане со скоростью пять-десять миль в час и полным незнанием того, что

находится почти прямо перед нами: обвал, оползень или какая-нибудь трехголовая гидра.

К полудню мы добрались без остановок до самого Норт-Уиндема. Я попытался проехать оттуда по Ривер-роуд, но мили через четыре нас остановил рухнувший мост над небольшой шумной речушкой. Почти целую милю пришлось ехать задним ходом, прежде чем я нашел достаточно широкое место, чтобы развернуться. В конце концов мы двинулись к Портленду по шоссе номер 302.

Добравшись до города, я проехал к заставе. Аккуратный ряд будок, в которых принимали плату за проезд, с остатками выбитых стекол выглядел, словно пустые глазницы. Во вращающейся двери одной из них застряла куртка с эмблемами мэнской заставы, пропитанная высохшей кровью. По дороге от супермаркета мы не встретили ни одного живого человека.

— Попробуй радио, Дэвид, — сказала миссис Репплер.

Я хлопнул себя по лбу, сердясь за то, что не подумал об этом сразу.

— Не стоит себя ругать, — кротко сказала миссис Репплер. — Ты не можешь думать обо всем сразу. А если будешь пытаться так делать, то вообще сойдешь с ума и ничем не сможешь нам помочь.

На коротких волнах я не поймал ничего, кроме статики, а на длинных царило ровное зловещее молчание.

— Значит, они все не работают? — спросила Аманда, и мне показалось, я понял, что она имеет в виду: мы отъехали достаточно далеко на юг и могли бы принимать сразу несколько мощных бостонских станций. Но если и Бостон тоже...

— Это пока еще ничего не значит, — сказал я. — На коротких статика — это просто помехи. К тому же, туман гасит радиосигналы.

— Ты уверен, что все объясняется именно этим?

— Да, — ответил я, хотя уверен совсем не был.

Мы двинулись на юг мимо столбов с отметками расстояния, начавшими свой отсчет примерно от сорока миль. У отметки «1 миля» должна быть граница Нью-Гэмпшира.

Минут двадцать второго, когда я уже начал ощущать голод, Билли вдруг схватил меня за руку.

— Папа, что это? Что это?

Впереди выросла тень. Огромная, как скала, она медленно двигалась в нашу сторону. Я ударил по тормозам, и задремавшую было Аманду бросило вперед.

Что-то прошло мимо нас, только это я могу сказать с уверенностью. Отчасти потому, что туман позволил разглядеть детали лишь мельком, но, я думаю, с таким же успехом можно это можно объяснить и тем, что некоторые вещи наш мозг просто не воспринимает. Бывают явления настолько темные и ужасные — равно как, я полагаю, и невероятно прекрасные, — что они просто не могут пройти через крошечные двери человеческого восприятия.

Существо было шестиногое, это я знаю точно, с серой кожей в темно-коричневых пятнах. Эти коричневые пятна, как ни странно, напомнили мне пятна на руках миссис Кармоди. К коже в глубоких морщинах и складках жались сотни розовых тварей с глазами-стебельками. Одна сморщенная серая нога опустилась рядом с машиной, и миссис Репплер сказала позже, что так и не смогла разглядеть туловище, хотя и тянула шею изо всех сил. Она видела только две циклопические ноги, уходящие в туман, словно живые колонны.

Когда это существо проходило над «скаутом», у меня создалось впечатление, будто оно настолько огромно, что синий кит по сравнению с ним будет выглядеть форелью. Другими словами, что-то настолько огромное, что не под силу никакому воображению. Потом оно миновало нас, но мы еще долго слышали его сотрясающую поступь. В покрытии дороги остались такие глубокие следы, что из машины я даже не видел их дна, и в каждый след мог свободно уместиться автомобиль.

Какое-то время стояла тишина, нарушаемая лишь звуком нашего дыхания и шагами удаляющегося чудовища. Потом Билли спросил:

— Это был динозавр, да, папа? Как птица, которая ворвалась в магазин?

— Не думаю. Я не уверен даже, что животное таких размеров когда-либо существовало, Билли. Во всяком случае, на Земле.

Я снова вспомнил о «Проекте *Стрела*», задавая себе вопрос: «Чем эти сумасшедшие могли там заниматься?»

— Может, нам стоит ехать? — спросила Аманда робко. — Оно может вернуться.

Да. А может, нечто подобное ждет нас впереди. Но говорить об этом я не стал. Куда-то двигаться было нужно, и я погнал машину вперед, объезжая эти жуткие следы, пока они не ушли в сторону от дороги.

Ну вот, это почти все, и остался лишь один момент, о котором я хотел рассказать, но чуть позже. Хочу предупредить, чтобы вы не ожидали какого-нибудь правильного финала. Здесь не будет фраз типа: «И они выбрались из тумана в яркий солнечный день». Или: «Когда мы проснулись, прибыли наконец солдаты национальной гвардии». Или даже классического: «Все это произошло во сне».

Я полагаю, это можно назвать так, как, хмурясь, говаривал мой отец, «финалом в духе Альфреда Хичкока». Под таким определением он подразумевал двусмысленные финалы, позволяющие читателю или зрителю самому решать, как все закончилось. Отец всегда презирал такие истории, называя их «дешевыми трюками».

До «Говард Джонсон» у выезда номер 3 мы добрались в сумерках, когда вести машину стало уже просто опасно. А перед этим мы рискнули проехать по мосту через Сако. Выглядел он сильно поврежденным, но в тумане невозможно было разглядеть, цел он или нет. На этот раз нам повезло.

Сейчас уже ночь, без четверти час. 23 июля. Буря, послужившая спусковым крючком этого кошмара, пронеслась всего четыре дня назад. Билли спит в холле на матрасе, который я для него отыскал. Аманда и миссис Репплер спят рядом. Я сижу и пишу при свете большого карманного фонаря, а снаружи бьются о стекло все те же

розовые твари. Время от времени раздается более громкий стук, когда одну из них схватывает «птица».

В баке осталось горючего еще миль на девяносто. Придется заправляться здесь. Совсем рядом есть заправочная «Эксон», и, хотя электрические насосы не работают, думаю, я смогу бы откачать из хранилища немного бензина. Но...

Но это означает, что придется выходить из машины.

Если мы раздобудем бензин — здесь или где-то дальше по пути, — мы сможем двигаться. Дело в том, что у меня есть цель. Это последнее, о чем я хотел рассказать.

Конечно, я не уверен окончательно. В этом-то все и дело. Быть может, меня подвело воображение, выдав желаемое за действительное. Но даже если это не так, шансы все равно невелики. Сколько миль еще впереди? Сколько мостов? Сколько страшных тварей, только и ждущих, чтобы наброситься на моего сына?

В квартире управляющего я нашел приемник на батарейках с широким диапазоном, антенна которого была выведена на улицу. Включив приемник, я перевел его на питание от батареек, покрутил настройку, пощелкал переключателем диапазонов, но, кроме статики или просто молчания, так ничего и не поймал.

И когда я уже собирался выключить его, перегнав движок в самый конец КВ-диапазона, мне показалось, что я расслышал одно-единственное слово.

И все. Я ждал целый час, но ничего больше не услышал. Если это одно-единственное слово действительно прозвучало, оно, должно быть, прорвалось через какой-то случайный узкий разрыв в гасящем радиоволны тумане, разрыв, который тут же сомкнулся.

Одно слово.

Мне надо поспать... Мне надо попытаться поспать до утра, если только меня не будут преследовать во сне лица Олли Вика, миссис Кармоди, рассыльного Норма... И лицо Стефф, на которое падает тень от широких полей соломенной шляпы.

Здесь есть ресторан, типичный для отелей «Говард Джонсон», ресторан с обеденным залом и длинным, в

форме подковы, прилавком с закусками. Я собираюсь оставить эти страницы на прилавке и, быть может, когда-нибудь кто-нибудь их найдет и прочитает...

Одно слово.

Если только я его действительно слышал. Если только...

Надо ложиться спать. Но сначала я поцелую сына и шепну ему на ухо два слова. Так, на всякий случай, чтобы не приснилось ничего плохого.

Два слова.

Одно из них — то самое, что я услышал: «Хатфорд».

Другое слово: «Надежда».

НЕЧТО
СЕРОЕ

НЕЧТО СЕРОЕ

Всю неделю по радио передавали, что вот-вот должен начаться сильный северный ветер и обильный снегопад. В четверг, наконец, прогноз сбылся. И очень быстро, уже к часам четверем дня, намело около восьми дюймов снега, а ветер все не утихал. В баре Генри под названием НОЧНАЯ СОВА собралось к тому времени человек пять-шесть завсегдатаев. Заведение это представляет собой обычную небольшую забегаловку-магазинчик на этой стороне Бэнгора, которая открыта для посетителей круглые сутки.

Бизнесом по-крупному Генри не занимается — его клиентами являются, в основном, студенты, которые накачиваются у него пивом и дешевым вином. Доходов этих ему, однако, хватает на спокойное и вполне безбедное существование. Захаживаем сюда и мы, старые тупицы из департамента социального обеспечения, чтобы поболтать немного о том, кто умер за последнее время, или о том, как человечество неуклонно приближается к концу света.

В тот вечер за стойкой стоял сам Генри; Билл Пелхэм, Берти Коннорс, Карл Литтлфилд и я сидели вокруг камина, вытянув ноги к огню. Снаружи, на улице, не было почти никакого движения. Ни одной машины вдоль всей Огайо-стрит — только снегоочистители медленно разгребали снежные завалы. Там, докуда они еще не дошли, ветер надувал причудливые снежные барханы, некоторые из которых напоминали своей ребристостью длинные позвоночники каких-нибудь древних динозавров.

За все время после полудня в НОЧНУЮ СОВУ, кроме нас, зашли еще всего трое посетителей. Одним из них, если его можно считать клиентом, был слепой Эдди. Эдди было уже около семидесяти и был он, на самом деле, не совсем слепым — просто сильная старческая слабость зрения. Заходит он сюда один-два раза в неделю и, посидев немного и незаметно стащив с прилавка буханку хлеба, с достоинством удаляется. В такие моменты он чрезвычайно доволен собой и выражение его «хитрой» прищуренной физиономии можно приблизительно передать следующими словами: ВОТ ВАМ, БЕЗМОЗГЛЫЕ СУКИНЫ ДЕТИ! СНОВА Я ОБДУРИЛ ВАС!

Берти однажды спросил у Генри, почему он никогда не пытается положить этому конец.

— Я могу ответить тебе, — сказал на это Генри. — Несколько лет назад военно-воздушные силы запросили у государства (а на самом деле, конечно, у налогоплательщиков) двадцать миллионов долларов на постройку летающей модели нового разрабатываемого самолета. В конечном итоге стоимость этой программы составила семьдесят пять миллионов долларов, но самолет так и не был запущен в серийное производство. Все это было десять лет назад, когда слепой Эдди, да и я тоже были помоложе, чем сейчас, и я голосовал за одну женщину, которая выступала за финансирование этой программы, а Эдди голосовал против нее. В конце концов, таких, как я оказалось больше и семьдесят пять миллионов долларов были пущены, как оказалось впоследствии, на ветер. И с тех пор я делаю вид, что не замечаю, как Эдди таскает у меня хлеб.

Берти тогда не сразу понял, что к чему было в этой забавной истории и с озадаченным видом вернулся за свой столик, пытаюсь переварить услышанное.

Дверь открылась снова и с улицы, с клубами холодного воздуха, ввалился молоденький парнишка, совсем еще мальчик. Это был сын Ричи Гринэдайна. Отряхнув снег с ботинок, он торопливо направился прямо к Генри. Выглядел он очень взволнованным, как будто только что стал очевидцем чего-то очень и очень страшного. Кадык

на его тоненькой шейке, который был от мороза цвета грязной промасленной ветоши, нервно дергался вверх-вниз — просто ходуном ходил от возбуждения.

— Мистер Памэли, — взволнованно затараторил он, испуганно озираясь по сторонам вытаращенными глазенками. — Вы должны сходить туда! Отнесите ему пиво сами, пожалуйста! Я больше не могу туда вернуться! Мне страшно!

— Ну-ну, успокойся, — остановил его Генри, снимая свой белый фартук и выходя из-за стойки. — Давай-ка еще раз с самого начала и помедленнее. Что там у вас случилось? Отец, что-ли, напился?

Услышав эти слова, я вспомнил вдруг, что уже довольно давно не видел Ричи. Обычно он заходил сюда по крайней мере один раз в день, чтобы купить ящик пива. Пиво он брал, как правило, самое дешевое. Это был огромный и очень толстый человек с отвисшими щеками, двойным подбородком и жирными мясистыми руками. Ричи всегда напивался пивом как свинья. Когда он работал на лесопильном заводе в Клифтоне, он еще как-то держал себя в руках. Но однажды там случилась какая-то авария — то-ли из-за некондиционной древесины, то-ли по вине самого Ричи — но он получил в результате серьезную травму спины и был уволен по состоянию здоровья. С тех пор Ричи нигде не работал, стал еще толще (может быть, от пива, а может быть, и от полученной травмы), а завод выплачивал ему ежемесячную пенсию по инвалидности. В последнее время, как я уже говорил, он совершенно пропал из виду. Видимо, просто вообще не выходил из дома. Зато я регулярно наблюдал, как его сын тащит ему его ежедневный (или еженощный) ящик пива. Довольно симпатичный, надо заметить, мальчуган у этой жирной свиньи. Генри всегда продавал ему пиво, зная, что мальчик отнесет его отцу, а не выпьет где-нибудь с приятелями.

— Да, он напился, — ответил мальчик, — но дело вовсе не в этом. Дело в том... Дело в том, что... О, Господи, как это УЖАСНО!

Генри понял, что бедный ребенок вот-вот расплачется и добиться от него чего-нибудь более-менее вразумительного будет еще труднее.

— Карл, постой немного за меня, — бросил он отрывисто. — Хорошо?

— Конечно.

— Ну а теперь, Тимми, пойдем в кладовую и ты спокойно расскажешь мне, что там у вас стряслось, — сказал Генри и, наклонившись к мальчику, успокаивающе обнял его за плечи.

Они ушли, а Карл с важным видом зашел за стойку и встал на место Генри. За все это время никто из присутствовавших не проронил ни слова и голоса, доносившиеся из кладовой были слышны довольно хорошо — низкий зычный бас Генри и тоненький, скороговоркой, голосок Тимми Гринэдайна. Через несколько минут он сорвался на писк, и мальчик заплакал. Билл Пелхэм громко прокашлялся и принялся набивать свою трубку.

— Я не видел Ричи уже пару месяцев, — заметил я вслух.

— Не велика потеря, — хмыкнул Билл.

— В последний раз я видел его... м-м-м, где-то в конце октября, — добавил Карл. — Кажется, это было в канун дня всех святых. Он еще купил тогда ящик плитзского пива. Еле на ногах стоял. И был распухшим как никогда.

Добавить к сказанному о Ричи было практически нечего. Мальчик все еще плакал, но в то же время пытался еще что-то говорить. Тем временем ветер снаружи стал свистеть и завывать еще пуще прежнего, а по радио передали, что к утру толщина снежного покрова увеличится не менее, чем на шесть дюймов. Тогда была середина января и я очень удивлялся тому, что никто не видел Ричи аж с конца октября — за исключением, разве что, его сына.

Мы перекинулись по этому поводу еще несколькими словами и вот, наконец, Генри с мальчиком вышли из кладовой наружу. Генри заботливо снял с него шубу, а свою, наоборот, надел. Успокоившись, Тимми изредка

судорожно и глубоко вздыхал всей грудью как человек, у которого все самое страшное уже позади, но глаза его были красны от слез и когда он случайно встречался с кем-нибудь взглядом, он стыдливо опускал их себе под ноги.

Генри выглядел очень обеспокоенно.

— Я думаю, ребята, послать мальчика наверх к жене, чтобы она накормила его чем-нибудь, а двоих из вас прошу пойти вместе со мной домой к Ричи. Тимми передал мне от него деньги и сказал, что он очень хочет пива, — Генри попытался улыбнуться собственной шутке, но у него это, почему-то, не очень получилось.

— Конечно, — с готовностью отозвался Берти. — Какого пива мы отнесем ему? Давай я сбегаю.

— Харроу'з Сьюприм, — ответил Генри. — У меня как раз осталось несколько последних ящиков такого.

Я тоже поднялся со своего места. Итак, должны были пойти, по-видимому, Берти и я. У Карла в тот день было какое-то обострение артрита, а от Билли Пелхэма тоже было бы мало пользы из-за его правой руки, которая почти не двигалась.

Берти достал четыре упаковки харроуского пива по шесть банок в каждой и уложил их в одну картонную коробку, а Генри тем временем отвел мальчика на верхний этаж, где находились жилые помещения, в которых он жил с семьей.

Он передал заплаканного мальчика на попечительство своей жене и вскоре вернулся назад, оглянувшись один раз через плечо, чтобы убедиться, что не забыл прикрыть входную дверь, ведущую на второй этаж. Билли встретил его вопросом, который давно уже крутился у всех в голове:

— Ну, что же там, все-таки, у них произошло? Совсем Ричи измотал парнишку!

— Даже и не знаю, что сказать вам сейчас, — ответил Генри. — Слишком уж все странно. Могу пока показать вам кое-что. Вот. Деньги, которые передал мне Тимми от отца за пиво.

Он достал из кармана тщательно завернутые уже им самим в плотную бумагу четыре долларовых купюры, развернул их и показал нам, брезгливо поднимая каждую из них за уголок — они были вымазаны какой-то непонятной странной слизью серого цвета, которая по виду напоминала гнилостный налет на испортившихся консервах. С гримасой отвращения он положил их на угол стойки и строго наказал Карлу, чтобы тот внимательно проследил за тем, чтобы к ним никто не прикасался.

— Если хотя бы половина из того, что рассказал мальчик, правда... — тихо произнес Гарри, задумчиво глядя куда-то в пространство... И замолчал, напряженно о чем-то размышляя.

Он подошел к раковине за мясным прилавком и тщательно вымыл обе руки с мылом.

Я подошел к вешалке, надев свой бушлат, обмотался шарфом и застегнулся на все пуговицы. Ехать к Ричи на машине не имело никакого смысла — она, скорее всего, просто застряла бы в снегу. Да и дом его находился не так уж далеко от бара — вниз по Кев-стрит. В конце концов, мы не поехали, а пошли пешком просто потому, что снегоочистители еще даже и не принимались за эту улицу.

Когда мы, наконец, все оделись и совсем уж было подошли к входной двери, чтобы выйти наружу, из-за наших спин послышался голос Билла Пелхэма:

— Будьте осторожны.

Генри кивнул и поставил коробку с харроуским пивом на небольшую ручную тележку, которая стояла рядом с выходом. Укрепив ее там как следует, он еще раз кивнул, теперь уже нам, и мы все разом вышли наружу — на сильный ветер, мороз и снег.

Ветер был настолько сильным, что сразу же чуть не свалил нас с ног. Я поскорее натянул шарф на уши. Мы немного замешкались у порога, пока Берти натягивал на руки перчатки. Его лицо было сморщено и постоянно вздрагивало от какой-то боли. Могу представить себе, как он себя тогда чувствовал. Ведь мы, все трое, были тогда

совсем уже не мальчиками, которым ничего не стоит кататься целыми днями на лыжах или пол ночи носится друг за другом на дико ревущих скоростных снегоходах. Все мы были людьми уже довольно преклонного возраста и ледяной северный ветер продувал нас, казалось, до самого сердца.

— Не хочу пугать вас, парни, — начал Генри со странной и напряженной улыбкой, которой он хотел, наверное, подбодрить нас, — но, видимо, вам все равно придется увидеть все самим и поэтому я хочу рассказать вам о том, что я узнал от мальчика, пока мы будем добираться дотуда... Просто я хочу, чтобы вы знали обо всем заранее и чтобы не было никаких неожиданностей, понимаете?

Он достал из кармана и показал нам кольт 45-го калибра — этот пистолет всегда лежал у него под стойкой заряженным и готовым к применению в любую секунду еще с 1958 года. Не знаю, откуда он у него, но зато мне очень хорошо известно, что Генри на редкость хладнокровный и решительный человек. Однажды он, не моргнув глазом, одним выстрелом пристрелил из этого колта грабителя, ворвавшегося к нему в бар. Прodelал он это настолько спокойно и профессионально, что можно было подумать, что он занимается этим всю жизнь. От полученной пули, которая проделала в нем дыру чуть-ли не с кулак величиной, парень крутанулся как юла и замертво вылетел за дверь. Генри при этом даже бровью не повел. Хладнокровный он человек, это уж точно. Я видел однажды, как он расправился с одним не в меру наглым студентом, который довольно неучтиво поторопил его со сдачей. Не говоря ни слова, Генри просто вышел из-за стойки, взял его своей мощной клешней за шиворот, повернул к двери и вышиб на улицу мощным пинком под зад, после чего спокойно вернулся назад и принялся с невозмутимым видом, как ни в чем не бывало, протирать стаканы.

Так вот, как я уже сказал, Генри хотел ввести нас с Берти в курс дела, да нам и самим не терпелось поскорее узнать, что к чему.

Итак, мы с трудом пробивались через сугробы, а ветер нещадно трепал нас как трех бедолажных прачек, вынужденных выходить на работу в любую погоду. Генри убрал, наконец, свой пистолет обратно в карман и, перекрикивая завывающий ветер, пытался передать нам то, о чем рассказал ему мальчик. Почти половину его слов, несмотря на зычный голос, сносило ветром в сторону, но даже того, что достигало наших ушей, нам было вполне достаточно — даже больше, чем хотелось бы услышать.

По словам мальчика, первопричиной всего, что случилось, было пиво. Знаете, иногда попадаютсЯ банки с испортившимся, несмотря на недавнюю дату изготовления, пивом. Такое пиво бывает обычно выдохшимся и имеет резкий зловонный запах, напоминающий вонь от заношенного и залежавшегося грязного нижнего белья. Происходит это обычно из-за того, что иногда в банках появляются крошечные, просто микроскопические отверстия, через которые внутрь них проникают какие-то особые бактерии. Размеры этих дырочек недостаточно велики для того, чтобы пиво вытекло наружу, но, однако, вполне достаточны для того, чтобы эти бактерии, проникнув внутрь, стали причиной недоброкачественного брожения, скисания и разложения пива.

Так вот, однажды Тимми принес своему папаше целый ящик пива «Голден лайт», не зная о том, что практически все, по-видимому, банки в этом ящике, были подвержены действию именно таких злокачественных бактерий. Мальчик уселся за уроки, а Ричи размеренно, банка за банкой, поглощал принесенное пиво, вливая его в себя как в бездонную бочку.

Через некоторое время парнишка, закончив приготовление уроков на следующий школьный день, уже соби-рался идти спать, как вдруг услышал рассерженный голос отца:

— Черт побери, не может быть!

— Что случилось, папа?! — испуганно спросил Тимми, чувствуя неладное.

— Да это пиво, что ты принес! — рыкнул Ричи. — Ни разу в жизни не пил ничего более мерзкого!

Любой здравомыслящий человек сразу же задаст удивленный вопрос: «Зачем же он пил это пиво, если оно было таким отвратительным на вкус?» Но удивительно это только для тех, кто не знает, как Ричи Гринэдайн пьет пиво. Однажды я был свидетелем того, как один такой же вот несведущий матрос из Монпельера поспорил с ним на двадцать долларов, наивно утверждая, что Ричи не сможет выпить залпом двадцать пол-литровых бутылок пива, делая между каждой паузу не более, чем в семь секунд. Своих денег он, конечно, лишился, да еще за пиво пришлось платить. Так что, я думаю, что Ричи влил в себя не одну и не две, а гораздо больше банок того отвратительного пива, прежде чем до него дошло, в чем дело.

— Меня сейчас вырвет, — простонал Ричи и его вывернуло прямо на пол, после чего он схватился за голову и шатающейся походкой скрылся за дверью своей комнаты. В этот день на этом все закончилось.

Тимми подошел к валявшимся на полу пустым банкам из-под пива и осторожно понюхал их. Запах, по его словам, был просто жутким. Это был настоящий трупный запах, а на внутренних стенках банок он увидел отвратительный и довольно толстый налет какой-то непонятной слизи серого цвета. С перепугу или нет, но Тимми показалось, что этот налет едва заметно шевелится...

Пару дней спустя Тимми, вернувшись из школы, застал отца неподвижно сидящим перед телевизором и угрюмо смотрящим какую-то слепополуденную мыльную оперу.

Тимми показалось подозрительным то, что отец даже не повернул голову, услышав, как он хлопнул дверью.

— Что-нибудь случилось, папа?

— Нет, — мрачно ответил Ричи каким-то не своим голосом. — Просто сижу и смотрю телевизор. Похоже, я уже никуда не пойду сегодня — что-то неважно себя чувствую.

Тимми включил свет и тут же услышал резкий окрик отца:

— Какого черта! Немедленно выключи этот проклятый свет!

Тимми, конечно, сразу же его выключил, не спрашивая, как же он будет учить уроки в темноте. Когда Ричи был не в настроении, его вообще лучше было ни о чем не спрашивать и обходить стороной.

— И сходи купи мне ящик пива, — буркнул Ричи, не поворачивая головы. — Деньги на столе.

Когда парнишка вернулся с пивом, уже опустились сумерки, а в комнате было и подавно темно. Телевизор был выключен. Не было видно почти ничего кроме едва угадывавшегося на фоне окна кресла с грузно сидящим в нем, подобно каменной глыбе, отцом.

Мальчик, зная о том, что отец не любит слишком холодного пива, поставил его не в холодильник, а на стол. Оказавшись таким образом поближе к креслу, в котором он сидел, Тимми почувствовал странный запах гниения. Запах этот был похожим на тот, как если бы он исходил от оставленного на несколько дней открытым и покрывающегося липкой зловонной плесенью сыра. Мальчику было хорошо известно, что отец его никогда не отличался особенной чистоплотностью, но даже учитывая это, запах был слишком резким, сильным и необычным. Тимми показалось это странным, но он, все же, ушел в свою комнату, запер дверь и принялся учить уроки, а некоторое время спустя услышал, как телевизор заработал снова и как чавкнула первая за этот вечер открываемая отцом банка пива.

Все то же самое повторялось каждый день в течение двух недель или около того. Утром мальчик просыпался, шел в школу, а когда возвращался обратно, заставлял сидящего в неизменной позе перед телевизором отца, а на столе его уже ждали деньги, на которые он должен был купить ему пива.

Зловоние в их доме становилось тем временем все более и более отвратительным. Ричи никогда не провет-

ривал комнат, не позволяя сыну даже раздвинуть шторы, не говоря уже о том, чтобы приоткрыть хотя бы одну форточку. У него началось что-то вроде светобоязни и с каждым днем он становился все раздражительнее и раздражительнее. Где-то в середине ноября он вдруг заявил, что ему режет глаза свет, выбивающийся из-под щели комнаты Тимми, когда он учил там уроки. Заниматься дома Тимми уже не мог и после занятий в школе, купив отцу пива, ему приходилось идти заниматься домой к своему другу.

Вернувшись однажды из школы, было уже около четырех часов дня и начинало смеркаться. Тимми вдруг услышал сильно изменившийся голос отца: «Включи свет».

Мальчик включил свет и увидел, что Ричи сидит в кресле, с ног до головы завернувшись в шерстяное одеяло.

«Смотри», — сказал Ричи и вытащил одну руку из под одеяла.

Рукой, однако, назвать это было очень трудно.

«ЭТО БЫЛО ЧТО-ТО СЕРОЕ», — единственное, что мог сообщить мальчик Генри срывающимся от страха и слез голосом, — «ЭТО БЫЛО СОВСЕМ НЕ ПОХОЖЕ НА РУКУ — КАКАЯ-ТО СПЛОШНАЯ ОПУХОЛЬ, СЕРАЯ И СКОЛЬЗКАЯ».

Судя по рассказу мальчика, Ричи начал как бы заживо разлагаться.

Тимми, конечно, был насмерть перепуган, но, все-таки, нашел в себе силы, чтобы спросить: «Папа, что с тобой случилось?» .

«Я не знаю», — ответил Ричи, — «но мне совсем не больно. Скорее, даже... приятно».

«Я схожу за доктором Уэстфэйлом», — сказал Тимми и бросился к выходу.

Услышав эти слова, Ричи дико задрожал под покрывавшим его одеялом всем телом и выкрикнул булькающим голосом: «Не смей! Остановись! Если ты сделаешь еще хоть один шаг, я прикоснусь к тебе и с тобой случится

то же самое, что и со мной!» С этими словами он сдернул одеяло с головы.

К этому моменту рассказа мы уже были на перекрестке улиц Харлоу и Кев-стрит. Мне показалось, что с тех пор, как мы вышли от Генри, мороз стал еще сильнее. Но холоднее всего было от мурашек, которые волнами пробегали по моему телу от того, что рассказывал нам Генри. Поверить в то, о чем он нам говорил, было очень трудно, но кто знает, в жизни ведь случается всякое...

Я был, например, знаком с одним парнем по имени Джордж Кеслоу. Он был рабочим в бэнгорском департаменте коммунальных услуг и занимался ремонтом канализационных труб и подземных электрических кабелей вот уже пятнадцать лет к тому моменту, о котором я сейчас рассказываю. Однажды, всего за два года до его выхода на пенсию, с Джорджем произошел какой-то странный случай, миг изменивший всю его жизнь. Одним из тех, кто хорошо знал его и был последним, кто видел его в нормальном состоянии, был Фрэнки Холдэмен. Фрэнки рассказывал, как Джордж спустился однажды в канализационный люк в Эссексе и ушел довольно далеко по канализационным коммуникациям в поисках какой-то вышедшей из строя трубы, которая требовала ремонта. Вернулся он бегом минут через пятнадцать. Волосы его за это время стали совершенно седыми, а застывшее мертвенной маской выражение лица и глаз — таким, как будто он только что побывал в аду. Едва появившись наружу, он, ни слова не говоря, отправился в контору департамента, получив расчет, а оттуда — прямиком в пивную. С тех пор его никто не видел трезвым ни минуты, а через два года он скончался от алкоголизма. Фрэнки рассказывал, что несколько раз пытался расспросить Джорджа о том, что же случилось с ним тогда, но каждый раз бесполезно — Джордж постоянно находился в сильном пьяном угаре и всегда был отрешенно-молчалив. Лишь один раз, немного придя в себя, он кое-что рассказывал ему. О гигантском пауке, например, размером с

крупную собаку и об его огромной паутине из прочных шелковистых нитей, полной запутавшихся в ней и погибших котят... Что ж, это может быть и плодом больного воображения спивающегося человека, изнуренного белой горячкой, а может быть и правдой. Одно я знаю точно — в разных частях земного шара нет-нет да и случаются, все-таки, такие невообразимые вещи, что если человек становится их очевидцем — он запросто может спятить, что и произошло, по-видимому, с Джорджем.

С минуту мы простояли на перекрестке этих двух улиц, решив немного передохнуть и собраться с силами. Ветер был настолько сильным, что мы едва держались на ногах.

— Так что же увидел мальчик, — нарушил, наконец, молчание Берти.

— Говорит, что увидел лицо отца, — ответил Генри, — но все оно было покрыто какой-то мертвенной студенистой массой серого цвета... за ней совершенно не было видно кожи. Он сказал, что этой отвратительной массой была насквозь пропитана вся его одежда, как будто она выросла в его тело...

— Боже милостивый! — перекрестился Берти.

— После этого он снова с головой закутался в одеяло и стал кричать на Тимми, чтобы тот поскорее выключил свет.

— Ну и поганы! — воскликнул я.

— Да уж, — согласился Генри. — Приятного мало.

— Ты бы держал свой пистолет наготове, — посоветовал Берти.

— Разумеется, я его для этого и взял.

Тут мы снова двинулись дальше — вверх по Кев-стрит. Дом, в котором жил Ричи Гринэдайн, находился почти на самой вершине холма. Это был один из тех огромных викторианских монстров, которые были построены разными там баронами еще на рубеже двух столетий. Многие из них превратились в наше время в обычные многоквартирные меблированные дома. Берти, задыхаясь от хлеставшего в его легкие через открытый рот морозного

ветра, сообщил нам, что Ричи живет на верхнем, третьем этаже и показал на окна под самым скатом крыши, нависавшим над ними подобно брови человеческого глаза. А я напомнил Ричи о том, что он не дорассказал нам о том, что же случилось с мальчиком после этого.

— Вернувшись однажды из школы где-то на третьей неделе ноября, он обнаружил, что Ричи было уже, оказывается, мало того, что он закупорил все окна и задернул все шторы. Он пошел дальше — теперь он уже занавесил все окна плотными шерстяными одеялами, крепко прибив их к рамам гвоздями. Зловоние, и без того очень сильное, стало теперь едва выносимым. Оно напоминало теперь резкий смрад от гниющих в большом количестве фруктов, начавших уже выделять ядовитые ферменты брожения.

Где-то через неделю после этого Ричи приказал мальчику подогревать ему пиво на плите. Представляете? Маленький мальчик один на один в доме со своим отцом, который на глазах у него превращается в... превращается в нечто... трудно поддающееся описанию... Греет ему пиво и вынужден слушать потом, как это страшилище вливает его в себя с отвратительным хлюпанием и шамканьем. Представляете?

Так продолжалось вплоть до сегодняшнего дня, когда детей отпустили из школы пораньше из-за надвигающегося снежного бурана.

Мальчик сказал мне, что из школы он пошел сразу домой. Света в верхнем этаже не было вообще — не потому, что его не было видно с улицы из-за прибитых к окнам одеял, а потому, что его не было вовсе и внутри тоже. Каждый раз, когда он приносил и нагревал отцу пиво, ему приходилось действовать наощупь. И так же наощупь он, наконец, пробирался потом к своей комнатке и поспешно юркал в дверь.

В этот раз он услышал, как по комнате что-то движется и подумал, вдруг, о том, чем же занимается его отец целыми днями и неделями. Он вспомнил, что за последний месяц не видел отца нигде, кроме как в кресле, а за

последнюю неделю не видел его и вовсе, так как не было видно вообще ничего. А ведь человеку нужно когда-нибудь спать, да и просто справлять естественные потребности организма.

Уходя сегодня из дома, Тимми оставил главную входную дверь незапертой. Ту, что с замазанным глазком — специально для нас. Засов, держащий ее изнутри, задвинут лишь немного — ровно настолько, чтобы, слегка подергав за дверь, мы смогли спокойно войти вовнутрь, не привлекая ничьего внимания, — сказал Генри.

К этому моменту мы как раз уже подошли к парадному подъезду дома и стояли теперь как раз перед той дверью, о которой только что говорил Генри. Дом возвышался над нами как огромная черная скала и напоминал страшное уродливое лицо. Даже не лицо, а человечески череп. Два окна на верхнем этаже выглядели как две безжизненные черные глазницы. Совершенно черные и, казалось, бездонные.

Тем временем Генри продолжал свой рассказ, решив, видимо, непременно закончить его, прежде чем мы войдем в дом:

— Только через минуту глаза его привыкли к темноте, и он, к своему ужасу, смог увидеть какую-то огромную серую глыбу, отдаленно напоминающую своими очертаниями человеческое тело. Это нечто ползло по полу, оставляя за собой скользкий серый след. Это почти бесформенная отвратительная куча подползла к стене и из нее показался какой-то выступ, напоминающий человеческую руку или что-то вроде человеческой руки. Эта рука оторвала от стены доску, за которой было что-то вроде тайника, и вытащила оттуда кошку. — тут Генри сделал небольшую паузу.

И я и Берти пританцовывали на месте от холода и с силой хлопали ладонями одна об другую, чтобы хоть как-то согреться, но ни один из нас не испытывал особенно сильного желания войти вовнутрь.

— Это была дохлая кошка, — продолжил Генри. — Дохлая разлагающаяся кошка. Она была совершенно

окоченевшая и раздутая от гниения... Почти вся она была покрыта мелкими белыми кишашими червями...

— Хватит, Генри! — взмолился Берти. — Ради Бога, перестань пожалуйста!

— Он вытащил ее и съел на глазах у мальчика...

От этих слов меня сразу же чуть не вырвало и мне стоило больших усилий сдержать рвотный спазм.

— Вот тогда-то Тимми как раз и убежал, — мягко закончил Генри.

— Я думаю, что не смогу подняться туда, — слышался голос Берти.

Генри ничего не сказал на это, только пристально посмотрел на него, на меня и снова на него.

— Думая, что нам, все-таки стоит подняться, — наконец, проговорил он. — В конце концов, мы просто должны занести Ричи его пиво, за которое он уже заплатил.

Берти замолчал, и все мы медленно поднялись по ступеням к парадной двери и, как только мы открыли ее, в нос нам ударил сильный запах гниения.

Вы никогда не бывали, случайно, жарким летним днем на овощехранилище, где сгнила большая партия яблок? Запах, могу вас уверить, не из приятных — очень тяжелый и резкий, буквально обжигает слизистую носа. Так вот здесь было еще хуже, только здесь это был не совсем запах гниения — это был запах разложения, который невозможно перепутать ни с чем другим — так называемый трупный запах.

В холле первого этажа был только один источник света — слабенькая, едва горящая лампочка на стене, которая еле-еле освещала лестницу, ведущую наверх, в зловещую темноту.

Генри поставил свою тележку у стены и достал из нее коробку с пивом, а я попробовал нажать на выключатель у лестницы, чтобы включить освещение второго этажа, как я и думал, у меня из этого ничего не вышло.

— Давай-ка лучше я понесу пиво, — слышался дрожащий голос Берти, — а ты лучше приготовь-ка свой пистолет.

Генри не возражал. Он вытащил его из кармана, снял с предохранителя, и мы медленно двинулись вверх по лестнице — впереди Генри, за ним — я, сзади нес коробку с пивом Берти. Поднявшись на второй этаж, мы почувствовали, что запах, и без того не из самых приятных, стал еще более отвратительным и сильным. Это был уже не запах, а настоящее зловоние.

Я вспомнил, как однажды, когда я жил одно время в Леванте, у меня была собака по кличке Рекс. Довольно безмозглый был пес и всегда очень неосторожно переходил дорогу. Однажды, когда я был на службе, он попал-таки под машину и целый день, умирая, пролежал на обочине дороги с вывернутыми наружу кишками. А погода стояла очень жаркая. Боже, что за запах был от них, когда я, возвращаясь вечером домой, увидел бедного Рекса! Он разлагался буквально заживо! Спасти его было уже невозможно и мне оставалось только одно — прикончить его и избавить этим его от мучений. Сейчас запах был почти таким же, только намного сильнее — запах разлагающегося мяса, пораженного личинками мух, грязный, отвратительный запах тухлятины.

— Господи, как же соседи все это терпят? — пораженно воскликнул я.

— Какие соседи? — странно улыбнувшись, обернулся ко мне Генри и указал кивком головы на толстый покров пыли, равномерно лежащий решительно на всем вокруг.

— Кто, интересно, владелец этого дома, — поинтересовался Берти, поставив коробку с пивом на стойку перил на конце лестничного пролета и переводя дыхание. — Гэйтью, кажется? Странно, как он до сих пор не выселил отсюда этого вонючку?

— Кто его выселит, инвалида? — усмехнулся над ним Генри. — Ты, что ли?

Берти промолчал.

Мы двинулись, наконец, по третьему пролету — самому узкому и крутому из всех. Здесь было намного теплее, чем внизу. Где-то громко шипела и булькала батарея

парового отопления. Смерд здесь был настолько ужасным, что от него все переворачивалось внутри.

На третьем этаже был небольшой коридор, в конце которого виднелась дверь с глазком — дверь Ричи Гринэдайна...

Берти тихо вскрикнул и прошептал:

— Смотрите-ка, что это у нас под ногами?

Я посмотрел на пол и увидел небольшие лужицы какого-то непонятного слизистого и вязкого вещества. Пол был застлан ковром, но в тех местах, где были лужи, он был ими полностью съеден до самого пола.

Генри шагнул в сторону двери, и мы двинулись вслед за ним. Не видел, чем в тот момент занимался Берти, я же тщательно вытирал подошвы ботинок об чистые участки ковра. Генри вел себя очень решительно. Он поднял пистолет и громко постучал его рукояткой в дверь.

— Ричи! — крикнул и по его голосу никак нельзя было сказать, что он чего-нибудь боится, хотя лицо его было смертельно бледным. — Это я, Генри Памэли из НОЧНОЙ СОВЫ. Принес тебе пиво.

Никакой реакции из-за двери не было, наверное, целую минуту. И вдруг раздался голос:

— Где Тимми? Где мой мальчишка?

Услышав этот голос, я чуть не убежал от страха. Это был совершенно нечеловеческий голос. Это был какой-то странный низкий булькающий звук, похожий на то, как если бы кто-то с трудом произносил слова, забив себе рот полу-жидким жиром.

— Он в моем магазине, — ответил Генри. — Я оставил его там, чтобы жена хоть покормила его по-нормальному. Ведь он отощал у тебя как бездомная кошка.

За дверью опять воцарилась тишина и через минуту-другую послышались ужасные хлюпающие звуки, как будто бы кто-то шел в резиновых сапогах по вязкой слякоти. И вдруг этот страшный голос послышался прямо по другую сторону двери.

— Приоткрой немного дверь и поставь пиво у порога, — пробубльнул голос. — Потяни за ручку сам — я не могу этого сделать.

— Одну минутку, Ричи, ты можешь сказать, что с тобой случилось? — спросил Генри.

— Не будем об этом, — резко ответил голос и в нем послышалась злобная угроза. — Просто приоткрой дверь, втолкни мне сюда пиво и уходи!

— Слушай, Ричи, а может, тебе еще дохлых кошек принести? — спросил, нервно улыбаясь Генри, но голос его был не особенно веселым. Дуло пистолета смотрело теперь не вверх, а прямо на дверь.

Неожиданно в моей памяти всплыли три события, взволновавшие недавно всю округу. О том же самом, наверное, подумали в тот момент и оба мои спутника. Недавно, как раз в течение трех последних недель, в нашем городке бесследно пропали три молоденькие девушки и какой-то пожилой служащий Армии спасения. Их исчезновение было покрыто мраком тайны — никто, включая их ближайших родственников и друзей, ничего не слышал о том, что они собирались куда-нибудь уезжать, и никто не имел ни малейшего представления о том, где они могут находиться. Все поиски их были безрезультатны... От этих мрачных мыслей смрад разложения сразу как бы удвоился.

— Поставь пиво у двери и проваливай отсюда или я сейчас сам выйду за ним! — угрожающе пробубльнуло из-за двери.

Генри сделал нам знак, чтобы мы отошли назад, что мы и не замедлили сделать.

— И правда, Ричи, выходи-ка лучше сам, — с вызовом произнес Генри и напряженно вытянул обе руки с крепко зажатым в них пистолетом прямо на дверь, приготовившись выстрелить в любой момент.

На некоторое время все стихло опять, и я уже было подумал, что на этом все и закончится. Вдруг дверь с треском распахнулась. Удар, нанесенный по ней с той стороны, едва не сорвал ее с петель и не расколол

пополам. Дверь выгнулась, с силой ударилась в стену и... на пороге появился Ричи.

Уже через секунду, буквально через секунду мы с Берти, ополоумевшие от страха, кубарем скатились с лестницы, как перепуганные школьники, и стремглав вылетели на улицу, спотыкаясь и поскальзываясь в сугробах.

Не оборачиваясь, мы услышали, что Генри быстро выстрелил три раза подряд. Выстрелы отдались глухим эхом в стенах пустого дома и затихли.

То, что я увидел за мгновение до того, как рвануть наутек, я не забуду никогда в жизни... Это была какая-то огромная колышащаяся желеобразная волна серого цвета, имеющая смутные очертания человеческого тела и оставляющая за собой такой же отвратительный скользкий след.

За эти считанные доли секунды, которые, казалось, растянулись на несколько минут, я успел разглядеть и кое-что другое, не менее ужасное. Это были глаза этого чудовища — ярко-желтые, горящие дикой злобой. В них не было ничего человеческого! И было их... четыре, а не два. Четыре бесформенные глазницы в омерзительных нависающих на них разлагающихся складках. Начиная от шеи вдоль груди и живота до самой промежности шла страшная глубокая щель с проглядывавшими из нее ярко-красными и розовыми пульсирующими тканями, еще почти нетронутыми разложением.

Вы понимаете?.. Это чудовище, подобно простейшим одноклеточным организмам, делилось на две части... Их должно было стать двое... Не знаю, помешал Генри этому дьявольскому процессу или нет.

Всю дорогу до бара мы пробежали сломя голову и не сказав друг другу ни слова. От только что увиденного и пережитого в голове у меня стоял один сплошной туман. Не знаю, о чем думал тогда Берти, зато знаю, о чем думал я — о таблице умножения: дважды два — четыре, дважды четыре — восемь, дважды восемь — шестнадцать, дважды шестнадцать —...

Как мы добежали до бара — не помню. Помню только, что добежали на одном дыхании. Навстречу нам выскочили Карл и Билл Пелхэм и тут же засыпали нас вопросами. Ни один из нас не промолвил ни слова. Остановившись, наконец, мы обернулись назад, надеясь увидеть догоняющего нас Генри. Но Генри не было. Обоих нас била крупная дрожь. Мы вошли внутрь и тяжело опустились за столик. Перед нами сразу же поставили пиво. За этим столиком мы сидим и до сих пор. Я досчитал уже до 2×32768 и жду, что вот-вот наступит конец света... если не вернется, все-таки Генри.

Надеюсь, он вернется. Конечно, он вернется...

Содержание

ЛАНГОЛЬЕРЫ	6
Перевод Д.Згерского	
ТУМАН	284
НЕЧТО СЕРОЕ	410
Перевод А.Мясникова	

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг
ЛАНГОЛЬЕРЫ

Выпуск 6

Сдано в набор 02.12.92. Подписано в печать 25.01.93.
Формат 60×88^{1/16}. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п. л. Печать офсетная. Тираж 115 000 экз.
Заказ 1131.

Издательство «Кэдмэн» 140160 г. Жуковский М. О. а/я 21.
Издание осуществлено совместно
с издательской фирмой «Татьяна»

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

АВИАБАНК

AVIABANK

*Акционерный коммерческий банк «АВИАБАНК»
создан в форме открытого акционерного общества
с Уставным Фондом 300 миллионов рублей*

*Акционерами банка могут быть
любые юридические и физические лица,
в том числе иностранные,
на добровольной основе
путем приобретения его акций*

УСЛУГИ

ВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ

КРЕДИТЫ

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДЕПОЗИТЫ

ФАКТОРИНГ

ЛИЗИНГ

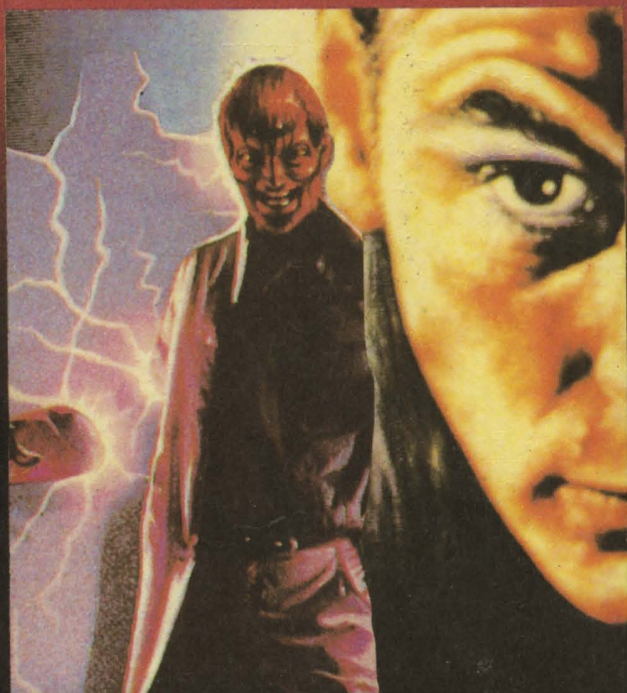
ЧАСТНЫЕ ВКЛАДЫ

и др.

101849 Москва, Центр,
Уланский переулок, 16
Тел. 207-58-56, 207-68-24
Факс 207-04-67

Жуковский филиал
«АВИАБАНКА»
140160 г. Жуковский М.О.,
ул. Фрунзе, 17
Тел. 556-31-97, 556-44-19
Факс 556-54-87

СТИВЕН КИНГ

**В следующем томе
любители остросюжетной
мистики смогут
познакомиться с романом
Стивена Кинга
«Худеющий».**